

Annotation

Возможно герой нашёл наконец учителя, которого ему так не хватало с того дня, как он взял в руки наставление по закалке меридианов. Вот только неясно, а не поздно ли? Уж очень герой привык быть один. Да и чему хорошему может научить героя такой учитель как Седой? И что сможет понять такой ученик, как Леград?

*

Осознание. Пятый пояс

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Эпилог

*

Осознание. Пятый пояс

Спасибо читатели, что вместе со мной перебрались в новую книгу. Это значит, что герой и его история вам нравятся. Несмотря на все их недостатки. Я рад. Довести эту историю до конца одному было бы невозможно. Спасибо вам за поддержку. Покупка электронной книги — это ваш вклад в творчество автора.

Если вы хотите, чтобы история продолжалась, то жду вас на портале Автортудей:

<https://author.today/u/id54937541/works>

Четырнадцатая книга цикла Путь. Первая книга здесь:

<https://author.today/reader/28530/218269>

— Так, малец, сейчас забиваемся поглубже, переживаем Бедствие, а затем двигаем в ту сторону.

Я проследил, куда Седой тыкает пальцем, и изумился:

— Город Ян там.

Ткнул для надёжности рукой сам, указывая едва ли не в противоположном направлении. Ткнул раньше, чем сообразил, что ошибиться, учитывая валы тел големов, ну никак нельзя.

— Кому он нужен, — отмахнулся Седой. — Забудь. Сейчас важно как можно быстрее добраться до пары-тройки орденцев.

— Кому важно?

— Мне, — ожидаемо ответил Седой, но тут же заставил меня подавиться уже подготовленной фразой. — Тебе.

— Да с чего бы?

— Твой талант, малец, — ткнул теперь уже в меня пальцем Седой и повторил. — Твой талант.

Я вскинул брови:

— Не ты ли, Седой, совсем недавно поддевал меня байкой про то, что таких талантов даже в ворах полно.

— Это не байка, мастеров Указов у теневиков действительно полно, но та история, она какое отношение к тебе имеет?

— В смысле какое? — я изумился в очередной раз. — Я мастер Указов!

Седой скривился:

— Давай не будем вот это всё. Нас с тобой связывают узы Ордена, давай обойдёмся без лишней лжи, она разрушает отношения.

— Как можно разрушить то, чего нет, Седой? Я не связан с тобой никакими узами Ордена!

Седой медленно растянул губы в улыбке и так же неспешно поддел меня:

— Ты злишься, нервничаешь и начал совершать ошибки, малец. Когда я только с тобой столкнулся, ты был более скользким и изворотливым, сейчас же дал прямой ответ, ответ, в котором я ощущаю ложь.

Я выругался. Про себя. И ведь даже возразить нечего. Постарался взять себя в руки, тоже натянул на лицо улыбку, не стал ничего возражать или пытаться оправдаться, вместо этого напал сам:

— Так, значит, ты оставил мысли о мести Ян?

— Это сейчас действительно неважно. Сейчас важен только ты, малец.

Я нарочно пропустил его слова мимо ушей. Изворотливый и скользкий? Хорошо. Повторил это вслух:

— Хорошо. Значит, о деньгах, техниках и этих, кого ты ещё обещал, женщинах, да? О них можно забыть?

— Почему? С твоим талантом Орден ждёт светлое будущее. Техники, деньги, женщины? Всего этого у тебя, малец, будет в избытке.

Меня перекосило.

— Золотая клетка? Да ты знаешь, что я...

— Золотая клетка? — перебил меня Седой, а его улыбка в одно мгновение изменилась. Неприятно изменилась. — Вот уж чего можешь не бояться. Ты — боевой мастер Указов, забыл? Тебе придётся пройти по краю смерти. Не раз, не два и даже не сто раз.

Я хлопнул глазами, затем ещё и ещё, осторожно переспросил:

— Седой, это вот так ты сейчас пытаешься убедить меня, что я должен пойти с тобой в твой Орден? У тебя очень плохо выходит. Очень. В городе Ян тебя бы никто не поставил вербовщиком у портала.

Седой прищурился:

— Брат Гал... Неужто тебе не рассказали, малец, чем важен твой талант и что ты можешь,

вернее, должен сделать?

А вот это уже было интересно. Ни Клатир, ни Виостий ни разу так и не сказали мне, чего от меня хотят. Разве что Клатир ожидал от меня какой-то там помощи, когда я поднимусь выше в Возвышении. Да и то, это всё, что я понял из того рассказа. Даже когда безымянный Страж отправлял меня прочь из Второго пояса, он так и не сказал, почему я не должен попадаться в руки других Стражей. Хорошо не убил, чтобы раз и навсегда решить этот вопрос.

Но сейчас... Неужели сейчас я действительно узнаю, для чего Стражи так заботились обо мне?

Я медленно, осторожно, словно боясь спугнуть Седого, признался:

— Не рассказали, — и тут же забросил приманку. — Но ты же расскажешь?

Седой ухмыльнулся, огляделся, сделал шаг в сторону и сел на тушу одного из големов. Тех, что были даже побольше тех, на которых сдался Браут, прибежали в конце и сейчас только-только начали трескаться, расходясь трещинами.

Я повторил за ним.

Огляделся.

Несколько валов из каменных тел големов.

Бредущий от голема к голему Призрак.

Стонущий Браут.

Пески. Солнце. Небо. Пустота от горизонта до горизонта.

Отличное время и место для такого разговора по душам.

Я сел напротив Седого. Прямо на песок, подогнув под себя ноги и словно собираясь замереть в медитации.

Силу я в себя и правда потянул, но сам внимательно уставился глаза в глаза Седому, готовясь не пропустить ни слова.

Седой же молчал, отвечая мне таким же пристальным взглядом.

Но я много чего умел делать, например, терпеливо ждать, и Седой сдался первым.

— Расскажу. У каждой профессии много граней, малец. По сути, это талант, которого у человека может быть больше или меньше. Один кузнец выкует отличный гвоздь, но меч из-под его молота никогда не будет идеально лежать в руке, пусть даже кузнец потратит на выковывание мечей всю свою жизнь. Он сумеет раз за разом создавать хороший меч для

рядового бойца, не более. Никогда за его мечи не будут сражаться на аукционах.

Мне было интересно, почему он выбрал для примера именно кузнеца, но я молчал, слушал. Случайность, не более, уверен в этом.

— Но даже профессии делятся на низкие и высокие и у высоких ещё больше отличий. Возьмём алхимиков. Один алхимик всю жизнь будет зарабатывать, создавая дешёвое зелье по рецепту и никогда не сумеет замахнуться на большее, только материалы зря переведёт. Другой споткнётся на сложном зелье раз, второй, десятый, а затем с трудом, но создаст его. Третий же... Третий же создаст то же самое зелье походя, не заметив его сложности, а затем повторит это и с другим рецептом. Намёк ясен, малец?

— Мне бы хотелось не намёка, их я наелся за свою жизнь до отвращения, говори прямо, Седой, и не про алхимиков, а про меня.

— И ты отправишься со мной в Орден?

— Вот так сразу, польстившись короткой байкой, место которой в таверне, между глотками отвара? Разумеется, нет.

— Ладно, — процедил Седой. — Ладно. Одними высокими профессиями не исчерпываются. Есть ещё и Первые, из которых, в общем-то, и пошли все другие. Массивы и Указы, — Седой хлопнул сначала себя по груди, выбив пыль из халата, затем по голему под своей задницей. — Воздействие на живое и мёртвое. По сути, каждый из идущих обладает какими-то крохами этих двух исходных талантов. И уже от соотношения этих крох и становится ясен его предел и склонность. Одному, которому досталась только кроха Массивов, не подняться выше гончара. Другому же, которому досталась полная мера Массивов, когда-то удалось придумать Пути Древних.

Седой опустил руку на кiset и на несколько вдохов замолчал, обратившись в статую. Только ветер шевелил рукава его халата, да развевал волосы, растрепавшиеся во время сражения. Но вот Седой шевельнулся, в его руке возник кувшин, из которого он тут же сделал несколько больших глотков, выдохнул:

— Неплохо. Хоть с этим мне повезло, — протянул его мне. — Будешь?

Я потянул воздух носом, уловил запах вина и покачал головой. Из кольца достал похожий кувшин, но с соком из яблок и гледичии, тоже освежился.

Седой дождался, когда я вытру губы и продолжил:

— Теперь поговорим о тебе. Вторая из Первых профессий. Указы. Та, что клеймит саму душу идущего. На крохах таланта это способность ощущать врут или правду тебе говорят, — Седой коснулся кувшином груди, указывая себя. — Или же, что ближе к тебе — Убивающие взглядом, когда, дополнив кроху таланта сжатой до предела духовной силой и стихией, идущие могут убивать более слабых противников.

Гранитный генерал.

Передо мной отчётливо, словно это было вчера, мелькнула сцена в Павильоне Школы, когда Гранитный генерал убил муравья на своём пальце. Вот, значит, как.

— Если дано ещё чуть больше таланта, да ещё и смешанного с крохой таланта в Массивах, то такие идущие становятся артефакторами, делают свитки контрактов или флаги Кражи. Обычного же мастера Указов считают тем, кому мера Первого таланта досталась целиком. Но...

Седой глядел на меня немигающим взглядом, но я снова выдержал этот взгляд и не стал продолжать его фразу. Ему пришлось сделать это самому.

— Но это снова неверно. Мастера Указов, как и мастера любых других профессий, тоже отличаются мерой таланта. Чем мастер Указов отличается от алхимика? Да ничем. Как один может быть неумехой, который едва осиливает одну печать в день, так и другой может делать лишь одно зелье. Один может быть гением, который замечает недостатки в рецептах, проверенных десятилетиями и поколениями алхимиков, так и другой может быть гением Указов и воровать их. И если предельный талант в Массивах может оживить давно погасший переход Пути, то предельный талант в Указах... Может убивать всех вокруг. Тебе не нужно создавать множество печатей, множа их наработанным навыком для каждого врага, ты можешь создавать одну огромную печать, накрывающую всё вокруг себя.

Седой снова начал отпивать из кувшина. Делать мелкие глотки, щурясь, глядеть на далёкую горную гряду по правую руку, которая была с трудом различима в дымке. Прошло десять вдохов, пятьдесят, сто вдохов. Эта тишина начала меня злить, я ведь только начал узнавать правду, и всё же решил пойти навстречу Седому, первым нарушил молчание, задав вопрос:

— Так почему с моим талантом Орден ждёт большое будущее?

Вместо ответа Седой сам задал вопрос:

— Я слышал от тебя ругательство. Дарс, верно? — не дожидаясь моего ответа Седой хмыкнул. — Возможно, я действительно неправ и брат Галум не был твоим учителем. Пару раз я слышал такое ругательство, это ругательство пришло из Нулевого круга. Я что-то не припомню, чтобы у нас в Ордене кто-то использовал его, а тебе оно явно запало в душу, малец. К тому же я рассказывал тебе про таланты, намереваясь шаг за шагом доказать, что не стоит отрицать очевидное, но так и не дождался от тебя того, чего ждал. Ты меня не понял, верно, малец? Не понял, к чему я веду, не понял, на что я намекаю. Ты, вообще, очень мало знаешь о Пятом и Шестом поясе, несмотря на то, что всем сообщил, будто прибыл из Штормового Плоскогорья.

Некоторое время мы бодались взглядами с Седым. Я лично в который раз жалел, что не могу повесить на него печать. Он кого угодно выведет из себя и заставит нарушить свои же клятвы и решения.

Седой же погладил бороду, глотнул, запрокидывая кувшин. С сожалением отшвырнул его за плечо и буркнул:

— Я пока не могу понять, как это возможно. Будь ты родом из Нулевого и вырвись налогом в Империю, ты не мог миновать Шестой и его Поля Битв. Будь ты родом из Четвёртого или Третьего, далёких от наших проблем, то всё равно знал бы главное о своём таланте. Ощущение, что тебя воспитывал какой-то отшельник с интересным прошлым, который ограждал тебя от половины знаний мира, а стоило ему умереть, как ты рванул познавать мир сам и прибыл в город семьи Ян. Что скажешь, малец?

— Ничего, — спокойно ответил я. — Лучше послушаю, что ты собираешься поведать мне из второй половины знаний.

— Ну да, ну да, — чему-то покивал Седой, но молчать не стал. — Предельным талантом в Указах владел род Императора. Того, давно погибшего рода, который правил прошлой Империей Сынов Неба. У них было несколько уникальных шгук, которые мы не можем ни повторить, ни разрушить до сих пор. Это...

Седой замолчал, давая мне возможность продолжить, но я молчал, и снова ему пришлось говорить самому.

— Это формации барьеров Поясов. Это создание духов. Создание Сердец городов. Вложение формаций в кристаллы. Алхимические зелья, которые мы не можем повторить даже несмотря на то, что в наше время зверей и трав, пропитанных силой Неба в сотни тысяч раз больше. Массивы Пути.

Седой снова замолчал. Я же думал и чем дольше думал, тем больше у меня было вопросов. И я не выдержал.

— Ты сказал, что род прежнего Императора владел талантом боевых мастеров Указов, но при этом перечислил уникальные вещи, к которым он вообще не имеет отношения. Ну, разве что кроме духов городов или Сердец. Всё остальное это ведь Массивы и всё, что требует меньшей части этого таланта — формации, алхимия и прочее.

— Верно, малец. Если предположить, что ты только что об этом услышал и задумался, то ты сообразителен, малец.

Я фыркнул:

— Ты просто сравниваешь со своими, уже дряхлыми мозгами, Седой.

— Неплохо, — он кивнул с довольной, ничуть не обиженной улыбкой. — Про духов такое и впрямь часто говорят. Но есть ещё одна вещь, которая считалась уникальной, но которую сумел повторить... Кто?

Я пожал плечами и предположил:

— Рам Вилор?

— К-хм, — Седой на миг поджал губы. — Нет, малец. Это мы, Орден Небесного Меча, пусть об этом уже и забыли за прошедшие годы. Давай я немного похвастаюсь. Ответь, как далеко простираются границы твоей печати?

Я не промедлил с ответом и мгновения:

— Ты не видел вон тот, дальний вал за твоей спиной?

Седой кивнул:

— Будем считать две сотни шагов. Скажи, малец, сильно ли отличается этот предел от того, что был у тебя—Воина?

Я не видел в этом ничего, что стоило бы скрывать. Не после того, как я с его помощью победил Брауга, не после того, как я на его глазах убивал големов. Поэтому недолго молчал.

— Нет.

— Ответь, малец, вот если ты станешь Повелителем Стихии, прорвёшься через все десять испытаний и станешь Небесным Воином, на сколько шагов увеличится твоя печать?

Я лишь пожал плечами:

— Мне-то откуда знать?

— Спрошу по-другому. Накроет ли она земли одной фракции?

Я повторил громче:

— Мне откуда знать!

— А земли всего Пояса?

Теперь я уже цедил слова:

— Мне. Откуда. Знать.

— Я знаю, — неожиданно сказал Седой. — Не накроет, можешь не надеяться, — и тут же задал новый вопрос. — Так какого же Возвышения достиг последний из императоров Империи Сынов Неба, если его посмертный Указ из Столичного округа накрыл земли за пределами Шести поясов?

Вопрос был хороший. Как-то, с детства слушая сказки о Падении Мщения и том, как император, уже умирая, ответил смертельным ударом, я даже не задумывался об этом. По Нулевому Алма, странствующий посёлок на колёсах, созданный Дирманом Стоуном, делает

круг за восемь лет. Первый пояс оборачивается вокруг Нулевого. Второй оборачивается вокруг Первого и так далее.

Так на сколько сотен тысяч ли должна была простираться печать Смерти императора, чтобы ударить по Альянсу Тысячи Сект снаружи Шестого пояса?

Я подумал над этим. Затем подумал ещё раз, глотнул ещё сока и подумал снова. Осторожно высказался:

— Наверное, за Небесным Воином ещё один есть. Не зря же они называли себя Империей Сынов Неба.

— Неплохо. Может и есть ещё один этап за Небесным Воином, только я тебе сразу скажу, малец, что даже его будет недостаточно для создания печати такого размера.

— Ну как недостаточно? Он же накрыл. Значит, способ есть.

— Конечно, есть. И Орден его открыл.

Седой замолчал. Молчал и я. Так мы в тишине и сидели, глядели друг другу в глаза.

Не знаю, что делал Седой, я же думал. Вспоминал. Иногда это полезно.

Я вдруг осознал, что знаю, чем отличается Орден от всех других фракций и что я видел только в нём. Медленно произнёс:

— Формации, которые накладывают Указы.

— А вот об Ордене ты знаешь больше, чем о Поясах, малец, — усмехнулся Седой и кивнул.

— Да, мы открыли способ сопряжения двух Первых профессий, сумели соединить Массивы и Указы, формации и Указы, открыли способ покорения Полей Битв.

— Покорения?

— Ключи. Они находятся в центре искажений сил Неба. Искажения идут по нарастающей. Запрет полёта, запрет техник, запрет медитаций и восполнения, запрет движения сил и стихий, запрет жизни или, как его называют, императорский Указ Смерти.

— Разве последнее — это искажение силы Неба?

— В данном виде считается, что да, — Седой развёл руками. — Так-то и запрет полётов — это лишь действие огромных формаций и Массивов, впечатанных в эти земли, не более.

— Получается, что удар Мщения, который обрушил император на Альянс Тысячи Сект это...

— Он активировал огромную формацию Смерти.

— Формацию, — медленно повторил я.

Седой лишь кивнул:

— Созданную заранее и подпитанную через формации печать Указа Смерти. Он погиб, возможно, уже через миг после активации, а она продолжила давить сектантов, заставив их бежать из своих земель.

— Бежать к нам, в Шестой пояс? Почему?

Теперь настала очередь Седого изумляться:

— А смысл был им бежать прочь, наружу? Чтобы потом ходить вокруг защищавшего нас Указа Смерти? Нет, эти твари всё верно сообразили, да и зачем бежать в пустые земли, когда Империя почти пала к их ногам?

— Покорение Полей Битвы, — напомнил я Седому.

Тот снова пожал плечами:

— Пройти все ловушки, победить всех защитников в зонах искажений, пробраться через лабиринты барьеров к Ключам, отправить дальше того, кто сумеет добраться до него.

— Не понял.

— Точно не понял? Кто сумеет войти в зону Смерти?

— Идущий, чьё Возвышение...

Я сбился. Седой ухмыльнулся и продолжил за меня.

— Выше, чем Возвышение того, кто вложил свою печать в эту ловушку? Как бы я ни гордился нашей Поднебесной Империей, но говорить, что у нас есть идущие сильнее, чем Древние... Я люблю приврать в беседе, впечатлить женщину, но врать самому себе, малец? Последнее дело. Запомни это.

Я пропустил его нравоучение мимо ушей. Меня захватило то, что он рассказал, но что-то не складывалось.

— Тогда как, вообще, добывают Ключи, если мы проигрываем Древним по Возвышению?

Седой скривился:

— Выкручиваются. Закаливают душу, сопротивляясь Указам, выскивают учеников с телом, идущим следом за душой, возвышают их, возвышают обычных мастеров Указов, затем доводят их до Ключа, словно хрупкие драгоценности и дают им сделать последний шаг. Вернее, всё это...

Я перебил:

— Властелины против Указа Небесного Воина? Это как?

Седой поморщился:

— Не все зоны запрета жизни так сильны, как та, что уничтожила сектантов вне Шестого пояса. Их-то создал не последний император, их так только называют. Да и с тех пор миновало почти четыре сотни лет, малец. Где-то разрушились накопители, где-то кланы по примеру Рама Вилора развернули в обратную сторону формации сбора силы Неба, много чего случилось за эти годы. Но всё это было раньше, сейчас этим серьёзно почти никто не занимается, сам видишь на примере слизняков из Ян. Клан Эрзум и пара семей, Звериные кланы, да мы, Орден, остальных и считать лень, столь жалко выглядят их попытки со стороны. Но теперь, когда я встретил тебя, всё будет по-другому.

— Получается, ты предлагаешь мне пойти в ваш Орден, возвыситься с вашей помощью и доставать вам Ключи?

Седой резко кивнул:

— Да.

Я так же быстро отрезал:

— Неинтересно. Отыщи того ворюгу и предложи это ему.

— Разве ты не хочешь уничтожить сектантов?

Я огляделся, напоказ, затем спросил:

— А где тут сектанты? Ни одного не вижу.

— Так я и зову тебя в Шестой, где их полно. Они тоже ищут способы преодолеть зоны запрета и должен заметить, результатов за последние пятьдесят лет у них больше.

Я пожал плечами:

— А что их искать? Ты же сам перечислил эти способы, а они по сути такие же идущие, как и мы.

Седой скрипнул зубами:

— Ты говори да думай, что говоришь, малец.

— А то что? Ты бросишь меня здесь и вернёшься в Орден один?

Он медленно выдохнул:

— Тут ты прав. Не вернусь. И заставлять тебя не буду. Толку от того, что я тебя обижу, не будет никакого. Хотя, — по его губам скользнула злая ухмылка, — сектанты, которые, вроде как, такие же идущие, как и мы, таким не брезгают. Рассказать, какие способы они используют?

Я ответил такой же злой ухмылкой:

— Расскажи отшельнику, расскажи.

— Тот ритуал, который они придумали для обмана Испытаний. Что-то подобное они с успехом применяют и для зон запрета жизни. Если собрать перед ней десять-двадцать тысяч человек, да проделать с ними кое-что особое, то когда старейшина шагнёт в зону запрета жизни, то умирать будет не он. Часто этих тысяч жизней хватает, чтобы старейшина секты добрался до Ключа. И тогда ещё часть Империи становится Альянсом, малец. Трудновато, знаешь, сражаться там, где все барьеры и ловушки подчиняются твоим врагам.

— Мне жаль эти тысячи несчастных, но найдите, завлеките другого мастера Указов. Я не вижу, зачем тебе понадобился именно я, Седой.

Он замаялся, и я вдруг сообразил.

— Так ты рассказал не всё?

Он тут же возмутился:

— Всё! Малец! Ты хочешь, чтобы я за короткую беседу, достойную только перерыва между блюдами в таверне, пересказал тебе все сложности отношений между фракциями? Всю глубину проблемы нашего, закрытого Императором Ордена? Все те сложности, что таятся на пути...

Я покачал головой и предупредил:

— Не юли, Седой. Мне нет дела до ваших сложностей с фракциями Империи, мы говорили обо мне. Почему я? О чём ты умолчал?

— Да обо всём я сказал, малец! У тебя предельный талант, всяко лучше любого вора с рынка, сил которого хватает только морочить головы Воинам.

— А заливал-то про него, а заливал.

Седой пропустил мою насмешку мимо ушей, вот просто сделал вид, что я не произнёс ни слова.

— К тому же, не зря же таких, как ты называют боевыми. Одно дело тащить туда какого-нибудь гения Указов, который никогда не выходил из города и не то что с големами, вообще ни с кем не сражался за свою жизнь. Всякое случается в зонах искажений. И те же големы, и фракции-конкуренты, и сектанты ловушки устраивают. Такие нежные цветочки, знаешь, как

легко, малец, впадают в панику? Вон, — Седой кивнул в сторону, — дутый Властелин семьи Ян, наглядный пример. Вполне себе обычное сражение, даже не на краю жизни и... смерти...

Седой замолчал, затем недоумённо протянул:

— Вот это да.

Я развернулся в ту же сторону и со свистом втянул в себя воздух. Неудивительно, что мы тут беседовали в тишине. Я-то думал, что Браут пришёл в себя и перестал стонать, вспомнив о гордости, а он умер, оказывается. И не просто умер, а превратился в мумию, высох.

Седой встал:

— Ну вот и один из уроков, которые ты, видимо, не успел получить, самый наглядный. Рано или поздно все эти сектантские приبلуды, которые, вроде как, усиливают тебя, выходят из-под твоего контроля, предают. Хорошо, малец, что ты свой урок получил не на своей шкуре, и я рядом с тобой.

Я крутнулся, разыскивая фигуру Призрака, досадуя, что искажение силы Неба задавило и моё восприятие Предводителя и восприятие Седого. Проще было не допустить этого, остановить Призрака раньше, чем...

Седой отыскал Призрака раньше и рванул в его сторону, заставив меня стиснуть зубы и броситься следом.

Ограниченные зоной запрета техник мы были на равных — Седой как выиграл вначале у меня четыре шага, так и оставался на четыре шага впереди. Я начал раскручивать в теле Единение, пытаюсь добавить себе скорости.

Призрак заметил приближение Седого, остановился, склонил голову к плечу, а затем отбил первый удар Седого.

Три шага до них.

Седой уже сжимает в руках меч.

Два шага до схватки.

Призрак парит дымкой из пары разрезов, а Седой припадает на отбитую встречным ударом Призрака ногу.

Чего?

Шаг.

Удивление не помешало мне влететь между ними, одну ладонь вбивая в грудь Призрака,

другую в грудь Седого.

Единение проступило на моей коже вязью линий, давая, наконец, долгожданную ловкость и скорость.

Оба удара прошли, но вряд ли только в Единении заслуга. Ни тот, ни другой не ожидали их, считая, похоже, что я на их стороне.

Я же ещё и рявкнул:

— Стоять!

Седой возмутился:

— Малец!

Призрак промолчал, как всегда, но скользнул в сторону, сжатый, напряжённый, готовый снова сражаться.

Начать я решил с Седого:

— Что малец? С чего ты решил тронуть моего Призрака?

— Он убил, — сообщил мне очевидное Седой, с нажимом добавил. — Убил без приказа. Убил Властелина, а значит, скачком усилился за его счёт и сейчас... Ты, вообще, знаешь, что любой раб Флага Сотни Убийств всегда пытается убить того, в чьих руках оказался? Особенно сходя с ума от силы, когда... Или ты... — Седой впился в меня взглядом, чуть развернул меч, который всё ещё сжимал в руках. — Или ты всё знаешь, сам создал этот Флаг и это тебе не грозит? Малец или малец-сектант, который ни гарха не знает об Империи? Как мне тебя правильно называть?

Призрак шевельнулся за моим плечом, шагнул в сторону, явно готовый рвануть на Седого, я, не поворачивая головы, ловя его движение краем глаза, рявкнул:

— Стоять!

Тот замер, а вот Седой и не подумал послушать меня, ткнул мечом. Меня. В плечо. Не насмерть, но даже Единение не позволило мне полностью уйти от удара.

Покров не пробило, но просадило. Зря, зря я поделился с Седым хорошим мечом. Я скрутил тело, уходя от меча вниз и в сторону, вскинул вверх руку, закрываясь от следующего удара наручем, но моё движение провалилось в пустоту, не встретив на своём пути стали.

Зато я получил пинок под задницу и кубарем полетел в песок.

— Ах ты отброс!

Я даже замер на миг, прибитый ещё и неожиданным воспоминанием — отбитая задница, песок в глазах и рту, вопль про отброс за спиной. Вот только голос был не тот. Не жалкий визгливый голос Скирто, а звучный, глухой, полный ненависти голос Седого.

— Я разрублю тебя на сто кусков, сектантское отродье, верну всем твоим душам свободу, которую они так заждались.

Я торопливо отгёр лицо локтем, проморгался.

Седой рубился в трёх шагах от меня, потихоньку продавливая Призрака на меня, заставляя его отступать.

И снова я пожалел о том, что Седой мне неподвластен. Сейчас бы остановить его, обратиться в стацию, да поговорить. И почему Седой не заключил с Пиатрием двусторонний контракт, не поклялся тому заплатить, а дал лишь слово? Как вообще Пиатрий решился на такой договор? Нет у Седого печати, а без этого...

Я вскочил и замер, пытаюсь сообразить, что делать и как спасти Призрака, который пробыл со мной столько лет.

Пытаться сражаться с Седым тоже не лучшая идея. Как бы я ни был хорош, как бы ни истязал себя тренировками, как бы ни помогала мне сейчас зона запрета техник, оставив нам двоим только тела и внутренние техники, я всё же трезво оценивал свои силы.

Я — Предводитель. Седой — Властелин. Разрыв в этап. У него лучше техники усиления, у него... Больше средоточие и запас сил? А вот это сомнительно. К тому же на моей стороне Призрак, который и впрямь выпил жизнь Властелина, пусть и слабого, и сейчас вполне достойно держится против Седого.

Я вытянул руку вперёд, толкнул кроху сил в кольцо, которое поглотило их и обратило в Пронзатель, вокруг древка которого я сжал пальцы.

Выпад, жало Пронзателя приняло на себя удар тяжёлого меча Седого. Призрак тут же ударил следом, ему в горло.

Седой отбил удар ладонью второй руки, я же рывкнул:

— Не убивай! Запрещаю!

Призрак на миг словно вывернулся, протаял ко мне лицом, гневно раздул ноздри и снова вывернулся, продолжая сражаться с Седым.

Я тоже не отставал. Выпад, закрутить меч Седого, пытаюсь ухватить его боковым шипом. Впустую. Седой, каким-то змеиным движением спас меч.

— Убить? Меня! Кишка у вас слаба!

Я прошипел, тоже сам себе напомнив змею:

— Хватит махать сталью. Поговорим!

— О чём, малец-сектант? Я привык убивать таких, как ты. Тем более, нужно убивать таких умных, что сумели пробраться в один из наших городов. Откуда ты пришёл? Где вы сумели снова сломать Массивы Пути? Давай, говори!

— Я не сектант!

— Рассказывай!

Седой рванул ко мне, не обращая внимания на Призрака, жало его меча лишь на палец не дотянулось до моих пальцев. Призрак не упустил такой возможности, влупил Седому так, что того отшвырнуло на три шага.

Я тут же рявкнул новый приказ:

— Стоять!

Призрак замер, а Седой сплюнул на песок:

— Флаг, чей раб слушается тебя как истинного хозяина, маска, сделанная сектантами. Почему я был так слеп? Почему я решил, что она трофей?

— Так, ты тоже стой на месте, — приказал я Седому.

Он оскалился:

— Тянешь время?

— Вот и ты тяни, набирайся сил...

— Сил мне хватит порвать вас обоих!

— Вот и отлично, готовься, выбирай момент и слушай, старый хрыч, — не удержался я и припечатал Седого.

Тот не остался в долгу:

— Не переживай, ты умрёшь молодым и никогда не станешь таким старым хрычом, малец.

Но Седой, пусть и рычал гневно, но стоял на месте, следя за каждым нашим движением, а для меня это сейчас было главным.

— Седой, давай думать. Я прошёл через портал.

— Сломали массив. Четыре сотни лет такого не случалось, но всегда что-то происходит

первый раз, особенно если вам дать столько воли.

— Я проходил через ворота города, ни разу не поднялась тревога.

— Это не город, а болото Пятого пояса. Не удивлюсь, если Ян даже не ставили там формацию проверки душ.

В руке Седого появился какой-то фиал и он его мгновенно проглотил, я даже не успел заметить цвет алхимии. Плохо, надеюсь, там не боевой допинг, иначе мне останется только бежать. Это будет правильной, чем сражаться здесь, пытаюсь выжить и не убить Седого. Хотя, так ли уж хорош боевой допинг из кисета Предводителя, когда действует на Властелина? Или мне с Призраком хватит и такого усиления?

Дарсов Призрак. И нужно же было ему убить этого слизняка Браута? Нашла же время вырваться та его душа.

Чем ещё можно убедить Седого? Показать ему жетон магистра Ордена? Вряд ли таких жетонов много.

Я уже даже влил силу в кольцо, скользнул в него духовным зрением, собираясь отыскать жетон, как замер, а затем и вовсе отпрянул обратно, возвращаясь в настоящий мир полностью.

Широко, довольно ухмыльнулся и признался:

— Знаешь, Седой, а ничего я тебе не буду доказывать. Смешно выходит, я совсем недавно пытался понять, куда ты меня тащишь в своём Ордене и что хочешь с моей помощью провернуть, отказывался, а теперь, когда ты вдруг напал на меня, посчитав за сектанта, вдруг начал доказывать обратное. Зачем? Я послушал, что ты мне рассказал, спасибо за интересный рассказ, но на этом и закончим. Всё, Седой, наши пути расходятся. Ты давай хоть к Ян в город, хоть к себе в Орден напрямик через границу Поясов, а я вон туда, поглубже в зону искажения, да через неё и к другому городу. Всё, наши дороги расходятся.

Я осторожно сделал один шаг назад, другой, Призрак шагнул за мной, так же не поворачиваясь и шагая спиной вперёд. Жаль, что придётся сделать что-то вроде полукруга, мне ведь ещё нужно выдернуть сам Флаг из песка.

Я успел сделать десять шагов, как Седой заорал:

— Стой!

— И не подумаю.

— Малец, стой! Сглупил я, признаю. Признаю!

Я переспросил:

— Чего?

— Не сектант ты! — заорал Седой. — Глупость я подумал. Глу-па-ась! Если б ты был сектантом, то занялся бы тем, что подчинил бы себе весь город, всех Ян, с твоим-то талантом, а не шлялся бы как последний дурак по лабиринтам Поля Битвы и рисковал задницей.

— Ну спасибо, — процедил я с поблёкшей ухмылкой. — Будем считать, что я сектант-дурак.

— Да не сектант ты, глупость я сказал. Малец, стой! — рявкнул Седой. — Давай поговорим, не нужно уходить к шару Бедствия.

— Сектант я! — я зло сжал губы, подумал и добавил. — У меня даже Летающие Убийцы есть, только здесь показать не могу.

— Да хватит тебе, малец, — Седой убрал меч, развёл руками. — Ну виноват я, виноват. Позволил эмоциями взять верх над разумом. Стой, говорю.

Седой шагнул следом за мной. Я напрягся, он так и продолжил шагать следом, неторопливо, не спеша приближаться, но и не позволяя мне разорвать расстояние. Хоть бегом беги.

Теперь уже рявкнул я:

— Сектант я! Отстань, орденец!

— Да не смешно уже, малец.

— У меня и жетон моей секты есть.

В доказательство я вытащил один из сектантских жетонов, тот, что от более старшей секты, с кучей глаз на его поверхности, покачал его перед собой.

Седой поднял одну бровь:

— Тысячеглазые? Малец, хватит надо мной издеваться.

Я скрипнул зубами:

— Да ты отстанешь от меня?

— От боевого мастера Указов? Нет, не отстану.

— Даже если он сектант из далёкой секты?

— Малец, шутка, повторённая в десятый раз уже совершенно не смешна. Или мне каждый раз извиняться, когда ты вспоминаешь мой вопль? Извини, извини, извини и ещё раз извини. Так пойдёт?

— Отстань, наши пути расходятся.

— Ну куда ты пойдёшь, малец, ну что ты ведёшь себя как... Ты же вырос с отшельником, знаешь о мире только из книг, да ещё и не всё, что нужно. Я же видел, с какой жадностью ты слушал мой рассказ про Ключи и зоны искажения. Ты вышел в мир, ты ищешь в нём своё место, я предлагаю тебе такое место.

— Это ты про Орден, который распустил император? Неужели я, да со своим талантом, не найду места получше?

— Может, и найдёшь, а может, и нет. Вот Ян — они хорошее место? Сегодня ты справился с их ловушкой, а что будет завтра, если столкнёшься с тем, на ком нет печати, которую можно украсть?

Я, наконец, добрался до нужного места, осторожно вырвал Флаг, внимательно вглядываясь в Седого. Но он и не подумал напасть в этот момент. Я сделал первый шаг назад, сжимая в одной руке Пронзатель, в другой Флаг Сотни Убийств. Седой плавно сделал такой же шаг вперёд, не больше.

Я медленно выдохнул сквозь зубы. И что, мне теперь до ночи пятиться спиной вперёд и не сводить глаз с Седого? А потом? Пятиться под звёздами?

Так и молчали, стояли друг напротив друга и думали. А затем Седой вдруг едва заметно усмехнулся:

— Малец, я тут вспомнил, что добыча из поместья, из-за которой всё завертелось, она ведь у меня. Неужели ты бросишь кристаллы Древних? Знаешь, каких деньжищ они стоят?

Моя улыбка была гораздо шире:

— Оставь их себе на память. Они всё равно пустые.

Улыбка Седого исчезла бесследно, через миг в его руке появился один из кристаллов. Он вгляделся в него, затем хмыкнул:

— И впрямь. Бедолаги Ян, лишились Властелина из-за мусора, который того не стоил.

Я сделал ещё шаг назад, Седой тут же его повторил:

— Малец. Я старый и очень упрямый хрыч. Аж весь поседел от упрямства. Я буду следовать за тобой, повторяя каждый шаг и поворот.

— А если я буду сопротивляться?

— Сражаться? — Седой поднял пустые руки. — Нет, больше такой глупости я не совершу. Мне нужны хорошие с тобой отношения, ты надежда моего Ордена, я больше не подниму на тебя руку, а если ты сам нападёшь на меня, то буду убегать. Сначала я от тебя, затем ты от

меня. Так может, прекратим эти глупости, малец? Не дай Небо, нас со стороны увидят, животы порвут от смеха. Я виноват, прошу прощения и предлагаю тебе влиться в мой Орден, вернуть ему былое величие и доброе имя. Взамен ты получишь уверенность в завтрашнем дне, место, где тебя всегда ждут, доступ к знаниями и ресурсам. Ты же должен понимать, малец, что когда целая фракция вкладывается в твоё Возвышение, то даже Преграды не устоят.

Звучало это очень заманчиво. Особенно части про знания и Возвышение. Я, правда, не был уверен, что принадлежность к распущенному лично императором Ордену поможет мне в день визита к Мадам, но Возвышение есть Возвышение. Как там говорил тот же Седой? Мир идущих жесток и признаёт только силу? Можно начать со знаний, с Возвышения, а Орден, его бывшее величие и тем более Ключи, с которыми не справились Властелины и даже Повелители Стихии, можно оставить напоследок.

Я вот что-то ничего не испытываю к этому Ордену, к которому относится Седой. Вроде и Орден тот же самый, Небесного Меча, но есть, есть большая разница. Другой Пояс, другие люди.

Вздыхнув, я свернул к телу Браута. У меня к нему еще одно дело. Вместе с Призраком и идущим в отдалении Седым, добрался, снял с иссушенного тела кисет и закопался в него, разделив внимание между настоящим миром и духовным взглядом.

К счастью, нашёл. Как и думал, не последний человек в семье Ян, Браут, таскал с собой амулет Истины. У меня он тоже был, но старый, ещё из Второго пояса, глупо было бы использовать его на Властелине.

Нашёл и застыл, не успев вытащить. Я в зоне искажения силы Неба, в зоне запрета техник. Этот амулет просто рванёт сейчас в моих руках.

Буркнул:

— Ладно. Ты почти уговорил меня, Седой. Давай, двигаемся в направлении к городу Ян, к границе запрета техник. Я останусь внутри неё, ты шагнёшь чуть дальше, выходя из неё, возьмёшь в руки амулет Истины и дашь мне несколько ответов. Что не считаешь меня сектантом, что не хочешь причинить мне вред, что желаешь помочь, что не нападёшь, что не тронешь моего Призрака, ну и всё остальное, что я ещё придумаю по пути туда.

Седой усмехнулся:

— Забавно выйдет. Я поклянусь, что не считаю тебя сектантом, а ты в насмешку продолжишь кричать, что сектант, чтоб мне прям по...

— Седой, — процедил я. — Мне продолжить убегать от тебя?

— Понял, малец. Умолкаю. Почти. Если уж ты забрался в вещи этого слизняка, так, может, просто поищешь там контракт для моего этапа?

— А он там есть?

— А вдруг? Это будет гораздо проще, сделаю для тебя исключение, малец. Продемонстрирую тебе серьёзность своих намерений.

Здесь явно что-то было не то. Так легко дать мне власть над собой?

И тут я вспомнил старшего Тизиора, который буквально за несколько вдохов избавился от влияния моего Указа и больше не позволил ничего мне сделать с ним.

Властелин Властелину рознь, слизняк Браут недавно это ясно показал.

Но ожидает ли Седой трёхцветный Указ, которым я смогу усилить печать контракта?

Я медленно кивнул:

— Уговорил.

Но зарываться сразу в поиски контракта не стал, продолжил думать о странности дальше, развернулся, искоса следя за Седым и неторопливо двинулся вперёд. Седой так же неторопливо повторил мои движения и заметил:

— Не в ту сторону, малец.

— В ту, ведь в той стороне Ян.

Седой махнул рукой:

— Да ну их. Давай в другую сторону, в земли Кимлот.

— Снова ты об этом? — я вздохнул. — Не пойму, кто убеждал меня, что Ян нужно наказать?

— Да пусть их, — отмахнулся Седой снова. — Ты боевой мастер Указов, не хочу я рисковать тобой ради такого пустяка.

— А твои вещи?

— Да пусть подавятся. Вернусь через пару месяцев сюда с парой друзей, может и не успеют продать.

— Не, — я покачал головой. — Идём к Ян.

— Ма-але-ец!

Я ответил так же.

— Се-едо-ой!

Контракта я, к сожалению, в трофеях не нашёл. Придётся обойтись допросом с Истиной.

Я понимал, как ненадёжно и даже смешно выглядят мои намерения — отыскать границу двух зон искажения силы Неба, Седой с артефактом в руке и я напротив. Даже я, не особо представляя возможности Властелинов, при виде этой сцены в голове тут же увидел три способа обмануть меня, выдернуть из зоны запрета техник и просто сломать сопротивление силой, невзирая ни на так внезапно усилившегося Призрака, ни на мои возможные трепыхания.

Представление. Мне был нужен Седой с его знаниями, Седому был нужен я с моими возможностями. И мы оба готовились поучаствовать в представлении.

Правда, всё равно оставались проблемы.

— Малец, да забудь ты про этих Ян.

— Наказание. Из всех добродетелей больше всего я чту справедливость.

Седой выругался себе под нос, я же в который раз задал всё тот же вопрос:

— Ты недавно уверял меня, что дюжина Властелинов семьи Ян тебе не противники. Что этих слизняков ты размажешь одной левой, тем более если я возьму на себя половину. Что изменилось с тех пор?

— Ты изменился. Влезть в хорошую драку вместе со слабым Предводителем за спиной? Легко. Случалось не раз. Рискнуть мастером Указов? Тоже легко. Нашему Ордену и не нужны чистые таланты в нём, вполне хватает двух-трёх со смешанными и слабыми талантами сразу в двух Первых, чтобы поддерживать старые и создавать новые формации клятв.

Я невольно кивнул. Кому Седой это рассказывает? Я участвовал в восстановлении формаций воротной площади Академии. Мне ли не знать, что там требовались лишь мастера формаций и Массивов?

Поймал на себе пристальный взгляд Седого и, выругавшись про себя, кивнул ещё раз:

— Да, верю. И что с того?

Седой огладил бороду и продолжил:

— Мы ещё очень далеки от раскрытия второй тайны Древних, не можем записывать формации в кристаллы и накладывать их на носители одним движением, привыкли обходиться тем, что есть. Но ты истинный мастер Указов, а это меняет всё.

Я поспешил воспользоваться поводом и отвлечь Седого от моей ошибки, спросил:

— Так боевой или истинный?

— Называют и так и так, — отмахнулся Седой. — По мне, оба эти именованья хороши, отражают суть твоего таланта, малец. С одной стороны, ты чистый, предельный талант Указа. С другой, совсем не нежный комнатный цветок, закалялся в битвах и в них ярче всего проявляешь свой талант.

— Так если я так хорош, хватит меня отговаривать и упрямиться. Идём к Ян.

Седой вдруг прищурился, вскинул руку и покачал пальцем, словно укорял меня.

— Я понял. Ты ужасно неприятный тип, малец. Ты из тех, кто терпеть не может, когда ему указывают. Интересно, конечно, что случилось в твоей жизни, что тебя так искривило, но боюсь, даже если ты перескажешь мне своё детство, ничего изменить уже не получится.

— Седой, — процедил я. — Тебя понесло куда-то не туда.

Постаравшись вложить во взгляд всё, что я о нём думаю, я развернулся и двинулся прочь. К городу Ян. По песку, который так напоминал песок моих родных мест. О детстве он решил меня расспрашивать, вредный, седой старикашка.

Седой двинул следом, бормоча, вроде как, под нос, но так, что я отлично его слышал:

— Отсюда и эта привычка делать всё наоборот. Я его уговариваю идти к Ян — он противится и сбегает сражаться с големами. Я прошу его пойти в Орден, он упрямится и разворачивается к Ян, от которых только что шёл прочь. За что мне такие муки?

Я не сдержался:

— В наказание за болтливость.

— Ты ещё по-настоящему болтливых не видел, малец.

— И за тягу к женщинам!

— А за это я почему должен быть наказан?

Я не ответил, лишь ухмыльнулся под нос, но улыбка тут же исчезла, потому как Седой продолжил нудеть за спиной:

— Понял. Это потому, что ты сам от них шарахаешься, в тебе говорит зависть, малец, это нехорошо, а как же справедливость?

Я выругался:

— Тебе поговорить больше не о чем?

— Малец! Снова будь справедливым, ты первым вспомнил о женщинах!

— Потому что ты больно быстро забыл, как сам хотел отомстить той ядовитой женщине.

Седой некоторое время молчал, а затем вдруг буркнул:

— Ладно. Ты прав. Двинемся к Ян.

— Мы уже к ним двигаемся, — с издёвкой напомнил я ему.

— И что? Теперь ты развернёшься и двинешь прочь? — Седой вздохнул. — Малец, давай откровенно. За три сотни лет со времён возрождения Поднебесной Империи в ней появлялось с десятков истинных мастеров Указов. Именно с их помощью были окончательно закрыты почти все прошлые Поля Битв, они участвовали и в самых больших сражениях с сектантами.

— Целых десять? — изумился я. — Простой раз ты говорил только про одного. Если нас так много, то я тебе зачем? Или они, как Говорящие с Небом, есть у всех, кроме Ордена и вам нужен один, чтобы восстановить своё имя и тыкать всем мной?

— Тебе на какой вопрос ответить? — желчно поинтересовался Седой.

Я не остался в долгу:

— На все, по очереди.

— Малец, пока что я безропотно снабжаю тебя знаниями, а ты даже мне надежды не дал, что после Ян отправишься со мной в Орден.

— До этого ещё дожить нужно.

— Малец! Не шути таким. Подобные тебе были, а теперь я знаю только про тебя и очень не хочу упускать шанс на возрождение Ордена. Забей на этих Ян, пусть жрут союзы, а союзы жрут их.

— Ты и знаниями делишься плохо, совсем не безропотно, скорее переливаешь воду с пустого в порожнее, с чего мне идти с тобой? Ты плохо платишь, Седой!

Кажется, он зарычал. Мне очень хотелось обернуться и увидеть выражение его лица, но я ограничился тем, что воспользовался восприятием Предводителя. Седой тут же встретил мой «взгляд», выпрямился и кивнул:

— Хорошо. Давай заключим договор. Я продолжаю делиться с тобой знаниями, но не просто так.

— Какой договор? Я же обычный истинный мастер Указов, а не персонаж из сказок. Я не могу наложить на тебя печать.

— Как будто бы я не сбросил с себя её, — фыркнул Седой. — Я тебе не слизняк Браут. Только договор, малец. Договор, если ты не знал, — это когда обе стороны видят условия сделки и обязуются их выполнить, а не вписывают в печати всё, что им только хочется. Что-то мне подсказывает, что первое, что ты сделаешь, впишешь туда приказ забыть про тебя.

— Точно, — я хлопнул себя по лбу. — Что-то такое припоминаю. Тогда точно идём к Ян, среди прочего выбьем с них пару свитков на твой этап, и я заключу с тобой договор.

С трудом, но Седой кивнул ещё раз:

— Хорошо, но туда со мной пойдёт не Орзуф. Вот так и иди, без маски, пусть в город со мной войдёт мой младший по Ордену, с которым я встретился случайно.

— Не выйдет. По-твоему, я надел её из прихоти?

— Нет?

— Нет, — отрезал я, — Я очень не хочу, чтобы моё настоящее лицо кто-то увидел.

— Ты под ним что-то натворил? — всплеснул руками Седой.

Я хотел было кивнуть, но вдруг увидел, что он с трудом сдерживает смех. Ах ты, дарсов шутник. Ладно, в это можно играть вдвоём. Вздохнул:

— Нет, но наставник очень советовал мне избегать внимания родственников, Седой, — развёл руками. — Нет, если ты хочешь, чтобы они примчались и начали уговаривать меня вернуться.

— Нет, — торопливо воскликнул Седой. — Нет, малец, ты что! Не хочешь показывать всем своё лицо, кто я такой, чтобы быть против? Но насколько я могу судить, это неплохой по качеству артефакт. Неужели в нём только одна маска?

— Нет, не одна. Но что это тебе даст?

— Орзуф должен умереть, — спохватившись, что это прозвучало как-то слишком, Седой торопливо поправился. — Нет лица, нет человека. Умер.

Я хмыкнул.

— Смысл? — махнул рукой. — В той стороне где-то бегут четыре человека, которые отлично знают, что Орзуф выжил и отлично видели, как этот Орзуф зачем-то замотал голову тряпкой, едва лишился артефактов.

— Знаешь, — Седой пожал плечами. — Я не очень уверен, что их сейчас четверо. Да и вообще, не стал бы о них волноваться.

Я остановился, обернулся на Седого:

— Ты о чём?

— Пока ты не раскрыл всех своих сил, часть големов проскакивала.

— Очень мало.

— Против толпы да, но Пиатрий был ранен и слаб, не выдерживал бега. Будь он среди товарищей, то его бы подхватили на руки, что такое его вес для Предводителя, но ты заметил там хоть одного его товарища?

— Лая и...

— Не более, чем случайные соседи по бегу, — оборвал меня Седой. — Они не подумали предложить ему помощь. Ещё вчера он был уважаемый алхимик, владелец достойной лавки, а сегодня он слабый и никчёмный идущий, за которым нет ничего и никого. Я удивлён, что мы до сих пор не наткнулись на его тело. Никто не протянет ему руки помощи, он отстанет и станет добычей големов, которых мы пропустили.

Я невольно скрипнул зубами. Слова Седого звучали разумно. Спросил:

— Ещё трое?

— Эти намеревались бежать, едва зайдут в город. Ворота, портал, вот их путь. Они затеряются так качественно, что отыскать их и задать им вопросы не получится.

— Меня там видели ещё три десятка человек и...

— Без разницы, малец, — снова перебил меня Седой. — Твой контракт выгорел, для всех ты остался сражаться плечом к плечу с двумя Властелинами. Пусть для всех слизняк Браут погиб там вместе с самонадеянным Орзуфом, который слишком много на себя взвалил. Если ты хочешь идти к Ян, если хочешь и дальше получать от меня знания, то смени лицо.

Седой замолчал, молчал и я, размышляя. Миновало, наверное, с десятков вдохов, и я криво усмехнулся:

— У этого предложения должно быть продолжение, иначе оно не смотрится. Смени лицо или я... Что, Седой? Мы снова начнём драться?

— Я не буду с тобой драться.

— О-о-о, — протянул я и передразнил Седого. — Какие скользкие слова, так и хочется взять и выдавить из тебя правду.

— Это и есть правда, малец.

— Ты же знаешь, я тоже отлично умею играть в эти игры, Седой. Ты не будешь со мной драться, просто спеленаешь меня ради моего же блага.

Седой молчал, упрямо глядя в глаза. Я покачал головой:

— Ты же сам сказал, что я ужасно неприятный тип. Мне противно, когда меня заставляют делать хоть что-то, а ты хочешь насильно притащить меня в Орден. Я же после такого сдохну, но скорее добью ваш Орден, чем помогу его возродить.

Седой вскинул руки к небу:

— Малец!

Я злобно рыкнул:

— Да я уже сто раз просил меня так не называть!

— Малец! — Седой словно не слышал меня. — К чему всё усложнять? Я тебя хватаю? Нет. Я тебя заставляю? Нет. Я прошу о малой уступке. Смени лицо, и всё. Неужели я многого прошу? Я и так иду тебе на уступки. Никто, задумайся, никто не будет тебе рассказывать того, что буду рассказывать я. Грязные тайны фракций? Кому как не мне поведать о них? Судьба прошлых истинных мастеров Указов? Я перечислю тебе даже даты их смерти. Говорящие с Небом? Я расскажу тебе, насколько их меньше и одновременно больше, чем вас, боевых мастеров Указов.

Я сжал губы, набычился, глядя на Седого исподлобья, а затем кивнул:

— Ладно. Договорились.

Шагнул вперёд, продолжая путь и на ходу раздумывая, кем стать.

Леградом, которому Стражи посоветовали скрыться на пятьдесят лет? Явно не им.

Римило Мясником? Атрием-сектантом? Эти двое тоже из тех, кого Страж отправил налогом из Ордена Небесного Меча. Ни один из них не должен появиться здесь в Пятом. Насколько я понял, все налоги должны появляться в Шестом и там же эту троицу и ищут. А я здесь, там, где Орзуф не вынес пятидесяти лет спокойствия, вляпался в дела с Ян.

Значит, остаётся только безымянный старик.

Значит, так тому и быть. Когда уже будет конец зоны запрета техник и артефактов? И нет, здешний песок совсем не похож на песок Нулевого. По нему даже идти легче, он крупней, другого цвета и это не прах сгоревшей столицы Империи Сынов Неба, а всего лишь источенный временем, ветром и водой камень.

На ходу покосился на Седого, буркнул:

— Забудь о проверке и договоре.

Седой тут же впери́л в меня тяжёлый взгляд:

— Ма-лец!

Я не дал ему договорить, перебил:

— Обойдёмся без них. Мы либо доверяем другу другу и выполняем то, что пообещали, либо разбегаемся.

— Малец! — Седой просиял. — И вот как тут не поверить, что ты орденец? Плоть от плоти, дух от духа. Ну-ка, скажи, что не из Ордена?

— Седой! — я вбил ногу поглубже в песок и швырнул в его сторону. — Скользкий же ты тип.

— Кто бы говорил.

Так мы и шли. Седой то болтал о Шестом поясе, то пытался подловить меня, а я то задавал вопросы, то осаживал и поддевал Седого.

Зона же запрета техник всё длилась и длилась, а затем случилось то, что и предсказывал Седой.

Мы наткнулись на тело Пиатрия.

Големы не звери, хоть и выглядят как они. Они не стали есть тело: догнали, свалили, быстро убили и помчались дальше.

Я замер над телом, стиснул кулак и прохрипел:

— Лая...

Седой попробовал меня успокоить:

— Они чужие друг другу.

Я зло отрезал:

— Они вместе попали в плен. Они вместе спаслись из него. Разве этого недостаточно, чтобы... Разве того, что они просто собратья по Возвышению и бегут от одной беды недостаточно, чтобы помочь? Помочь там, где это от тебя ничего не требует?

Седой промолчал, не став отвечать на то, что не требовало ответа.

Я же скривил губы:

— Бессердечная Сука. Как на этот раз ты будешь оправдываться?

Не думаю, что Седому это было интересно, но рядом со мной давненько не случалось того,

кому можно было выговориться, поэтому я озвучивал то, о чём думал:

— Я уже говорил, что из всех добродетелей больше всего ценю справедливость. Я был должен Пиатрию. Пусть он и сообщал Нулару обо всех моих шагах, но он дал мне возможность Возвышаться, дал крышу над головой, дал место, где я тренировал лекарские навыки, — я заметил, как тень непонятных чувств мелькнула при этих словах на лице Седого, но лишь отложил это в памяти, продолжая объяснять свою злость и ненависть. — Он вёл дела со мной честно и дал мне гораздо больше, чем получил взамен. Тем более что и в его смерти есть моя вина. Не будь он так добр ко мне, Нулар и не подумал бы тащить его на встречу со мной, не будь у меня желания защитить всех без исключения беглецов...

— Ну ты ещё на себя все беды мира взвали, малец, — фыркнул Седой.

Я понимающе скривил губы:

— Устал слушать моё нытьё?

— Нытьё не нытьё, но, по твоим словам, этот алхимик к тебе относился чуть ли не лучше, чем к родному сыну. Не спорю, он был получше многих, кого я знал, но он при этом был делец, не забывай об этом. Если ты не видишь, как он на тебе заработал, то это не значит, что этого заработка не было. Ни один успешный лавочник не позволит себе торговать в убыток. Уверен, спроси ты его с Истиной, как хотел спросить меня, он бы тебе клялся, что получил с тебя больше, чем ты с него.

— Пустое, — я даже махнул рукой, отменяя слова Седого. — Главное тут то, что здесь.

Я постучал пальцем по виску, Седой кивнул:

— С этим спорить не буду. С Преградами шутить не следует. Радуйся, что твоя Преграда исчезнет, когда ты воздашь всего лишь слабому Предводителю. Когда-то я сгорал от ненависти к целой фракции, я тогда едва стал Предводителем, был сопляком лишь чуть старше тебя, малец, а желал отомстить Властелину, да ещё и не самому простому. Причём желал так сильно, что создал себе Преграду. Вот тогда мне пришлось чуть ли не наизнанку вывернуться, чтобы утолить ненависть и разрушить Преграду.

— Да, — я кивнул. — К счастью, мне и правда не приходилось ни разу сгорать от ненависти в таких безвыходных ситуациях. Между мной и моими врагами бывал разрыв, но никогда он не был велик настолько, что казался бездонным.

Седой крякнул:

— Это ты хорошо подобрал слово. Бездонный разрыв. Одни считают Закалок никчёмными, и только с Воина признают за людьми право называться идущими, другие делят на людей и идущих по границе этапа Мастер-Предводитель. Но, как по мне, если у тебя есть толика таланта или ресурсов, то добраться до Предводителя не составит труда. Даже в таких бедных на стихию местах, как эти земли Ян, которые медленно, но верно превращаются в

безжизненные пески.

Я хмыкнул себе под нос, но оставил своё мнение при себе. Не время наставительно сообщать Седому, что если он вот так снисходительно сообщит какому-нибудь монстробою в Белой пустыне, что с крохой таланта легко можно добраться до Предводителя, то его не поймут. Сломают спину в поклоне, ни слова не скажут, но не поймут. Проводят потрясённым взглядом, спросят у соседа, а кто такие Предводители Воинов? — это старше Воина? А насколько?

Седой замолчал, повёл плечами.

Я тоже ощутил странное изменение вокруг — словно что-то качнулось и...

До меня дошло. Не мы дошли до границы двух разных зон запретов, а она откатилась к нам, ослабевая. Обернулся. Пусть уже и смутно, сквозь дымку, но шары Бедствия всё ещё висели в небе.

Седой крикнул, с явным удовольствием применил на себе сначала одну, затем другую технику. Что интересно, с использованием обращений, земных, не повластелински, сообщил мне очевидное:

— Хорошо!

Внимательно оглядел меня и спросил:

— Ну что, всё в силе? Не попытаешься сбежать?

— А есть повод? — я склонил голову к плечу, вглядываясь в Седого и ловя малейшие его движения. — Что-то сейчас изменилось из-за того, что к тебе вернулась сила?

— Ни малейшего повода, малец, ни малейшего. Я помогаю тебе разобраться с Ян, делюсь с тобой знаниями, а ты обдумываешь мою просьбу отправиться в Орден.

— Мне? — я вскинул брови, хмыкнул. — Ладно, не будем спорить в очередной раз, а о просьбе буду думать. День и ночь, каждую ночь и каждый новый день. Со знаниями же и сам жду, чего ты замолчал на полуслове, Седой? Что там было про разрыв и границы?

Он хмыкнул:

— По сути, ты и сам только что всё сказал, малец.

— Не смешно.

— Ну и ладно. Как по мне, так истинная граница между обычными идущими и теми, кто действительно шагнул к Небу — это создание третьего средоточия.

Я вновь не удержался:

— Отсев всё сильнее, да? Ты не создал средоточия? Мусор! — едва Седой кивнул, я тут же поддел его. — Ты не создал второе средоточие? Мусор! А теперь выходит, мусор — это все, кто не создал третьего средоточия?

— Можешь язвить сколько хочешь, малец. Но это так и есть. Разрыв, что похож на пропасть. Объясню почему. Меридианы, узлы, средоточия — это то, что меняет тело человека, делает его настоящим идущим. После третьего средоточия ничего дополнительного в теле идущего не появляется. Что Повелитель Стихии, что Небесный Воин внутри такие же, как и Закалка с Воином. Да, сильнее, да лучше, да их сила, стихия и эссенция гуще и плотней. Но и только. До Властелина это ещё человек, стоящий на земле, после это идущий, который действительно поднимается к Небу.

— Потому-то Властелины и могут летать сами?

— Тоже неплохой довод, — согласился Седой. — Но лучше тебе вспомнить, малец, сколько добираются до Предводителя, а сколько Предводителей становятся Властелинами.

Я пожал плечами:

— Никогда не считал.

Седой вздохнул:

— Немногие. Но ещё важнее другое. Как часто ты видел гениев, что стали Властелинами быстро, ещё молодыми?

— Ну...

Я напоказ принялся загибать пальцы, считая тех Властелинов, что успел увидеть в своей жизни. Посчитал духов, (почему нет? они вроде как создавались сразу полные силы), Стражей, (эти не выглядели стариками, сколько бы им ни было лет), старшего Тизиора, (он вроде всего добился ещё молодым), двух Ян, которых видел лично, (не так уж они были и стары), Седого, (этот вообще лишь седой, а сам ещё крепок, стряхивал с себя навалившихся големов, словно вшивых шакалов).

Хватило пальцев на двух руках.

Затем я сжал пальцы в кулаки и медленно, демонстративно оттопырил один палец, которым обозначил Райгвара. Подумал, не добавить ли сюда сестру и Ярима. Сомнений в том, чего они могут достичь ещё в молодости, у меня не было. Но решил не наглеть, оставить их на будущее, пальцев больше оттопыривать не стал и невозмутимо сообщил Седому:

— Ну, где-то один из десяти Властелинов.

— Чего? — вылупился на меня Седой, рывкнул. — Это где ты с учителем затворничал, что сделал такие подсчёты? На заднем дворе одного из десяти великих кланов? Неверный счёт! У них другое дело, у них другой счёт.

Я фыркнул, опустил руку:

— Ну понятно, что другое. Так все говорят. Повелители Стихии, наверное, тоже считают, что по-настоящему приблизиться к Небу можно только после того, как переживёшь первое Небесное Испытание. А до этого так — обычный человек, неспособный выдержать Небесную Молнию. Вот жажнет тебя, тогда другое дело, конечно.

— К-хм!

Седой смерил меня недовольным взглядом и процедил:

— Знаниями я поделился, хватит на сегодня. Обдумывай то, что услышал, примеряй на себя и тех, кого встречал на пути. Сейчас же вернёмся к нашим насущным делам.

— Это каким?

— Лететь пора! — рявкнул Седой. — Где твоя маска? Давай, меняй лицо!

Я не стал спорить, с ухмылкой залез в кольцо, достал маску и приложил её к лицу, обращаясь к лицу старика, которого изобразил для аукционного дома Ян.

Когда я опустил руку, Седой скривился, словно раскусил зелёную мушмулу:

— Ой, халтура. Кто делал тебе этот образ, малец?

— Сам, и почему...

— Оно и видно, что сам. Я тебе ещё в прошлый раз в городе говорил, что ты упускаешь детали и оставляешь следы с возрастом кожи.

Невольно я кивнул. Да, помню такой упрёк. Седой возмутился, что на шее виден переход к маске.

Седой заметил это, рявкнул:

— А тут ты что творишь! Разве можно делать маску, которая так сильно отличается от твоего настоящего возраста? Даже Орзуф был уже слишком стар, а это, — Седой в один шаг оказался рядом со мной, дёрнул за волосы, едва не выдрал пучок и начав тыкать им меня в лицо. — Это что? Это волос старика? Да тут только одна прядь подходит, та, что седая, а не та, что синяя, если ты не понял. А руки? Кожа? Что с шеей, малец, почему щеки дряблые и в морщинах, а шея подтянутая и гладкая?

— Так! — я отбил в сторону его руку. — Твоя была идея. Не нравится, значит, возвращаю Орзуфа.

— Да давай просто сменим это лицо. Другое давай.

— Не выйдет, — мстительно сообщил я. — Маска на ограниченное число образов и этот последний.

— Так измени его, — снова повысил голос Седой.

Я изумился в ответ:

— Ты артефактор?

— Это здесь причём?

— Как при чём? Может, не так уж и хороши твои знания, если ты не знаешь таких простых вещей?

— Малец!

Я рявкнул в ответ:

— Седой! У меня предельный талант в Указах, в душах. Это значит, что во всём остальном, особенно в работе с предметами, я полная бездарь. Я не могу даже познать оружие, я не могу пользоваться некоторыми сложными артефактами, под меня даже переделывали часть Флагов формаций, чтобы я хотя бы сумел их активировать. Кто сбросит из маски лицо этого старика? — я пожал плечами, потянулся к вискам. — Раз никто, значит, в город Ян вернётся Орзуф.

— Стой-стой-стой, — Седой перехватил мою руку на половине пути. — Сойдёт. Побуду немного братом Галумом, дам тебе пару уроков от его имени. Нужно только будет отыскать чуток специфичных трав. Вряд ли у этого слизняка из Ян найдутся нужные зелья в его кисете, он всё же был немолод на самом деле и если и пользовался этим разделом зелий, то лишь молодился, а не старился.

Я прищурился:

— Так, значит, ты алхимик?

— Я? — изумился Седой. — Нет. Моё призвание махать мечом и выпускать кишки из сектантов, ещё есть немного склонности к формациям. Мог бы стать исполнительным подмастерьем у какого-нибудь хорошего мастера формаций, но такая жизнь не по мне, да и Ордену никчёмные подмастерья не нужны. А та штука, что я хочу тебе сварганить, это даже не алхимия. Отвар из необычных трав. Его даже ты сумеешь сделать.

Звучало очень и очень интересно. Если с Орзуфом я действительно не видел разницы в коже, то с этим образом старика Седой совершенно прав. Поэтому я похлопал себя по кисету на поясе и сообщил:

— У меня есть много каких трав. Что именно тебе нужно?

Седой ухмыльнулся:

— Даже не сомневался. Алая Щитовка, Трехлепестковый Балдур, Сиреневые Ромашки...

Травы действительно потребовались простые, не для алхимии. Будь они ещё чуть проще, то их бы могло просто не оказаться у меня в кисете. А так, перебрав добычу путешествия к поместью, включая добытое с тела моего предшественника, этот накопившийся стог травы, я легко отыскал требуемое.

Седой попросил ещё котёл, артефакт очага и уселся варить. Рецепты и правда оказались незамысловатые, готовились в три этапа, и на выходе получилось не очень приятно пахнущее густое варево и жёлтый отвар с едким резким запахом.

Седой ухмыльнулся, видя, что я морщу нос:

— Этим натереть кожу, этим промыть волосы.

Я вздохнул и занялся сначала волосами.

Отвар заставил волосы побелеть, включая даже прядь, окрашенную стихией, а варево быстро впиталось в кожу и стянуло её словно солёной коркой.

Седой оглядел меня и потёр ладони:

— Вот теперь неплохо. Правда, эта дрянь продержится на коже не больше суток, нужно будет обновлять.

— А волосы?

— А с ним и проще, и сложнее, он ядрёный и обновлять не нужно, выжег твой настоящий цвет, но отрастать будет родного цвета. Мы успеем.

Я хмыкнул, но объяснять Седому причину веселья даже не подумал. Наши отношения, пусть я ему и очень нужен, не настолько хороши, чтобы я рассказывал ему свою жизнь. А вспомнил я время, когда вернулся от озера с Жемчужиной сектанта и красовался синими корнями отросших волос. Прятал их, пользуясь краской для девушек-цветков, которые выдавали себя для клиентов за коснувшихся стихии. Только сейчас всё наоборот.

— Так, — ткнул меня пальцем в грудь и принялся умничать Седой. — Ты мой собрат по Ордену. Плохо, что я без кисета, а ты без плаща Ордена, но не все собратья, особенно без особых талантов к схваткам, носят плащи.

Я понимающе кивнул:

— Только особо наглые, за которых объявляют награду Алые Пики. Чтобы их было проще искать.

Седой недовольно покосился на меня, но кивнул:

— Тоже неплохо звучит. Тебе не достался особый талант и ты так и застрял на этапе Предводителя.

— Не лучше ли заявиться в город двумя Властелинами?

Седой вскинул брови:

— Малец, ты, конечно, наглый безмерно и так же безмерно талантлив, но знай меру. Как ты выдашь себя за Властелина?

— Насколько я помню, в городе запрещено летать. Ну так я и не буду летать. Или мы сразу обрушимся на квартал Ян с неба?

— Нет, — медленно протянул Седой. — Я предпочту начать тихо и разбираться с Ян по очереди.

— Значит, летать мне не нужно будет.

Седой всё уже понял:

— Хм-м. Ощущаешься ты странно, как очень слабый Предводитель. Всегда можно сказать, что ты не очень сильный Властелин и плохо умеешь закрываться от мира, поэтому твоя сила просачивается. Но ко всему этому неплохо бы добавить хоть чего-то настоящего, малец. Сумеешь с Указами устроить красивое представление-схватку хоть против одного Ян? Чтобы он не сумел сказать, что ты его ослабил?

— С Ян это с Властелином? — уточнил я, а стоило Седому кивнуть с широкой улыбкой на лице, как я покачал головой. — Ну уж нет, забирай их себе, как мы изначально и договорились. Я возьму на себя тех, кто послабже. Предводителей. И вот уж с ними постараюсь, чтобы они поверили в то, что я Властелин.

— Интересно, как ты это себе представляешь?

Я почувствовал, как губы сами разъезжаются в улыбке и не стал с этим бороться:

— К чему гадать? Давай догоним тех, кто спасся от големов и я тебе покажу, как это будет выглядеть.

— Надеешься догнать ту женщину и её людей?

Улыбка исчезла с моего лица, и я промолчал.

Седой сложил руки за спиной и поднялся в воздух, оставив меня на песке.

Я покачал головой, достал меч и рванул следом. Догнав, задал вопрос, который меня

заинтересовал:

— Кстати, про истинность. Если подумать над тем, что ты мне рассказал, Седой, то становится понятно, что даже у истинных мастеров Указов есть разница в таланте между собой. Предельный талант, которым ты назвал меня, не может быть талантлив ни в чём, кроме этих самых Указов. Например, не сможет махать мечом или копьём.

— Это другое, малец, — Седой не обернулся, но недовольство в его голосе можно было черпать ведром и носить на огород, поливать что-нибудь. — Это умения тела. Ты ещё скажи, что ходить не смог бы.

— Интересная мысль, — плеснул я масла в огонь. — Возможно, предельно сильные истинные мастера Указов действительно калеки, которые никогда не доживают до десяти лет и начала Возвышения, когда просыпается их талант.

Седой провалился в воздухе, рухнул вниз и летел к земле вдох, не меньше. По сути, споткнулся от мысли, что я бросил в его сторону. А значит, что-то в моих размышлениях задело его, Властелина, которому сколько, лет под сотню?

Но я на этом не остановился:

— Но вернёмся ко мне. Я лекарь, причём лекарь не очень опытный, но очень неплохой. Например, я могу не только прирастить отрубленную руку, но и свести старые шрамы от стихии. А это уже не умения тела. Выходит, не так уж и велик мой талант к Указам, далеко не предельный, изрядный его кусок ушёл на талант лечения.

Седой угрюмо спросил:

— К чему ведёшь?

Забыл даже добавить своё извечное «малец». Я усмехнулся:

— Так может, не так уж я и нужен Ордену? Может, разбежимся? Ты к Ян, выбивать свои вещи, я в другую сторону. Или ты в другую сторону, а я к Ян?

Седой крутнулся на месте, продолжил лететь спиной вперёд, глядя теперь мне глаза в глаза:

— Малец, не пойму, почему ты постоянно испытываешь моё терпение и раз за разом давишь, пытаешься разделить наши дороги? Да, возможно, ты верно сумел объяснить разницу между боевым и истинным мастерами Указов. Возможно, боевой это тот, что может махать ещё и мечом, раскидывая техники направо и налево, а истинный только и может, что создавать печати, во всём остальном являясь полной бездарью. Что мне до того? Ты единственный истинный мастер Указов, которых я встретил за свою жизнь, я не могу упускать такую возможность исполнить мечты Ордена. Поэтому буду рядом с тобой. Буду надоедать, насмехаться, тыкать тебя прозвищем...

— А что-нибудь, кроме этого счастья?

— Делиться с тобой знаниями, защищать тебя и по десять раз на дню уговаривать пойти со мной в Орден Небесного Меча и возродить его былую славу.

— Ясно. Добрая жменя плохого с щепотью хорошего. Я ничего обещать не буду, Седой.

Он фыркнул:

— Да я уже понял, малец. Где-то между пятым и десятым разом. Но ничего, рано или поздно ты поймёшь, что Орден — это лучший путь для тебя и твоего таланта.

И снова я не стал молчать:

— А те десять великих кланов?

— А как ты думаешь, какая тебя ждёт в них судьба?

Я пожал плечами:

— Почёт, уважение, тёплое место, женщины и всё прочее, чем ты меня соблазнял?

— Золотая клетка, к которой тебя вознесут на руках? Я бы мог решить, малец, что ты говоришь всерьёз, но чуток уже узнал тебя. Это ведь не по тебе.

— Ты ведь не всё обо мне знаешь. Моя семья как раз часть одного из этих кланов.

Седой нахмурился, явно ощутив, что я говорю правду, но кивнул:

— Да, трудно поверить, что такой талант появился в семье какого-нибудь крестьянина-Закалки. Пусть так. Но твоя семья там, а ты здесь, в землях Ян, одной из слабейших семей Пятого. У них даже резиденции нет в Четвёртом поясе, они не то что в сто сильнейших фракций империи не входят, они, вообще, в список фракций едва попали. Это ведь не случайно. Значит, ты не хочешь пользоваться связями своего клана, в ссоре с ним или даже затаил на него злость и ненависть. Справедливость, да?

Ответ я получил интересный, он поднимал много вопросов, например, о семье Виликор, которая жила в Третьем и захотела стать чем-то большим. Может быть, они захотели стать как раз фракцией и проиграли? И какая разница между Третьим и Четвёртыми поясами? И что-то я такое про резиденции помнил из уроков Академии, но что точно? Было ли там хоть что-то про резиденции других фракций Империи?

Но эти вопросы снова из тех, что являлись основой, а я, из какого бы отшельничества ни вылез, должен погодить немного с такими вопросами. Достаточно того, что я и так подставился со своими ругательствами. Хорошо ещё, что Седой сам себя убедил, что я не могу быть из тюремных Поясов.

Вот ещё одна причина держаться подальше от всех этих фракций и их внимания. И нет, дело не в том, что я Леград и по-боевому истинный мастер Указов, которого, возможно, ищут

Стражи. Дело в перстне с драконом. Если он действительно может влиять не только на порталы сектантов, которые они называют Пробоями, не только на бесхозные переходы в тюремных Поясах, но и на порталы в городах фракций, то это...

Это не то, что фракции согласятся упустить из своих рук.

По уму мне бы действительно сидеть тихо и не привлекать к себе внимания, а не лезть мстить Ян и искать Лаю.

Но тихо уже не получится, а мне по-прежнему не хочется прийти однажды к маме и сестре всего лишь братом Говорящей с Небом.

Седой предлагает неплохой выход. Правда, я пока не знаю, что там за мечта у Ордена и его основателей, но раз им нужен боевой мастер Указов, который отправится за Ключами рисковать жизнью, то эта мечта явно не на заднице сидеть.

Нужно будет потихоньку понять, насколько силён распущенный Орден Небесного Меча, чего именно они хотят, как силён их клан-союзник и прочее. Например, что за клан Алые Пики и как будет действовать император, когда распущенный им клан начнёт отхватывать себе куски Поля Битвы.

Правда, не думаю, что это случится скоро. Не зря же Седой закатил мне урок про настоящих идущих к Небу и так нахваливает этап Властелина Духа. Смешной, как будто я сам не хочу стать сильнее. Похоже, что будь ты хоть десять раз боевым мастером Указов, но пройти к Ключам Предводителем не получится.

Я и сам хотел найти новые земли для Возвышения. Те, где небесные травы посильнее, где стихии побольше и прочее.

И чем больше Седой рассказывал, как слабы Ян среди других фракций, тем больше предвкушал свой визит к ним.

В этот раз я точно доберусь до портала и проверю на нём свой перстень с драконом.

Поэтому кивнул, ведь во многом Седой был прав:

— Да, справедливость. Я не буду ничего обещать тебе, Седой. Давай пока догоним Лаю и разберёмся с Ян.

— Со вторым мы уже вроде почти договорились, с первым, — Седой пожал плечами. — Малец, едва она добралась до конца зоны запрета полётов, как прыгнула на меч и рванула к городу. Я бы сказал, что она уже там, что уже добралась до портала и уже в тысячах ли от нас. Что, прыгнешь за ней?

— А не должен? Вроде мы собираемся потребовать с Ян возмещения твоих страданий. Неужели ты не выделишь своему помощнику в этом деле духовных камней на лишний переход?

Мы всё так же мчали к городу Ян, пусть и Седой делал это спиной вперёд. Сейчас он и вовсе скрестил руки на груди:

— Малец, мы уже выяснили, что ты выходец одного из великих кланов, прожил с учителем в отшельничестве и он был тот ещё вредный старик, научивший тебя плохому, но мало рассказавший о жизни вне его пещеры.

— Ну, пусть так, — с улыбкой согласился я.

— Значит, на новом месте ты снова не будешь знать, кому можно довериться, где искать эту Лаю и прочее.

— У меня будут деньги и мой талант. Зачем мне что-то ещё?

— И что, даже помощь опытного путешественника не пригодится?

— Это ты о себе?

— Верно.

— Но не просто так же?

— И снова верно, малец. Я помогу тебе с Ян, я помогу тебе с этой Лаей, а ты пообещаешь отправиться со мной в Орден и вернуть ему былое величие.

— Седой, у тебя совесть есть? Это я буду помогать тебе забрать твои вещи у Ян, а с Лаей и сам справлюсь.

— Не на всех идущих будут печати, которые ты сможешь украсть.

— Снова? Я же сказал, что могу справиться и без них, как справился, спасая тебя.

— Проверим, малец? Вон, — Седой ткнул пальцем. — Как раз гости, на которых ты можешь показать, насколько ты хорош. Вроде ты совсем недавно этим грозился, представиться Властелином.

Седой летел лицом ко мне, спиной вперёд, поэтому и сейчас пальцем указывал куда-то совсем в сторону от города Ян, к которому мы вроде как летели.

Я глянул на солнце, горы и понял, что всё верно. Это никак не могут быть беглецы от големов, мы уже и вовсе на территории...

Хмыкнул:

— Это ведь Кулаки? Да ещё и совсем не те, что бежали вместе с нами?

— Тебе какая разница?

— Просто смешно, сначала Ян меня уговаривали схлестнуться с ними, теперь ты.

— Не хочешь?

— Да какая... — я уже хотел было махнуть рукой, как меня пронзила мысль. — А давай спорить.

— Хм-м, малец, ты удивляешь меня всё больше и больше. Ну, давай. О чём спорим?

— Что я заставлю их поверить, что я Властелин?

— Без печатей! На помощь Ордену, — быстро предложил Седой.

— Хм-м, — теперь задумался уже я, мотнул головой. — Не пойдёт. Ты слишком ограничиваешь меня и ставишь слишком высокую цену.

— Ты ещё предложи на интерес спорить, малец. Какой смысл без ставки?

— Давай на рассказ.

— Что на что меняем?

— Хотелось бы сначала услышать твою ставку.

— Если не сумеешь, то расскажешь мне, у какого клана жил на задворках.

Я задумался. В таком виде ответить не выйдет, он почувствует ложь, но можно рассказать, на задворках какого клана живёт моя семья. Ухмыльнулся:

— Идёт. А если выиграю я, то расскажешь мне всё что знаешь про клан, о котором я спрошу.

Старик азартно согласился:

— Идёт!

Я кивнул, улыбка моя стала ещё шире. Знал бы Седой, что в обоих случаях речь будет идти об одном и том же клане. Я перестал вливать силу в меч и рухнул вниз, стремительно приближаясь к земле. Летя на мече сложно будет выдать себя за Властелина.

К этому времени мы порядочно отдались от земель Сестёр, песок давно сменился густо заросшим полем, то тут, то там начали встречаться одиноко стоящие деревья. Под одним из них я и расположился. Вроде как, на обед и обеденную медитацию.

Не прошло и сотни вдохов, как Кулаки свалились сверху, сразу взяв меня в кольцо и закружив вокруг на мечах.

Только один спрыгнул с меча, шагнул ко мне, злорадно усмехаясь:

— Так-так-так. Что это? Чужой в наших землях? Все на ушах стоят из-за Бедствия, ломаются в город, а ты словно ослеп? Старик, ты, вообще, кто и к какому союзу принадлежишь?

Медленно повёл головой, оценивая силу окруживших меня, а главное, продолжая быстро касаться их защиты и подыскивая к ней подход.

Это не Нулар, это не семья Ян, амулеты защиты от Указов на них попроще, но начать нужно с самого опасного.

— Старик, ты оглох?

Кулак, старший среди них, сильнейший из них, шагнул вперёд, намереваясь, то ли надавить на меня, то ли пнуть мои чашки, что я расставил перед собой на куске синей ткани.

Но я успел первым и зло рявкнул:

— Стоять!

Конечно, те шестеро, что кружили вокруг меня на мечях, и не подумали остановиться, но вот их старший, тот, который был уже в трёх шагах от меня — замер.

Да, сложно не остановиться, когда Прозрение намекает тебе, что тебе хотят свернуть голову, а главное, имеют все шансы это сделать.

Кулак потрясённо выдохнул:

— Кто ты такой, старик?

— Кто я такой? — недоумённо переспросил я. — С каких пор младшие стали так невежливы? Сначала вы приветствуйте своего старшего, назовитесь, а затем уже можете скромно поинтересоваться планами этого старшего и его именем.

Старший Кулаков закаменел лицом, уставился на меня, пытаюсь то ли пронзить взглядом, то ли воспламенить.

Но хотя бы ухмылки с лиц Кулаков я стёр.

— Чтобы произносить такие угрозы нужно обладать главным — силой. Почему я не ощущаю в тебе такой силы? Желание убить меня ощущаю, но оно...

— Убить? — перебил я его и насмешливо фыркнул. — Ха! Я лишь допустил мысль отмахнуться от тебя, как от надоедливой мухи, на кой мне убивать такого, как ты? Для того чтобы убить тебя, мне не нужно прилагать ни малейших усилий.

Если до этого я пропускал мимо себя большую часть болтовни, которую они вели между собой мыслеречью, то тут в ней начали проскакивать здравые мысли:

— Старший, он либо безумен, либо...

— Либо что?

— Не мне напоминать вам, что Властелины могут скрывать свою силу.

— Властелин? Здесь? Обедающий на тряпке? К тому же они скрывают свою силу полностью и в этот момент неотличимы от обычного Закалки. Этот же... Предводитель.

Я покачал головой и надавил:

— Безумцы. На колени. Извиняйтесь, и тогда я сохраню вам жизни.

Кто-то снова торопливо забормотал:

— Всё так, старший, но Властелины первых звёзд только учатся это делать, а нам, уж простите, без разницы, первой он там звёзды или десятой — он может раздавить нас как мух.

И старший из Кулаков засомневался, сглотнул и негромко произнёс:

— Я готов принести свои извинения, но сами подумайте, можно ли поверить в такую встречу?

— Кх-м, — я усмехнулся. — Здесь ты прав. Давай я убью кого-то, и тогда всё станет ясно.

— Нет-нет-нет, — Кулак даже отступил на шаг, хотя я и не думал больше представлять, как пробиваю ему средоточие. — Давайте как-нибудь докажете свою силу по-другому.

Гордый и осторожный. Вроде и согласился со мной, вроде и стал говорить вежливо, но старшим так и не назвал.

Я кивнул:

— Да будет так.

Встал, сосредотачиваясь на уже один раз выручившей меня технике.

Барьер Прибоя.

Суть трюка в том, что я, пусть и познал эту составную технику, но ещё не могу использовать её только по желанию и без обращений. Но эта вроде бы земная техника, разделена на множество частей, каждая из которых не более чем человеческая. Всего-то тридцать узлов в каждой. Ни один из семи Кулаков не видел сейчас обращений к Небу, которые друг за другом сменились вокруг моих рук.

Они только видели, как я встал, медленно развёл руки и тут же окутался защитной техникой.

Один из Кулаков тут же лихорадочно завопил:

— Техника без обращений! Техника без обращений!

Ему упрямо возразили:

— Или всего лишь человеческая. Нужно это проверить.

Я растянул губы в улыбке:

— Всего лишь человеческая? Нужно проверить? Хорошо, проверяй.

— Он слышал! Он слышал ваши слова, старший! Какого ещё...

— Заткнулись! На счёт три бьём всем, чем можем. Собрались!

Вслух же Кулак медленно произнёс:

— Прощу прощения за этот ход, старший, — поднял руку ко мне ладонью. — Раз, два, три.

В Барьер Прибоя ударили Сути Стихии, призрачные лезвия, огненные шары и прочее.

Ударили и осыпались вниз осколками, не в силах пробить защиту этой техники. Земной? Что же, ничего лучше этой вроде бы земной защитной техники у меня пока нет и на один удар её вполне хватает даже против семи Предводителей.

— Я же говорил! Я же говорил!

— Заткнись. Здесь что-то не так. На счёт...

Упрямый и недоверчивый. Главное, не дать им повторить.

Я коротко предупредил:

— Моя очередь, — и тут же без промедления рявкнул. — На колени!

Выплеснул из себя поток духовной силы, отправил следом змеев воды, а затем добавил то, что подсмотрел у Древнего в кристалле.

Вышло даже лучше, чем я ожидал.

Всех шестерых, кто всё ещё кружил вокруг меня на мечях — снесло с них. В тех, что послабее, вцепились змеи, одаривая ранами. Впервые я видел, чтобы их силы хватило причинить вред не Воинам, не Мастерам, а целым Предводителям.

Не зря я корпел в подвале, не зря я натравливал своих змеев на чужие стихии, не зря.

На ногах устоял только их старший, тот, что был шестой звезды Предводителя, не меньше.

Он даже успел толкнуть из себя силу, духовную защиту, пытаясь противостоять мне, зажёл какое-то обращение перед левой рукой, но...

Ему не хватило какой-то доли мига, потому что за время всей этой болтовни и представления с их попыткой — я успел обмануть его защиту, похитил его Указ и сейчас вписал в него свои символы.

Ограничение. Воин первой звезды.

Этого мига хватило, чтобы техника, для которой разом заблокировали почти все узлы и меридианы — сорвалась, одаривая Кулака обжигающей болью.

Слабый, ограниченный, подавленный, он рухнул на колени под давлением моей силы, завыл, схватившись за руку.

Да, несладко приходится Воину под напором моих змеев воды. Они словно почуяли его слабость, вцепились в него со всех сторон, ныряя в тело.

Через миг я стёр ограничение, а то, чего доброго, мои змеи и вовсе его сожрут.

Он часто-часто задышал, словно рыба, которую выбросили на берег — широко открывая рот и буквально заглатывая воздух.

Отпустил руку, вцепился пальцами в грудь, сминая халат.

Неужели этого мало?

Рявкнул мысленно:

— Ко мне!

Потянул к себе стихию, очищая от неё давление своей силы.

Из груди Кулака вырвался один, огромный, в руку толщиной змей.

Кулак, пусть и не видел его, зато явно почувствовал — выпучил глаза, а через миг, стоило последнему кусочку хвоста змея покинуть тело Кулака, как его скрючило и вырвало кровью.

Похоже, мало того, что мои змеи ополовинили его запас стихии, пока он был беспомощным Воином, так ещё и повредили ему всё внутри.

С досадой хлопнул себя по бедру:

— Ты погляди, строил из себя старшего, а стоило мне чуток выплеснуть своё недовольство, как ты... — покачал головой. — Смотри не сдохни.

— Старший! Старший! — пополз ко мне на четвереньках один из Кулаков. — Простите этих

младших и будьте милосердны.

Вернее, полз он ко мне на трёх конечностях, сжимая в кулаке правой руки фиал.

— Старший, простите нас и позвольте помочь моему собрату. Прошу вас! Лишь его ответственность и упёрт... лишь ответственность привели к этому недопониманию!

Я хмыкнул. Вот тебе и Кулаки. Сцена очень сильно напоминала мне то, что случилось однажды в пещере с Сердцем Воздуха, мной, Киртом и Труеком.

— Недопонимание? Хорошо, я дам ему ещё один шанс.

Я поднял руку и использовал Воды Итреи. Без обращения, как и должно Властелину Духа, благо эссенции духа накопилось достаточно.

Старший Кулак тут же перестал кашлять кровью, выпрямился, с ужасом глядя на меня. И молчал.

Тот, который, наконец, дополз до него с фиалом, плотно сжал губы, ткнул его локтем в бок и прошипел мыслеречью:

— Извиняйся, гархов тупица. Проси прощения!

Старший Кулаков вздрогнул, медленно согнулся:

— С-старший, простите меня за неверие и грубые слова.

— И за проверку, — вредно напомнил ему.

— И за п-проверку, — старший Кулаков утёр кровь с подбородка и окровавленными руками приветствовал меня. — Старший, простите.

Я сел, снова взялся за ложку, краем глаза и восприятием Предводителя продолжая приглядывать за всеми вокруг. Потихоньку втянул в себя и духовную силу, ослабляя давление.

Все стояли на коленях и вытягивали в мою сторону сложенные в приветствии идущих руки.

Я зачерпнул мяса, бросил поверх ложки взгляд на старшего Кулаков и спросил:

— И что? Ты думаешь, что простых слов будет достаточно? Что вы можете предложить в качестве извинений? Чем вы выкупите жизни таких, как вы, глупцов?

Все семеро принялись переглядываться, видно вспоминая содержимое своих кисетов и пытаясь сообразить, есть ли там достойная Властелина плата или они сделают только хуже?

А я что? Я с ухмылкой наблюдал за ними и ждал, как они выкрутятся.

Едва бедолаги Кулаки, резко ставшие нищими и, наверняка, зарекшиеся до конца дней грубить незнакомым старикам, превратились в точки на горизонте, рядом со мной проявился Седой, сняв с шеи артефакт невидимости. Мой, между прочим.

Несколько вдохов Седой пялился на меня немигающим взглядом, а затем с нажимом, вслух спросил:

— Что это было, малец?

— Спор же, — я пожал плечами. — Я, вроде как, доказал тебе, что могу заставить противников поверить, будто я Властелин.

Седой скривился:

— Вот ты скользкая мелочь, малец. Прекрасно же понял, о чём я.

Я честно ответил:

— Нет, не понял.

Седой выдохнул, на миг мне даже показалось, что он тянет время успокаиваясь. Да ладно? Наконец он ткнул в мою сторону пальцем:

— Техники и умения, что ты уже второй раз используешь на моих глазах, малец. Ещё после прошлой драки я понял, что ты очень непрост, ты использовал защиту, которая выдержала удар Властелина.

— Так Властелин-то оказался чуть ли не поддельный, выстроивший своё Возвышение на песке.

Седой, не обращая внимания на мою насмешку, не сводил с меня взгляда и продолжал говорить о своём, хмуря брови:

— Была у меня мысль, что ты использовал какой-то артефакт. Раз уж нашёл кристаллы знаний Древних, то мог найти и их артефакты. Но и кристаллы пустые, да и подобные артефакты чаще одноразовые. Я немного даже позабыл об этом, а тут, — Седой развёл руками, вроде как, изображая мой купол Прибоя, — шух, и снова ты под защитой.

Он был так забавен в своей нарочитой хмурости и изумлении, что я не удержался — упёр руки в бока, задрал нос и заявил:

— Наконец-то, ты, Седой, начал задавать верные вопросы. Всё болтаешь о том, как я нужен твоему Ордену, а не можешь даже вообразить, насколько ты прав, — ткнул себя в грудь пальцем. — Этот младший так хорош, так талантлив и обладает такими секретами, что его бы с радостью приняли у себя все сильнейшие фракции империи.

Седой выпучил глаза, закашлялся, но я даже бровью не повёл, продолжил нести чушь пополам с правдой:

— Они бы в очередь выстроились, чтобы заманить этого младшего к себе дарами, невестами и сладкими обещаниями. Если уж ты взял на себя ношу вербовщика Ордена, то старайся лучше, Седой. Одними увядшими цветками павильонов и обещаниями сотен смертей этого младшего к себе не заманить.

Седой принялся стучать себя в грудь, справился, наконец, с кашлем, покрутил головой и с восхищением заявил:

— А ты хорош. Я даже поверил сначала.

Я, задетый за живое, переспросил:

— Что значит сначала?

Но Седой и не подумал отвечать, сам ужалил меня:

— Ты себя в зеркало видел, младший? Какие тебе невесты, старый хрыч?

Зеркало лежало далековато, но я понял о чём он, поднял к лицу руку, кожа на которой стараниями Седого словно высохла и покрылась морщинами. Не выдержал и расхохотался. Через миг мой хохот подхватил и Седой.

Смеялся он так, что слёзы выступили. Смахнув их, перевёл дух и снова заговорил:

— А теперь давай серьёзно, малец. Твой упрёк я понял, одними знаниями тебя в Орден не заманить, нужны ещё и невесты. Не сказал бы, что у нас в Ордене много учениц, но они всё же есть, не одни мужики приходят в Орден за справедливостью или мстью, да и те из нас, кто создают семьи, стараются, чтобы дети принимали наши мечты и вливались в Орден. Так что невесты будут, лично прослежу, чтобы у тебя было из чего выбирать.

Теперь ошеломлённо закашлялся уже я, тут же воспользовался рецептом Седого и лупанул себя кулаком в грудь. Мысли лихорадочно заметались в голове. Что-то мне такое будущее совсем не нравится. И ведь по кашлю Седой уже понял, что попал в цель, теперь дай ему шанс и он будет меня клевать в темя этими невестами...

Язык тем временем сам по себе шевелился:

— Неплохо, неплохо, ты знаешь, чем заманить этого младшего, Седой. Только сильно не спеши с этим, если я всё же соглашусь отправиться в Орден. Тебе, вроде как, нужно его возрождение, а о каком возрождении может идти речь, если я буду весь занят невестой?

В голове вдруг мелькнуло воспоминание о моём прошлом. Очень и очень вовремя, и я, уже вполне осознавая что и зачем говорю, небрежно заметил:

— К тому же одному старшему я уже обещал подумать над женитьбой с его внучкой, да и она девушка неплохая, многому меня научила. Так что такие дела я буду решать только в порядке очереди.

Седой не смутился, тут же поддел:

— Жениться будешь по очереди? Так ведь перед Небом может быть только одна жена.

Я степенно ответил:

— Невест рассматривать буду по очереди, и первая по счёту уже есть.

Седой погладил бороду, покивал и негромко, вроде как, тайком, сообщил мне:

— Ты уж совет выслушай. Жизнь она долгая, тем более у сильного идущего, поэтому и правда, не спеши с этим. Зачем тебе невеста, жена и все эти сложности? Ты сначала поживи свободно, в своё удовольствие, а потом уже невест рассматривай. Оно ведь как? Если невеста прям ух, серьёзная, то всё на посмотреть и закончится, а с остальным как? А вдруг не подходите друг другу?

Не особо его понял, но главное уловил, поэтому подхватил:

— Как приятно послушать мудрого человека. Решено, когда меня придут уговаривать фракции, невест отложим, начнём со знаний.

— Отлично сказано, — похвалил Седой и тут же нажал на меня. — Давай, начинай первым, чем ты защищался эти два раза?

Седой замолчал, не спуская с меня взгляда, молчал и я. Думал.

Пожал плечами и признался:

— Это была составная техника, которую я использовал в одиночку.

Седой моргнул раз, другой, третий. Я усмехнулся. Откровенно, не скрываясь. Седой тряхнул головой, попросил:

— Повтори, что ты только что сказал?

Я с удовольствием это сделал. Седой в этот раз прикрыл глаза. Так, с закрытыми глазами задал следующий вопрос:

— А вот это, чем ты приложил несчастных? Давление силы и?..

Объяснять было бы долго, поэтому я кратко сообщил:

— Защищайся. Покажу.

А едва Седой открыл глаза, отправил в его сторону одного змея стихии.

Тот рассыпался на сотни нитей, растворился бесследно, не долетев двух шагов. Седой довольно кивнул:

— Фух, ну с этим понятней. Истинное проявление Сути Стихии, — прищурился, глядя на меня. — Выходит, когда ты говорил, будто талантлив настолько, что за тобой бы выстроились сильнейшие фракции империи, ты не только сам верил в это, но и можешь подтвердить делом.

Я снова напомнил себе — Седой ощущает, когда я лгу, поэтому нужно всё же укорачивать язык и обдумывать, что говорю.

Седой вдруг усмехнулся:

— Так, может, ну его, этот город Ян? Давай я провожу тебя, малец, к воротам одной из таких фракций? Куда? Давай к клану Эрзум. Или, может, замахнёмся сразу на клан Вилор? Войдёшь в клан Императора?

Седой явно хотел что-то проверить, вот только ошибался в самой сути. Он бы ещё предложил наведаться к воротам Стражей для экзаменов. Или к Мадам. Что в первом, что во втором случае была бы потеха.

Поэтому я снова воспользовался безотказным приёмом. Улыбнулся в ответ на улыбку и покачал головой:

— Ну уж нет, я сейчас другим делом занят, нужно же ещё вещи твои вернуть.

— Малец, да что там тех вещей, — махнул рукой Седой. — Мне клан Эрзум отсыплет в три раза больше, когда я приведу тебя к их воротам.

Я пожал плечами:

— Ну не хочешь, не будем твои вещи возвращать, ходи в одежде с чужого плеча и пользуйся моим мечом. Твой выбор. Вещи с Ян я всё равно выбью и себе оставлю. На память.

— Малец.

Не обращая внимания на Седого, я заметил:

— Как ты сам сказал, шутка, повторённая в десятый раз уже не смешна. А мне в город ещё и по своему делу нужно.

Коротким жестом коснувшись кисета, дал намёк. Пиатрий, чьё тело я нёс в кисете. И не только его тело. Мне хватило одной ошибки, чтобы не допускать её больше. Как бы ни был плох Браут, пусть он и носил фамилию Ян, пусть я и собирался возможно даже убить других Ян, он сражался рядом со мной, он был моим человеком, пусть и недолго. Я просто не мог

бросить его тело там, в песках. Как бы ни повернулось дело в городе, думаю, я найду человека, который позаботится о мертвецах.

Седой неожиданно снова расплылся в улыбке. Широкой и довольной. Пользуется моим приёмом?

— Да, малец, твой наставник тебя буквально стальными стенами оградил от внешнего мира.

Дураком я не был. Значит, имя второго клана — это какая-то проверка от Седого. Такого клана вообще нет? Нет, слишком просто. Значит, он либо не принимает со стороны, даже через новые брачные связи, либо... Либо они не дали бы никакой награды орденцу. Может, орденец и появиться на их землях не может. Седой хотел меня поймать в ловушку?

П-ф-ф.

Я насмешливо фыркнул, вытащил меч и унёсся в небо.

Но убежать от Седого, конечно же, не сумел. Да и не пытался.

Покрутил в голове название.

Эрзум, Эрзум, Эрзум.

Вспомнил!

Не зря всё же копался в памяти. Тот самый, оставшийся для меня безымянным Страж. Он упоминал этот клан, что-то... Что-то про то, что они хотят заполучить богатства Ордена в Четвёртом поясе. Значит, я был совершенно прав в своих...

Отвлекая, меня догнала мысль Седого:

— Ох и упрям ты, малец. Хуже барана. Ну, хочешь вернуть старику его вещи, не буду отказываться.

Я не сдержался:

— А-ха-ха!

Седой догнал меня, поравнялся, невозмутимо продолжил:

— А говорил, в одиннадцатый раз несмешно.

— Я...

Седой перебил:

— Неважно. Раз продолжаем лететь, то запомни, как бы ты ни был хорош, выдавать себя за

Властелина не нужно.

— Но я...

Седой снова оборвал меня:

— Всё это уже слышал. Не получится. Да, полёты в городах под запретом. Но это в таких никчёмных городах обеспечивается не формацией или массивом, а лишь силой имени фракции-хозяина города. Будь уверен, когда дойдёт до дела и схватки, ни один из Властелинов в городе не будет ходить пешком, просто потому, что полет — это свобода, в том числе и удара с неожиданного направления.

Мне только осталось признать его правоту:

— Понял.

— Раз понял, то называйся пиковым Предводителем Воинов.

Вспомнив, как сумел определить мое Возвышение дед Нулара, я спросил:

— А как быть с тем, что кто-то из Властелинов сумеет определить моё Возвышение?

Седой изумился:

— А когда ты хотел выдать себя за самого Властелина, тебя это не смущало? — я не нашелся, что сказать, а Седой уже махнул рукой. — Не обращай внимания на такие мелочи. Есть артефакты для скрытия Возвышения, есть техники для этого. Главное — сила, которую ты можешь показать, а с этим у тебя проблем нет. Вполне подходишь для Пикового Предводителя. Даже больше. Не каждый из таких идущих способен познать истинную Суть Стихии. Уверен, половина из Ян как раз такие.

— Та половина, которую ты одной рукой? Разрыв действительно так велик?

Седой поморщился, благо летел на расстоянии вытянутой руки и я отлично его видел:

— Малец, повторю, будь я лет на двадцать младше или не будь у меня моей седины, то так бы всё и случилось, но... — Седой развёл руками. — Не всё так просто. Да и одно дело рискнуть в авантюре собой, другое истинным мастером Указов.

Я напомнил:

— Я не истинный. Я могу лечить, могу в одиночку использовать составные техники и прочее. Называй меня уж боевым мастером Указов. Мне кажется, это правильной.

Седой окончательно скривился:

— А как всё было просто и ясно в миг, когда ты навалил первый вал големов. Я о таком, что

в одиночку используют составную технику, только слышал, и то, байки. Из сколько хоть частей состоит эта твоя техника?

Помедлив, я честно сказал:

— Из одиннадцати.

Седой провалился вниз, через миг выровнялся, поднялся, покрутил головой и дальше летел молча. И хорошо. Потому что на следующий и вполне ожидаемый вопрос — как называется эта составная техника, я как бы затруднялся ответить.

По той простой причине, что не знал, есть ли у имперских фракций техника Барьер Прибоя. Не хватало ещё к горке моих странностей добавить разучивание техник сектантов. Лучше оставить эту технику безымянной. Вот такой странный был наставник — учил просто технике защиты. Свиток тоже был без названия.

Дальше мы летели молча. Пока мне не надоело и я не спросил:

— А что за травма у тебя?

Седой, явно ещё погруженный в себя, отстранённо переспросил:

— Какая ещё травма, Малец?

— Ну, ты зелье купил в городе у Пиатрия, потом во время сражения ещё орал, что если бы, да кабы, сейчас вот седину вспомнил, не в первый раз, между прочим.

Седой огладил бороду, равнодушно сообщил:

— Последствия добычи Ключей. Одна из причин того, почему я так зову тебя в Орден.

— Получить такую же травму? За компанию?

Седой ожёг меня взглядом, рявкнул:

— Пройти спокойным шагом там, где мы пёрли, кашляя кровью и теряя товарищей!

Я промолчал. Можно было бы извиниться, но я не особо видел, за что. Седой сам продолжил разговор:

— Седина — это последствия сражения. Тяжёлого. Мы истратили всё до дна и почти победили, не хватало какой-то малости. Я добавил эту малость, считаю, заплатил невысокую цену, тем более что потом Орден сумел купить эликсиры и я восстановил потраченное. Травма меридианов — это последствия зоны запрета не только техник, но и даже обращения к силе Неба. Но либо так, либо все бы мы погибли в тот день. Я и отделался не так уж и дорого — остался жив, не стал калекой. Так, есть некоторые проблемы, на которые раз в год, в два года нужно обращать внимание. Зелье поможет на год забыть о меридианах.

Подумав, я предложил:

— Вообще-то, я неплохой лекарь и меридианы это как раз то, в чём я пару раз помогал людям. Да и себя лечил.

— Не будь у тебя таланта мастера Указов, я бы, может, и загорелся надеждой. А так, — Седой отмахнулся, — если хочешь, как-нибудь на пути в Орден глянешь на мои болячки.

Я хмыкнул и из вредности заметил:

— Если я соглашусь искать вторую невесту именно в Ордене.

Седой коротко хохотнул, но ничего не стал говорить. Так мы и молчали, пока он задумчиво не буркнул:

— Хм...

Впрочем, я сразу понял, о чём он. На горизонте поднимались к небу тонкие ниточки тёмного дыма. Но это лишь потому, что далеко, а так — город Ян горел.

— Малец, знаешь, я всё больше и больше переживаю о тебе, — раньше, чем я успел то ли возмутиться, то ли посмеяться, Седой продолжил. — Нужно бы надёжно подтвердить то, что ты погиб. Входить вдвоём совсем не выход, а подсказка для внимательных. Нужно разделиться.

Вот тут я изумился:

— Да ладно?

Седой ткнул вперёд, на дымы:

— Видишь? Как я и надеялся — в городе беспокойно. Может, в глазах того юнца Нулара его план и был хорош, но я чуток успел побродить по городу, послушать, о чём говорят люди, как себя ведут союзы. Кулаки не прогнутся под Ян так легко и просто, тем более что Нулар ошибся в главном — Дамзор — мёртв. Останься он в живых и улепётывай прочь из земель Ян, то у требований Нулара было бы больше веса, а так, тот своей смертью искупил часть вины, да и выглядит теперь всё не так однозначно, как Нулару бы хотелось. Вопрос можно было бы решить силой, но не сказал бы, что перевес во Властелинах у Ян так уж велик, а эти дымы ясно сообщают, что так решил не только я. Если Нулар надеялся, что у Кулаков не найдётся союзников, то он ошибался.

— Я понял, — кивнул я, но не удержался от очередного повторения шутки. — Мы разделяемся, ты идёшь возвращать свои вещи, а лечу прочь, свободный от тебя. Так?

Седой спокойно кивнул:

— Да, если уже не хочешь отомстить за алхимика, то да.

Я ожёг Седого взглядом, но промолчал. Что уж тут, уел он меня так уел. Не хуже того, как я его с Павильоном Пяти Удовольствий.

— Проникаем в город вместе, не думаю, что ты без меня справишься. Там узнаем обстановку, выбираем два союза, к которым присоединимся. Я к одному, ты к другому. Я вернулся из песков и горю жаждой мести, ты... — Седой оглядел меня, подёргал в задумчивости бороду, сообщил. — Ты был обязан Пиатрию и владел его нефритом души. Едва получил знак о его смерти, прибыл в город. Теперь пытаешься понять, кто виноват, что тебе делать и как помочь Пиатрию.

— Первые два понятно, а последнее? Как я могу помочь мертвецу?

Седой поднял бровь:

— Если всё это задумали Ян и в лавке Пиатрия новый хозяин, то с чем осталась его семья?

Я глупо переспросил:

— Семья?

Седой вздохнул:

— Да, малец, иногда кажется, что ты и вовсе не думаешь. Вот и будешь для начала выяснять, есть ли семья у Пиатрия? Мол не видел его долгие годы, опоздал, так хоть у семьи спрошу, чем им помочь.

Я прикусил язык. Как меня Седой уел. Справедливость, да? Справедливость это ведь не только месть за смерть, но и заботы о будущем.

— После этого помогаем союзам против Ян. Я, как умею, ты тоже, малец, как умеешь, — Седой пристально на меня уставился, сказал прямо. — С помощью Указов. Там один Ян оступился, тут другой Ян вздремнул на миг.

Я скривился. Седой покачал головой, добавил:

— Разумеется, если Ян не согласится на мои требования, требования союзов и твои требования. Разумеется, если они попытаются задавить нас силой и заткнуть нам рты. Так пойдёт, малец? Или разворачиваемся?

Пришлось кивнуть.

— Пойдёт.

— Вот и отлично. Амулет невидимости у тебя один?

— Нет, но на мече он не работает.

— Точно, — Седой скривился, поманил меня рукой. — Давай ближе и слазь с меча.

— Чего?

— Ты внезапно одряхлел не только снаружи, но и внутри, малец? Слух пропал? Ближе, руку давай и слазь с меча. Дальше на мне полетишь.

Так стало понятней. Через вдох Седой вцепился мне в локоть, а я, изогнувшись, оставшись без опоры в воздухе, спрятал меч в кольцо.

Не сказать, что лететь так было удобно — Седой так вцепился в руку, словно пытался сломать её, да и воздух стал хлестать, выбивая из глаз слезы. Но затем Седой сбавил скорость, а чуть позже и вовсе повис на одном месте.

Через три вдоха Седой коротко, но непонятно сообщил:

— Не здесь.

Сместился влево на десять шагов. Затем ещё и ещё раз, то взлетая выше, то опускаясь ниже.

Я, пусть и бездарь в других профессиях, сообразил, что он делает. Общениа с давно погибшим Береком и старшими Академии во время путешествия по городу Тысячи Этажей хватило для такого.

Седой видел перед собой формацию, которая накрывала город и, наверное, как-то сообщала страже о проникновении. Во всяком случае ни о чём подобном цветку Вора Трав в городе не рассказывали. А Седой сейчас искал слабую точку формации, чтобы либо сломать её, либо пройти насквозь.

— Здесь.

Седой вытянул руку, которая вдруг засияла голубым клинком, растущим, казалось, из пальцев. Быстро ткнул вперёд, затем медленно повёл руку вверх, одновременно набирая ход.

Раз — и мы, похоже, уже на другой стороне формации.

Два — и мы, стремительным росчерком не только добрались до стены, но и оказались за ней, над одним из кварталов города.

Седой кивнул:

— Отлично, отлично.

Я ничего отличного в лежащих на улице телах не видел.

Седой тем временем замер на одном месте, спустя несколько вдохов радостно воскликнул и скользнул в сторону, к одному из переулков. Я скривился. Кто бы здесь ни сражался, он не

сдерживался, невзирая на то, что вокруг были обычные люди, недалеко ушедшие по пути Возвышения.

Все они попали под технику и не сумели защититься, выглядело это...

— Вот этот подойдёт.

Седой выпустил мою руку, коснулся ногой брусчатки, в два шага оказался у одного из тел, шевельнул его осматривая. Вернее, то, что от этого несчастного осталось.

— Лица не опознать, само тело тоже так пострадало, что не понять толком телосложения. Отлично, — снова повторил Седой и потребовал у меня. — Давай тела, малец.

Я переспросил:

— Какие тела?

Ему ещё тел здесь мало? Седой шикнул на меня:

— Этого слизняка Ян и алхимика, разумеется, — ткнул себе под ноги. — Добавлю к ним вот этого парня и всё, полный набор. Орзуф погиб, доблестно сдерживая натиск големов Бедствия. Потом, когда столкнёшься со мной, я тебе расскажу душещипательную историю об алхимике, которого Ян предали, у тебя сразу появится повод идти к Ян и требовать справедливости.

Я поймал себя на том, что тянусь почесать бровь, поморщился и желчно спросил:

— Ты всё вспоминал собрата Галума, который, вроде как, мог научить меня паре вещей. Он точно был твой брат?

— А кто ещё? — поразился Седой.

— Да вот, кажется мне, что он был твоим учеником.

— Аха-ха, — хохотнул Седой, отмахнулся. — Да нет, живу я долго, в какие только истории не попадал, нахватался. Всё, двигаем к поместью алхимика, руку давай, чего отцепился, малец?

Я отцепился? Смолчал, просто протянул ему руку.

Полёт над городом не занял много времени и везде под нами было одно и то же — опустевшие улицы, иногда тела и следы потушенных пожаров.

Поместье, где я жил всё это время, оказалось целым. Ворота заперты, тут и там на стенах и во дворе мелькали фигуры стражей Пиатрия. Не городские Ян, а те, которых он содержал за свой счёт.

Седой ткнул меня локтем:

— Теперь твоя очередь работать. Где искать того, кто занял место алхимика?

Я подумал, ткнул рукой:

— Давай туда, к дереву.

Под ним оказалось пусто, как и в беседке.

Да, глупо вышло. Можно было дотянуться сюда и восприятием. Да и что здесь в это время делать тому, кто занял место Пиатрия? Сам Пиатрий появлялся здесь только утром, на медитацию.

Я вздохнул:

— Давай вниз, дальше ногами пойдём.

Не сказать, что я хорошо знал устройство хозяйской части поместья, но приблизительно знал, куда идти, да и восприятие Предводителя, о котором я вспомнил, помогало не свернуть в тупик или к комнате с мётлами.

Два стражника у широких дверей заснули, медленно опускаясь на пол.

Я перешагнул их тела и толкнул створку рукой. Управляющий, чьего имени я так и не запомнил, вскинулся при виде открывающихся пустых дверей и лежащих стражников, но застыл, пуча глаза.

В этот раз я не собирался ни пользоваться Пеленой Доверия, ни выдавать себя за кого-то другого. Я, вообще, не собирался показываться.

Просто толкнул к управляющему мысль, едва его увидел:

— Молчать. Слушаться. Сесть.

У управляющего задрожали губы, но он послушно грохнулся задницей на стул. Дальше воспользовался голосом, не стоит давать ему шанс понять, кто с ним разговаривает, ведь мыслеголос маска не меняет.

— Где Пиатрий?

— Н-не знаю, господин.

Хорошая попытка уйти от ответа, но не тогда, когда я и сам умею играть в эти игры.

— А что ты сам думаешь. Где он?

Истина над головой управляющего поможет мне узнать всю правду.

Управляющий дёрнулся раз, другой, третий, рухнул грудью на стул, скребя по ней ногтями, сдался за три вдоха:

— М-мёртв. Его нефрит души треснул. Где-то на Поле Битвы ум-мер... — управляющего скрючило с новой силой, и он тут же выдохнул. — Н-не ум-мер, убили. Убили его. Думаю, что по приказу семьи Ян. Старший Нулар приказал мне перенимать дела и брать под своё управление мастерскую и лекарский дом ещё позавчера, ещё когда Пиатрий жив был, думаю...

Управляющий оказался так напуган всего двумя уколами боли от Истины, что вскоре пришлось его заткнуть, потому что на самом деле за минувшие дни он успел много чего передумать.

Я лишь качал головой, слушая эти откровения.

Как там говорил про него Пиатрий? Неплохой алхимик, в меру ворует, хорошо управляется с мастерами? Пиатрий забыл упомянуть самое важное — верен не ему, а Ян. И ведь безо всяких контрактов и Указов, только за деньги, похвалу и обещание богатого будущего.

Вот, дождался.

— У Пиатрия есть семья?

Управляющий выпучил глаза, но послушно затараторил:

— Есть, как не быть? Жена и сын.

— Где они?

— Так это, как сыну исполнилось десять, его Пиатрий устроил в Академию клана Араун. Три года как. И жена его с сыном уехала, так и живут с тех пор в Ирулане.

Седой мысленно шепнул мне:

— Ну всё тут ясно, малец. Давай, заканчиваем с этим, хватит терять время. Задавай мои вопросы.

Я кивнул, согласный с ним, впечатывая каждое слово в печать над головой управляющего, приказал:

— Ты верен семье Пиатрия. Не ворует, вникаешь в дела мастерской, стараешься с рецептами, стараешься, чтобы дело Пиатрия процветало. Тратишь деньги так, как и тратил Пиатрий, не забываешь перечислять его семье положенную долю.

— Конечно, г-господин, конечно, — торопливо закивал управляющий, испуганно пялясь в

пустоту. — И я сам, и сын мой будет служить семье Пиатрия.

Я вздохнул, потребовал:

— Нефрит Пиатрия.

Управляющий засуетился, выложил на стол потускневший кругляш с трещиной, осторожно толкнул к краю. Я сгрёб его, спросил Седого:

— Слышал, что некоторые нефриты могут показать последние мгновения жизни. Этот из таких?

— Да. Дай сюда.

Седой сжал нефрит, взгляд его застыл. Спустя пять вдохов он буркнул:

— Ничего. Он ведь снял свою часть, когда началось Бедствие. Из кисета много не покажешь.

Я стиснул зубы на миг, кивнул и принялся задавать вопросы управляющему дальше.

Про дела в городе он тоже знал немало.

Да и дело было такое... громкое. Ян, оказывается, начали с того, что подняли шум среди жителей города, пришли к главе Кулаков с немалой толпой за спинами стражи. Кулаки сначала всё отрицали, клялись в неведении, обвиняли Дамзора в самоуправстве и прочее. Ян то знал правду, а вот толпа — то верила Кулакам, то верила Ян.

Кулаки начали понемногу уступать, но упёрлись на том, что выплатят виру за нападение на людей Ян, не более.

И в это время из зоны запретов выбрались сбежавшие от Бедствия. Те немногие, что имели нефриты голоса, послали весть своим старшим. И ладно бы только сообщения о Бедствии, но и обвинения. Выжившие Ян, как бы не те, которых я видел перед тем, как остаться, обвинили Сестёр в том, что те не очистили свои территории от големов, а затем и спровоцировали Бедствие.

Сёстры в долгу не остались и обвинили в этом уже самих Ян. И им поверили уже больше, потому как именно Сёстры потеряли всех, кто работал там, где полыхнул шар Бедствия.

В городе поднялся плач и рыдания. Сёстры были большим союзом, у них многие служили, немало и вольных идущих брало у них контракты на поиски, тысячи людей в городе осознали, что потеряли своих близких.

К этому времени до города добрались немногие выжившие в Бедствии и начали рассказывать о нескончаемых ордах големов, которые словно копились все четыре сотни лет с момента Падения Бедствия.

Обвинения пошли по кругу, с живыми-то свидетелями, вспомнили о Пепельных, которые тоже каким-то образом оказались на чужих землях, заговорили о совсем уж старых делах и обидах, а затем, затем в городе вспыхнули схватки.

Сейчас город разделился на три части. Территория Ян, территория Кулаков, Сестёр и их союзников, территория Пепельного союза и его союзников.

Седой хмыкнул и сообщил мне:

— Слишком незначительный перевес по силам. Нам стоит присоединиться к одному союзу, сильнейшему, иначе они будут спорить за старшинство и терять наше время.

Я уточнил:

— К Кулакам?, — едва Седой кивнул, напомнил ему. — Несколько Кулаков видели эту маску и могут сообщить, что я пришёл извне города, не получается по времени...

Седой не дал мне даже договорить:

— Да плевать. Кто будет вникать в такие мелочи? Если они вернуться в город и увидят тебя, то будут молчать, как рыбы.

Я не был в этом уверен, но спорить не стал.

— Да и вообще, опасность опознания грозит тебе в любом случае и в любом союзе. Хотел её избежать, следовало убивать тех младших, а не тренироваться на них и выворачивать их кисеты.

И снова я промолчал.

Едва мы покинули поместье Пиатрия, как за ближайшим поворотом Седой опустил меня на землю, криво усмехнулся:

— Ну что, малец, момент истины?

Я, погруженный в свои мысли, не понял его, переспросил:

— Что?

— Как что? Я к Кулакам. Один. Ты тоже остаёшься один. Если надумал расстаться со мной и не присоединиться к Ордену, то самое время тебе уйти прочь, пока я не могу приставать с невестами.

Я, только что представлявший, как буду вести разговор с Кулаками, обдумал и слова Седого. Пройти напрямую к порталу, прокрасться вплотную или вырубить всю охрану, проверить, наконец, возможности кольца с драконом, и даже если ничего не получится, то просто воспользоваться самим порталом и уйти отсюда. В любое другое место Пятого пояса, тем

более что время с Седым не прошло даром и я неплохо уже представлял, где получше, чем в землях Ян.

Я всё это обдумал, представил, вспомнил кое-что прошлое и тряхнул головой:

— Я чую в твоих словах страх Седой, — скривил губы в ухмылке. — Что, чуешь, что слабоват и только на меня рассчитываешь в возвращении своих вещей? Так, может, и не мне нужно присоединяться к Ордену, а тебе пойти со мной в один из десяти кланов?

— Страх? Малец, ты ври-ври, да не завирайся. Я не боялся даже тогда, когда Дамзор сообщил мне, что тащит меня к Алым Пикам, чтоб у этих ублюдков сектанты в родне нашлись. Десять кланов, десять кланов, — Седой явно передразнил меня, а затем вдруг начал сыпать ругательствами. — Да чтобы Беург подавился и помер на глазах всех своих любовниц, да чтобы Проут глаза, наконец, открыл и обнаружил, что половина детей не от него, да убился от злости, да чтобы гарховым Уш кинули, наконец, кость и дали право действительно десятым кланом именоваться и чтобы им тут же в горло вцепились Маурт.

Я нахмурился, пытаюсь сообразить, кто все эти люди и к чему Седой их приплёл, и вдруг сообразил. С усмешкой сообщил:

— А всё же я был прав. Ты и сам очень и очень скользкий, Седой. Не нужно даже брата Галума, можно брать уроки у тебя самого. Видно, придётся этим заняться в пути.

Седой прищурился:

— Это обещание? Будешь брать уроки?

Я отмахнулся:

— Иди.

— Малец, ответь.

— Иди, Седой, иди, а то всё без нас решится и кто тогда твои вещи вернёт?

— Ты, малец?

— Тогда это будет тебе стоить очень и очень дорого, Седой. У тебя столько знаний-то и нет.

— Я у Ян займу.

Я первый закончил этот странный разговор, молча уставился на Седого, и он, вздохнув, развернулся и умчался прочь.

К Кулакам. Предлагать свою помощь.

Я тоже неспешным шагом, невидимый, двинулся в ту же сторону. Мне нужно прийти попозже и с другой стороны. И нет, я не пойду к Пепельным или к порталу. Мало оставить печать на управляющем, нужно позаботиться и о том, чтобы хозяин города, кто бы им ни остался или ни стал, позволил мастерской и дальше работать на семью Пиатрия. А ещё есть Лая, Бессердечная Сука, к которой у меня тоже есть пара вопросов. Вопрос первый — кто мешал протянуть руку помощи Пиатрию. Вопрос второй — как на этот раз ты будешь оправдываться?

Проверил на ходу, как выгляжу. Свежий красно-чёрный халат не из моих запасов, волосы выцветшие, кожа на руках и шее стянутая и покрытая сеткой морщин, отвар Седого действует. Но этого мало. Нужно ещё имя и оружие. Наконец-то, пригодились копья, что я купил в торговом доме Ян. Они, правда, слишком неказисты для пикового Предводителя, за которого я себя выдаю, но если действовать по уму, то мне вообще не придётся их доставать — моим оружием будут Указы и техники.

Нужно только выбрать имя. Или не нужно? Устал я как-то от всех этих имен, чужих лиц и чужой жизни. Если я не могу быть Леградом или Римило, то не буду вообще никем.

Мне оставалось пройти половину квартала, когда в голове буквально прогремел голос:

— Кто идёт к резиденции Кулаков, скрываясь под невидимостью? Назовись или я буду считать тебя врагом!

Я остановился, постарался вспомнить ощущение чужого голоса и толкнул обратную мысль точно в его сторону. Как мне казалось.

— Я гость в городе, который ищет ответы на вопросы и надеется получить их у вас, старший.

Ответ показал, что мне всё удалось:

— Сними невидимость и выходи на площадь.

Я сдёрнул с шеи амулет, убрал его в кольцо. К хорошему привыкаешь быстро, уже даже и рука не тянется к поясу.

Неожиданно вспомнились дни в городе Морозная Гряда, когда я впервые начал зарабатывать на искательстве, хорошо оделся и принялся задирать нос. С тех пор прошло немало лет, я вырос, стал сильнее, а сейчас и вовсе выгляжу как старик.

Хмыкнув, заложил руки за спину, расправил плечи и так, словно был главой пусть и мелкого, но союза, двинулся дальше.

Там и правда обнаружилась небольшая площадь перед высоким зданием, на стене которого красовался знакомый мне герб. Резиденция Кулаков.

В воздухе висело восемь Властелинов. И Седой. С краю.

Под ними толпились другие идущие, слабее, я думаю. Все они сейчас пялились на меня, иногда даже сжимая в руке оружие.

Не обращая на них внимания, я прошёл ещё пять шагов и только тогда остановился, вытащил руки из-за спины и неспешно, и не очень глубоко согнулся в приветствии идущих, глядя при этом на парящих в воздухе Властелинов:

— Старшие, рад приветствовать вас. Я гость в вашем городе, прибыл из города Плачущих Ив и ищу у вас помощи.

В голове тут же взорвался смехом голос Седого:

— Ха-ха! Отлично, малец, отлично! Вот это мне нравится гораздо больше, чем образ бедолаги-искателя, что перебивается от выхода к выходу и даже со слугами в харчевнях держится как с равными. Мир идущих уважает только силу. Вот так и держись с ними и дальше. Помни, это ты им нужен, а не они тебе.

Я даже не покосился в его сторону. Нашёл представление. Да ещё и как-то очень быстро забыл свои страхи, что я мог и не прийти, а уйти прочь.

Мне ответила женщина:

— Гость, ты видел, что творится на улицах нашего города? Ты уверен, что сейчас самое время искать у нас помощи?

Я выпрямился и кивнул:

— Уверен. Могу я объяснить своё дело?

В этот раз я намеренно опустил именование старших. И если на лице женщины, которая и отвечала мне, ничего не отразилось, то лицо одного из мужчин, что висел рядом с ней, дёрнулось.

— Каков наглец. Нашёл же смелость дерзить, когда в этом городе жизнь не стала стоять ничего. Не боится?

— Во-первых, Морт, мы не знаем кто он и кто за ним стоит.

— Лишь бы не Ян.

— Не бросайся громкими словами. Ты ведь не ослеп? Этот человек не из нашего города, значит, он прибыл из другой фракции, из какой, брат Морт?

— Он же сам назвал город. Это город семьи Смалек.

— Он сказал неправду.

— Что!

Вторая женщина словно подхватила слова первой:

— Это неважно, обычная мера предосторожности, лучше оцени его силу, Морт, а затем оцени опасность от него.

— Хм, — помедлив, Кулак Морт сообщил результат. — Не очень силён, но опасен? Забавное сочетание.

— Для тебя, с твоим характером, это, возможно, и забавно, мы же видим перед собой очень сильного Предводителя.

— Или слабого Властелина, — вмешался в разговор третий женский голос. — Я ощущаю в нём странный дисбаланс между духовной энергией и стихией.

— А я нет.

— Потому что тебе это никогда и не давалось. Нашёл чем хвалиться, Морт, толстокожестью?

— То мой характер вам не угодил, теперь ещё и толстокожесть приплели. Вы меня в мужа выбираете, что ли? Нашли время.

Подслушивать их было, с одной стороны, интересно, с другой — сколько мне ещё стоять с глупой рожей, делая вид, что я в тишине жду ответа? Ни к кому не обращаясь, выдохнул:

— Похоже, я пришёл искать...

— Объясняй, — перебил меня женский голос. — Объясняй своё дело, гость.

Я замолчал, чуть улыбнулся, переводя взгляд с одного Властелина на другого. Три женщины это три Сестры, три главы одного союза. Мужчины рядом это Кулаки. Кто остальные непонятно.

Ладно, начнём.

— В вашем городе жил человек, которой много лет назад спас мне жизнь. Возможно, вы знаете его, старшие. Алхимик Пиатрий.

— Слышали, хотя он далёк от наших союзов. Он человек семьи Ян, но я могу подсказать где его поместье и лавка.

— Не торопитесь, старшая.

Один из Кулаков сузил глаза, но ближайшая к нему женщина тронула его руку, и он промолчал.

— Я обещал помочь ему в любой трудной ситуации, но Пиатрий никогда не обращался ко мне с просьбой. А теперь и не обратится. Его нефрит души треснул.

Властелины переглянулись, безмолвно. Затем одна из Сестёр кивнула:

— Его видели на Поле Битвы. Он бежал от Бедствия вместе с идущими моего союза, а затем... отстал. Мне жаль, что он погиб, от лица своего союза я прошу прощения, что мои люди не сумели ему помочь.

Теперь я невольно прищурился. Действительно, ведь рядом с ним бежали не только Лая и те двое, но ещё и Сестры, Пепельные и Ян.

Надеясь, что мой голос спокоен, я потребовал:

— Я бы хотел, чтобы вы, старшая, ответили мне, как так вышло, что идущие бросили собрата в опасности и не протянули ему руки помощи.

Кулак вспыхнул:

— Не слишком ли многого ты требуешь, безымянный гость? Сначала пришёл с просьбой, а теперь смеешь в чём-то обвинять наших союзников? Это Поле Битвы, если ты не знал! Там часто каждый сам за себя, иначе спасти свою жизнь не получится!

Я впился в него взглядом, зло ответил:

— Как раз таки я отлично это знаю. Как знаю и то, что каждый ведёт себя на Полях по-разному. Одни идущие чтят добродетели и уважают собратьев по ремеслу, другие только и рады ударить в спину и отобрать добычу.

— Младший, ты забываешься!

От Кулака в мою сторону хлынула ясно видимая мне серая волна силы. Я не стал дожидаться её, ударил навстречу. Ударил так, как научился в мире огня, так, как уже опробовал против подчинённых этого человека.

Вышло отлично. Волны силы столкнулись, навалились друг на друга. Я и не надеялся победить, а вот Кулак, судя по лицу, не ожидал сопротивления.

Несколько мгновений мы давили друг друга, причём я явно начал проигрывать — граница моей силы начала откатываться, приближаясь ко мне, а серая пелена силы Кулака стала наливаться яркостью, становясь сильнее, но затем я снова услышал то, что не было мне предназначено. Мыслеречь Сестры:

— Морт, прекрати.

Тот прорычал в ответ:

— С чего бы это?

— С того, что это сильный союзник, которого мы можем привлечь на свою сторону, не стоит делать из него врага.

— Привлечь? Не смейся меня. Он едва ли не прямо обвинил тебя в гибели этого алхимика. А врагом он не успеет стать, я же не дурак.

— По-твоему, он глупец, который пришел сюда покончить жизнь самоубийством?

— По-твоему, он мудрец, который вкладывает в слова по десять смыслов, а я, как обычно, услышал лишь первое? Даже не надейся, это не пройдет.

В разговор вплёлся третий голос:

— Малец, как-то ты меня разочаровываешь. Ты вроде горел жаждой наказать Ян, а не Кулаков. Ты снова всё решил по-другому? Твоя ветреность начинает утомлять. Мы пришли найти союзников, а не врагов.

Я возразил:

— Я просто вёл себя так, как ты и советовал — нагло, потому что это я им нужен, а не они мне.

— Чересчур нагло, малец. К чему была эта жаркая речь про собратьев на Поле Битвы? Она, скорее, к лицу послушнику из моего Ордена Небесного Меча, а не отшельнику из могучей фракции.

— Выходит, Орден Небесного Меча давно не могучие?

— Малец!

Я оставил его окрик без ответа — Кулак давил уже так, что мне пришлось опустить плечи, чуть сгорбиться и вогнуть голову, словно я шёл против бури. Я проигрывал, что было не удивительно, но проигрывать не хотел, что было удивительно не менее. Ладно. Раз так, то я повышу ставки.

Я моргнул, обращаясь к своему таланту. Над головами Властелинов протаяли печати, заставляя меня растянуть губы в ухмылке. Отлично, отлично, здесь есть с чем поработать, здесь есть, куда вписать мои условия. Я помедлил ещё миг, пытаюсь понять, кого я слышал, выбирая, а затем потянулся к первому из амулетов, обволакивая его своим талантом боевого мастера истинных Указов или как там правильно, используя дух.

Женский голос вдруг рявкнул:

— Морт!

— Да что тебе? — огрызнулся тот.

— Перестань на него давить. Немедленно!

— С чего бы это?

— С того, толстокожий придурок, что у меня сейчас просто мороз по шкуре прошёл! Вот с чего! Не дави на него! Не дави!

Граница столкновения двух сил замерла. Кулак и впрямь перестал давить, наше противостояние замерло в одной поре. Но если Кулак удерживал его с внешней лёгкостью, то я так и стоял борясь с ветром и всё так же ощупывал амулет. Это я правильно выбрал цель, здесь даже не придётся ничего ей приказывать, она справляется и без моих указаний, на одном Прозрении.

Первая точка амулета Сестры поддалась и она тут же снова закричала:

— Морт! Прекрати! Немедленно!

Граница столкновения дрогнула и сдвинулась. В сторону Кулака.

— Да что ты так орёшь?

— С того, что от этого старика всё сильнее разит опасностью!

— Тем быстрее с ним нужно разобраться, а не прекращать.

— Прекрати и дай мне самой разобраться в проблеме, что ты создал. Немедленно! Арек! Пусть Морт остановится, или я сейчас же разорву союз с вами, а мои сёстры поддержат меня, а не вас двоих!

В этот миг граница столкновения не просто снова отодвинулась от меня, Кулак повернулся к Сестре и выдохнул вслух:

— Ты в своём уме?

Две другие женщины за спиной моей жертвы переглянулись и кивнули:

— Мы поддержим Илимию, наше Прозрение тоже беспокоится. Вы слышали, братья.

Вторая точка.

— Я считаю до трёх, два упрямых брата. Раз, два...

Глава 4

Я и сам замер, ожидая, чем всё решится, готовый как доломать амулет, так и бежать прочь,

но в этот миг раздался ещё один мысленный голос. Тихий и спокойный.

— Достаточно, брат.

— Всё! Умываю руки, — Морт даже вскинул их, жестом подтверждая свои слова. — Пальцем не пошевелю, когда он начнёт обвинять ваш союз, сама будешь убивать его.

Давление на меня полностью исчезло, резко, в один миг, и вот к этому я оказался не готов, едва успел сдержать свою силу, которая неудержимо хлынула вперёд, едва успел остановить её в шаге от Кулаков и Сестёр.

Но я справился, остановил, втянул в себя, выпрямился, и как раз в этот момент вперёд, ещё на шаг выдвигаясь из строя Властелинов, скользнула одна из Сестёр.

Я лишь шире улыбнулся, не став продолжать с её амулетом. Не успел даже подобрать третью точку. Медленней, чем в прошлый раз, но тут уж ничего не поделаешь. То ли амулет лучше, то ли я оказался хуже.

— Гость, прости моего собрата по Возвышению за горячность. Он всегда был таким, с молодости. Я приношу извинения за него и за начало нашей встречи...

Морт фыркнул:

— Потому что сам я никогда извинений не принесу. Пресмыкаться перед Предводителем? Илимия, до чего ты скатилась?

— Я тебе ещё припомню эти слова, Морт, — прошипела в ответ Сестра, которую он назвал Илимией, мне же улыбнулась. — Ты сказал очень верные слова, гость, и мне стыдно, что это горе случилось с алхимиком Пиатрием по вине кого-то из сестёр нашего союза. Я немедленно прикажу разузнать все подробности произошедшего и клянусь тебе Небом, что все, кто мог протянуть ему руку помощи, но не протянул, будут наказаны.

Седой поспешил с советом:

— Всё, кивай, благодари и поворачивай, поворачивай разговор к Ян, малец, я уже устал давить на Прозрение Сестёр и помогать тебе, окажись они чуть подозрительней, и...

Седой замолчал, и так оставив меня в изумлении. Я-то думал, что это я так хорош, одной вознёй с амулетом заставил Илимия опасаться меня, всего лишь Предводителя, но мастера Указов. А дело оказалось в том, что стоящий за спиной Седой представлял, как убивает её и остальных. Но раз так, то мне можно продолжать с амулетом, верно?

— Малец! Благодарю! Живо!

Я не стал огрызаться, совет-то был хорошим, я и сам хотел всё так выстроить, просто, не хуже Морта, слегка погорячился, когда пошёл разговор о Пиатрии.

Поднял руки и приложил кулак к ладони:

— Благодарю тебя, старшая Илимия. Небо видит всё, надеюсь, все виновные понесут заслуженное наказание и на всю жизнь запомнят, что иногда перед общим врагом стоит отбросить все обиды. Точно так, как это делаете сейчас вы, их старшие.

— Хорошо сказано, — кивнула Илимия, похоже, даже не ощутившая, как сдалась третья и четвёртая точки её защитного амулета.

Морт тут же решил, что молчал уже достаточно:

— Только к чему ты это говоришь, назвавшийся просто гостем? Лесть?

Кто-то из Сестёр снова рявкнул:

— Морт!

Я моргнул и покачал головой:

— Лесть? Нет. Я напомнил и себе, что нужно усмирить жажду мести к случайным младшим и сосредоточиться на истинных виновниках беды.

Кулак Морт неприятно ухмыльнулся и спросил:

— И кто же это? — и тут же ответил за меня. — Их старшие, которые их плохо воспитали?

Теперь Илимия осадила его уже вслух, так, чтобы я точно услышал:

— Морт, — мысленно же добавила. — Ты ходишь по тонкому льду, союзник. Ты же на моих глазах подстрекаешь его, и мне снова не по себе.

Я про себя чуть не улыбнулся. Даже так?

— Малец, напомни, мы пришли сюда усилить союз или развалить его?

Седьмая слабость амулета поддалась моему усердию, я, наконец, подобрал форму души, которая полностью соответствовала контрактам, которые висели над головой Сестры, и я улыбнулся, заодно ответив на вопрос:

— Разумеется, нет, старший Морт. Истинные виновники это — Ян.

Морт фыркнул:

— Отлично. Сначала ты обвинил нас, а теперь...

— Да помолчи ты! — рявкнула Илимия. — Арек, уйми его. Немедленно!

— Я тебя сейчас сам уйму, женщина!

В разговор снова вмешался ещё один голос, снова спокойный, я бы даже сказал равнодушный и холодный:

— Довольно, брат. Пусть с гостем говорят только Сёстры, это их дело — плести сладкие речи. Нас с тобой устроит любой результат.

Морт, пусть и криво ухмыляясь, замолчал. Так, значит, из двух братьев-кулаков один младший, другой старший. Как всегда. Но теперь мне понятно, чей амулет я обману следующим, раз уж их Прозрение молчит с моим талантом.

Сил, влитых в печать Сестры, оказалось немало. Я лишь подозревал, что это контракт. Не слышал, да и сам не думаю, что у них в союзах есть мастера Указов равные или более сильные, чем сами главы союзов. Это не выгодно, это опасно. Но и контракты между Властелинами — это не безделка. Должны же они были перестраховываться от того, что завтра вторая сторона возьмёт ещё одну звезду Возвышения и без последствий нарушит все клятвы? Я вливал и вливал силу в печать, а она всё не становилась и не становилась моей. Не слизняк Браут, не слизняк.

Сестра Илимия тем временем повернула голову, благодарно кивнула второму из Кулаков и снова перевела взгляд на меня:

— Меня радуют твои слова, но ты сам недавно говорил о справедливости, поэтому я буду честна с тобой — алхимика убили големы Поля Битвы. Да, эта часть Поля принадлежит семье Ян, но не более.

— Спасибо за откровенность, старшая, но я не настолько безумен, чтобы мстить лишь за одно право владения. Пусть я давно не виделся с благодетелем Пиатрием, но время от времени мы...

Я заметил вдруг, как прищурилась одна из Сестёр, что держалась позади той Илимии, и тут же Седой буркнул:

— Малец, ты ври, да не заговаривайся.

До меня дошло. Как быстро я забыл начало разговора. Эта Сестра ощущает ложь и правду. Собрались на мою голову таланты. Только что я собирался сказать, будто обменивался письмами с Пиатрием, но поспешно произнёс другое и заговорил чуть медленней, напоминая себе, что нужно говорить правду:

— ... беседовали, обменивались мыслями. Пиатрий рассказывал, что очень страдает от налога Ян, теряя драгоценное время в выходах на Поле Битвы. И туда он всегда отправлялся только вместе со своим отрядом, к которому не один раз искал себе замену. Первое, что я сделал, оказавшись в городе, это наведалься в поместье Пиатрия.

Морт фыркнул:

— Так, значит, Ян солгали, — явно кого-то передразнил, повторяя противным голоском. —

Переход Пути заблокирован, переход Пути заблокирован.

Ему возразил новый женский голос:

— Морт, скорее всего, они деактивировали путь отсюда, чтобы мы никак не могли попытаться найти себе помощь, но переход сюда действует. Наверняка сами они воспользовались нефритами голоса и ждут, когда ушедшие из города вернутся и перевес Властелинов станет подавляющим или и вовсе пытаются нанять себе помощь.

Илимия, что стояла впереди и вела со мной беседу, хмыкнула:

— Поэтому я благодарю Небо, что через портал прошёл человек, который может стать и нашим союзником, взяв на себя хотя бы одного из слабых Властелинов Ян.

— Этот? — снова фыркнул Морт. — Я едва не сломал его.

— Я сказала слабого Властелина, а не тебя, брат Морт, — польстила Илимия и тут же улыбнулась мне. — И что ты узнал в его поместье, брат?

Она, видимо, решила, что я напрашиваюсь на то, чтобы из меня вытягивали слова, я же просто подслушивал их, но, раз они замолчали, то я и впрямь продолжил:

— Я поговорил с его управляющим и с удивлением узнал, что Ян ещё несколько дней назад приказали ему считать себя владельцем всего дела Пиатрия, сразу после исчезновения моего благодетеля Пиатрия.

— Но это не всё, верно, брат... — Илимия внимательно оглядела меня, чуть склонила голову к плечу и с улыбкой спросила. — Собрат так и не представился. Как имя уважаемого собрата?

Я вернул ей улыбку и сообщил:

— Мне бы не хотелось лгать, называя чужое имя, поэтому я предпочту остаться безымянным гостем вашего города, прошу войти в моё положение, старшая.

Седой процедил:

— Похвалить бы тебя, но что-то не тянет. Говорил бы ты так угодливо раньше, малец, я бы сразу понял, что к Ордену ты не имеешь отношения. Одним из великих кланов так и тянет от твоих речей.

Я точно не имел отношения к великому клану, к тому же, вроде как, Орден сам половину столетия назад входил в десятку сильнейших фракций Империи, но я смолчал, не повёл и бровью на замечание Седого, невозмутимо продолжал говорить:

— Кроме того, отряд моего благодетеля Пиатрия в городе. Вернулся неделю назад из выхода и отдыхает. Как же так вышло, что мой благодетель оказался среди големов один, без своего

отряда, в землях союза Сестёр, куда никогда не стремился? У вас тоже есть вопросы к Ян, не так ли, старшая? Я хочу присоединиться к вам и присоединить свои вопросы к вашим. Я хочу, чтобы Ян ответили за своё преступление, за убийство моего благодетеля Пиатрия ради его процветающего дела.

— Я поняла тебя, собрат, — кивнула Илимия и тут же толкнула другую мысль. Не мне. — Что скажешь?

— По большей части говорит правду. Обманывал по мелочам, например, в том, откуда прибыл, в том, что давно не видел Пиатрия или, что тот спас его, в том, что обещал помочь в любом деле, но благодетелем называет с полной уверенностью, как и не обманывает в том, что не имеет к нам обиды и действительно пришёл за помощью в мести Ян. В том числе и за алхимика, хотя я не исключаю и личные обиды.

— Странное, конечно, сочетание, но в главном ты меня успокоила, Ларана. Если Пиатрий торговал запрещенкой в обход Ян и поплатился за это, нам без разницы, нужно пользоваться удачей, пока нашёлся желающий навредить Ян за этот проступок. Хотя могли бы отправить человека и посильней.

Снова широкая улыбка и снова она предназначена мне. Илимия, я уже старик, чего ты...

Как всегда, влез Седой:

— Малец, женщины словно чувствуют, что ты для них лакомая и редкая штучка, даже твоя плешивая рожа их не отпугивает. Этим нужно пользоваться, малец. Вот закончим тут, перейдём в одно отличное место, и там я дам тебе один из первых своих настоящих уроков.

Я едва не закатил глаза, только собрался осадить Седого, как Илимия закончила улыбаться и сообщила мне:

— Моё обещание остаётся в силе, безымянный собрат, но и твоё предложение я принимаю с радостью. Обещаю тебе, что ты тоже сможешь задать свои вопросы Ян.

— Нулар. Управляющий Пиатрия назвал мне это имя. Я хочу задать вопросы ему.

Все Властелины переглянулись, Седой вдруг хмыкнул вслух:

— Извините, что вмешиваюсь в вашу беседу, но мне есть что добавить, безымянный гость города Ян. Дело в том, что я пришёл сюда тоже искать союзников в деле вопросов к Ян. Люди семьи Ян опоили меня, сковали и вывезли из города. Но не одного. Нас было пятеро. Я, трое идущих, где старшей являлась женщина по имени Лая и как раз таки алхимик Пиатрий.

Я вперил в него взгляд:

— Ты уверен, старший?

Седой взорвался хохотом:

— Аха-ха-ха! Не зря я терпел, не зря! Наконец-то, ты назвал меня старшим, а не Седым! Расту, расту в твоих глазах, так скоро и учителем стану за свои мучения с тобой, малец.

Я буркнул:

— Не дождёшься.

Он же, словно и не хохотал только что, степенно кивнул:

— Разумеется, уверен, я отлично знаю Пиатрия, я и прибыл в город именно к нему, заказывал у него одно редкое зелье. Больше того, погляди, это ведь он?

Седой опустил руку на пояс, а через миг подхватил появившееся из пустоты мёртвое тело.

Я медленно кивнул:

— Да. Это он.

Седой вылетел вперёд, снизился, оказываясь передо мной:

— Тогда отдаю его тело тебе. Раз он твой благодетель, то тебе и решать вопрос не только мести, но и вопрос его погребения и памятной таблички.

Я даже вздрогнул. Это прозвучало... Это прозвучало едва ли не упрёком. Да, я помнил, что Седой сам забрал у меня его тело, вероятно, именно ради этой сцены, но сейчас я почему-то видел перед собой не Седого, а Самума Тамим на арене города Меча.

Собравшись, я кивнул, протянул руки:

— Ты совершенно прав, старший безымянный собрат.

Седой передал мне тело и сообщил:

— Я вместе с Пиатрием и прочими выкрутился из передряги, остался в живых и хочу сообщить тебе, что имя Нулара мне тоже очень знакомо. Это его имя назвали мне те, кто похитил меня, а затем пытались и убить.

Морт за его спиной ощерился:

— Этот Нулар успел влезть везде. К Пиатрию, в Павильон Пяти Удовольствий, смутил ум нашего юного таланта и одного из старших теневиков. Верно говорят: друг для всех — друг никому. Ян совсем потеряли совесть. Они должны ответить за свои дела.

Седой широко ухмыльнулся. Да, вижу. Всё идёт точно так, как он и хотел.

А вот у меня дела идут чуть хуже.

Я получил власть над двумя печатями и сейчас мог читать все те хитросплетения договорённостей, что заключили между собой Сёстры и Кулаки. Но вот больше я пока похищать ничего не буду. Силы на исходе, а запасы души почти исчерпаны. Неудачно получилось, кто же знал, что главы союзов гораздо могущественней, чем Браут? Да и контракт между собой заключили с огромным запасом по силе.

Седой тем временем спросил:

— А что у тебя с Возвышением, собрат?

Спросил у меня. И ответил я, помня о второй из Сестёр, что слушала мой ответ:

— Ради мести за благодетеля я возьму на себя даже Властелина первой звезды, если понадобится.

— Отличный ответ, — расхохотался Морт, словно позабыв, что недавно сам в таком сомневался.

Седой тут же его осадил:

— Даже так мы всё равно проигрываем по числу Властелинов.

Ответил второй Кулак, Арек, если я верно помню:

— У нас есть решение этой проблемы. Не только нас сегодня Ян пытались унижить и наказать. И пусть там постаралась другая ветвь семьи Ян, есть ли разница по большому счёту?

И снова Седому можно было довольно усмехаться, ведь Арек говорил именно о том, о чём тот и предсказывал. О Пепельном союзе.

Прямо с площади мы двинулись в другую часть города. Я, вместе со всеми сильнейшими бойцами Кулаков и Сестёр, понизу, ногами, а Властелины низенько, на уровне третьего этажа, летели впереди нас.

Да уж, тут бы я никак не сумел выдать себя за Властелина. Сейчас, вспоминая разговоры с Седым, я даже не уверен, кто кого вёл в город Ян с Поля Битвы. Это ведь Седой первым натолкнул меня на мысль, что можно выдать себя за Властелина, так ведь? А потом приземлил на землю, сообщив, что правила будут нарушены и Властелины будут летать.

Знал.

Хитрый седой старик.

Но кое-что я всё равно не понимал в происходящем и поэтому потребовал объяснения:

— Седой, а чего вы, вообще, летите? Разве это не тратит силы, которые нужно сохранить для сражения?

— Старший, мне это именование больше нравится, малец.

— Понял, — я даже фыркнул от сдерживаемого смеха. — Разбираемся с Ян, возвращаем тебе твои вещи и малец в одну сторону, старший в другую.

— Малец, ну что ты сразу к угрозам переходишь? Неужели шуток не понимаешь?

— Шутки? Что это?

— Ладно, малец, — сдался Седой. — Гордость. Показуха. Вот почему все летят. Тяжёлые времена для союзов. Многие их подчинённые колеблются, на такое не все Указы рассчитаны. Верность верностью, но её бы хорошо подкрепить уверенностью в победе, дело-то нешуточное задумано. Кстати, об Указах, скажи-ка, малец, а вот это представление ты провернул с помощью своего таланта?

— Нет.

— Хм-м, плохо.

— Почему?

— Потому как тогда выходит, что Морт и впрямь неуравновешенный, бросающийся из крайности в крайность тип.

Я безразлично заметил:

— Зато второму Кулаку равновесия хватает на обоих.

Я, вообще, не видел причины, по которой Седой так беспокоился об этом.

— Ну да, ну да, — хмыкнул он. — А меня ты успокоишь, скажешь, что готов остановить их всех Указами?

Мгновение я колебался, но всё же сказал правду:

— Седой, мы же вроде на подлёте к городу определились, что я совсем не пиковый, не предельный талант. Так, что-то чуть большее, чем обычный мастер Указов. Радуйся, что два Властелина не смогут причинить мне вред.

— П-ф-ф! — фыркнул Седой. — Вот любишь ты приbedняться, малец. Отучайся от этого. С чужими продолжай, со мной не нужно. Да и с чужими вопрос спорный. Я что тебе говорил — мир идущих...

— ... уважает силу, — перебил я его, закончив фразу вместо него.

— Именно! Не стесняйся пользоваться своей силой, не стесняйся прибавить себе возможностей в глазах врагов и временных союзников, не стесняйся просить плату за свои услуги.

Я уточнил:

— Вот так, как я это сделал совсем недавно, когда ты меня ругать начал?

Седой и не подумал смутиться:

— Именно! И всегда будь готов, что всё сказанное придётся подтвердить в деле, поэтому ври, да не завирайся. Совет хочешь, малец?

— Кажется, ты именно знаниями и расплачиваешься со мной, Седой. Ну, помнишь, завлекая в Орден Небесного Меча.

— Эх, малец, малец. Завлекают женщинами, на крайний случай богатствами, редкими ингредиентами или техниками, а не знаниями.

— Значит, я продешевил, пользуйся и щедро разбрасывайся знаниями.

— Лови, малец, первое из них. В столкновении с Мормом ты уже должен был оценить, что он сильнее и прилично сильнее того слизняка Брауга. Учти, так же будет и с Указами. Заклеймить ему душу — это полдела. Едва тыпустишь своё клеймо в ход, как он взъярится и начнёт сопротивляться.

— Я украл контракт, который Кулаки заключили с Сёстрами. Он же не сопротивлялся ему.

— Потому что принял его добровольно! Неужели я должен это объяснять? С тем, что ты прикажешь ему, будет всё иначе, а раз уж ты раз за разом напоминаешь мне, как ты обделён талантом, то всё может и сорваться, его душа достаточно сильна, чтобы противостоять тому, кто младше него.

Зачесалась бровь, и я не стал сдерживаться, потёр её. Седой пугает или говорит правду? Впрочем, к чему ему врать? Да я и сам видел, как старший Тизиор сопротивлялся вписанной мной «Боли».

Я поймал взглядом Морта и Илимию. Двухцветные контракты, а ведь на старшем Тизиоре печать была в три цвета. Ладно.

Где бы вы там ни видели во мне дисбаланс между силами, из которых и должна появляться эссенция, пока что я могу делать это только с помощью чужого запаса.

С этой мыслью я зачерпнул из силы Виостия. Ну, как зачерпнул... Образно. Просто и привычно вытянул нить, а затем бесследно истратил её, превращая в третий цвет. Так же поступил и со второй нитью.

Оценил вид сферы силы Виостия. На глаз не видно уменьшения.

Невольно задумался, что не испробовал ещё одной вещи.

Я пробовал увидеть свою эссенцию, пробовал определить, где она быстрее создаётся, при переходе стихии через духовную силу или при переходе силы через стихию, открыл вне обычного порядка узел Ра-Отус-Ан, собираясь искать эссенцию в нём и его окрестностях. Правда, на это ещё ни разу толком не нашёл времени.

Но что, если попробовать схитрить?

Что, если сместить силу Виостия к узлу Ра-Отус-Ан, создав с её помощью обманное средоточие, и искать свою эссенцию внутри чужой эссенции? Не ускорит ли это познание этого этапа Возвышения?

Не собираясь гадать попусту, обратился с вопросом к Седому.

Тот снова фыркнул от смеха:

— Вот ты выдумщик, малец. Древние написали сотни трактатов об этом этапе Возвышения и ни в одном из них не описывалось такого способа.

Его слова что-то задели во мне. Где-то я уже слышал эту фразу про трактаты от Древних.

Понадобилось приложить усилия, чтобы вспомнить. Гневная отповедь Орикола, свидетелем которой я однажды стал. Тогда он пылал гневом при виде таскающих тяжести учеников, называя их тупыми дарсами. Седой меня дарсом не назвал, но явно посчитал.

Губы растянулись в ухмылке, я отправил мысль Седому:

— Мало ли что написали Древние? Только об одном этапе наставление существует в единственном числе, об этапе Закалки, про все остальные этапы Древние писали много, признавая разные пути. Не все их трактаты дошли до нас, а те, что дошли, не все сделали это в первоизданном виде. Больше того, с того момента, когда Древние писали их, случилось столь многое, что больше нельзя беспрекословно верить в них. У животных появился свой путь к Небу, тысячи растений стали небесными и сегодня некоторые из них могут доставить проблем даже Властелину, — припомнил я встречу с той тварью Тысячи Нитей. — Даже люди уже не те, в некоторых из них течёт кровь Зверей. Так разве не может и человеческий путь к Небу измениться и обрести новые изгибы и дороги?

Помолчав, Седой признался:

— Глубокая мысль. Твой наставник был мудр. Мне нечего возразить на эти слова.

Я едва не расхохотался. И не то чтобы мысленно, а едва не расхохотался вслух, выставя себя ну очень странным стариком, который пришёл добиваться справедливости за смерть добродетеля и смеётся во всё горло. Пришлось зажимать смех в себе, не давая ему покинуть

горла.

— Пробуй, — буркнул тем временем Седой, не подозревая о моих мучениях. — Повредить себе ты не сумеешь. Во всяком случае, о несчастных случаях, когда чужая эссенция закрывала бы путь к этапу Властелина, я не слышал.

Ну спасибо за разрешение, Седой. Кстати о хохоте вслух и в мыслях. Спросил:

— Меня уже давно терзает одна мысль, Седой. А вот то, что мы с тобой разговариваем с самой площади, другие Властелины подслушать не могут?

— Могут, — заставил меня напрячься Седой, но тут же добавил. — Но эти, что вокруг — нет. Не блещут силой, талантом и опытом в подобном, поэтому не сумеют услышать наши разговоры, я сразу об этом позаботился, едва ощутил, что тыходишь к площади. Переживал, что ты ляпнешь что-то не то, малец. Я, кстати, предлагал же тебе научиться закрываться правильно, хотя бы от своего этапа. Предложение ещё в силе, не всегда же я буду рядом со своей помощью. Интересует, малец?

Я усмехнулся:

— Интересует, но не сейчас.

— Зря. С их неспешной прогулкой вполне можно было первый урок дать. Они, похоже, решили испетлять весь город, показать, как сильны, бесстрашны и привлечь к себе ещё союзников из тех, кто всегда считал себя независимым, а теперь трусится, не зная, как сложится завтра судьба.

Я оставил слова Седого без ответа. Я точно в этом ничего не понимал, но то, что по улицам ходим петлями, скорее, прочёсывая город, чем его пересекая из конца в конец, тоже заметил. Это, вообще, трудно не заметить.

Седой не настаивал на своём уроке, молчал, поэтому я решил заняться придуманным — создать вокруг узла Ра-Отус-Ан ненастоящее средоточие с эссенцией и поглядеть, что изменится. Раз уж это не может навредить мне.

Раньше, когда я боролся с цветком Вора, то вытягивал из сгустка силы Виостия нити и опутывал ими цветок, благо он оказался не так уж и далеко от него.

Теперь мне нужно провернуть что-то похожее, но совершенно другое по сути.

Я вытянул первую нить. Довольно легко, привычка сказывалась и возросший уровень сил наверняка тоже. Одно дело делать это Мастером, другое дело делать это не самым слабым Предводителем Воинов.

Кстати, я сейчас Возвышением равен старшему Тизиору и могу уже отказаться от такого его именованья. Ведь Фатия рассказывала — именованье старший изначально получали только те, кто был на ранг выше обращавшегося.

Да, я мог бы называть старшего Тизиора равным себе, но не буду.

Забавная вещь, которую никогда не должен узнать Седой — я называю старшим сектанта. Хотя его всегда в разговоре можно выдать Седому за имперца из далёкой-далёкой фракции, ведь это даже не будет ложью для имперца из далёкой-далёкой секты.

Ни воспоминания, ни лёгкая улыбка, показавшаяся на губах, не мешали мне тянуть всё новые и новые нити.

Я вытягивал их, насколько получалось по-быстрому и... Словно крепил к ближайшему меридиану.

По задумке, я должен вытянуть этих нитей так много, что сфера силы Виостия уменьшится и... сдвинется с места, переползая ближе к нужному узлу. Затем перекрепить нити по новой и повторить.

Я видел эссенцию старшего Тизиора. Я буквально преобразую силу Виостия в нити и использую её для укрепления своих Указов, но, дарс меня побери, не могу обнаружить свою родную эссенцию, которую сам же и использую для применения техник без обращений.

Как это, вообще, возможно?

Ни удивление, ни размышления, ни неторопливая прогулка по улицам города Ян не мешали мне заниматься делом. Каждая новая нить выходила короче предыдущей и давалась тяжелей. Я вытянул их уже два десятка, когда плывущие в воздухе Властелины, наконец, замерли.

Я тут же отложил своё... нудное дело и соединил вместе два восприятия, вернувшись в настоящий мир полностью.

Снова площадь, снова висящие впереди Властелины и стоящие у стен зданий напротив более слабые идущие. Властелинов здесь меньше, Предводителей больше, чем на прошлой площади. Знакомые лица... Есть. Вон слева от центра стоит Гравен.

— Это наша часть города!

Гаркнул так гаркнул неизвестный мне Властелин. Пусть это и была мыслеречь, но направили её для всех и сил для неё не пожалели — в голове даже зазвенело.

От нас вперёд на два шага выплыла Илимия. Всё повторяется? Потом Морт начнёт давить?

И снова я не мог точно сказать, должен был бы слышать разговор Властелинов полностью или нет. Что-то мне подсказывало, что не должен был, невзирая ни на какую помощь Седого. Потому как слышал я удивительные вещи, а этого самого удивления на лицах Предводителей вокруг себя не видел.

— Да, сложно отрицать, что у нас есть некоторые разногласия с Ян. Не впервой. В конце концов, мы вместе с ними разберёмся в этом деле, выясним, кто настоящий виновник, да и,

давай честно признаемся, Илимия, подобное случается не первый раз и нет особой разницы, кто там виновник. Это Поле Битвы, дерьмо случается.

— Но впервые в этом дерьме пытаются сделать виноватыми вас.

— Это лишь недоразумение.

— Очень уж странное недоразумение, которое уничтожило половину моих людей и сделало вас, соседей, возможными виновниками в этом. Очень уж странно в один день бросать претензии двум союзам, а третий обессилить.

— Совпадение неприятное, но такое сложно будет доказать. Младший нашего союза Гравен и младшая твоего союза Тана, видели начало Бедствия своими глазами, но даже они ничего толком не могут объяснить.

— А я и не буду объяснять и выяснять.

Пепельный не удержал лица, изумился и жестом попросил продолжать. Илимию не нужно было просить дважды:

— Ян зря так широко раскрыли рот. Я, да и не только я, — этот жест которым Илимия указала за спину на Кулаков, Седого и прочих, тоже был совершенно ясным, — устали от власти Ян. Эти земли слишком долго носили их имя, но это так и не смогло принести городу процветание.

Пепельный осторожно уточнил:

— Ты говоришь о...

Илимия рубанула откровенно и прямо:

— Семье Ян пора уступить власть над городом и землями. Пора сменить фракцию.

— И кто же из вас пятерых будет править фракцией?

— Почему из нас? Мы ведь пришли и к тебе тоже, Виир. Чем мы хуже семьи Ян? Я предлагаю основать новую семью, выгнать Ян в шею, назваться хоть Бун и править городом вместе.

Теперь изумился я, и даже задал вопрос Седому:

— Это, вообще, законно? Разве так можно?

Вопрос я задал раньше, чем сообразил, что ведь могу относиться к тем, кто этот разговор не слышит. Но то ли я действительно мог его слышать, то ли Седой не заметил моей промашки, но он со вздохом ответил:

— Третий раз за сегодня я повторяю тебе эту простую истину, малец. У кого сила, тот и прав. В мелких фракциях такое, как сейчас, происходит постоянно. Эти Ян ещё долго просуществовали, но так и не сумели набраться сил, где это видано, что вольных Властелинов в городе чуть ли не больше, чем у них в семье?

— И что, споры о том, кто третья по силе фракция в Империи, а кто вторая, так же проходят? Приходишь к ним и меряешься силой, кто сильнее тот и забирает себе земли?

— Нет, там чуть сложнее, слишком уж большие силы у великих кланов, как и потери, но да, если один из кланов проявит слабость, то его судьба незавидна.

Удержаться было выше моих сил. Вернее, не так, я легко мог бы удержаться, это проще, чем не броситься на того, кто облил тебя помоями, но к чему мне сдерживаться в этом и сейчас? Я как бы до сих пор не считал две части Ордена одним целым. Поэтому задал очевидный вопрос:

— Как это вышло с Орденом Небесного Меча?

Сначала мне показалось, что Седой обиделся и ответа не будет. Но нет, скрипнув зубами, он ответил, пусть и не сразу:

— Нет. С нами была другая ситуация. Тогда у нас ещё оставались союзники, да и несмотря на гибель старших, силы у Ордена, который владел лучшими формациями Империи, вполне хватало для защиты своих земель. Но гибель магистра, его преемника и комтуров, позволила императору объявить о роспуске Ордена. И всё равно наши земли целы. Многие пытаются наложить на них лапу все эти годы, но земли Ордена всё ещё недоступны для их жадных рук и всё ещё ждут нас.

Звучало интересно, непонятно и требовало ещё кучу вопросов. Как всегда. И как всегда, сейчас совсем не время для них, ведь Кулаки, Сёстры и Пепельные быстро перешли от вопросов к торгу.

— И как же мы распределим места в нашей будущей семье?

— Станный вопрос. Каждый союз даст начало новой ветке семьи. Это позволит нам, в отличие от Ян, ещё долго заключать между собой браки и укреплять, а не размывать верность семье.

— Тогда логичным будет и совет, где мы вместе будем решать дела города и земель.

— Разумеется.

— А с чего ты решила, Илимия, что на этом совете мы хоть до чего-то договоримся? У союзов хватает как претензий друг к другу, так и простых обид. Те же Кулаки никогда не стеснялись решить вопрос силой, а те же Два и Три в последние годы никогда не шли на уступки.

— Разве мы не разумные люди? Одно дело делить кому достанется новый кусок триста на триста шагов, другое дело, решить сколько налога брать с вольных города.

Пепельный скривился:

— Ну какой ещё налог, Илимия, не разочаровывай меня. Половина идущих города станет частью такой большой семьи, если, обрати внимание, если у вас всё получится.

— Зато половина останется.

— Меньше. Если вы хотите убить всех Ян, то вам понадобятся все Властелины города.

— Кто говорит об убийстве?

Меня тоже интересовал этот вопрос, но Пепельный тут же дал на него ответ:

— Ну не стоит прятать правду за красивыми словами, Илимия. Вы собираетесь прийти к ним, отобрать дело их жизни и жизни трёх поколений их предков и ты пытаешься рассказать мне, что они скажут — хорошо и уйдут порталом?

В разговор вмешался Морт:

— Они бы, может, и рады уйти, но кто им даст? Я не собираюсь давать им шанс найти помощь и вернуться через пару лет, пообещав отдать половину города за это.

Я думал, что Пепельный возмутится, но нет, он довольно кивнул:

— Теперь я, наконец, слышу здравые слова, даже удивительно, что говорит их мне брат Морт. И снова повторю, что вам понадобится каждый Властелин города для схватки, а значит, и всем остальным союзам города придётся давать места в новой семье, как и их людям. Придётся уходить от налога на вольных, на первых порах их будет слишком мало, нужно будет привлекать их к себе из других городов.

— Поэтому мы пришли к тебе первым, брат Виир. Твои рассуждения о налогах и привлечении людей в наш город всегда были здоровыми и взвешенными.

— Мне льстит это слышать, сестра Илимия, но всё же, что с Двумя и Тремя?

— Давай глядеть правде в глаза, брат Виир, они не только очень сильны, но и слишком себе на уме, слишком связаны с Ян, невзирая на внешнюю вражду. Идти к ним сейчас для нас было бы бессмысленно. Но если прийти к ним с тобой, брат Виир, и с твоими людьми, прихватить по пути ещё и Текущую воду, теневиков, Пять Пальцев и прочих, то Два и Три склонят голову перед нашими общим союзом, не желая терять свой кусок будущего пирога.

Дальше уже не только Виир и Илимия, но и все остальные Властелины погрузились в бурный спор, на котором жарко делили места в совете будущей семьи, причём делили не только за себя, но и за тех, кто ещё даже не присоединился к ним, как понял, ведя подсчёт не

только по числу Предводителей, но и по уникальности того, что будущие участники принесут в новую семью.

Весь этот разговор производил впечатление не один раз продуманного дела, то и дело то один, то другой спорящий ссылались на какие-то старые разговоры и доводы, иногда всего парой странных фраз заставляя согласиться с собой. Теперь я точно понимал, почему Нулар так хотел, чтобы я столкнулся с Кулаками. Половина союзов города уже не первый год спала и видела себя на месте Ян. Интересно даже, не случись этого Бедствия, получилось бы у Нулара ослабить Кулаков и заставить их заплатить за подобное подставное дело?

Устав вслушиваться, я снова занялся нитями сгустка силы Виостия. Не выйдет его сдвинуть, так я перенесу его с места на место самими нитями, соберу из них на новом месте.

— Отлично. Дело осталось за малым. Сражайтесь!

Я вздрогнул, отвлекаясь от своих мыслей и занятия, лихорадочно пытаюсь восстановить в памяти последние прослушанные разговоры между Властелинами. Какого дарса происходит?

Морт развернулся, глянул на меня сверху вниз и растянул губы в холодной улыбке:

— Гость города, пришла пора показать свои таланты. Я оставляю всех Предводителей Пепельного союза на тебя.

Седой тут же буркнул:

— И не вздумай убивать кого-то, малец. Это всего лишь демонстрация силы и страховка. Мы показываем, что у нас есть сила для грядущего дела, а у самого дела есть надежда на успех, хитрец Пепельный же подстраховывается и если что-то сорвётся, то всегда честно скажет, что сдался под давлением превосходящей силы.

Я облегчённо выдохнул. Теперь ясно. Просто как-то резко перешли от торговли за место хранителя библиотеки к призыву сражаться.

Властелины наверху медленно пришли в движение. Всего по двое с каждой стороны. С нашей это Седой и одна из Сестёр, та, что всё это время молчала, не старшая и не та, что определяет ложь и правду. С Седым ясно, а что с ней? Её тоже проверяют? Свои же?

Я шагнул им вслед по брусчатке, кривя губы в насмешливой улыбке. Наверху всё ясно и честно — схватки поодиночке. Так какого дарса я тут один против...

Восприятие Предводителя тут же отметило десяток качнувшихся навстречу фигур, что тоже сделали первый шаг. Вдох и их число не изменилось.

Высоко меня оценивают или же сильно хотят, чтобы я споткнулся и опозорился.

Седой сверху и, даже не глядя на меня, поддел:

— Так и снесёшь подобное молча, малец? Что я совсем недавно говорил тебе? Сила, наглость, плата!

Действительно, что это я?

Тут же толкнул мысль ко всем над своей головой.

— Вообще-то, я присоединился к вам, чтобы разобраться в причинах гибели своего благодетеля и отомстить тому, кто стоит за его гибелью, а сейчас, неожиданно, оказался втянут в какую-то демонстрацию талантов. Это пойдёт за отдельную плату. Слышал, у Ян неплохая для такой маленькой фракции библиотека. Я хочу прогуляться по ней в поисках редкостей.

— Неслыханно! — вскипел Морт.

— Оставь, брат, — снова раздалась холодная мысль главного из двух Кулаков, а затем он явно обратился ко мне. — Договорились. Но сначала заверши это дело.

Через мгновение Морт прорычал мысль, которую я точно слышать не должен был:

— Эй, вы там, прочтите этого выскочку ради меня, Морта!

Я заметил пару быстрых взглядов, которыми обменялись мои противники, но и только. Они как неторопливо шагали, так и шагали, их руки как были пусты, так и оставались.

Я в это время быстро оценивал их Возвышение. Как и предполагал — никаких первых звёзд Предводителя среди них не было, уже знакомый мне Гравер не самый слабый, но и не самый сильный среди моих противников. Есть один, правее его, которого я бы оценил как пикового Предводителя, не меньше.

Он и будет моим основным соперником. Остальных же... Остальных нужно вывести из схватки как можно раньше.

Над головой ярко вспыхнуло, там перед Властелинами загорелись обращения.

Тоже, кстати, вопрос, который нужно задать Седому. Почему так? А я с ним ещё даже про Мадов не поговорил, он всё ещё мне должен за проигранный спор.

Левый мой противник очередной шаг превратил в скольжение ко мне, используя технику. Руки его всё так же оставались пусты. Ни оружия, ни техник. Остальные противники замерли на месте.

Я, не знающий, по каким правилам мы сражаемся, принял это.

Не турнир между враждебными фракциями, но дружеская стычка один на один. Во всяком случае, пока. Отлично.

Шаг навстречу, Единение горит на коже вторым созвездием, прячась до поры под халатом, но всё же наполняя моё тело силой и ловкостью.

Удар в лицо. Я ухожу, чуть пригибаясь, тут же отбиваю колено, которым мне пытались проломить грудь.

Пепельный не сильно медленней меня, явно тоже под какими-то усилениями. Техника человеческого качества? Форма? Татуировка? Артефакт?

Неважно.

Подшаг вслед за отступившим противником. Наши правые руки сплетаются, не хуже змей. Он отступает, я давлю и всего через миг нахожу брешь в движениях.

Выпад.

Моя ладонь с хлопком впечатывается в грудь противника, заставляя его скривиться от боли.

Едва успеваю остановить идущий следом удар с левой.

Всё потому, что мой противник вдруг коротко кланяется и отступает в сторону.

И всё? Этого достаточно для победы? Одного удара?

Ответом мне становятся земные техники, которые вспыхивают перед руками самого правого противника.

Два вдоха и он рвётся ко мне, буквально размазываясь в воздухе сиреневой, в цвет его халата, полосой.

Этот быстрее меня. Но я не тороплюсь использовать Единение на полную мощь. Умершего Орзуфа видели с его синими линиями на коже, мне бы хотелось избежать сходства с Орзуфом, тем более пока передо мной стоит Гравер, а где-то за спиной должна быть Тана.

Меня вдруг колет острое сожаление. Все эти смены масок, образов и имён снова привели к тому, что я ограничен в своих возможностях. Даже сейчас, в этих почти дружеских поединках кулак к кулаку.

Как уколото, так и исчезло. Не первый, и думаю не последний раз. Вместо этого нахлынул азарт. Я справлюсь. Это лишь ещё одна тренировка.

От первого натиска я отступил на три шага, с трудом успеваю отбивать все удары. Плохо то, что, возможно, всего одного пропущенного может оказаться достаточно для моего поражения, хорошо то, что вряд ли это повлияет хоть на что-то. Не тогда, когда я тут один против десяти в поединке, который нужен лишь для оправдания при неблагоприятном исходе смены власти в городе.

Выдержать натиск мне помогло восприятие и опыт. Первое помогало увидеть движения противника, второе помогало их отбить.

Эти три шага назад и три вдоха времени я потратил на то, чтобы отыскать в своих запасах давно забытые техники.

Ещё два вдоха я потратил на то, чтобы вывесить перед собой заготовки их обращений.

А затем и сам влил в них силу, проявляя перед всеми.

Одна земная техника усиления, одна земная техника ускорения.

Раз по предложенным правилам мне не нужно использовать другие техники, то можно и занять узлы, возмещая недостаток Единения.

Мы тут же сравнялись в скорости и моё отступление прекратилось.

А затем я превзошёл Пепельного в скорости и пятиться начал уже он.

Его хватило на три шага, а затем мой пинок едва не заставил его рухнуть.

Наученный опытом, я тут же замер, оборвав связку движений, разученных ещё в Школе Ордена Морозной Гряды.

Вовремя.

И этот противник отступил, склоняясь в лёгком, едва уловимом поклоне. Но кулак к ладони прижал чётко и медленно.

Я повторил его движение, благодаря за урок, о котором он даже не подозревал.

А суть его была проста. И чего я тупил, сражаясь с големами? Да, Единение отличная штука, но если уж техники, внешние техники под запретом в зоне искажения, то почему не использовать внутренние? Даже если они бы сделали меня быстрее всего на долю мига, то это уже могло оказаться выгодней, чем беречь силу для Покрова. Лучше увернуться от удара, чем встретить его грудью.

А ведь, кроме этой незамысловатой мудрости, есть и ещё одна. Если кто и может не заботиться о свободе узлов и меридианов для техник, так это я. Составная техника для одиннадцати человек — которую я могу применить сам, без помощи — это очень и очень сильно. Но кто мешает мне использовать вместе с набором Роака набор усиления, силу и стихию в которых я изменю так, чтобы они не мешали?

Я могу одновременно использовать вдвое, втрое больше техник, чем другие идущие.

Над головой грохнуло, халат дёрнуло порывом ветра, одновременно меня обожгло опасностью.

Третий идущий, словно получив от Властелинов над нашими головами одобрение или разрешение, тоже ударил по мне техниками.

Влево, вправо, проскальзывая между бьющими из брусчатки каменными копьями, использовать Поступь, короткий Рывок и я уже на расстоянии меньше руки от противника.

Удар.

Слабоват.

Он что, действительно думал, что накроет меня и я не сумею увернуться?

Пепельный потёр грудь, зло что-то шипя и отвернулся, даже не подумав кивнуть или приложить кулак к ладони.

Ишь ты, гордый какой.

Происходящее мне уже нравилось. Какая необычная и прочищающая мозги схватка. Только ради мысли о личном наборе дополнительного усиления эта схватка должна была состояться.

Шевельнулся четвёртый Пепельник и я сам рванул ему навстречу, предвкушающе улыбаясь.

Он засиял усилениями, встретил меня кулак к кулаку.

И проиграл.

Ни пятый, ни шестой, ни седьмой, ни восьмой не пытались больше использовать техники или тем более оружие. Тоже встречали меня кулак к кулаку. Правда, не сказать, что так уж оказались в этом хороши.

Нет, быстры, сильны и махали руками ловко. Но мне, прошедшему не одну сотню схваток в Школе, отчётливо были видны недостатки в их движениях. И снова я задавался вопросом, что же за семья была у Виликор, раз так много внимания уделяла схваткам голыми руками?

Хотя, возможно, я слишком много думаю. Помнится, у Виликор был учитель в Морозной Гряде, возможно, эти умения ей передал он, потому как я никак не мог выдумать причину, по которой семья начертателей должна была уделять столько времени обучению детей сражениям голыми руками.

Девятый — Гравен — выставил ладонь, заметив, что я уже качнулся к нему:

— Погоди, — убедившись, что я замер, слушая его, продолжил. — Не вижу смысла мериться крепостью костей, тем более, уже проигравшие братья в этом гораздо лучше меня.

— Дистанционные техники? — предложил я уже использованный выход.

Заодно обратил часть восприятия наверх, где Властелины методично и неспешно давили друг на друга. Седой использовал всё то же огромное обращение, которое создавало ледяные мечи и по одному посылал их в Пепельника. Тот отвечал какими-то сияющими сгустками, которые обращали мечи в ничто.

На другом краю площади, буквально в пяти шагах от окон последнего этажа третья Сестра использовала что-то вроде серого, дымного ветра, потоком которого давила на огромный сияющий щит второго Пепельника.

— Я вижу, что собрат не местный, — Гравен заставил перенести большую часть внимания на него. — Из фракции, что заслужила звёздный рейтинг?

Мне потребовалось не мгновение и не два, чтобы сообразить, что он имеет в виду. Лекция Ксилима. Та, где он в очередной раз хвалил Орден Небесного Меча и сказал, что будь Второй пояс полноценной землёй Империи, то Орден бы считался фракцией седьмой звезды. Спрашивается, почему я ни разу не слышал этого именованья за все месяцы жизни в городе Ян?

Наверное, потому же, почему Седой называл Ян едва заслужившими войти в список фракций империи. Беззвёздная фракция, недостойная даже одной звезды?

Кивнул, неспешно, выигрывая себе время на размышления, приложил кулак к ладони:

— Собрат по Возвышению, ты первый кто спросил об этом. Благодарю. Так и есть, фракция, с земель которой я пришёл, считается пятизвёздочной.

Говорил я, разумеется, об Арройо, говорил для того, чтобы никто не сумел уличить меня в обмане, если обладает таким талантом.

Но проверял меня, оказывается, не он.

— Пять звёзд?

— И это правда, сестра

— Удачно. Неясно только, что такого сумел Пиатрий им предложить. Ох уж, вечно жалующийся на тяжёлые времена хитрец.

— Так может, потому его Ян и убили, что что-то узнали о его делах в обход них?

— Кто знает, сестра, кто знает?

Гравен в это время щурился, глядя на меня странным взглядом, но затем восхищённо протянул:

— О-о-о! Неудивительно, что собрат так силён. Кулакам и Сёстрам повезло заполучить такого союзника. Я-то наивный, полагал, что за собратом стоит трёхзвёздочная фракция.

Тем сильнее моё желание проверить себя и получить урок. Даже драгоценный нефрит бесполезен, пока его не обработают, — он снова согнулся в приветствии идущих, на этот раз гораздо ниже. — Старший собрат, прошу оказать мне честь и поделиться опытом, прошу провести схватку с использованием Сути Стихии.

Предложение было не из лучших. Я уже показывал Суть Стихии в схватке и заслужил пристальный взгляд и подозрения. Но сейчас я не Орзуф, а гость из фракции, носящей пять звёзд рейтинга. Можно. Тем более, Гравена не было и близко к той схватке.

Поэтому я тоже приложил кулак к ладони и вежливо ответил:

— Разумеется, младший собрат, с радостью поделюсь опытом.

— Моя стихия — земля, собрат.

— Моя стихия — вода, собрат.

— Отлично, — просиял Гравен. — В наших землях редко у кого найдётся достойный опыт с этой стихией, тем интересней будет обменяться опытом. На счёт три, собрат, — Гравен выставил ладонь. — Раз. Два. Три.

Перед нашими руками засияли обращения, а через миг из воздуха соткались видимые всем наши Сути Стихии.

Мой змей воды и червь земли.

Ну что сказать...

Меня не впечатлило.

Видел я Суть Стихии земли в исполнении сильного, старого, опытного сектанта и вот там червь был так червь. Дыры в голову размером прошибал во врагах. Здесь же — червь всего толщиной в руку, и то я ему польстил. Ни зубов, ни даже толком оскаленной пасти.

Я разглядывал червя половину вдоха, а затем наши удары столкнулись, и мой змей съёл червя, буквально разрывая в клочья.

Хорошо я додумался мысленно окликнуть своего змея, приказывая ему обогнуть Гравена, и вернуться ко мне.

Вышло не так ловко, как у птиц старшего Тизиора, но вышло, открывая одну из возможностей этой техники.

Змей метнулся ко мне и влился в выставленную ладонь.

Гравен тем временем восхищённо выдохнул:

— Старший собрат! Один поединок с опытным противником стоит месяца тренировок, — поклонился. — Благодарю, теперь я видел Суть Стихии выходца из фракции пяти звёзд. Теперь я вижу, к чему должен стремиться в своих трудах.

Я кивнул, принимая благодарность, с языка соскользнула лесть:

— Уверен, у тебя всё выйдет, собрат. Ваши земли, хоть и бедны на мою стихию, щедры на твою. Я вижу здесь и горы, и плодородные земли, и бесплодные пески, которые неудержимы в своём вечном движении и в вечной жадности. Здесь ты можешь познавать как бесконечный рост камня, суть жизнь земли, так и видеть смерть бессмертного камня, ставшего песчинкой, которая истончается в бесследную пыль и исчезает, чтобы вернуться в круговорот жизни.

Гравен с хлопком впечатал кулак в ладонь:

— Старший, благодарю за наставление и откровение. Я буду стараться, попытаюсь осмыслить твою мудрость.

Мне даже неловко стало. Я, по большому счёту, пересказал пару фраз из книг, которые нашёл в библиотеке его города. Ну, может, добавил чуть от себя, а он этого даже не понял?

Но Гравен уже скользнул в сторону, освобождая место, а передо мной встал последний, десятый противник.

Схватка, а вернее, испытание сил наверху, между Властелинами закончилось, пока я тут, внизу, выдавал чужие мудрости за свои, и сейчас все смотрели на нас. Причём, пристально так глядели, словно у нас здесь действительно турнир и, наконец, наступила схватка за место чемпиона.

Нет, это не так.

Но кто бы меня послушал, даже если бы я об этом крикнул на всю площадь?

Как всегда, Седой нашёл время меня поддержать:

— Малец, говоришь тебе говоришь, чтобы ты думал о том, какую маску носишь, а тебе в одно ухо вливаешь, из другого выливается. Ты часто видишь, чтобы старики так ловко прыгали, как делал это ты?

Я огрызнулся:

— Буквально сегодня с утра видел — один седой и вредный старикашка прыгал, словно молодой и хребты каменным големам ломал.

— Что за слово-то такое неприятное — старикашка? Где ты его подхватил, малец?

Я промолчал, не собираясь делиться с Седым откровениями о своём детстве, старике Газиле

и продавце алхимии. Да и некогда мне — мой последний противник тоже заговорил:

— Собрат.

Мы почти одновременно обменялись приветствиями. Не знаю как Пепельный, а я до сих пор под действием Единения, поэтому начать поклон спустя всего полмига после него мне не составило труда, главное, потом замедлить движение и остановиться одновременно.

— Собрат, — повторил Пепельный разогнувшись. — Боюсь, я не сумею стать тебе противником ни в схватке без оружия, ни в ударе Сути. Не буду даже и пытаться, чтобы не выглядеть жалко.

Седой, у которого явно появилось свободное время, вспомнил, что он любитель доставать меня болтовнёй и советами:

— Малец, нужно бы ответить, и ответить хорошо, иначе он потеряет лицо и затаит обиду. Чего молчишь?

Я скрипнул зубами и махнул рукой в коротком жесте:

— Ну что ты, собрат. Уверен, с твоим опытом и талантом мы бы разошлись на равных. Возможно, лишь с небольшим моим преимуществом.

— Во! Можешь же, когда хочешь, малец.

Я не стал отвечать, не думаю, что Седой и ждал моего ответа.

Пепельный же, наконец, перешёл к сути:

— Предлагаю сойтись в давлении силы, собрат.

Я кивнул:

— Благодарю собрата за то, что тот жалеет меня, уже уставшего старика.

За спиной подал голос Морт, недовольно процедив:

— Придурки, вместо того, чтобы сосредоточиться на его слабых местах, раз за разом дают ему поблажки. Этот и вовсе самый тупой из всех Пепельных. Если я не сумел сразу задавить этого безымянного, то на что он рассчитывает? Это так они выполняют мою просьбу? Издеваются надо мной?

Ему со смехом ответила Илимия:

— Брат Морт, ты слишком предвзят в этом дружеском поединке. Во-первых, Пепельные используют эти схватки лишь, как повод заключить с нами союз, а значит, сражаются не в полную силу. Во-вторых, как именно этот Пепельный может знать про твою схватку с этим

гостем?

Илимия, разумеется, была во всём права. Мой десятый противник не стал ни идти до конца, ни вкладывать в давление все силы до предела. Пятнадцать вдохов неспешного противостояния и, стоило моей силе отыграть треть расстояния до него, как Пепельный признал поражение и склонился в приветствии.

Три союза объединились против Ян.

Но на этом не остановились.

Глава 5

И снова я пользовался тем, что подслушивал разговоры Властелинов. Да и мог ли я, образно говоря, заткнуть себе уши? Вернее, сделать-то я это мог, только не хотел.

Тем более, говорил обычно молчаливый Кулак — Арек — рассудительный и старший из них двоих и рассуждал на очень интересную тему.

— Во многом ты права, сестра. В другое время я бы и не подумал идти к ним и предлагать объединяться, слишком уж между нами много противоречий.

— Противоречий? Ха! — Морт не стал молчать. — Мокрушки без зазрения совести влезли в наши интересы.

— Это делают все союзы в городе, — спокойно возразил ему Арек.

— Но только они делали и делают это настолько нагло! Мы появились гораздо раньше их и с самого начала предлагали услуги отрядов для сопровождения на Поле Битвы. Кто дал им право отбивать у нас хлеб?

Арек пожал плечами, восприятие Предводителя позволяло мне видеть все жесты и выражения лиц летевших чуть впереди Властелинов, всего-то нужно, словно взлететь и зависнуть невдалеке. Не думаю, что мой трюк остался незамеченным, но никто из Властелинов и слова не сказал. Но были ли бы они так спокойны, зная, что я, в отличие от других, их слышу?

— Мы многим были как кость в горле, брали очень высокий процент, вынуждая остальных плестись в хвосте и перебиваться объедками. Неудивительно, что они решили сыграть на понижении цены.

— Ублюдки.

— Брат Морт, прекращай. Нам предстоят переговоры, а их три Властелина стоят того, чтобы на время забыть о наших обидах.

— Они слабаки, и даже если я послушаю твоего совета и забуду обиды, то забудут ли их они?

— В обновлённом городе, сменив его имя, нам всё равно придётся устанавливать новые правила. Много наших людей потребуются на новых местах: стража города, охрана особо богатых на выручку поместий на Поле Битвы, люди для представительств в других фракциях, надзор, изыскания. Как бы ты ни хотел, брат, но нам нужны будут их люди. Будь справедливым, они неплохо выучены и очень дисциплинированы. Вполне приемлемо будет отдать им то, в чём они хороши.

— Давай ты и будешь заниматься городом, брат. Мне же оставь то, в чём я хорош — Поле Битвы и управление бойцами.

— Тогда тебе тем более нужно свыкнуться с мыслью, что придётся находить общий язык с Текущей Водой. Повторю — наших людей не хватит, я всех заберу себе.

Морт фыркнул и разговор как-то стих.

Зато у меня появилась возможность поговорить с Седым.

— Так что, предложение научиться закрывать мыслеречь в силе?

— Разумеется, в силе, — безразлично буркнул Седой, но тут же встряхнулся и изумился. — Малец, только не говори, что, покрутив носом, ты вдруг переменял своё решение и решил начать учиться вот сейчас, в это самое мгновение, буквально половину палочки назад отказавшись?

— Ну, как сказать, — замялся я, — Не совсем. Скорее, я хочу задать тебе ещё пару вопросов по поводу мыслеречи.

— Целых пару? — фыркнул Седой. — Ну давай, спрашивай.

— О том, что наш с тобой разговор услышать не могут, я понял. А вообще, Властелины, они слышат всю мыслеречь Предводителей?

— Всю, но при выполнении нескольких условий. Первое — если сами Властелины хотят этого, согласишься, неприятно бывает сидеть в комнате, где все вопят и не дают тебе сосредоточиться на своих мыслях.

— О-о-о! — протянул я с издёвкой. — Я это отлично испытал на своей шкуре, недавно мне, представь себе, один неприятный человек даже поесть спокойно не давал.

Седой не смутился ни на миг:

— Зря ты сбежал тогда из города. Ещё день и я, глядишь, уговорил бы тебя взять у меня пару уроков.

Если он думал, что сумел меня уязвить, то ошибался. Я, про себя ухмыляясь, тут же добавил:

— Ну да, ну да. И ты бы за этот день довёл меня так, что я бы никогда тебе не открылся.

— Кхм, — Седой кашлянул и поспешил вернуться к моему вопросу. — Второе — эта возможность даётся не сразу. Сила, как я и говорил. Большая часть слабых Властелинов Духа не способны подслушивать мыслеречь Предводителей, особенно сильных Предводителей, которые, как бы это сказать, не орут во всю глотку, а умело вкладывают в это столько сил, сколько нужно, буквально шепча свои мысли на ухо.

— Погоди, выходит, мыслеречь — это что-то такое, что можно как бы кричать громче и тише, считай, как обычная речь?

— Верно подметил. У тебя, кстати, с этим всё очень прилично. Ты очень хорошо контролируешь вкладываемые силы, мне почти не приходится помогать тебе скрывать твою половину разговора. Кстати, если меня не окажется рядом, то помни то, что я тебе уже говорил — фракция Ян с трудом вошла в список фракций, обитатели их города им под стать. Основание их силы слабое, плохо заложенное, с большим количеством изъянов. Причём эти изъяны и в самой силе, и в их умениях, и знаниях. Не веди тайную беседу с другим Предводителем у них на глазах, даже с твоим шёпотом, отойди хотя бы шагов на пятьдесят, этого уже вполне хватит, если Властелины не будут изо всех сил стараться подслушать тебя.

— Спасибо, запомню.

— А стоит мне научить тебя закрываться, и ты вообще станешь для слабых Властелинов словно безмолвная скала. Не каждый сумеет расколоть тебя и докричаться.

— А каковы пределы крика и шёпота? Без умения закрываться?

— Для Предводителей? — уточнил Седой. — Ну, скажем, вложив все силы, можно отослать свою мысль на другой конец города Ян, а если вложить только идеальное количество силы, то подслушать мыслеречь стоя в пяти шагах дальше его собеседника уже не выйдет. Но на оттачивание подобного уходят десятилетия.

Я невольно кивнул, запоминая это очень интересное замечание, и задал следующий вопрос:

— А что у нас в обратную сторону?

— Это ты о чём?

Я облизал губы. Тяжеловато раз за разом открываться, но если уж начал, то нужно идти до конца. Ведь Седой прав, хоть и говорил о союзах города Ян, — у меня тоже огромные изъяны в знаниях. Поэтому я всё же произнёс это:

— О том, что не пойму, как так выходит, что я, всего лишь Предводитель, слышу все ваши разговоры?

Клянусь, Седой снова провалился вниз. Буквально на палец, но потерял высоту и дёрнулся, словно собираясь обернуться ко мне, затем медленно спросил:

— Что значит слышу все ваши разговоры? Какие это все?

— Это и значит. Все. Даже тайные.

— Так, — Седой потёр лоб, буркнул. — Погоди, — через миг, сменив тон, задал вопрос и уже не мне. — Собрат Арек, прошу извинить меня за сомнения, но я слышал слух, что некоторые союзы в городе ведут кое-какие дела с Ян. Не опасаясь ли ты, что союз Текущей Воды из таких?

Услышал я и ответ:

— Все мы до недавнего дня вели какие-то дела с Ян, но я понял суть твоего вопроса, собрат Аранви. Подозрения о покровительстве им Ян были в первые годы появления их союза, но я в них не верил с самого начала, а затем и проверил в нескольких делах, рискнув выставить себя в неприятном свете. Нет, союз Текущей Воды не выдал Ян больше, чем выдали бы те же Сестры или Два Брата и Три Флага.

— Спасибо за ответ, собрат Арек, — через миг Седой жадно спросил, глядя точно туда, где я сосредоточил восприятие Предводителя. — Ты что-нибудь сейчас слышал, малец?

— Всё слышал. Твой вопрос Ареку о Текущих и его подробный ответ.

— Гархово отродье.

Седой не провалился в этот раз вниз, потеряв контроль над полётом. Вместо этого он всё же обернулся, впился в меня настоящего взглядом.

Я моргнул раз, другой, толкнул ему мысль:

— Седой?

Он молча отвернулся и только тогда снова выругался:

— Гархово отродье.

Я ответил сам себе:

— Похоже, что кроме знаний о датах смерти прошлых истинных мастеров Указов, ты не так уж и много о них знаешь.

Седой мотнул головой налево, направо, словно теперь вглядываясь в своих летящих соседей. Я едва не закатил глаза. И он только что уверял меня, что никто нас не может слышать. Похоже, теперь он сам в этом сомневается.

Седой тяжело вздохнул:

— О-о-ох! — с какой-то тоской спросил. — Малец, а может, ну их, этих Ян, эти союзы и весь этот вшивый городишко? Давай к порталу, в земли Кимлот, да займёмся достойным делом и возродим Орден?

— Твои вещи, моя плата за кристаллы, вира за попытку нас убить, Лая, — ощущая, что Седой сейчас снова начнёт возражать, я напомнил главное. — А портал Ян закрыли. Теперь, пока не найдём тех, кто может им управлять, уйти не получится.

— Да, да. Что-то я... Миг слабости, забудь, малец, и у тебя, и у меня здесь есть дела.

Дела действительно есть. Например, сам портал. О перстне я промолчал. Седой и так уже трижды за этот день поражён. Сначала тем, что я боевой мастер Указов, потом тем, что я могу в одиночку создавать составные техники, теперь тем, что для меня не являются тайной разговоры Властелинов, добавлять четвёртую тайну о перстне, или о том, что я действительно из его Ордена, только той части, что находится во Втором поясе... Нужно пожалеть немного Седого и себя.

Тем временем мы пришли, город Ян и правда не так уж и велик, особенно если его улицы пусты.

И снова всё повторилось. Правда, я заметил, что летящие впереди Властелины нарочно сделали дополнительных три поворота, чтобы выйти к очередной площади с нужной стороны.

Снова напротив нас висят в воздухе три Властелина, под ними толпятся Предводители. Очень и очень немало. Впрочем, если учитывать, что у Кулаков до сих пор по Полю Битвы летают Предводители пятой, а то и шестой звезды, а Сёстры потеряли множество своих людей, то желание Арека объединиться ещё и с этим союзом выглядит понятным. Здесь можно это сделать даже не столько ради трёх Властелинов, сколько ради Предводителей. Как он и сказал своему собрату Морту.

Я вполуха прислушивался к переговорам глав союзов, больше занятый размышлениями о том, придётся ли мне и в этот раз биться, доказывая что-то там новому союзу или нет?

Да и, честно говоря, вслушиваться было сложно. Если в прошлый раз говорили по большей части Властелины, а остальные почти всё время молчали, то здесь над площадью буквально стоял гул десятков разговоров мыслеречью. Заметно было, что между Кулаками и Текущей Водой не самые лучшие отношения. Десятки людей что-то там припоминали друг другу, подначивали и насмехались. Мокрушки и тупые каменюки, вот какие именованья летели от одной стороны к другой.

И если Кулаки поначалу больше молчали, то идущие из Текущей Воды языков не сдерживали и всё сильнее и сильнее заводили и Кулаков.

— Да я тебе сейчас жопу на башку натяну, каменюка. Самое смешное, что никто и разницы не заметит.

— Попробуй, мокрушка, только потом не плачь.

— Потом это когда?

— Это когда я тебе меч в задницу засуну.

Из объяснений Седого следовало, что эти разговоры слышат сейчас все Властелины, если, конечно, не отгородились от их шума. Если же слышат, то явно пора главам Текущей Воды осадить своих людей.

Мне уже неприятно находиться тут — то и дело кто-то переходит границы и кидает на соперника напротив полный злости и желания драться взгляд. Мне то и дело то колет в спину, то обдаёт тёплым ветром.

Словно услышав меня, Арек заметил:

— Хватит давить на нас, Нитар. Нам ещё нечего делить, Ян ещё правят городом. Осади своих людей, они достаточно убедили нас, что ты не продешевишь с долей в будущей фракции. И хватит намекать на нашу слабость. Поверь, мне найдётся, чем удивить Ян и без вашей помощи.

— Удивить? — усмехнулся левый из Властелинов Текущей Воды. — Тебе? Громкие слова.

Морт, который до этого молчал, не выдержал всё-таки:

— Пока что только от вас слышны громкие слова, а не дело. И о каких особых местах для вас может идти речь, если вы пока только болтаете языком? Одно дело тут языком трепать, обвиняя нас в громкости, другое дело сойтись со стражей Ян. Будущее покажет, сколько долей во фракции достойны мокрушки.

— Брат, — Арек поморщился. — Прошу простить моего брата, он всегда несдержан на язык, но это, скорее, его достоинство, чем недостаток.

— Нет, нет, — помахал рукой средний из висящих в воздухе Властелинов Текущей Воды. — Он всё правильно сказал — схватки покажут нашу силу и то, чего мы достойны. Думаю, пришло их время.

— Подождите-подождите, — Арек поднял руку, спокойно увещевая. — Наши люди десятки раз сходились в драках на улицах, кому как не нам прекрасно знать, насколько сильны вы, а вам знать пределы нашей силы. К чему тратить их в пустой проверке? Я предлагаю сохранить их для схватки с нашим общим врагом ради нашей общей фракции.

Властелины Текущей Воды переглянулись, средний снова спросил:

— Предлагаешь сразу перейти к настоящим сражениям?

— Да, собрат Сум.

— Действительно, похоже, что пора, — все три Властелина Текущей Воды одинаковым движением опрокинули в рот по пузырьку, швырнули их вниз, буквально на головы своих людей и в три голоса закричали, оглушая всех, кто находился под ними. — Время пришло!

Толпа под ними пришла в движение, повторяя движения своих глав и принимая зелья.

Илимия изумилась:

— Что вы творите? К чему такие...

Исчезнувшее было лёгкое покалывание в спину вдруг вернулось, и не просто вернулось, а резко усилилось, полноценно предупреждая, что меня кто-то хочет убить. И не просто хочет, но ещё и обладает возможностью это сделать.

— Бейте! Предательство!

Два вопля слились в один.

Бить призывал глава Текущей Воды, о предательстве вопил Морт.

Но тут уже и тупой бы понял — над нашими головами Властелины Текущей Воды, начав первыми, жажнули чем-то по Кулакам, Седому, Сёстрам, Пепельным и прочим нашим Властелинам, внизу на нас обрушили волну техник Предводители и даже Мастера Текущей Воды, выскочив из зданий со всех сторон.

Неожиданность не помешала ни мне, ни остальным вывесить перед собой защитные техники.

— Тупицы! — заорал кто-то слева. — На что вы надеетесь? У вас всего три Властелина против целой толпы наших!

В это мгновение на землю рухнула одна из Сестёр.

— Ларана!

Я вскинул голову. Да и не только я.

Что-то происходящее над нами не очень похоже на перевес толпы против трёх. Троица Текущей Воды снова жажнула чем-то по защитным техникам Властелинов над нашими головами, замолотили лучи, шары и диски сразу нескольких цветов, кое-где прогибая защиту и прорываясь внутрь всполохами и осколками.

Что ещё хуже, эти самые осколки и всполохи сыпались и вниз, на нас.

Меня обдало жаром опасности, энергия сама наполнила меридианы, коротким Рывком унося меня в сторону.

На место, где я только что стоял, упал алый осколок размером с меня и тут же брусчатка на десять шагов во все стороны вспыхнула огнём, зачатила, испаряясь густым дымом.

Что за...

Следующие несколько мгновений мне было не до лишних мыслей.

Уйти вверх и наискось я не мог — наши Властелины теперь не только защищались, но и били в ответ — воздух над площадью буквально наполнился смертью. Эта же смерть сыпалась и вниз, заливая площадь огнём, кипящим воздухом, тысячами лезвий и прочим, но если я и мои союзники из Кулаков, Сестёр и Пепельных были заняты спасением своих жизней, то мокрушки рвались в нашу сторону, не считаясь с опасностью.

Через три вдоха, когда они прорвались через середину площади, я понял, что тому причина.

Пульсирующие над головами Указы. Их гнал вперёд приказ, подкреплённый силой мастера Указов их союза.

Ублюдок.

Отступить на три шага назад, отправить навстречу врагам Указ и тут же выругаться.

— Дарсово отродье.

Жжение сказало всё лучше любых слов. Амулеты. Не знаю, насколько сильные, но у меня сейчас не особо много времени, чтобы разбираться с ними.

Четверо Предводителей нацелились на меня, что уже совсем плохо, Указ пульсирует лишь над правым, над остальными печати совершенно спокойны.

Общий их выплеск стихии, накрывший меня, я проломил Духовной Защитой, левому врагу тут же отправил в грудь Суть Стихии, двум средним ударил навстречу выхваченным из кольца копьём, правого сжал в хватке силы духа, сжимая колючий шар амулета, и тут же изо всех сил толкнулся от брусчатки, прыгая в сторону от нестерпимого жара.

Кувыркнулся, перекатываясь и поднимаясь на ноги. Одного взгляда хватило, чтобы забыть о моих противниках — они были мертвы, превратились в нанизанные на ледяные иглы скульптуры.

Совсем недавно я уже видел похожее.

Быстро глянул наверх, беззвучно, одними губами шепча ругательства. Точно. Наверху бесчинствовал Седой, осыпая Властелинов Текущей Воды сотнями ледяных игл, те защищались и осколки техники Седого сыпались на площадь, вспухая стихией и не разбирая союзников и врагов.

Не так давно я, будучи Мастером, наблюдал за схваткой Предводителей и пару раз едва сумел выжить в ней, сейчас, когда я сам Предводитель, опасность схватки идущих более высокого этапа оказалась как бы не больше.

Седой рявкнул:

— Защиту мне!

Мгновение, короткий обмен двух Сестёр и двух Кулаков взглядами и трое из них смещаются, зависая квадратом в воздухе перед Седым.

Тот, оказавшись за их спинами и позади защиты их техник, тут же меняет расположение рук и перед ним и позади него вспыхивают огромные круги обращения.

Эту технику я тоже уже видел, техника, которую он применял против Браута и на которую ему там потребовалось буквально несколько мгновений.

Сейчас же...

Вдох, второй.

Я ушёл в сторону от упавшего сверху чего-то бесформенного, невидимого, но не ставшего от этого менее опасным, ударил копьём в спину одного из врагов и, наконец, сообразил, что полагаться только на глаза в битве, которая кипит со всех сторон — глупо.

Ещё два вдоха у меня ушло на то, чтобы растянуть во все стороны восприятие Предводителя и довериться ему.

Голова закружилась, мир стал многогранен: я отлично видел, как наливаются нестерпимым сиянием обращения Седого в двадцати шагах надо мной, видел, как за спиной скалят зубы в яростном хрипе, бегущие по расплавленному камню враги, видел, как слева сбивают строй Кулаки, накрываясь общим куполом защиты, а ещё видел, как над крышами домов, что окружали площадь, возникают фигуры людей.

И заметил их не только я.

Седой снова рывкнул, заглушая всё многоголосье мыслеречи, что я слышал:

— Сзади!

Крутнулся в воздухе, нацелив свою технику на неожиданных гостей, пространство вокруг меня начало наливаться жаром, где больше, где меньше, десятки фигур вокруг сделали лишь первые шаги, уходя от новой опасности, и тут Седой спустил с поводка удерживаемую им силу, а неизвестные над крышами ударили навстречу.

Я тоже успел сделать только один шаг, вливая в Поступь силу, когда техники Властелинов столкнулись.

Сотни ледяных мечей Седого ударили от него широким веером навстречу доброму десятку различных техник.

Он один противостоял ударам многих.

Где-то его мечи справлялись, сметая всё со своего пути, где-то проигрывали, а где-то оказывались на равных.

Осколки техник, потоки духовной силы и стихии обрушились на площадь, не разбирая, кто и за кого тут сражается, вынуждая всех нас спасаться.

Влево, влево, прямо, вскинуть над головой руку, окутанную тремя чешуйками Панциря Роака. Огонь безвредно стёк с защиты, а вот скрытый в нём ледяной клинок звякнул по наручу, а затем резанул плечо.

Я злобно выдохнул:

— Седой!

Пока что больше всего вреда я получил от его ударов. Как так?

Над площадью раскатился легко узнаваемый голос Арека, холодный и спокойный:

— Тройной союз — отступайте. Здесь слишком опасно для вас.

Тут же на десятки голосов и мыслеречи разнеслось:

— Уходим, уходим! Отступаем за линию домов! Живо! Выполняйте приказ главы!

— Вы четверо — на щиты! Держать заднюю линию! Вы трое...

Над головой снова жажнуло, к Седому присоединились ещё трое из Пепельных. Его огромная и мощная техника исчерпала себя, все снова взяли за быстрые техники по-Властелински, осыпая друг друга смертельными ударами, которые всё чаще сталкивались над крышами домов. Ну, хотя бы на нас стало меньше сыпаться.

Люди вокруг и позади меня пришли в движение. Они знали друг друга, они лучше понимали, что и как должны делать.

Я же развернулся, становясь лицом к Текущей Воде. Ну, кто из них рискнёт снова рвануть в нашу сторону?

Середина площади, всё пространство под Властелинами и вокруг них — было уничтожено, там была только смерть и тела мёртвых, которым не посчастливилось оказаться слишком близко или которых направила туда воля безжалостного мастера Указов.

Но даже он теперь понял, что это слишком рискованно. Всё, что сейчас могли делать Предводители из Текущей Воды — посылать в нас техники через безлюдную середину площади и напирать с краёв. Пожалуй, мне туда, где Кулаки успели уничтожить всех напавших Мастеров.

— Берегись!

Мне даже не понадобилось оборачиваться, восприятие Предводителя, которое я использовал на полную мощь, показало, как улица, по которой пытались покинуть площадь Кулаки, вдруг озарилась вспышками десятков техник, а те, что только готовились шагнуть туда, судорожно защищаются.

— Засада! Засада!

Вдох и Предводители Тройственного союза пробивают дыры в ближайших зданиях, устремляясь напрямик.

Одна из двух уцелевших Сестёр расплывается в воздухе стремительным росчерком, проскальзывая мимо всех ударов троицы Текущей Воды.

Вспышка, грохот удара, волна пыли и пепла, рванувшая по площади от центра столкновения.

Меня протаскивает на два шага, прежде чем я использую Опору.

Сестра, это Илимия, застыла, столкнувшись сталь к стали с одним из Текущей Воды. Вдох они словно давят друг друга, испытывая на голую силу, а затем снова расплываются от скорости, взрываясь десятками ударов.

Но теперь я понимаю, куда смотреть, правда с каждым ударом мне всё сильнее и сильнее приходится оттягивать от них восприятие Предводителя. Не то чтобы я только сейчас вспомнил о том, как меня приласкали в Павильоне Пяти Удовольствий, нет, скорее, я только сейчас начал ощущать давление, приносящее боль.

И вообще, хватит глазеть на мелькающие среди ударов техник фигуры. Схватка в воздухе на такой скорости это завораживающе, но у меня тут и своих врагов хватает.

Не зря я так повёлся на предложение Седого взять с Ян плату. Мне нужны их техники. То, что я уже знаю и умею — это очень хорошо, но я слишком быстро набрал сил, а вот запас техник у меня не увеличился.

То, что было великолепно для Мастера, едва достойно Предводителя. Сейчас, когда вокруг бьются десятки Предводителей — это особенно ясно.

Я не могу с такой лёгкостью, как они пробить стену или обрушить могучую технику на большую площадь. Всё, что мне остаётся — сражаться, используя свои сильные стороны.

С досадой кинул последний взгляд на Властелинов. Что троица Текущей Воды, что те, над крышами — все они от меня далеко. И если к Текущей Воде мне точно не добраться, то с Ян — а кто это может быть ещё — другое дело.

Я снова развернулся, снова поменял цель, рванул к пятой от меня дыре. Достаточно близко к Ян, но не слишком близко, чтобы не попасть под одну из их техник.

Разгромленная комната, полная пыли и каменных обломков.

Восприятие Предводителя рвануло вперёд, показывая мне дом со всеми его коридорами, лестницами, комнатами и новыми дырами, что проделали мои союзники.

Но мне не за ними, мне влево и вверх, мне нужна комната, откуда я смогу прямо видеть Властелина Ян и чтобы он находился от меня не дальше пятидесяти шагов. На бегу накинул на шею амулет невидимости.

Лестница. Коридор. Дверь лишняя, я вышиб её простым пинком, не тратя время на создание какой-либо техники.

Влево и прямо к следующей лестнице.

Выскочившую навстречу фигуру едва не нанизал на копье, но вовремя сообразил, что её сила почти прозрачна. Слабак. Не опасен.

Неясно, почему я не заметил его раньше, да и не важно.

Рявкнул:

— Прочь!

Вроде сделал это без Указа или давления силы, но белого от ужаса парня буквально отшвырнуло обратно в комнату.

Вот и узкая лестница, ведущая к такому же лазу.

Рывок, чтобы не тратить время на подъём по ступеням.

В середине полёта меня буквально накрыло жаром опасности, но я не Властелин, чтобы летать по своему желанию.

Всё, что успел сделать — это выкинуть копье в сторону, вбивая его в стену, заставляя чуть замедлиться Рывок и толкнуть силу в Панцирь Роака.

Через миг я оглох, ослеп и полетел в обратную сторону, словно получив в грудь пинок великана.

Пришёл в себя через пару вдохов, когда Панцирь, в который я успел влить лишь самую малость, уже начал трещать, поддаваясь давящему со всех сторон камню и дереву.

Тут же наполнил созвездие техники полней, перевернулся, приподнялся, опираясь на колени и медленно начал вставать, раздвигая Панцирем завал, под которым оказался, отмечая лишь, что грудь болит не только от удара, но и от лопнувшего амулета невидимости и раскалившегося амулета защиты.

Встать получилось, камень и дерево соскользнули с защитной техники, да и не таким толстым оказался завал.

Я стоял по пояс в обломках, над головой больше не было ни потолка этажа, ни чердака, к которому я стремился. Над головой осталось лишь небо и крошечные фигурки Властелинов, которые сражались в вышине. Понять, кто есть кто не составляло никакого труда, но толку?

Я бежал сюда не для того, чтобы снизу швырять Штормовые Копья, которые повредят Властелину лишь при большой удаче, а для того, чтобы подчинить себе хоть одного из Ян.

Почему с Браутом всё прошло так легко? Почему при таком изначальном перевесе во Властелинах у троицы из Текущей Воды получилось сопротивляться тройному союзу Кулаков, Сестёр и Пепельных?

Почему их не смели первым же ответным ударом?

Одни вопросы.

Но здесь мне делать нечего. Сейчас надо мной в воздухе сражаются больше двух десятков фигур. Остаётся надеяться, что там Седой и остальные если не справятся, то удержат равновесие. Подняться к ним ближе на мече? Безумие. Мне нуж...

Восприятие, которое, сжавшись в момент удара, снова начало расширяться, принесло картинку, как внизу, на площади, откуда я недавно сбежал, большой отряд мокрушек зажал тех, кто прикрывал отступление нашего союза.

Их отсекали от края площади и зданий, сквозь которые они могут сбежать, накрыли какой-то огненной сетью, что с каждым мигом сужалась.

Значит, мне туда. К равным противникам.

Панцирь исчез, я подпрыгнул, становясь на край круглой вмятины моего укрытия, и толкнул силу в Рывок.

Помня, как только что пострадал во время этой техники, этот Рывок был совсем коротким, только чтобы спуститься со здания, дальше я рванул Поступью, на ходу готовясь к схватке, выпуская из себя змеев стихии.

Истинная Суть Стихии? Попробуем, что это такое в полную силу.

Моё приближение заметили, опасность, которую я нёс с собой, оценили и навстречу мне тут же ударили техники.

От удара огненной струёй я увернулся, сквозь сотню острых игл проломился, прилетевшую в меня исковерканную птицу Сути Стихии рассёк Когтём, а затем уже и мои змеи дотянулись до ближайших врагов.

Первое столкновение.

Троих буквально сбilo с ног, повторив то, что произошло в прошлый раз. Даже то, что эти

не стояли на летающих мечях в этот момент, ничего не изменило, змеи сшибли их, словно были настоящими Зверями и немало весили. Не помогло ни Возвышение, ни Опоры, если враги, конечно, успели их применить.

Трое упали, корчась от змеев, которые буквально рвали их на куски. Трое устояли.

Но я и не рассчитывал на мгновенный успех со всеми, всегда найдётся тот, кто достаточно силён против змеев, я помню.

Трое бросились на меня, решили, что их хватит против одного меня, старика, невзирая на мой успех с их товарищами.

Заблуждение.

Я проломил облако огня, ужалил копьём левого, сминая в кулаке духа амулет правого, сокрушая его, невзирая на жалящие болью иглы.

Левый отбил мой удар и сам ответил связкой из трёх быстрых ударов. Пальцы, горло, бедро. Два удара я отвёл, от одного ушёл в сторону.

Амулет правого хрупнул, средний вскинул руки вверх, заставляя меня рвануть в сторону от опасности.

Там, где я только что стоял, взметнулся огненный столб.

Нужно было бы ломать чужой Указ, но у меня сейчас не оставалось на это время.

Сон.

Под звук столкнувшейся стали правый рухнул.

Слабак, которого спасала только защита амулета.

Я крунулся на месте, меняясь с левым местами и ставя его на пути качнувшегося за мной огненного столба.

Змеи всё это время носились вокруг, раз за разом наседая на упавших и пробуя на зуб духовную защиту устоявших врагов.

Сокрушить амулет мечника.

Сон.

Впустую, лишь тяжесть на плечах.

Похоже, получив подсказку Прозрения, он чуть замедлился, ушёл в защиту, перед ним загорелось обращение, подсказывая мне, что сейчас последует удар техники, я приготовился,

готовый в любой момент закрыться Панцирем.

Правда, мои змеи успели первыми.

За прошедшие мгновения они стали в два раза толще и в три раза длинней. Четыре, четыре Предводителя они успели сожрать за это время и сейчас проломили истончившуюся духовную защиту сначала левого, а затем и правого моего врага.

Вопль боли, быстро перешедший в хрип и все, кто бросился против меня — мертвы. Очередь за остальными.

— Берегись!

Я лишь оскалился, услышав этот вопль и толкнул из себя волну духовной силы, которую оседлали мои змеи стихии.

Слабейших, как я уже привык — смело, бросило на колени, а затем на них навалились змеи.

Огненная сеть, которой удерживали моих союзников, дрогнула, затрепетала. Если это и была составная техника, то сложная и её основу, её замок я ещё не выбил.

Короткий взгляд вдоль устоявших на ногах врагов. Кто из вас? Кто из вас удерживает эту технику от разрушения?

Поищем.

Рывок к левому, выпад копьём. Он окутывается защитной техникой, выхватывает тяжёлый меч.

Огненная сеть стоит.

Не этот.

Рывок назад и чуть вверх, пропуская под собой воздушную плеть, Рывок вниз и вправо, уходя от Сути Стихии, огненной змеи.

Я в двух шагах от правого из врагов. За два мгновения я обрушиваю на него с десятков выпадов, он ничего не успевает сделать, принимает их на Покров, но против такого града ударов Звёздного Клинка это не лучший выход — уже на пятом ударе Покров исчерпывает себя, откатывается, возвращаясь обратно в средоточие и следующие пять выпадов глубоко входят в тело врага.

Толку от того, что ты Предводитель и можешь удерживать Покров постоянно, если удар превосходит эту защиту? Даже Седого големы сумели ранить, что вы против меня?

Враг падает, но огненная сеть всё ещё на месте.

Не этот.

Опасность.

Я рвусь в сторону и вверх, пытаюсь дотянуться до безопасного места.

Не успеваю, расплата за мгновение самодовольства.

Вокруг меня сплетается настоящая клетка. Не огненная, а из голубых прутьев.

Я врезаюсь в неё, успевая лишь скрестить руки, принимая удар на наручи.

Больно. Влететь в такое в Рывке — больно.

Земля тоже неласково бьёт в ноги, принимая меня.

Клетка неотрывно со мной, её прутья проваливаются в землю, не замечая, что это камень, жар всё нарастает, и я создаю Панцирь. Без созвездия, наполнив его одним движением, одним толчком, не заморачиваясь с проведением силы по всем завихрениям узлов, без обращения, создав защиту одним лишь волевым усилием, ощущая, как истекает отпущенное мне время.

Вовремя.

Прутья резко сближаются, наваливаясь на Панцирь Роака со всех сторон.

Жар не уменьшается, а лишь нарастает, становясь нестерпимым.

Всё отпущенное мне Панцирем время я трачу на то, чтобы одно за другим наполнить созвездия Барьера Прибоя.

Успеваю с запасом, чешуи Панциря только начали трескаться, когда я наполнил последнюю, одиннадцатую часть Прибоя.

Кто-то из врагов с воодушевлением заорал:

— Навались! Давай, бей его, пока я держу!

Я бы на их месте тоже обрадовался — поймать в ловушку, запереть на одном месте, вынуждая только защищаться врага, пусть даже и более сильного — это уже половина победы, пусть попробует вырваться. Правда, я не так уж и беззащитен, ведь я мастер Указов, которому только дай время и... Но сейчас я и не думаю обращаться к этой грани своей силы.

На беду людей из Текущей Воды, истинная Суть Стихии — это штука, которая просто чудовищно сильна.

Чудовищно. Бедным Кулакам в прошлый раз повезло, что я прекратил своё испытание в

самом начале.

Мои враги не видят, а вот я вижу, как из тел павших неспешно, словно лениво, выползают мои змеи стихии. Они снова стали больше, отожрались на поглощённой чужой стихии. Теперь каждый из них толще моей руки.

Я спокойно приказываю:

— Нападайте.

Змеи раскрывают пасти, в которых отчётливо видны клыки и буквально напрыгивают на тех, кто посмел напасть на меня.

Двое падают тут же. Слабейшие.

Остальных спасает Возвышение, познание стихии или толстый слой духовной защиты. А может, спасает всё вместе.

Мои змеи теряют часть толщины, но лишь становятся быстрее, закручиваясь вокруг врагов и атакуя снова.

— Что это за техника?

— Сражайтесь, бейте по площади, здесь невидимка!

Невидимка? Я кривлю губы. Что же, это даже правда, правда, мои невидимки совсем непросты.

Как непросты и удары моих врагов.

Как я справлялся с птицами старшего Тизиора и змеями Тёмного, так и они справляются с частью моих змеев, даже не видя их.

Кого-то развеивает полностью ударом, кого-то рубят надвое, заставляя уменьшиться, кого-то откидывает защитная техника.

Не понадобилось даже нового моего приказа — змеи отступают, извиваются, уходя от ударов, жадно разевают пасти... похоже поглощая стихию, выплеснувшуюся из тел их уничтоженных собратьев и снова набирают силы.

Я качаю головой. Чудовищно. Что мне там рассказывал Седой? Разве любой идущий, овладевший Истинной Сутью Стихии не становится чем-то равен боевому мастеру Указов?

Я стою, лишь удерживаю Барьер Прибоя, не использую ни единой другой техники, а моя стихия, словно обретя разум, самостоятельно убивает моих врагов.

Опомнившись, я помогаю змеям, снова выплёскивая из себя давление силы и то, что познал

в огненном мире кристалла Древних.

И снова я разделяю своих врагов на тех, что слабее и тех, что сильнее. Моё... давление, мой... пусть будет духовный удар, поколебал сосредоточенность части из них, чем тут же воспользовались змеи.

Я снова качаю головой. Клатир, как я могу верить твоим словам, что стихии безмозглы, когда сначала боролся с тьмой в своём теле, а сейчас вижу своими глазами, как разумно себя ведут мои змеи воды? Кому верить? Опыту Стража, достигшего этапа Властелина Духа и прожившего больше сотни лет, или своим собственным глазам?

Замки техник, что сжимают меня и других Кулаков, всё ещё не найдены, но даже так я сам и мои змеи воды достаточно потрудились, убивая и отвлекая — техника, в которую всё меньше и меньше вливают сил, неизбежно ослабела.

Миг и я достаю из кольца копьё, которое убрал до этого, борясь за свою жизнь.

Вдох и рискую, обрывая Барьер Прибоя и вливая силу в Звёздный Клинок.

Расчёт точен. За полмгновения до того, как Прибой истончается, жало копья удлиняется голубым лезвием.

Удар.

Звёздный Клинок осыпается осколками, древко копья ломается под моими пальцами, но прутья клетки рассечены, короткое движение, и я на свободе, вне сковывающего жара смертельной опасности.

Обломки оружия в сторону, короткое мысленное усилие и кольцо проявляет в кулаке новое копьё.

Энергия и стихия снова наполняют Звёздный Клинок, а заодно и Поступь Роака, сталь копья вновь истекает призрачной синей пылью.

Влево и вперёд.

Теперь не нужно гадать, кто из моих врагов держал составную технику — он согнулся от боли её срыва, но даже так первым из всех ответил на мой ход — выплеснул навстречу мне серую волну. Через миг она закрутилась чёрным вихрем, поднимаясь всё выше и выше.

Я ответил тем же — выпустил из тела Духовную Защиту, щедро подкреплённую своей стихией и сотней новых мелких змеев воды, больше похожих на нити.

Две стихии столкнулись и земля проиграла.

Я пронзил вихрь в два шага и замер, только когда копьё пробило средоточие врага.

Мгновение мы глядели глаза в глаза, а затем я сбросил мертвеца с копья и повернулся к следующему врагу.

Три вдоха и все мертвы.

Огненная сеть, наконец, исчерпывает вложенные в неё силы, и мои союзники становятся свободны.

Один из них тут же делает шаг вперёд, низко сгибаясь передо мной:

— Старший, спасибо за спасение. Приказывайте!

Я с досадой хмурюсь. Приказывайте? К чему мне эта обуза?

Оглядываюсь.

Площадь обезлюдела. На ней не осталось ни людей триединого союза, ни людей Текущей Воды. Властелины продолжают сражаться где-то наверху, теперь до нас даже осколки их техник почти не долетают.

Коротко указываю:

— Прочь отсюда. Ищем собратьев и помогаем им.

— Слушаюсь, старший!

Со мной впереди, мы рвёмся с площади чуть наискось — туда, где полностью сложился один из домов, давая нам выход отсюда.

На миг задумываюсь, что вот сейчас можно было бы наплевать на опасность и подобно Властелинам, подняться на мече. Но тут же отбрасываю эту мысль. Слишком он приметный, мне же выгоден ближний бой, а что и как делать на мече, я даже толком не представляю. У меня и схватка в воздухе была одна-единственная.

Три вдоха и мы уже на улице, что идёт вдоль площади.

Вокруг уже привычные следы разрушений и тела мёртвых.

Слева и справа слышны и видны схватки.

Левая ближе.

Указываю копьём:

— Туда.

С досадой отмечаю, что мы, Предводители, слишком скучены, нас слишком много, не

выйдет, как делал Предводитель-сектант под стенами Приюта, одним ударом навалить вал тел, расчистив вокруг себя пространство на сотню шагов, даже если кто-то из тех, кто сейчас под моим началом, знает технику подобной мощи.

За миг до столкновения кто-то из бегущих позади меня растерянно выдыхает:

— Что за?

Звёздный Клинок бьёт в грудь врага, отшвыривает его прочь.

Хитёр, не стал использовать Опору и силён, раз выдержал удар пусть и слабой, но неплохой техники.

Я невольно скалюсь, захваченный азартом сражения, но тут, наконец, нахожу время оценить подробности схватки и замираю на месте, а оскал застывает гримасой.

Какого дарса?

Где схожие общим покроем халаты Текущей Воды и их гербы?

Почему напротив меня люди в самой разной одежде?

Восприятие Предводителя буквально обегает половину улочки, донося до меня вид проходящих схваток со всех сторон.

Да, бойцы Текущей Воды здесь есть, но их меньшинство, тройственный союз сражается в основном с обычными горожанами.

До меня доходит и я обращаюсь к своему таланту.

Мир тут же становится сложнее, над головой людей из пустоты протаивают печати Указов.

И горящие огнём, наказывающие болью Указы есть не только над головами бойцов Текущей Воды.

Дарс меня побери, каждый из горожан здесь не по своей воле.

Меня ослепляет ненавистью.

Ян.

Вы пожалеете, что осмелились на подобное.

Сон!

Моя печать накрыла половину улицы, но всё, чего я добился, это того, что свалилось пару людей с гербами Пепельного союза, остальные ожгли меня сотнями раскалённых игл, да

навалились на плечи тяжестью.

Твари.

Ну, конечно, кто ещё, как не хозяева города, владельцы аукционного дома, могли бы отыскать сотни амулетов защиты для своих марионеток?

Куда глядели все союзы города, вот вопрос.

Но мне сейчас не до него.

Ломать все амулеты не выход, сейчас больше половины находящихся здесь — это мои союзники, нельзя оставлять их без защиты, если против них будет и такой враг.

Да и не хватит у меня силы на всех, со всеми моими оставшимися запасами — не хватит.

Я стёр огромный Указ, втянул в себя использованный для него дух, вывесил другой, гораздо меньше, накрывающий лишь пятёрку ближайших горожан, сейчас яростно сражающихся.

Вывесил, обхватил жалящие огнём амулеты, сжал их, надавил.

На глазах мой Указ, пока ещё пустой, побледнел, истаял, и я поспешно влил в него ещё сил.

Вдох, второй и, наконец, все пять амулетов хрупнули, разлетелись горячими брызгами.

Я предвкушающе ухмыльнулся и широко мазнул духом, сметая чужие Указы.

Мазнул, пытаюсь, потому что они даже не дрогнули, даже не заметили моего усилия.

Я стиснул зубы.

Возвышение. Дарсово Возвышение неизвестного мне мастера Указов выше моего. Всё, что я могу — это сначала украсть Указ, а затем уже стереть его.

Долгий путь.

Нужно быстрее.

Я замер посреди сражения, вцепился во все пять Указов, пытаюсь подобрать подход ко всем одновременно. Если получится с одним, то выйдет и с другим — они ведь наложены одним человеком, самое большее двумя, мастером Указов и его учеником.

Так я и замер, не обращая внимания на грохот, жар и осколки пролетающих мимо техник, занятый лишь тем, что лихорадочно изменял свою силу, пытаюсь подделать её под силу Указов над горожанами.

Есть!

Три Указа поддались.

Через миг я рассёк ставшие моими печати, а ещё через миг эти трое горожан вдруг рухнули, пробитые в десятках мест острыми жалами.

Что за...

И тут же двух других, оставшихся без поддержки, захлестнула волна огня, стёршая их печати без следа вместе с их жизнями.

Как так?

Десяток Предводителей из Кулаков, не задаваясь моим вопросами, с яростными воплями рванули дальше вдоль улицы, торопясь прийти на помощь другим нашим союзникам и не обращая внимания на залитые пламенем останки пятерых горожан и меня, замершего посреди разрушенной улицы.

Глава 6

Седой, всё так же не опустившийся на землю, потёр переносицу и устало спросил:

— Ну а как ты хотел?

— Я хотел спасти их, разве не понятно?

— Семерых спасённых тебе мало?

— Мало.

— Радуйся, что твой талант позволяет тебе с такой скоростью обходить разницу в силе. Но одним талантом эту разницу не обойти никогда. Возвышение — вот что важно, Возвышение — вот к чему стремится любой идущий. Что богатство, что талант, что происхождение, если всё это не подкреплено личной силой и Возвышением?

— Мы сейчас говорим не об этом.

— Разговор — это всегда двое, самое малое, и разговор это когда выслушивают, что говорит собеседник. И я сейчас как раз говорю об этом. Радуйся, что ты Предводителем можешь справиться с Указами Властелина.

Я признал очевидное:

— С ними не выходит, справился я, скорее всего, с Указами его ученика.

— Тогда радуйся, что пока ты творил свои безумства, я был далеко.

— Не понял.

— Безмозглый? Если бы я был рядом, то не позволил бы тебе спасти ни одного.

Я стиснул зубы, с нажимом процедил:

— И тогда бы все договорённости с тобой осыпались пеплом, Седой, — вернул ему его слова. — Договор — это всегда двое, самое малое.

Но в этот раз Седой даже не подумал испугаться моей угрозы:

— Лучше так, чем всем вокруг сообщить, что у нас тут необычный талант, который может раскидывать и стирать Указы сразу десятками.

— Лучше молча глядеть, как гибнут, посылаемые на смерть Указами? Что-то имперцы даже более безжалостны, чем сектанты.

— Тебе, малец, выросшему в безопасности уединения на задворках одного из великих кланов, откуда знать такое? Тебе откуда знать? Что ты, вообще, знаешь о жизни? Смерть одного алхимика заставила тебя пылать жадой мести. Разборки одной из безликих и безымянных фракций в глуши Империи — гореть ненавистью. Тут впору говорить не о Преградах, а о том, что правда мира сожжёт тебя дотла, малец. Ты либо сдохнешь, попыташь восстановить справедливость, как её сам видишь, либо выгоришь дотла и умрёшь, потеряв волю к жизни.

— Смешно, — процедил я снова сквозь зубы, не став, правда, вдаваться в подробности того, что именно меня рассмешило в его словах. — Но пусть так. По-твоему, я просто должен закрыть глаза?

— Зачем? Как по мне, если бы этого восстания союзов против Ян не случилось бы, то стоило его отыскать в одном из сотен других, чтобы окунуть тебя в него и заставить повзрослеть и очерстветь сердцем. Орзуф, не все беды мира нужно принимать так близко. Мир велик, в нём много горя и страданий.

— Так разве Орден не считает себя праведным? Разве он не должен бороться против таких вещей?

— Ты путаешь праведность с безумием. Когда-то у наших старших действительно были планы перекроить всю империю, шаг за шагом искореняя в ней несправедливость и горе. Не просто искоренить, а шаг за шагом, ты слышишь, Орзуф?

— Я и пытался сегодня сделать этот первый шаг.

— Великоват он у тебя, — хмыкнул Седой и тут же задал вопрос. — У тебя есть личная сила, способная заставить весь город склониться перед тобой в поклоне?

Хотелось сказать многое, хотелось сказать, что дай мне время, я заставлю это сделать и весь город, но суть вопроса Седого была не в этом, и я не стал юлить:

— Нет, такой силы у меня нет.

— А у фракции, что стоит за твоей спиной?

— У меня нет за спиной такой силы, забыл? — с желчью отмерил яда, правда, сознавая, что говорю и вовремя поправив детали. — Я же не в ладах с тем, кто выкинул меня сюда со своих задворок.

— Так чего ты хочешь? — изумился Седой. — У меня тоже нет за спиной такой силы, Орден пал в попытке исправить империю, потерял старших и наследника Ралера, был распущен императором, наши земли опечатаны, а сами мы — изгнаны в Шестой пояс искупать свою вину. Шаг за шагом, Орзуф. Сначала нужно восстановить величие Ордена Небесного Меча, а уж затем замахиваться на несправедливость в чужих землях.

— А до этого закрывать глаза?

— А до этого помнить, что есть Орден и есть чужие фракции, земли и люди. Ты заметил, чтобы рядом с тобой бегал хоть один из мастеров Указов союзов? От Сестёр или Кулаков?

Я изумился:

— А они здесь?

Заворочал головой, пытаюсь заметить среди суетящихся вокруг идущих тех, над кем нет печатей Указов, либо они странные, без символов. Но не успел ничего толком высмотреть, как ядовитое замечание Седого остановило меня:

— Разумеется, нет. Хотя это их земли, их люди и их город, они сидят под надёжной охраной и в надёжном месте, потому что иначе Ян одним ударом бы разрушили половину силы восставших союзов.

Намёк, да что там намёк, объяснение Седого было более чем верным. Разве не так когда-то поступил Орден Морозной Гряды, не сумев сместить фракцию в прямых стычках?

Но было одно но, которое всё меняло.

— Их нет, но я ведь здесь.

— Толку! — выверился Седой. — Ты и так сделал больше, чем любой из них. Сначала нужно позаботиться о своих землях и людях, а уж затем бегать по чужим землям и причинять им добро.

— Но я не в Ордене.

— А я тебя, Орзуф, уже какую неделю уговариваю присоединиться к нему. Ты не любишь, когда людей подчиняют Указами? Отлично. В землях Ордена это всегда было запрещено. Помоги нам вернуть хотя бы часть наших земель, где снова будут использоваться наши

правила и законы. У Ордена всё, что записано в клятве, это верность Ордену и не более. Даже умирать за Орден каждый решает по доброй воле, а не под принуждением.

Я промолчал. Устал.

Седой чуть подождал, затем спросил:

— Всё, успокоился? А то, знаешь ли, нелегко вести одновременно три разговора. Я пока оставлю тебя.

Я невольно снова поднял голову к Седому. Шагах в пятидесяти влево и на десять выше мостовой висели Властелины. Выжившие.

Из Кулаков остался лишь один. Сестра, которую я видел упавшей, тоже погибла, правда среди Трёх Сестёр это оказалась единственная потеря, главы Пепельного союза тоже остались живы, хотя выглядели не очень, больше всего поредели ряды тех безымянных для меня Властелинов, что были одиночками или главами совсем мелких союзов, которых мы собрали за время шествия по городу.

Как понимаю, это произошло в основном потому, что они были слабы. Кулака Арека и Сестру Ларану потеряли иначе, их считали опасными бойцами и на Ларану обрушили первый удар, а затем давили на Арека сильнее всего из всех прочих Властелинов.

Даже то, что вражеских Властелинов на поле боя пало больше, чем наших, не очень меня радовало, а Кулаков и Сестёр тем более.

Это сейчас они немного отлетели в сторону, и я половины из них не слышу, а вначале я наслушался проклятий. Как по мне, плохо, что погиб именно Арек, ведь он был более рассудителен, чем Морт.

Почти как Седой и я. Мы оба хотели поквитаться с Ян, но если Седой по-прежнему спокоен и рассудителен, то я что-то и правда слишком близко к сердцу принял свои неудачи с жителями города. Мне пришлось самому участвовать в схватках, выбивая себе по одному противнику и оглушая его в итоге. В других способах, когда я действовал со стороны, жители чаще гибли после освобождения, чем успевали сбежать. А иногда и продолжали сражаться, даже избавившись от Указа.

Я мог их понять. Схватки на этапе Предводителей это разрушительная штука. Как бы ни были стеснены Предводители соратниками, большая часть кварталов, принадлежавших союзу Текущей Воды — превратилась в руины. Поэтому к финалу местные уже не столько сражались по принуждению, сколько мстили в ответ за разрушения и гибель родных.

Ладно. Я тряхнул головой. Слишком уж я привык к вольной жизни, давно позабыл, что долговые слуги в Поясах — это обычное дело. Давно оставил позади поместье Аймара Саул и Домара?

Делая вид, что бесцельно разминаю ноги, прошёл ближе к Властелинам, приоткрылся миру,

прислушиваясь к чужой мыслеречи.

Десятки разговоров тут же ворвались в мою голову, заставляя поработать, чтобы выделить нужный.

— Да я в десятый раз тебе говорю — ни один из моих людей даже не намекал, что такое готовится! И нет, он тоже ничего не сообщал.

— Так, может, он и вовсе лжёт? Может, и нет никаких наших договорённостей?

— Я в это не верю. Наше предложение выгодное, а его обида за себя и сына очень и очень глубока.

— Выгодное даже сейчас, когда мы стали так слабы?

— Брат, твоя скорбь понятна, я и сама...

Это вроде говорят между собой Илимия и Морт.

Но на них я не успел сосредоточиться, потому как моё внимание привлёк совсем другой разговор, со знакомым мне именем.

— Терпи, терпи, Тана.

Тана? Я невольно встал вслушиваться именно в этот разговор.

— Хватит со мной возиться, Гравен. Ты спас мою жизнь на Поле Битвы, встав на пути големов. Сейчас ты снова сделал это, прикрыв меня своим телом. Хватит, я не могу раз за разом множить долги.

— Предпочитаешь умереть?

— А если...

Гравен перебил её:

— Это не долг. Если понадобится, я спасу тебя ещё и ещё раз, столько, сколько потребуется, не множа никакие мнимые долги.

— С чего такая щедрость от того, кто так меня ненавидел?

— Ох...

— Отличный ответ, Гравен, просто отличный.

— Это, конечно, не ответ, Тана, но рано или поздно я должен буду это сказать, так почему не сейчас? — чуть помолчав, Гравен выдохнул. — Я просто тебя люблю.

— Что?

— Я тебя люблю, Тана, — уже громче и смелей толкнул мысль Гравен.

Теперь молчала Тана, наконец, хмыкнула:

— Нет, я, конечно, слышала от подруг, что мужчины иногда выражают свои чувства очень странным образом, но чтобы так? День за днём оскорбляя меня при всех?

— Справедливости ради, Тана, ты начала первая. Ещё в те времена, когда я даже не думал, что стану вербовщиком союза. Не помнишь?

— Н-нет, не помню, — растерялась Тана. — Ты про первую нашу встречу? А... когда она была?

— Ну, не помнишь, это и к лучшему.

— К лучшему? Нет. К лучшему то, что со мной сейчас случилось. Погляди на моё лицо, Гравен.

— Я и так гляжу на него.

— Так ответь честно, ты полюбил ведь лицо, мою красоту, а не то, как я тебя обидела в прошлом? Ты же не извращенец? Теперь этого лица не будет, Гравен. Давай, отойди в сторону, оставь меня пока одну, с долгом за две жизни и подумай, нужна ли тебе та, кто тебя не любит, не помнит первой встречи и получившая такое лицо. Что лицо, даже тело, которым я могла бы отплатить тебе, уже не то тело, что вызывает в мужчинах желание.

— Тана.

— Уйди! — буквально выкрикнула Тана. — Я прошу тебя, уйди!

— Ты приняла два лечебных зелья, боль сейчас сильна и туманит тебе разум. Чуть позже боль начнёт ослабевать, и я дам тебе третье зелье. Ты сильная, ты выдержишь, а раны начнут затягиваться.

— Ты говоришь о том, в чём сам мало смыслишь. Я сама немного лекарь и отлично вижу, что повреждения слишком велики и причина в моём низком таланте и сродстве. Той Таны, что тебе была так нужна, больше нет, оставь меня, оставь!

— Послушай, всё, о чём ты говоришь, неважно. Сражение за город только началось, уверен, сейчас старшие поведут нас дальше. Нам нужно будет пройти половину города, взять штурмом резиденцию Ян, а ты говоришь, что я должен тебя оставить? Зачем? Может быть, это последняя наша встреча. Конечно же, я не буду терять и мига из неё.

— Придурок, о чём ты говоришь? Ты смерть хочешь на себя накликасть?

— Тана, я всё же чаще тебя бывал на Поле Битвы, особенно раньше, когда был слабей и старшие союза меня даже не замечали. Я привык, что опасность ходит где-то рядом.

Спустя несколько вдохов молчания раздалось мучительное и тоскливое:

— Не смотри на меня, ну не смотри, я тебя умоляю.

Я вздохнул и принялся крутить головой, высматривая эту парочку. Что там у неё с ранами? С моими запасами зелий неужели я не смогу помочь? А если и не смогу ими, то неужели не найду другого способа помочь? Заодно расспрошу про Пиатрия и то, что там случилось.

К кручению головой добавил восприятие Предводителя, сразу ускорив поиски — в единый миг осматривая бродящих, стоящих, сидящих и даже лежащих идущих, которые разбились на группы и буквально заполнили собой несколько соседних улиц и домов.

Нашёл.

Эта парочка забила буквально в щель, да ещё и прикрылась спинами доброго десятка парней и девушек близкого к ним возраста. Вероятно, товарищи.

И да, с Таной было не всё в порядке и это ещё слабо сказано. Похоже, она попала в схожую с доставшейся мне ловушку, которая сдавила её, оставила следы на её халате и теле, даже, возможно, сломала несколько костей. Сверху приложили техникой, которая прошла по ней словно ветром из лезвий, глубоко рассекая плоть, а затем добавили огня, причём это был огонь стихии. Зелья, которыми Гравен напоил её, начали рубцевать раны, но какие это были рубцы! Красные, толстые, ненормальные, казалось, плоть в этих местах не излечивается, а пытается загореться.

Когда между мной и шеренгой прикрывающих эту парочку, осталось три шага, я вздёрнул бровь и негромко приказал:

— Расступитесь.

Они растерялись лишь на миг, а затем один из парней глубоко склонился:

— Старший, простите, но здесь нет прохода, это тупик. Здесь нет тех, кого вы ищете.

— Тебе откуда знать, кого я ищу? — удивился я и повысил голос. — Эй, ты, возле раненой девушки, ты старший?

— Да, я, — из-за спин парней выступил сам Гравен. — Меня зовут Гравен. Вы искали меня, старший?

— Нет, искал совсем другого человека, но случайно увидел девушку, над которой ты сидишь. Мне неприятно видеть её раны, поэтому пришёл предложить свою помощь.

— Старший — лекарь? — с надеждой переспросил Гравен.

— Немного, — уклончиво ответил я ему. — Но для тебя, вернее, неё, главное то, какое у меня Возвышение и то, что моя стихия вода. Не дерево, конечно, но вам не выбирать, верно? Во всяком случае, я попытаюсь убрать часть чуждой ей стихии из ран. Огонь, да? Терпеть не могу огонь.

Гравен думал лишь миг, а затем снова склонился передо мной и даже ниже, чем до этого:

— Старший, прошу вас попробовать.

Его парням, да и подругам Таны ничего приказывать не пришлось — они расступились, едва Гравен склонился.

Я в пять шагов оказался рядом с полулежавшей у стены Тане, присел, протянул вперёд руки и опустил пальцы на её запястья.

Она хрипло, явно через боль произнесла:

— Старший.

Кожа у неё оказалась тёплой и чуть влажной, сердце бешено пульсировало, толкаясь мне в кончики пальцев и гоняя по телу кровь и лечебные зелья.

Привычный посыл, толчок духовной силы, после которого я оказываюсь в темноте тела Таны. Огляделся, выискивая знакомые переплетения меридианов и сияние средоточий, чтобы понять, где я нахожусь и куда нужно лететь, чтобы оказаться возле ран лица. До сих пор не могу научиться переноситься в одно и то же место у разных пациентов.

Туда.

Я сорвался прочь, набирая ход, узлы на меридиане, вдоль которого я полетел, стремительно замелькали, сливаясь в одну сияющую полосу.

Что за■

Застыл, замер на месте, остановившись за долю мгновения.

Это что сейчас было за ощущение? Словно коснулись груди горячей ладонью? Очень похоже на то, что...

Я похолодел. На мне использовали взор лекаря. Придурок, а где привычные предупреждения, чтобы не сбивали мне сосредоточенность и не смели мешать мне ни звуком, ни посылом духовного зрения? Тана же говорила Гравену, что немного понимает в лекарском деле, дарсов любитель помогать всем, кого видит.

Я крутнулся на месте, словно в этом была необходимость, потянулся к своему телу, буквально отшвыривая прочь темноту чужого.

Всё вокруг мигнуло, переплетение меридианов сменилось, став совершенно иным и знакомым, слева и снизу засияло моё огромное средоточие.

Но главное было в другом.

Там же, чуть ниже и левей висела в пустоте тела чужая фигура. Женская, со светлыми пышными волосами и без всяких рубцов и зияющих ран на лице.

Дарсово отродье.

Вот Тана закрутила головой, и я отлично знал, да что там знал, сам сейчас видел то же самое, что и она — Стусток силы Виостия, который я тащу вниз, второе средоточие и сеть меридианов.

Это ещё хорошо, что Метка Вора Трав уже исчезла, но и того, что она видит, вполне достаточно, чтобы понять — я не совсем тот, за кого себя выдаю. К примеру, в теле Таны, восходящей звезды союза Трёх Сестёр, вложенной силы Властелина не было.

Вот Тана обернулась, собираясь завершить осмотр, и замерла, выпучив на меня глаза.

Я с досадой вспомнил ещё одну вещь, сущую мелочь. На то, как выглядит лекарь в духовном обличье, не влияет маска. Тана сейчас видит Леграда, едва ли не в четыре раза более молодого, чем безымянный старик, за которого я себя выдаю.

Какого дарса я вообще сюда прилетел? Ну, нашла бы она в теле странного старшего вложенную в него силу Властелина Духа, ну, посчитала бы раскрытые узлы Предводителя и поняла бы, что не так уж и силён этот старший, как всем рассказывает.

А вот теперь, что делать? Позволить всем рассказать, что я очень не тот, за кого себя выдаю? Вызвать у того же Морта кучу вопросов и прочее?

Как бы не так!

Прочь из моего тела мы ринулись одновременно, одновременно замерцали, исчезая и открывая глаза уже в настоящем мире.

Тана дёрнулась, но я уже потянулся к ней, уже создал над ней одним мазком алый круг печати Указа.

Замри.

Тана застыла, отчаянно сопротивляясь Указу и не в силах с ним ничего поделать. Распахнула рот, набирая воздуха и собираясь заорать.

Молчать.

Тут же без промедления добавил новые символы и, там где не хватало знаний символов

языка Древних для Указов, надписи.

Закрывать глаза, запрет на мыслеречь, Верность, Покорность и прочее.

Буквально над ухом раздался напряжённый голос Гравена:

— Что происходит, Тана?

Я зло дёрнул уголком рта, процедил:

— Прошу не сбивать концентрации ни мне, ни ей. Она сама лекарь и её помощь в лечении может оказаться той самой малостью, которой не хватает для того, чтобы задавить огонь в меридианах и избавиться от ран без последствий.

Гравен замолчал, но лишь для того, чтобы осторожно позвать мыслеречью:

— Тана? Что происходит? С тобой всё в порядке?

Теперь мыслеречь использовал я:

— Приказываю тебе сказать ему, чтобы он не мешал. Живо!

К алому добавился синий, второй цвет. Указ в два цвета.

Мгновение ничего не происходило, а затем Тана охнула, когда Верность над ней засияла, щедро награждая болью за непослушание.

— Уб... Аргх-х-х! — застонала Тана, пытаясь открыть глаза, дёрнуться и, наверное, произнести совсем другие, не те, что я просил слова.

Да, это больно. Особенно больно для той, кто редко покидает стены города и участвует в схватках.

Подбородок у неё дрожал, над верхней губой повисли крошечные бисеринки пота, глаза под плотно зажмуренными веками яростно вращались. Тана явно не ожидала, что всё так выйдет. А чего она ожидала, когда полезла осматривать меня? Чего ей не лежалось, не лечилось? Дура тупая, хотя самый тупой здесь я.

Как там сказал Седой? Причиняю добро? Тупица.

Добавил в Указ третий цвет. Не стоит рисковать. Я и так уже вляпался со своей добротой. Подлечил? Помог парню с любимой? Как бы тут всех не пришлось либо убивать, либо делать своими молчаливыми слугами.

Нужно постараться обойтись малой кровью.

— Успокой этого влюблённого. Живо, либо мне придётся убить и тебя, и его, и всех, кто

здесь стоит.

Сообразив, что требую то, что сам же запретил, забрал дух из части своих символов, немного повозился, подбирая дух к Указу союза Трёх Сестёр, а едва справился, как забрал из него всё, наконец, освободив Тану от давления его Верности.

Тана тут же широко распахнула голубые глаза, в которых плескался ужас. Выдохнула:

— В-всё хор-рошо, Гр-равен. Ч-чуть-чуть больно, ог-гонь сопротивляется, е-его, ок-казывается, м-много во мне. Нужно п-потерпеть, н-не м-мешай.

— Да ладно? Что это за лечение такое, что ты от боли слова выговорить не можешь? Я не хочу, чтобы тебе было так больно, ты бы себя сейчас видела — белая, словно молоко, а взгляд такой, что хочется тебя схватить и бежать прочь.

— Г-гравен, н-не мешай. Не мешай, п-прошу тебя.

— Старший.

Гравен ухватил меня за рукав, и в этот миг Тана выдохнула:

— Ты же хочешь... — замолчав, продолжила уже мыслью. — Ты же хочешь, чтобы моё лицо стало прежним? Я этого хочу, а ты? Может, тебе я нужна со шрамами? Чтобы больше никто другой даже не взглянул на меня? Так ты меня любишь?

— Ох, Тана, — вдохнул Гравен. — Какая же ты...

Но отпустил рукав моего халата и сделал шаг назад.

Нас, наконец, оставили в покое.

— Молодец, — похвалил я её и тут же отдал новый приказ: — А теперь молчи.

Тана сглотнула, закрыла глаза и застыла. Чуть помедлив, я вновь использовал духовный взгляд лекаря и снова провалился в её тело. Тяжело вздохнув, отправился в полёт к голове, к лицу и тому, зачем я, вообще, ввязался во всё это и так крупно влип.

Раны Таны... Не очень впечатляли. Нет, думаю, получи я подобную рану, подобное отравление огнём в той схватке, после которой так невлюбил тех, кого коснулся огонь, то думаю, я бы там на склоне горы и умер, не успев даже услышать вопроса от Пратия.

Но здесь и сейчас... Не впечатляли.

Да, Тане не хватало сил, чтобы защититься от удара и чужой стихии, Духовная Защита подвела, да ей не хватало таланта и понимания стихии, чтобы справиться с чужой стихией уже внутри себя. Возможно, сказалось и то, что техника могла быть составной, но...

Не впечатляло.

Я выпустил несколько змеев воды, которые с большим удовольствием сожрали весь огонь, что вспыхивал в меридианах и узлах, прятался в тумане ран. После этого они рванули дальше, вцепились в плывущую по телу синюю пыль. Похоже, Гравен, не будь дураком, к лечебным зельям добавил что-то вроде Стихиального, чтобы ослабить огонь, но силы зелью не хватило, а теперь бесполезную штуку с удовольствием пожирали мои змеи, не давая ей подпитывать огонь.

Вздыхнув уже в который раз я занялся тем, чем и должен заниматься добрый, туповатый и наивный дарсов лекарь, который на ровном месте нашёл себе проблем. Я начал лечить, причём стараясь не совсем терять связь с телом и прислушиваться к тому, что происходит там, где я держу руки на запястьях Таны, а рядом сопит переживающий Гравен.

И получилось вполне неплохо. Я даже слышал обрывки разговоров Властелинов, Седого и прочих. Тана молчала, что тоже было хорошо, но я не забывал, что, вообще-то, будет время и после окончания лечения и думать об этом будущем нужно уже сейчас.

Осторожно попробовал сам, той крохотной частью, что оставалась снаружи, не сжимая лечебные техники, толкнул мысль Тане:

— У союза Трёх Сестёр есть мастер Указов?

Через миг, не дожидаясь наказания, а может, подталкиваемая Верностью, Тана ответила:

— Да, старший.

— Он здесь?

— Нет, старший, он спрятан в месте, о котором знают только главы Илимия и Плавит.

— А когда всё закончится, как быстро он заметит, что у тебя появился чужой Указ?

— Н-не знаю, — в этот раз у Таны случилось сложности даже в мыслеречи, но она справилась с собой. — После того, что происходило сегодня, после всех этих... — сглотнув, предположила. — З-завтра?

— Отлично, — процедил я. Повторил, пытаюсь найти способ выкрутиться. — Отлично, — зло спросил. — Ну, чего молчишь, любопытная, дай совет. Как нам скрыть от твоих старших, что ты им больше не верна и оставить тебя в живых?

— Старший, — Тана даже открыла глаза, впилась взглядом в меня, сидящего напротив неё. — Вы ведь можете приказать мне молчать о себе, а всё остальное вернуть как было. Я буду верна и вам, и Сёстрам.

— Ты думаешь, я настолько хорош в Указах? Могу чинить сломанное?

— Н-не можете? — Тана замолчала, там, снаружи, принялась кусать губы, видно, пытаюсь найти выход.

Я с досадой буркнул:

— Зачем ты, вообще, сунула свой любопытный нос ко мне? К чему тебе чужие тайны?

— П-простите, старший, простите.

Но, вообще, предложенный способ выкрутиться был неплох, тем более что Указ Сестёр я не стирал, а лишь поглотил его силы, заставив его выгореть. Я как раз пытался сообразить, будет ли он работать одновременно с верностью мне и молчанием. По всему выходило, что не очень будет. Самое меньшее — это постоянные наказания то от одного, то от другого Указа. Чтобы это работало — ей нужно очень хорошо контролировать свои мысли, что вряд ли. А уж если ей случайно зададут прямой вопрос...

Да и всё равно бесполезно.

Так и повторил Тане:

— Это всё равно ничего не даст. Ни один мастер Указов не пропустит над головой собеседника дополнительного, чужого при том Указа. Тем более, после сегодняшнего дня.

Удивительно, но она тут же выкрутилась:

— Говорят, будто печати, что контрактов, что Указов одинаковы, я буду говорить всем, что это контракт с... с... С вами! — выпалила Тана. — Скажу, что вы за лечение заключили со мной контракт, чтобы я искала тех троих, кто бросил алхимика Пиатрия.

Я уже хотел было спросить, что видела она, почему ни она, и никто из её подчинённых или людей Гравена не помогли Пиатрию, но удержался. Кого я хочу обвинить? Случайных свидетелей? Ту, которую несли на руках? К чему я вообще сюда пришёл? Ну, хоть Гравену помог, он вроде неплохой человек.

Устало сказал совсем другое:

— Сделаем так. Как бы ни закончилось сегодняшнее дело, вечером... — сообразил, что он уже, в общем-то наступил, и поправился. — Утром уйдёшь из города и отправишься в другой. Сама, с Гравеном, с кем-то ещё — подобные детали мне безразличны. Уйдёшь туда, где нет никому дела до Ян и того, что здесь случилось. Я наложу на тебя запреты и даю тебе срок пять лет. Пять лет ты должна молчать обо мне, не смея сообщить, описать, намекнуть обо мне и прочее. Пять лет ты будешь избегать союзов и фракций, где с тебя могут снять мой Указ, а вот затем он исчезнет, и ты будешь вольна делать что хочешь.

Толкнул к Тане мысль:

— Мы поняли друг друга?

— Поняли.

Я не стал больше ничего добавлять. И так уже устал от того, во что вылилась моя помощь. Получил лишь проблем себе на шею, причинятель добра и лечения.

Встал, ощущая на себе подозрительный взгляд Гравера. Намеренно не обращая на него внимания, нагло, у него на глазах, под испуганным взглядом Таны занялся её Указом, старательно вписывая в него все условия, под видом внешнего осмотра.

Устало вдохнул:

— Всё.

Гравен, на глазах которого рубцы Таны перестали пылать изнутри огнём, мог это понять и сам. Но мои слова послужили сигналом.

Сначала склонился он:

— Благодарю, старший. Я никогда не забуду этого. Говорят, вы появились в городе потому что пришли отомстить за смерть своего благодетеля. Я тоже буду считать вас своим благодетелем.

Я отмахнулся:

— Ты слишком высоко оцениваешь мою помощь. Я оказал её не думая о плате и долге, — чуть искривив губы в едва уловимой усмешке, добавил. — Боюсь, если бы пришлось думать и выбирать, поступил бы точно так же, только умней.

— Старший?

Я отмахнулся от Гравена, шагнул прочь. Позади Тана выдохнула:

— Спасибо. Спасибо!

И снова я отмахнулся, даже не замедлив шага. Пока я тут возился и решал проблемы своей доброты, остальные тоже не сидели сложа руки: раненые обихожены, порядок восстановлен, отряды снова сбиты.

Как по заказу над улицей, руинами домов и нами пронёсся гулкий голос Морта:

— Идущие! Собратья! Ян вероломно напали, убив многих из наших братьев! Оглянитесь, теперь улицы этого города залиты кровью наших братьев! Мы достойно встретили удар в спину, невзирая на все вероломства Ян, мы заставили их самих трусливо бежать, едва они поняли, как мы сильны, теперь нужно заставить их пожалеть о том, что они совершили! На их руках кровь наших братьев и обычных жителей города, которых они незаконно подчинили Указам! Они хуже сектантов! Смерть Ян!

Толпа тут же поддержала:

— Смерть Ян!

Я же отчётливо расслышал мысленное бурчание Седого:

— И что мне, дураку, стоило сместить щит левой? Лучше бы уцелел Арек, чем этот... безмозглый.

Я не стал строить пустых предположений, спросил прямо:

— Что не так? Разве он говорит неправильно?

— Малец, снова ты? Говорить мало, к разговорам нужны ещё и мозги. У Сестёр, конечно, они есть, но Морт всё портит. Они предлагают правильные вещи, но Морту нужна месть здесь и сейчас, сегодня, а то, что пока всё идёт по плану Ян, он отказывается признавать.

— А оно всё действительно так идёт?

— Малец, ну сам подумай. Это мы пришли туда, где Ян нас ждали. Едва я справился с неожиданным ударом, едва начал давить в ответ и добрался до самих Ян, как они отступили. Подумай и ответь, неужели они не в выигрышном положении?

Я и правда подумал, а затем честно признался:

— Не уверен. Теперь наш...

Снова замаялся, пытаюсь подобрать название. Союз союзов? Альянс союзов? Да, очень смешно. Остановился на том, который использовали Кулаки и Сёстры до этого:

— Наш тройственный союз готов к удару, второй раз провернуть такое не выйдет.

— Может, и выйдет, — хмыкнул Седой и сказанул так, что я вообще не понял, о чём он, — только в обратную сторону, но я бы предпочёл проверить это не в лоб, как жаждет Морт, выставляя себя совсем уж тупицей. Ладно, не забивай голову, малец, я и сам, лет тридцать назад предпочитал больше идти вперёд и действовать, а думать меньше.

Ну так, значит, так. Молодец Седой, конечно. Сам начал, сам закончил разговор. Лишь краем сознания вслушиваясь в речь Морта и присоединившейся к нему Илимии, спросил Седого:

— А как, вообще, так вышло? Почему вы все использовали техники с обращениями, почему ты не сумел убить половину из напавших? Неужели в этом городе только Ян слизняки и их действительно пора сменить?

— Малец, — вздохнул Седой. — Ты не находишь, что сейчас не лучшее время для уроков и бесед? Может, мне ещё и долг по спору тебе возратить, прямо сейчас начать рассказывать

про фракции Империи? Я немного занят, представляешь?

Так, значит, так. Я замолчал, причём очень вовремя, потому что вдруг над всеми нами прогремело удивительное:

— Если уж дело и правда примет совсем плохой оборот, то я вызову Стража.

Это заявление Илимии поразило не только меня, но и других идущих — они отчётливо зашумели как мыслями, так и голосом выражая своё изумление.

Илимия кивнула:

— Да, я откровенно признаю, что уже не первый год отправляю сообщения одному из Стражей об обстановке в городе.

Я, стараясь не выдать своего интереса, уставился на неё. Так вот ты как выглядишь, первый встреченный мной человек Стражей. Не шэн, потому что я не видел над ней герба Стражи, не...

На мгновение я даже задумался, а так ли всё просто? Могу ли я, предатель Стражи, сейчас, вообще, что-то видеть? А может, и вовсе Илимия рангом равна шаулу или керосу, и я, вообще, не могу увидеть её герба без её желания?

Но тут же выкинул эти мысли из головы. Первое не проверить. Я, кстати, как-то позабыл разузнать, за что в старших Поясах, вообще, дают первый ранг Стражей. Тут ведь нет городов, которыми до сих пор управляют духи. Значит, остаются лишь Залы Стражей и испытания в них? Те самые, которые я должен был искать за морем Итреи?

— Ты Страж?

Гляди-ка, не один я так подумал, а Пепельный так и спросил прямо.

Илимия покачала головой и ответила всем нам, любопытным:

— Нет, я не Страж, но у меня есть средство с ним связаться. И нет, я не буду использовать эту возможность здесь и сейчас, потому что лучше вас знаю, как велик может быть гнев Стража и как безжалостны могут быть его решения, причём для всех, для правых и виноватых. Я лишь даю вам надежду, что у нас всегда будет возможность...

Морт перебил её:

— Нам не нужна эта возможность! Мы сильнее Ян, мы возьмём власть в городе в свои руки сами и Стража вызовем, лишь для того, чтобы сообщить о смене хозяина в городе и о создании новой фракции, — отвернувшись от Илимии, он вскинул руки и заорал. — Братья! Хватит разговоров, пришло время действовать! И помните, вы начнёте, только когда я прикажу! Ждите приказа!

Как по мне — речь Морта, что в начале, что сейчас была слабовата, я привык слышать гораздо более воодушевляющие речи в исполнении Ксилима или Шандри. Но народ вокруг зашумел, вскинул руки и мечи, восторженно загудел, выкрикивая проклятия семье Ян и кляня подлость всех, кто встал на их сторону.

Поэтому я лишь чуть пожал плечами. Кто я такой, чтобы быть чем-то недовольным?

Только...

Как-то всё слишком уж кроваво и разрушительно, не лучше бы действительно...

— Что, малец, небось, думаешь, не лучше было бы послушать моё первое предложение и тихо, незаметно пройтись по Ян, украсть их Указы и добраться до Нулара?

Я не стал отрицать:

— Почти.

— Я так и думал, — самодовольно повторил уже очевидное Седой, зато следующей фразой озадачил меня. — Но ничего бы не вышло.

— Почему?

Под разговор я двинул вслед за остальными. И должен сказать, в этот раз мы шагали пусть и не быстрее, зато вроде прямо в сторону кварталов Ян.

— Потому что всё бы это и без нас загорелось. Да, мы чуть сместили баланс сил между союзами и Ян. Но лишь чуть. Между ними слишком мала разница в силе, а вот обид через край.

Я невольно вспомнил слова безымянного Стража, что отправил меня сюда. Здесь пятьдесят лет не появлялся Страж? Это значит, что пятьдесят лет назад союзы уже пытались сменить Ян? Тогда следовало отправить меня в место, где Стражи появлялись всего пять лет назад, оно надёжней бы вышло.

Мы тем временем снова перестали двигаться по прямой, свернули раз, другой и вышли... к кварталу, где многие здания зияли пустыми провалами вместо окон, а кое-где не было и крыш. Здесь случилась битва, пусть и меньшая по масштабам, чем на площади у мокрушек, но всё же битва. Вон и тела, кстати.

Кто-то невдалеке выругался:

— Плохо, очень плохо.

— Брат, этого нужно было ожидать. Сегодня нужно было либо быть сильным, либо присоединиться к одному из сильных. Они, видимо, хотели...

От утешения отмахнулись:

— Я всё понимаю. Плохо то, что я не знал об этом, а ведь у меня тут был... Скажем так, приятель. Уверен, он бы попросил меня о помощи, сообщил бы, что на них напали. А раз, — я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как мужчина лет тридцати трясёт вытасненным из-за пазухи амулетом, — раз я ничего не дождался, то это значит только одно.

— Что?

— Ты тупой? Ян активировали часть формаций города, не только отключили порталы, но и запретили использовать амулеты передачи голоса.

— Точно! Поэтому мы, выходит, и бродим по городу, вместо того, чтобы договориться со всеми о месте встречи.

— А ещё это значит, что пока мы не ворвёмся в сердце резиденции Ян, ни о каком Страже и речи быть не может. У нас просто нет выхода, мы должны сражаться, вот о чём умолчала старшая Илимия и старший Морт.

— Тише ты! — шикнули на него.

— Не бойся, мы достаточно далеко от них, на таком расстоянии наша мыслеречь если и слышна, то лишь как неразборчивый шёпот. Бойся штурма резиденции Ян, вот там будет полная гархова задница. Большая и грязная. Надеюсь, ты оставил семье достаточно духовных камней в кубышке?

— Ты на что намекаешь?

— На то, что сразу нужно было готовиться к худшему.

— Я собираюсь выжить!

— Как будто я собираюсь умирать. Но я знаю, что будут есть мои дети, если со мной что-то случится, а ты?

Второй, выглядящий постарше, огрызнулся:

— Да уж найдут.

— Под рукой нового отца? Возможно, а ты будешь лежать вот в такой куче, как мой друг.

— Ты! Ты! Вали! Вали на тот край и даже не думай, что я буду прикрывать тебе спину!

Первый пожал плечами:

— Как скажешь.

Молча двинулся прочь от, похоже, уже бывшего приятеля, над которым пульсировала, наливаясь сиянием и тут же угасая, печать Указа.

Всё время, пока мы огибали, не заходя внутрь, квартал со следами битвы, я косил взглядом на этих двух и обдумывал услышанное. Мне как-то ближе позиция первого, но и второго я понять могу. Теперь уже и слова Седого о том, что в Ордене каждый сам выбирает, умирать ему за Орден или нет, выглядели по-другому. Впрочем, он ведь тоже слышит разговоры Предводителей, может, и сказал это потому, что услышал такой разговор раньше меня.

— Вон он!

От этого рёва я едва не вздрогнул, едва не выдал себя. Орал Морт, орал на ходу, размазавшись в серую полосу. Я только дёрнул головой, прослеживая его полёт. Он рванул куда-то почти в конец нашей колонны, со вспышкой пробил стену здания, исчез из глаз.

Прежде чем я успел даже потянуться вслед за ним восприятием и понять, что происходит, снова рявкнули:

— Вон ещё!

На этот раз с места сорвалась одна из Сестёр, та, что молчаливая. Она скорее камнем упала с неба, вбивая ноги в брусчатку и заставляя её трескаться и разлетаться во все стороны обломками камня.

Вот теперь я увидел всё и без всякого восприятия — Плавит своим полётом вниз, к земле, едва не прибила какого-то бедолагу из Пепельных — он чудом успел отскочить, вскинул руки, то ли прикрывая голову от бульжников, то ли пытаюсь вывесить перед собой защитную технику.

Да только Плавит оказалась возле него в один шаг, буквально вбила пальцы ему в горло, бедолага тут же позабыл и о технике и о, да вообще обо всём, сначала взвыл, затем захрипел, пытаюсь разжать её пальцы и суча ногами, когда она подняла его за собой в воздух. Похоже, это не просто ладонь на горле, а что-то вроде Длани Наказания, только в исполнении Властелина Духа.

Через десять вдохов и четверых, четверых точно так же держали за горло Властелины над нашими головами.

Морт крутнулся на месте, оглядывая всех нас и нехорошо усмехнулся. Голос его тоже слышали все:

— А вот наши предатели, которых так жгло сказанное Илимией, что они не вытерпели и ринулись доносить об услышанном своим хозяевам. Ублюдки.

Его пленник забился в корчах, а через миг обмяк. Мёртвый. Морт сломал ему шею.

— Смерть предателям и смерть Ян!

На землю рухнули четыре мертвеца. Похоже, Властелинам тройственного союза не так уж были важны причины предательства и прочие мелочи.

— Ублюдки, небось они и выдали наши планы Ян, легко сдохли, — с ненавистью выдохнул кто-то неподалёку.

Я покачал головой. Ну надо же. И чего... Впрочем, про Стражей сказала Илимия, а не Морт, так что нечего оговаривать Седого. Но как она ловко всё это провернула, даже я поверил.

Мы двинулись дальше, огибая валяющихся на земле мертвецов. Теперь каждый знал, что Властелины приглядывают за нами. Если и оставались ещё предатели или просто желавшие отлучиться и отлить, таких смельчаков больше не нашлось.

Занимался я не только размышлениями обо всём, что происходило вокруг, но вот с восстановлением дело шло не так хорошо, как хотелось бы. Сразу вспомнилось, за что я не любил города ещё со времён Морозной Гряды — когда вокруг тебя сотни идущих, тянущих в себя силу боевой медитацией, то на всех силы Неба начинает не хватать. То и дело я замечал, как то один, то другой идущий глотал зелья. Лечебные и, конечно же, возвышалки предыдущего этапа.

Самое неприятное, что даже приказы главы союзов остановиться и использовать Круговороты, то это приведёт к тому, что силу восстановит лишь тот, у кого Круговорот мощней.

Это будет выгодно для меня, для остальных... Неудивительно, что все сосредоточились только на боевой медитации. Но всё равно, я бы приказал использовать Круговорот, хотя бы стихию можно было поделить между всеми, да и сами Круговороты использовать по очереди, но нет, так нет.

Тем временем мы уже оказались на широкой улице, что вела к кварталам Ян.

Я уже был там однажды, только заходил со стороны портальной площади, но даже так, даже отсюда было ясно, что кварталы Ян сейчас выглядят не так, как должны.

Я видел почти прозрачную, едва различимую дымку, что встала между нами и домами квартала Ян.

И эту дымку видел не только я.

Вокруг звучало всё больше шепотков и коротких, злых или испуганных восклицаний.

Они гудели в голове многоголосым хором, сливаясь в единый ропот, в котором не разобрать ни слова, поэтому я сосредоточился на тех, кто был сейчас важней — на Властелинах.

Успел как раз подслушать конец какого-то важного разговора.

Илимия давила:

— И молчи, прошу тебя, Морт, молчи, стань глухим. Нам сейчас очень нужно показать, что мы разумные, спокойные, а они нет, что с нами можно иметь дело, а с ними нет, показать, что мы и в будущем не будем действовать, поддавшись эмоциям. Ты же знаешь, какая у тебя плохая репутация, Морт.

— Ты предлагаешь мне делать вид, что мой брат ещё жив?

— Ты предлагаешь упрашивать тебя в десятый раз? Мы летим на одном мече, Морт, и одному не хватит сил удержать его в воздухе. Либо мы действуем сообща, либо умираем и снова вместе. Я умирать не хочу. Я хочу отомстить, а ты?

Сначала я решил, что Морт ничего не станет ей отвечать, но спустя, наверное, вдохом тридцать услышал:

— Действуй. Считай, что я превратился в безмолвную статую ради мести за брата.

Если бы дело происходило в привычной мне Морозной Гряде, то кварталы резиденции отделялись бы от остального города стеной. Но Морозная Гряда — это Первый пояс, где сильнейший идущий это Мастер, способный разве что Рывком подняться к небу.

Здесь Пятый пояс, а у сильнейших нет ограничений, разве что в этих землях никто сильнее Властелина Духа не желает появляться. Но и Предводителей Воинов и Властелинов Духа достаточно, чтобы стены потеряли свой смысл. Если нет запрета, если идущего ничего не останавливает от того, чтобы подняться в воздух и лететь, то зачем стена?

И зачем стена, если можно отгородить свои кварталы пеленой формации? Даже во Втором поясе Академия сумела закрыться во время Дикого Времени, когда отослала всех своих защитников.

Вот и сейчас, здесь, на одной стороне собрались мы, Предводители и Властелины союзов, которые захотели получить власть в городе. На другой стороне замерли в ожидании Предводители и Властелины семьи Ян, которые не хотят терять этой самой власти.

Властелины парят в воздухе, подчёркивая свою силу и свои возможности, мы, Предводители, стоим на земле.

Не знаю, какие мысли крутились в головах у других, но мне был интересен вопрос, а как нам пробиться на ту сторону формации?

Я знал лишь два способа: силой, проломив защиту, и умением, отыскав точку слабости.

Но вряд ли у нас хватит этих самих сил. Похоже, надежда остаётся лишь на Седого. Он ведь сам говорил, что опыта в таком у него не занимать, да и показал, когда проникал в город, не выдав себя, что его небольшого таланта хватает на подобное.

Я скользнул взглядом по Ян. По тем, кто стоял на земле. Искал я знакомое лицо. И, разумеется, нашёл. Нулар был здесь.

Небольшое движение вверху заставило меня перевести взгляд раньше, чем я даже успел представить свою обычную угрозу, как вбиваю Коготь в средоточие Нулара.

От Ян вперёд, буквально на три шага, выплыл седой старик. Не такой седой, как Седой, но старик более, чем он. Уже прям очень близко к тому, что я обычно именовал старикашкой.

С нашей стороны на те же три шага выплыла Илимия, а затем двинулась дальше, остановив свой полёт всего шагах в десяти от полупрозрачной дымки и тут, наконец, Ян заговорил.

— Для тех, кто попал в такое безвыходное положение из-за своей наглости и самомнения, вы выглядите слишком уж уверенно и спокойно.

Илимия не замедлила с ответом и тоже не использовала мыслеречь:

— А чего вы ожидали от нас, глава Халаб?

— Что ужаснувшись тому, что вы натворили, вы придёте униженно просить прощения. По земле, склонившись в поклоне, едва завидев меня, так почему же я не вижу ничего из этого? Откуда столько наглости, младшая?

— Не понимаю вас, о каком безвыходном положении вы говорите, глава Халаб?

— Я думал, что ты уже давно вышла из того возраста, когда необходимо поучать.

— Видимо, нет.

По толпе, в которой я стоял, пробежали шепотки и мысли. Видимо, не только я не так представлял поход за мезтью, который объявил Морт буквально две сотни вдохов назад. Илимия же вдруг перешла на мыслеречь, причём звучала так тихо, что уверен, не будь у меня моего странного таланта, я бы её и не услышал, не подслушал:

— Я всё ещё не вижу, глава Халаб, почему я должна не договариваться, а просить, тем более униженно.

— Торгуешься?

— Если главе Халабу так угодно, то да, торгуюсь.

— Хорошо, значит, немного ума в твоей голове есть.

— Я ведь не безумец Морт, только и желающий вцепиться вам в горло из-за смерти Арека. Но тот же ум, который вы так хвалите, говорит мне, что дела моей стороны не так плохи, чтобы я перестала использовать полёт, пошла по земле и кланялась вам, глава Халаб.

Раздался напряжённый голос Морта:

— Илимия, почему я не слышу вашего разговора?

Она не промедлила с ответом ни на мгновение:

— Ты всегда был плох в этом, брат Морт и для тебя приходится говорить «громко», а мне этого не хочется, Халаб не захочет терять лицо перед своими детьми и внуками, поэтому давить на него нужно буквально на ухо. Не беспокойся, всё идёт по плану, я стараюсь убедить его, что им будет выгодней покинуть город, чем неделя за неделей разрушать его в противостоянии, теряя родных, ресурсы и будущее.

— Дави пусть и негромко, но сильнее, Илимия, скажи ему, что я лично заберу его жизнь, если он решит остаться тут.

Мне очень хотелось задать вопрос Седому, хотелось спросить его, слышит ли он эти разговоры и улавливает ли, что слова Илимии разнятся для собеседников. Но я отлично помнил, как Седой похвалялся своей силой и поэтому был уверен — слышит, но раз молчит, то знает, что делает.

Мне же оставалось только слушать и пучить глаза.

— Молодец, девочка.

— Меня нужно не хвалить, глава Халаб, а доказать, что мне выгодней быть на вашей стороне.

— Раз ты ведёшь такой разговор, то сама уже всё понимаешь, но, раз настаиваешь, то даже такой старик, как я, уважит такую прекрасную женщину. Подсчитай, сколько осталось Властелинов на той стороне, за которую ты еще держишься и сколько их у нас. Даже с твоим умом вы не сумели перетянуть на свою сторону ни Текущую Воду, ни Два Брата и Три Флага, ни остальные более-менее крупные союзы.

— С этим всё просто, вы заставили их напасть на нас или уничтожили.

— Младшая, — скривил бледные губы глава Ян, — не разочаровывай меня в своём уме, давай не будем рассуждать о том, как мы этого добились. Главное — результат. Даже те так называемые главы мелких союзов, которые всеми правдами и неправдами едва создали третье средоточие и стали гордо называть себя Властелинами Духа... Где они?

— Вы их убили, ударив в спину, глава Халаб.

— Вы их потеряли, не сумев защитить и сделать частью своей силы. Они стали вашей слабостью, разве Ларана и Арек погибли, не пытаясь их защитить? Оно того стоило?

Да...

Даже хорошо, что Морт ничего из этого не слышит. Представляю, как бы я сам себя вёл, если бы Кетот рассуждал передо мной о смерти Берека. А вот Илимия лишь медленно качнула головой, спокойно ответив:

— Судя по вашим словам — оно того не стоило. Возможно, я не буду спорить с вами, глава Халаб. Но у нас всё ещё перевес в Предводителях. Кулаки всегда были самым многочисленным союзом этого города...

— Не этого, а города Ян, младшая!

— И снова не буду спорить, глава Халаб. Продолжу лишь свою мысль — за моей спиной множество Кулаков, Сестёр, Пепельных и идущих из прочих союзов этого города, вы лишь разменяли в этой игре всех из Текущей Воды, но всё равно перевес остаётся на нашей стороне, даже потеряв глав, мелкие союзы подчиняются мне.

— Тебе или же Морту? С каких пор он отдал своих людей под власть Сестры, которая своих подчинённых скормила Бедствию? Признай очевидное — в той новой семье, о которой вы мечтали ещё в обед, тебе и второй Сестре достанется не лучший кусок.

— У нас есть личная сила, которую не отнять.

— Ларана уже погибла в этом бессмысленном перевороте. Ты же умна, должна понимать, что вам нужно будет как-то проломить формацию, что поддерживается тысячами духовных камней, которые начал копить ещё мой отец. И что мешает нам в итоге опустить её самим и напасть на вас? А ведь мы будем полны сил.

— Глава Халаб, всё это время вы лишь грозите и убеждаете меня, как всё плохо по мою сторону защитной формации. Не находите, что нужно рассказать и о том, как хорошо на вашей?

Я уже прикрыл глаза, потому как ещё немного и на меня бы стали обращать внимание, настолько сильно я уже их выпучил. Какого дарса?

— Что ж, — медленно, с расстановкой произнёс этот старикашка Халаб. — Ты с Сёстрами связалась в это ради создания новой семьи и власти, верно?

— Верно, глава Халаб.

— Тогда буду честен, моя семья действительно понесла сегодня потери. Я предлагаю тебе войти в семью Ян. И тебе, и Плавит.

— Вы говорите о...

— Я говорю о замужестве и становлении одной из Ян. Сначала вы, затем и ваши дети.

Илимия помедлила, а затем уронила короткий ответ:

— Я согласна.

Я вспомнил, что нужно дышать, судорожно втянул в себя воздух, заслужив странный взгляд от соседа. Но мне было на него как-то плевать, я лихорадочно пытался сообразить — если сейчас толкну мысль к Седому, то меня услышит только он или не только он, но и Илимия? Плевать и на неё, важней, что меня услышит и этот дарсов старикашка Халаб.

Пока я соображал, Халаб торжествующе протянул:

— Отлично, отлично. Я всегда верил, что ты достаточно умна, чтобы оставить себе лазейку в ваших клятвах. Предлагаю тебе нанести первый удар, воспользоваться неожиданностью и...

Да что я тут тяну? До этого Седой всё время сохранял тайну наших переговоров, мог ли он оставить меня сейчас?

И всё же мысль вперёд и вверх я толкнул с опаской, стараясь вложить как можно меньше сил, сделать свою мыслеречь как можно тише и постараться, чтобы она добралась только до Седого:

— Седой.

Тишина в ответ.

— ... твои подчинённые сразу...

Я скрипнул зубами и добавил силы:

— Седой.

— Чего тебе? — к моему облегчению он всё же ответил. Правда, тут же буркнул. — Не сейчас.

— Сейчас. Меня же больше никто не слышит?

— Нет, не слышит, но, Орзуф, сейчас дей...

— Помни, что на Илимии мой Указ, до Халаба я не дотягиваюсь, а она сейчас готовится...

Договорить я не успел — Седой прошипел:

— Замри и ничего не делай!

Теперь я зубы стиснул. Какого дарса?

Халаб тем временем закончил раздавать указания и заговорила Илимия:

— Глава Халаб, делая такой большой шаг, разве не должна я получить гарантий?

Халаб, на которого я сейчас пялился через мутноватую завесу формации, кивнул:

— Я, как глава Ян, даю тебе слово.

Теперь кивнула Илимия:

— Спасибо, глава. Сейчас я гадаю, не для того ли первый удар ваши люди обрушили на Ларану, чтобы вы сейчас могли с такой гордостью произнести эти слова. Этого достаточно, будущий брат?

Я попытался впихнуть подслушанное в голову. Как этот старикашка, которому, может, под сотню лет, вдруг стал братом? Через миг мне стало и не до этого — муть формации исчезла, а в голову вонзился мысленный вопль Морта:

— Вперёд, вперёд, вперёд! Убивайте Ян! Месть! Месть!

Впереди и выше нас Седой вскинул руки, заставляя проявиться два огромных обращения.

— А-а-а-а! Месть! Смерть! Вперёд! Бейте их! — раздался ответный хор мысленных и обычных криков во всё горло.

Вся масса людей, что до этого стояли немного позади наших Властелинов, сорвалась в едином порыве, за мгновение преодолевая разделявшее их и Ян пространство.

Я, признаюсь честно, на долю вдоха промедлил, хотя едва ли не лучше других должен был быть готов к этому моменту, в конце концов, это я обладал способностью подслушивать тайные разговоры Властелинов и буквально только что готовился остановить предательницу тройственного союза и биться с соседями... Неважно.

Всё случилось ровно наоборот...

До меня вдруг дошло. Ведь это не мои слова, ведь именно их и обронил Седой не так давно, успокаивая меня.

Пока я привыкал к тому, что случилось, пока осознавал, что подсказки были, но я их даже не заметил, зато поверил, будто Халаб мог скрыть свой разговор от Седого, я опоздал толкнуть силу в Рывок, а затем уже и сознательно сбавил скорость, держась чуть позади Кулаков, Пепельных и прочих из нашего общего союза.

Так будет правильной. Они могут бить сразу по большой площади, зато я хорош в поединках и смогу смести Ян там, где упрутся более слабые.

Схватка на площади Текущей Воды не прошла даром для всех. И я сейчас не о ненависти, которая подорвала всех вперёд, а том, что все Предводители рванули, расходясь конусом, огибая сцепившихся в воздухе Властелинов и смерть, что снова сыпалась там с неба.

Вновь раздался оглушающий голос Морта:

— Аха-ха-ха! Вы что, думали, такой трюк можете провернуть только вы? Халаб, старая

отрыжка, ты думал, что я правда такой тупой?

Ответом ему стал яростный крик:

— Ублюдок! Выродок!

Тройка Кулаков, за которыми я бежал, беззвучно, понимая друг друга без слов, жажнули, соединив удары.

Это была не составная техника, точно. Но три духовные техники словно усилили друг друга: каменные копыа объяло раздутое ветром пламя и здание, в которое они врезались, сложилось, рухнуло само в себя, открывая проход на другую улицу.

— Наконец-то, ты не сдерживаешься, старший небрат Халаб, — этот голос был мне незнаком. — Наконец-то, ты говоришь то, что на самом деле думаешь. Говорить правду легко и приятно, не так ли?

— Ублюдок!

— А вот повторяешься ты зря, старший небрат, я верю, что ты можешь оскорбить меня новыми словами, не обязательно давить на один и тот же слух о моём отце.

Уже прыгая по обломкам дома, я бросил быстрый взгляд наверх и вбок, туда, где схватились Властелины. Не показалось.

На Ян давили не только Седой, Морт, Сестры и остальные, но и тройка Властелинов с левого края самих Ян.

Понятна теперь радость Морта. Действительно, не только Ян могут использовать предателей. И что-то я сомневаюсь, что в этом случае речь идёт о давлении печатей мастера Указов. Скорее, речь идёт об обиде, видимо, про ублюдка речь зашла не просто так и, видимо, не просто так шёл разговор, который Халаб считал тайным.

Слева наши сцепились с Ян и продавили их. Справа, куда рванули те самые три Кулака, они наткнулись на гораздо более серьёзное сопротивление и завязли. Неудивительно, ведь справа как раз Властелины Ян, наверняка рядом с ними сильнейшие из подчинённых. Значит, мне туда. Нулар там.

— Слух? Что ж, видимо, придётся тебя порадовать. Это не слух, а доказанный факт. Мы проводили тайную проверку твоей крови, ты — не Ян!

— Спасибо, что хотя бы спустя двадцать лет сообщил мне об этом.

— Ты... Ты знал?

Рывком ухожу вправо и вверх, выше барьера защитной техники, которой прикрывались Кулаки, точно в стену третьего этажа. Изворачиваюсь в воздухе, приземляясь в неё ногами, толкаюсь,

тут же уходя в новый Рывок, точно в щель между двумя защитными техниками Ян.

Восприятие Предводителя не подвело, никак по-другому пройти эту защиту не вышло бы, единственный просвет либо сзади, либо сверху.

В мостовую я врезаюсь, уже сжимая в руке копьё. Через миг с его наконечника начинает сыпаться синяя пыль.

Влево, выпад. Звёздный Клинок встречает на своём пути чужую сталь.

Этот Ян быстрый.

— Разумеется, я знал. Мне сказали об этом в тот же день.

— Као, ты!

Пять змеев воды вправо, духовный удар прямо, к тому Ян, что уже разворачивается ко мне, слишком уж от него тянет жаром опасности.

— Он и только он оказался мне настоящим братом, не став ничего скрывать. Ни того, какие слухи ходят обо мне по семье, ни того, какую степень родства показал артефакт. Ты называешь меня ублюдком, Халаб? Как твой язык поворачивается произносить такое? Разве артефакт показал пустоту? Разве нет в моих жилах части крови Ян?

Опасного крючит, сгибает пополам, словно он Закалка и пропустил удар под дых, техника его явно срывается, миг слабости короток, но я уже рядом, я уже тянусь к нему сталью.

— Этого мало!

Копьё вонзается во врага, сталь почти упирается в Покров, который никуда не делся. Но я бью не только голой сталью, Звёздный Клинок тоже давит со всей силой, что я вложил в него в коротком Рывке, древко трещит, и Покров сдаётся, копьё входит в средоточие Ян.

Я сбрасываю тело, отмечая, что нужно быть осторожней — это копьё последнее, после мне придётся либо доставать Пронзатель, либо использовать Коготь Роака.

— А сколько ты хотел, спустя три поколения? Сколько! Я просил о браке для своего внука, что ты мне ответил? Как ты мне ответил, ухмыляясь и думая, что я не понимаю второго смысла и яда, вложенного в твои слова? Я, глава Ян, клянусь... Ничтожество! Сегодня ты смел на моих глазах раздавать то, в чём отказал моему внуку!

Левый Ян уже рядом, уже тянется ко мне мечом, уже закручивается вокруг меня чёрный вихрь.

— Я никогда бы не взял этих сук в семью, брат!

— Разумеется. Обманув один раз, кто поверит тебе во второй? Сегодня ты смел клясться

тем, что давно сгнило и должно быть уничтожено вместе с именем Ян! Сдохни и закрой свой лживый рот!

Этот вихрь не опасен. Я разорвал сплочённый строй Ян, одного убил, второго отвлек на себя, третьего заставил уйти в глухую защиту от моих змеев. Этого хватило, чтобы троица Кулаков буквально разметала защиту оставшихся и пришла мне на помощь.

Десяток вдохов и в живых остаётся лишь мы четверо, а изрядно отожравшихся змеев приходится приказом держать на расстоянии от Кулаков. У них нет разума? Три раза «ха», Клатир.

— Сдохни! Мне не нужна такая семья! На обломках Ян мы создадим другую!

Один из Кулаков, тот, что с бородкой, задирает голову, словно пытаюсь разглядеть что-то в небе сквозь дом и с каким-то странным уважением произносит:

— Вот это у них там страсти.

Ему тут же с ухмылкой отвечает тот, что ниже всех ростом, ниже меня почти на две головы:

— Я тоже не ожидал, брат. Думал, они там деньги и гостиницы поделить не могут, а оно вон как.

Выходит, это слышу не только я. Вот уж не думал, что придётся мучиться в сомнениях о такой странной вещи. Мне нужно у Седого брать урок не о том, как закрываться, а о том, как различать, что слышу только я, а что слышат все. Если уж опираться на странное разъяснение Седого, то у меня очень и очень чувствительный слух. Там, где все слышат только шёпот, я слышу буквально крик. Там, где все не слышат ровным счётом ничего, я слышу всё чётко и ясно.

Если же опираться на мою догадку о важности в этом таланта боевого или истинного мастера Указов, то дело в особой чувствительности моей души.

Третий Кулак, ничем не примечательный, тем временем ловко сорвал кисеты с поясов мёртвых, закинул их все в один, сделав это как-то напоказ, на вытянутых руках и сообщил:

— С добычей разберёмся после. Согласен, старший брат?

Только когда на мне скрестились взгляды всех троих, я сообразил, что спрашивает он меня, отвлекся от своих мыслей и кивнул:

— Разумеется.

Он оскалился в ответ:

— Тогда двигаемся дальше. Я ещё не отомстил за наших убитых.

— И я!

— Вперёд, брат! — завопил бородатый, тот самый, что удивлялся страстям Властелинов.

Я чуть повёл рукой:

— Вы снова вперёд, собратья, моя манера боя лучше подходит для неожиданного удара и схватки вплотную.

— Мы не возражаем, старший брат, в твоей силе мы уже убедились.

Я хмыкнул им в спину. Старший брат. Это они так обходят своё нежелание называть меня просто старшим? Ну пусть их.

Мы проскочили один дом, другой, перепрыгнули мертвецов, одетых как стражники Ян и замерли при виде открывшегося зрелища.

Невысокий Кулак пробормотал:

— Что-то мне как-то расхотелось в ту сторону.

Бородатый откашлялся:

— К-хе, к-хе, тут ты прав брат. Я и сам так подумал.

С тех пор как мы пробились через дом, схватка Властелинов сильно сместилась. Ян, те Ян, что настоящие Ян, а не всякие отщепенцы, непрошедшие проверки и примкнувшие к непрошедшим, оттянулись вглубь своего квартала, пятась под ударами Властелинов нашего триединого союза и Властелинами бывших Ян, что тенивики и, наверное, те, кто с ними. Во всяком случае, я когда узнавал про тенивиков, не слышал, чтобы у них было три Властелина, а здесь именно трое откололись от них, сняли формацию защиты квартала и ударили им если не в спину, то в подставленный бок и снова изменили баланс сил.

Схватка, смещаясь, повторяла то, что я уже видел на площади. Только здесь под Властелинами не было площади, а лишь улицы и дома, сейчас превращающиеся в холмы из обломков. Надеюсь, их обитатели успели спастись бегством.

Морт, Илимия и Плавит висели впереди, держа защиту. Чуть позади них летел Седой, широко раскинув руки, удерживая перед и за собой двухцветные обращения, и то и дело отправляя в Ян огромные ледяные мечи.

Они врезались в защиту Ян с грохотом, вызывавшим желание пригнуться, и осыпались вниз обломками льда. Но не простого льда, а сгустка духовной силы и стихии. Бегал я уже под такими обломками, знаю, на что они способны. Никакого желания догонять эту схватку и огибать её кратчайшей дорогой у меня нет. Лучше уж обойти их стороной.

Вообще, судя по тому, что я вижу, Седой выступает в роли копья, вернее, меча, что должен

расколоть защиту Ян. Похоже, что он ничуть не преуменьшал своих сил, когда говорил, что может взять на себя половину Ян города. Конечно, выглядит всё это не так, как выглядело в моём воображении, но будем честными — я, вообще, впервые вижу схватку Властелинов Духа.

Пока что я могу лишь делать какие-то свои выводы и собирать вопросы к Седому. Задавать вопросы ему сейчас явная глупость. Он сейчас сосредоточен на сражении и нечего ему мешать. Трое его защищают, остальные летят по сторонам, занимаясь и нападением, и защитой, да ещё и по земле чаще бьют, чем по равным им Властелинам Ян.

Чуть прищурившись, постарался сосчитать отступающих Ян. По всему выходило, что двоих они уже потеряли. Обернулся. Ну, туда уже поздно бежать, даже если бы у меня и возникла такая мысль, там на руинах домов уже суетилось не меньше десятка.

Самый умные. В схватку не торопились, зато кiset или даже кольцо Властелина Духа подобрать — тут они первые.

Фыркнув, отвернулся, вновь сосредоточившись на схватке. Троица бывших Ян, кстати, всё так же держится чуть сбоку от наших. Видимо, Властелины тройственного союза не торопятся доверять им, несмотря на всё, что они уже успели сделать.

Тут я ни Морта, ни Илимю не могу винить. Один раз получив в спину удар от тех, кого, вроде как, считали союзниками, будешь опасаться повторения и поглядывать за спину, не появится ли там ещё кто?

Сумели же Ян собрать такую силу по городу, сумели же уговорить их...

На этой мысли я сбился.

Что значит уговорить? Как, вообще, можно «уговорить» такое число Властелинов Духа принять какое-то зелье вроде Кипящей Крови только для этапа Властелина, а затем биться до последнего?

Я вот знаю только один способ подобного уговора. Указ. Ян провернули с Властелинами тоже самое, что и с Предводителями, которых я пытался спасти в той схватке. Но как я сразу этого не понял? А не понял по одной простой причине — это ведь значит, что мастер Указов Ян обладает Возвышением...

Каким он Возвышением обладает?

До этого дня я считал, что у них есть Властелин Олак для заключения контрактов с идущими города и какой-то такой же слабый Властелин для наложения Указов на стражников и прочих.

Но главы Текущей Воды не были слабаками. Значит, мастер Указов Ян не первой и не второй звезды. Третья? Четвёртая?

Разве это не уровень уже глав сильнейших союзов города и старейшин самих Ян?

Задавать вопрос Седому не только не время, но и бессмысленно, не так уж он много знает о самих Ян, иначе бы давно упомянул о таком сильном мастере Указов. Ещё там, возле разрушенной площади, засыпанной трупами, когда выговаривал мне за изнеженность и неготовность к правде мира.

Поэтому свою мысль я толкнул к Сестре Илимии, всё равно на ней лишь поддержка защиты:

— Старшая, а где мастер Указов Ян? Вы уже убили его?

— Собрать гость? Нет, его не было среди собравшихся для переговоров. Даже чувствуя себя в полной уверенности, они не нарушили привычных правил, а жаль, иначе половина их стражи уже сдалась бы, не желая понапрасну гибнуть.

Я облизнул губы и спросил:

— Так, может, его нужно отыскать?

— Нужно, не спорю, но мы сейчас, если ты заметил, немного заняты.

— Зато я свободен.

Илимия даже обернулась, видимо, желая увидеть моё лицо. Помолчав, она вздохнула:

— Собрать, буду с тобой честна. Когда ты появился перед нами, я действительно надеялась, что ты возьмёшь на себя одного Властелина Ян и сможешь какое-то время продержаться против него. Но как бы ты достойно ни показал себя против брата Морта, ты сможешь продержаться некоторое время лишь против слабого Властелина.

— Разве есть кто-то слабей и менее привычный к схваткам, чем мастер Указов фракции?

— В другой день я бы с тобой согласилась, но сегодня он явно пожертвовал своим здоровьем и воспользовался алхимией. Иначе он не сумел бы справиться с главами Текущей Воды. Они всё же были не дураки и не использовали амулетов, которые прошли через руки Ян.

Я едва не стукнул себя по лбу. Я-то терялся в догадках, зачем Ян выращивали такого сильного мастера Указов, а ответ был гораздо проще. Он лишь временно прибавил себе пару звёзд. Как его жертвы, только в сражение не полез, а сделал всё исподтишка, прямо как я. Настоящий мастер Указов, ничтожество, превративший людей в марионетки.

Ухмыльнулся, зная, что она увидит эту ухмылку:

— Старшая Илимия, скажу так. Мне приятна ваша забота, но я особенно хорош именно против подобных противников, которые считают, что пустое Возвышение и именование мастером Указов может дать им какое-то преимущество.

— Так собрат получил приказ от своего Глаза... — запнувшись, Илимия попросила. — Собрат, считай, что ты ничего не слышал. Глупые мысли глупой женщины. Я поняла тебя. В западной части улиц Плавит ощущает очень много смертей наших людей, но не ощущает буйства сил. Подозрительно, не находишь?

— Подозрительно, — попросил. — Я возьму с собой этих Кулаков в помощь?

— погоди, я передам твою просьбу МОРТУ, он очень болезненно относится к власти над своими людьми.

Должен отметить, что вот этого разговора, разговора между МОРТОМ и ИЛИМИЕЙ я не слышал, а значит, и для меня и моего таланта подслушивать есть пределы возможностей. Впрочем, это не первое подтверждение этих пределов за сегодня.

Через десяток вдохов до меня и Кулаков донёлся мыслеголос МОРТА:

— Хватит глазеть, бездельники. Битва только началась. Для вас отдельное задание.

Тройка Кулаков тут же поспешила согнуться, вбивая кулаки в ладони.

— Вы четверо должны пробиться в западную часть кварталов Ян. Там для нашего безымянного гостя есть дело, которое он горит желанием выполнить, верно?

Я коротко кивнул. МОРТ тут же рявкнул:

— Так вперёд!

Едва Кулаки разогнулись, первое, что я спросил у них:

— А запад, это у нас где?

Бородатый несколько раз моргнул, затем покосился на невысокого, но не стал пользоваться мыслеречью и обсуждать меня с товарищами, вместо этого просто ткнул рукой:

— Там. Но нам проще будет обойти дугой, чтобы не увязнуть вон в той схватке.

Я кивнул. Схватка там была, что надо — над домами в три этажа высотой то и дело сверкали вспышки и пыль поднималась выше крыш.

Снова Кулаки бежали впереди, я всё так же в десяти шагах позади. Самое то, чтобы и успеть сообразить, как действовать, если начнётся схватка и...

Нет.

Мысль прикрывать их от мастера Указов Ян я отбросил. Очень хотелось, но я просто не мог позволить себе этого. Не сейчас, когда я изрядно потратился сначала в краже Указов Илимии и МОРТА, затем в схватке вокруг площади.

У меня, будем откровенными с самим собой, запасов духа почти не осталось.

Я не могу тратить их на защиту других. Я не могу их тратить даже на схватку с мастером Указов.

Не выйдет провернуть то, что я провернул с мастером Указов секты Жуков. Для такого разница между нами слишком уж велика.

Всё, на что я могу рассчитывать — защитить самого себя. И это явно не будет лёгким делом.

У меня есть надежда, что после тренировок в огненном мире кристалла я уже не тот, каким был в землях Итреи.

У меня есть надежда, что я, Предводитель, уже не так слаб, каким был, будучи всего лишь Мастером. Что бы там ни говорил Седой, но создавая новые средоточия, идущий меняется.

У меня есть надежда, что мои новые умения ломать сразу несколько Указов тоже что-то во мне изменили.

Мысли о том, что это другое, что у мастера Указов Ян на одно средоточие больше, причём в нём он собирает эссенцию, которую я даже обнаружить в себе не могу, и прочее, я старательно отметал в сторону. Не давал себе задумываться об этом.

В конце концов, я же не безумен, верно?

У меня есть ещё много дел, задумок и желаний. Я не буду идти до конца. Всё, что мне нужно — отыскать этого мерзавца, попытаться сблизиться и вбить ему Коготь в средоточие. Если я пойму, что он для меня слишком силён и вот-вот его приказ умереть подействует на меня, я просто отступлю. Пусть с ним Седой разбирается.

Мы проскочили один дом насквозь, перепугав прячущихся в нём, проделали дыру в стене, сокращая путь, пробежали по улице, вломились в другой дом, едва выбрались из него, как где-то рядом, буквально на той стороне улицы, на той стороне противоположного дома я ощутил присутствие идущего. Причём явно не Закалку и прочих, кто до этого лишь вжимался в углы, прячась от нас.

Крепкий мужчина, который...

Бегущий впереди бородатый Кулак рыкнул:

— Ян!

В тот же миг идущий, которого почуяли и мои сопровождающие, рванул в небо, в одно мгновение оказавшись на летающем мече. Рванул низко над домами, едва не цепляя черепицу на них. Предводитель.

— Зря, — выдохнул слева невысокий Кулак.

Через миг я понял, о чём он — справа, из той части города, где сражались Властелины, примчалось сразу три огромных птицы. Те, которыми когда-то сбивали сектанта в небе над Приютом, не шли ни в какое с ними сравнение.

Эти были больше, быстрее и оказались гораздо больше похожи на настоящих птиц, каких-нибудь Раух, только небесно-синих.

Беглец тут же нырнул за крыши, но птицы последовали за ним, снеся ненароком верхушку дома, в обломках кирпичей и черепицы рухнули вниз, к мостовой и вспухли там голубым облаком, рванувшим в небо.

Я покачал головой и оттянул назад восприятие Предводителя, опуская его ниже крыш.

Третий Кулак, словно сговорившись с собратьями, тоже внёс свой вклад в разговор:

— Так этому трусу и надо. Не захотел схлестнуться с нами, сдох по-глупому. Зато быстро.

Бородатый кивнул и ткнул рукой, указывая направление. Я всё это время молчал, хотя теперь знал ответ, почему не стоит летать рядом с Властелинами — они злятся и опускают на землю всех таких умников.

Хотя интересно, как мне показалось, если дать мне время разогнаться, то эти птицы могут меня и не догнать. Если только и сами не могут лететь быстрее. И вообще, нужно бы уже проверить, на какое расстояние способна бить Суть Стихии.

И снова я, похоже, первый «заметил» посторонних, потому что только спустя пару вдохов бородатый Кулак замедлился и предупредил:

— Осторожно!

Впереди на пустую улицу выскользнули шесть идущих. Расстояние было великовато, чтобы определять глубину и непроницаемость их силы, в видение восприятия Предводителя, которое и позволило мне их обнаружить, они выглядели... как не стоящие особой опаски, но мог ли я ему доверять?

Кулаки — вот либо ощущали другое, либо не доверяли восприятию, сбились передо мной плотней, явно наполняя меридианы силой и готовясь к схватке, но не начиная её первыми.

Я тоже терялся, пытаюсь понять, кто перед нами — не похожи на Ян, но нет и символов ни одного из союзов, что присоединились к нам, вольные идущие города? И что за странная тряпка на рукаве?

Незнакомцы первые заговорили с нами:

— Эй, эй, собратья Кулаки, не нужно сражаться, мы на одной стороне, мы теневики.

— Чем докажешь? — тут же спросил бородатый.

— Это видал? — с этими словами передний из идущих ткнул себя в плечо, в ту самую тряпку.

Бородач изумился:

— И о чём это мне должно сказать?

— Что мы на одной стороне и должны надрать задницу Ян.

— Первый раз слышу. Как ещё докажешь?

— Да никак, как ты себе это представляешь, бородач?

Я сдержал улыбку. А не одному мне показалось проще всего так назвать этого Кулака. А вот он обиделся.

— Ты что, решил, что грубость сделает тебя союзником?

— Пусть и говорят, что все беды происходят от языка, толку мне болтать попусту? Будь здесь Ян, я бы доказал всё, напав на них, но раз их тут нет, то давай просто разойдёмся по разным краям улицы. Ты пойдёшь искать Ян, мы пойдём искать Ян, а завтра встретимся, и ты поставишь нам вина, признав свою ошибку.

— Старший?

Бородач, имени которого я так и не узнал, явно хотел переложить решение на мои плечи. Впрочем, мне-то что? Мне нет до них дела. Поэтому коротко приказал:

— Расходимся.

Бородач махнул рукой, одновременно делая шаг влево, тенивики сделали шаг в другую сторону. Так, не спуская друг с друга глаз, мы и разошлись.

Уже издали старший из тенивиков крикнул:

— И не забудь, что теперь тебе известно про знак на плече, приглядывайся, прежде чем броситься сражаться, бородач!

— Вали, умник!

— Свалил и буду ждать завтра попойки за твой счёт!

Бородач ещё что-то пробурчал себе под нос, но затем смолк, ускорился, словно отыгрывая потраченное время.

Мы заложили дугу, добрались, наконец, до нужных улиц.

То, что я пришёл в нужное место и ни Илимия, ни Плавит не ошиблись, стало ясно сразу — едва мы проломились через очередной дом, заставляя в испуге разбежаться с нашего пути его обитателей, как перед нами нашлись три тела в халатах со знаком Пепельного союза. Всё бы ничего, но на мертвецах не было ни единой раны.

Бородатый, настороженно ворочая головой, подкрался к ним, склонился, проверяя тела. Выпрямившись, буркнул:

— Похоже, я понял, что за дело здесь у старшего. Даже не знаю, чем я восхищаюсь сейчас больше, храбростью или безумием старшего. Неужели амулет старшего так хорош, что позволяет подобраться даже к Властелину Указов?

Я поморщился. Не от того, что он понял, кого я собираюсь убить, не от его вопросов, а того, как он назвал моего врага. Как по мне, так слишком уж громко. Даже я всего лишь бедный боевой мастер Указов ранга Предводитель, а мой противник Властелин Указов? Слишком уж громкий титул вышел от смешения двух разных вещей, таланта и ранга.

Расплывчато ответил:

— Собираюсь проверить, так ли он хорош.

Невысокий согнулся, касаясь кулаком ладони:

— Моё почтение, старший.

А вот третий Кулак, не подозревая, что его мыслеречь для меня не тайна, сказал едва ли не противоположное своему товарищу:

— Какого гарха мы тут забыли? Валить нужно отсюда, это не нашего уровня противник.

— Глава Морт приказал, значит, мы выполним приказ и доведём старшего до места, а может быть, и дальше.

— Ты и сам сходишь с ума, брат, — буркнул третий Кулак, но замолчал.

Я же в это время изо всех сил расширял сферу восприятия Предводителя, бестелесно оказываясь сразу везде: заглядывая в окна домов, занырявая в узкие переулки, прислушиваясь к тому, что ощущал в самих домах. Я искал врага и не находил его.

Недоумённо протянул вслух:

— Он что, ушёл отсюда?

Впрочем, тут же укорил себя за глупость. Кто сказал, что он, вообще, будет ждать на одном месте? Илимия сказала же — квартал наполнен смертями, он кружит по улицам, убивая всех, кто заходит на улицы, которые он считает своими. Хорошо ещё, что убивает, а не заставляет встать на его сторону. С одной стороны, это выгодней по тратам сил, с другой —

даёт мне шанс. Зря он так, зря.

Велел бородатому:

— Веди вперёд. Осторожно. Ищем этого ублюдка.

Он кивнул и двинулся по улице, держась левой стороны. Третий Кулак не преминул прошипеть:

— Не только осторожно, но и будь готов рвать отсюда, едва амулеты нагреются.

— Хватит потеть от страха, мы не последние люди в Кулаках и наши амулеты тоже не худшие и куплены, между прочим, в три цены не на местном аукционе.

Тот как раз огибал очередного мертвеца и огрызнулся:

— А вот эта девка из Сестёр, наверное, вообще амулета от мастеров Указов не носила, да?

Я скосил взгляд. И впрямь женщина.

Бородач яростно прошипел:

— Заткнись, ради Неба, он нас слышит!

— Да пусть хоть обслушается, он нам никто.

— Заткнись!

Кулаки и впрямь замолчали.

У меня зачесалась бровь. Ну надо же. Целая толпа Властелинов так и не поняла, что я могу слышать все их тайные разговоры, а всего лишь рядовые Кулаки... Ещё раз оценил их Возвышение и поправился. А раскусили меня в этом умении пусть и не рядовые, но всего лишь Предводители. Смех, да и только. И что, убивать их?

Бородач покосился на меня и голосом предупредил:

— Старший, сейчас мы пересечём эти улицы напрямую, словно рассекая эту часть кварталов Ян на две части. Остановимся ближе к схватке Властелинов. Затем обогнём их немного и рассечём это место уже с противоположной стороны, нарезая уже на четыре части.

— Разумно, — признал я. — Веди.

Идти по этим пустым и безмолвным улицам было ещё то испытание. Для Кулаков. Каждое мгновение ожидать, что вот-вот из-за угла шагнёт Властелин, да уничтожит тебя одним только взглядом...

Но они шагали. Бородач молча, двое остальных то и дело шептали то ругательства, то проклятия.

Но и они не могли не отметить, что несколько раз нам попадались места схваток — не все умирали мгновенно и без боя. Кое-где дошло до полного разрушения окрестных домов, правда, результата это всё равно не меняло — они были мертвы, а Ян всё ещё жив.

Мне повезло, а Кулакам нет на исходе третьего прохода — мы шли по улице, нарезая квартал очередной раз, когда далеко впереди на перекрёстке мелькнули три фигуры. Мелькнули, остановились, повернулись в нашу сторону и неспешно двинулись нам навстречу.

Третий Кулак, не сдерживаясь, выругался вслух. Я и сам стиснул зубы. Это Ян, безо всякого сомнения. Это тот, кого я ищу, наверняка. Но с чего я решил, что он убивал всех? Вот — два охранника себе оставил. А может быть, они были с ним с самого начала, ведь каждого мастера Указов охраняют. Наверняка эти двое из Ян.

Бородач сообщил и без того очевидное:

— Старший, мы это, нашли их. Что дальше?

Я всё же сдался и потёр бровь. Я и в том, что справлюсь с одним Властелином, пусть и слабым, пусть и получившим Возвышение лишь благодаря алхимии, не был уверен, что справлюсь, а тут противников будет трое. Мне теперь хватит сил, чтобы пробиться к нему?

Покосился на Кулаков. Их трое, их больше. Но есть вопросы. Равно ли их Возвышение и Возвышение тех двоих? Сколько протянут их амулеты рядом с мастером Указов? Приказать им напасть, связать сражением охрану и дать мне время? Заставить? Под моим взглядом они побледнели, но остались на месте.

Заставить, конечно, не выход. Иначе, чем я буду отличаться от ублюдочного мастера Указов Ян? Кулаки, разумеется, не орденцы, но рядом со мной будут сами выбирать, жить им или умирать и я знаю, что они выберут.

Но должен, должен быть выход. Для начала стоит вспомнить, что это я боевой мастер Указов и могу создать огромный Указ, накрывающий всё вокруг, тот, что идёт к нам, может делать лишь один небольшой Указ, правда может их копировать.

Но против меня не особо помогают стены, это я выяснил ещё в Морозной Гряде, со мной важно лишь расстояние.

А вот обычному мастеру Указов стены должны мешать. Если он не будет видеть цель, то как наложит на него Указ?

Правда, сюда идёт не обычный мастер Указов, а мастер Указов в ранге Властелин. Если даже я, всего лишь Предводитель, способен отправить своё восприятие на соседнюю улицу, то кто мешает ему сделать то же самое и даже больше?

Но сумеет ли он отправить так свой Указ?

Одни вопросы, на которые я не знаю ответа. Просто потому, что я другой, не такой, как он.

Пытаясь выиграть время, коротко процедил сквозь зубы:

— Пятимся.

Подавая пример, первым сделал шаг спиной вперёд.

Хорошо, что мастер Указов Ян точно так же, словно простой идущий, перебирает ногами. Не рискует в одиночку летать, боится, наверное, что по нему тут же ударит Седой. Не думаю, что в одиночку он, далёкий от схваток, окажется способен пережить удар его ледяных мечей. Там один меч в два меня, может быть, размером.

Сделал ещё два шага, прежде чем до меня дошло.

Если мне не хватает сил справиться с врагом, то почему бы мне их просто не занять?

Быстро огляделся.

Нам ещё пятиться и пятиться и не похоже, что мастер Указов с охраной в будущем побегут за нами. Скорее, я поверю, что когда остальных Ян додавят в эту сторону, то он присоединится к ним. Или отступит ещё дальше. Где-то в той стороне, кстати, за его спиной, библиотека Ян и прочее.

Решившись, я торопливо зашептал, не собираясь проверять защиту своих мыслей, и тем более не собираясь проверять способности бородача в такой близости от врага:

— Продолжайте пятиться. Неторопливо и неспешно, как сейчас, не давая сократить расстояние, но не более. Я сейчас сделаю вид, что сбегая, а сам ударю их сзади, дайте мне время зайти им в спину. Если они ускорятся или свернут, ори мне мыслеречью во всю мочь, бородатый. Кивни, если понял.

Тот поджал губы и, не оборачиваясь, кивнул.

Я торопливо сделал несколько шагов спиной вперёд, отрываясь от троицы Кулаков, повертел головой, испуганно завизжал:

— Не пускайте их ко мне, не пускайте!

И рванул прочь, не жалея сил на Поступь. Промчавшись три первых перекрёстка, обернулся, рванул влево, на ходу пытаясь сообразить, всё ли в порядке в том, что успел заметить мельком.

Облегчённо выдохнул. Всё в порядке. Кулаки пятятся, прикрывая бегство трусливого «старшего», Ян всё так же далеко и не подумали рвануть вперёд, чтобы убить эту троицу.

Вложил в Рывок раз, другой, третий, торопясь сделать полукруг. Конечно, опасно полагаться лишь на догадки, но если бы тот мастер Указов мог «видеть» своим восприятием настолько далеко, то это не мы бы наткнулись на него, а он бы нашёл нас, зайдя сбоку. Прячется, я уверен. Сейчас я и так забрал с запасом. Забил в какую-то разрушенную лавку, торопливо натягивая на себя доспех, так выручивший меня в поместье Древних. В том, что я задумал, мне никакая защита не мешает.

Справившись, прыгнул на улицу, в воздухе посылая силу в кольцо, встал на появившийся меч старшего Тизиора и толкнул силу уже в него, поднимая себя над крышами зданий.

Замер там, крутнулся, разворачиваясь лицом к схватке Властелинов, которая за это время стала ближе, но должна была всё равно пройти стороной.

Поднялся ещё на пару шагов выше и всё равно ничего не произошло.

Эти дарсовы Ян, что, не собираются уничтожить зарвавшегося Предводителя из Кулаков?

Видимо, нет. А может, у них просто не оставалось на это сил, все уходило на то, чтобы защищаться от давивших на них врагов равного Возвышения. Ведь преимущество в числе сейчас на нашей стороне.

Ну нет, значит, нет. Значит, займу сил у своих союзников, а не у врагов.

Очень плохо, что не взял урок у Седого о защите своих мыслей и своей мыслеречи. Снова приходится надеяться, что то, что он сделал до этого, всё ещё действует, пусть я этого не ощущаю и не замечаю.

Осторожно, стараясь отмерить не очень много сил, толкнул мысль в сторону Илимии:

— Старшая.

Тишина.

Вложил чуть больше, а затем ещё и ещё, и наконец, получил ответ:

— Что?

— Вы меня видите, старшая?

— Разумеется!

— Старшая, ударьте по мне Сутью Стихии, чтобы опустить на землю. Да посильнее и не одна.

— Ты сошёл с ума? Мастер Указов Ян вот-вот сломает защиту твоего амулета и ты решил покончить с собой таким образом?

Я выругался про себя. Ну вот зачем она, вообще, упомянула о нём? Зачем задаёт столько вопросов? С каждым таким словом мой план становится всё ненадёжней и ненадёжней.

— Старшая, просто ударьте.

— П-ф-ф!

Буквально через вдох я увидел, как сразу от трёх Властелинов, включая Илимию ко мне рванули их Сути Стихии. Четыре птицы воздуха, два огненных змея и огромный серый червь.

С одной стороны, это было то, чего я просил. С другой стороны, я ведь только задумывался, сумею ли обогнать подобный удар, а проверять это в деле хотел бы с меньшим числом Сутей.

И всё равно ещё вдох просто глядел, как Сути Стихии стремительно приближаются, и ничего не делал, лишь пытался оценить их скорость.

Вроде терпимо, но тут нужно всё верно рассчитать и привести их на место так, чтобы они буквально дышали в затылок.

Пора.

Три вдоха я скользил над крышами, набирая скорость и позволяя Сутям Стихии сократить расстояние. Только потом нырнул вниз, уходя на улицу и скрываясь от чужих взглядов за их стенами.

Не нужно было даже оборачиваться, хватало восприятия, чтобы знать — они нырнули следом за мной и стали ещё ближе, заняли собой всю ширину улицы, птицы, мчась крыло к крылу, касались их кончиками стен и заставляли остающиеся позади дома вспухать брызгами стёкол и осколками камня.

Когда-то, полгода назад, в другом Поясе, в день, когда я только встал на летающий меч, я не мог сбежать от Сути Стихии. Но тогда мне мешал лететь мастер Массивов. Сейчас мне никто не мешает, а страх лишь подгоняет вливать в летающий меч столько сил и стихии, что он, кажется, разогрелся подо мной. Возможно, кстати, что сейчас я вливаю и не только их, но и дарсову эссенцию, которую всё никак не могу отыскать в себе.

На мгновение меня захватила мысль дотянуть нить силы из сгустка силы Виостия. Но только на миг.

Я, конечно, безголовый искатель, но не до такой степени, чтобы заниматься подобными изысканиями в такой ситуации. Самого безумия и ненадёжности плана хватает, чтобы всё рухнуло в любой момент, не стоит добавлять в него ещё одно слабое место.

Влево.

Я сумел вписаться в поворот, едва не зачерпнув из фонтана, что стоял на этом перекрёстке.

Сути Стихии срезали напрямую, сквозь дом, за один вдох став ближе.

Это я пропустил мимо внимания, а вот то, что в разлетевшемся обломками доме точно были люди, резануло. Об этом я не подумал, когда придумывал план. И ведь это лишь первый из трёх поворотов. Дарсов мастер Указов, зачем ты взял с собой охрану?

Я хотел добраться до тебя, убить тебя за то, что ты создал из людей марионеток, выполняющих твою волю, готов рискнуть ради этого своей жизнью и жизнью подчинённых мне Кулаков, но убивать ради этого случайно попавших под руку людей?

Спину обожгло не то что горячим ветром — раскалённым, заставляющим шкуру идти волдырями.

За те краткие мгновения, что я погрузился в мысли, я, похоже, ослабил поток, вливаемый в меч. Ничем другим то, что Сути Стихии стали ближе, я объяснить не могу.

Я напрягся, увеличивая поток силы, а затем растянул губы в улыбке, которую можно было бы назвать безумной.

Зачем торопиться? Это ведь выход. Тот самый выход, который мне так нужен.

До нового поворота ещё три вдоха.

И все эти три вдоха я летел, безумно ухмыляясь, не пытаюсь разогнать летающий меч и ощущая, как всё жарче и жарче палит мне спину ветер приближающейся смерти.

ПОВОРОТ!

Я скользнул в него, вывернул голову, успев своими глазами, а не через восприятие Предводителя, глянуть на Сути Стихии.

Они были рядом, за спиной — на расстоянии вытянутого на руке Пронзателя.

Но главное, главное они даже не пытались срезать путь, догоняя меня. К чему им это? Я вот он, вытяни шею, да ударь клювом.

Мгновение, и я отвернулся. Мгновение, и я начал вливать в меч столько силы и стихии, сколько только мог. И этого всего хватило лишь на то, чтобы между мной и Сутями Стихии Властелинов оставался тот самый последний шаг. Они почти дотянулись до меня, почти догнали. Но это почти надёжно отделяло меня от смерти. Пока отделяло.

Дома стремительно проносились мимо, летающий меч неумолимо приближал меня к последнему повороту.

Сейчас всё решится. Сейчас станет ясно, верно ли я оценил скорость шага мастера Указов, выполнили ли мой наказ Кулаки, правильно ли я проложил путь и успею ли я завершить за эти вдохи остальное?

Безумная улыбка, казалось, застыла у меня на губах. Так я, кажется, никогда в своей жизни ещё не рисковал. Ни когда выдавал себя за сектанта перед гением секты Тигров Райгваром, ни когда шагал в ловушку-наказание для Гилая в городе Тысячи Этажей, ни когда спрыгнул со стены Приюта, намереваясь пробиться к Вайсту, старейшине секты Тысячеглазых, ни когда вляпался в гости к Ядожорке и Золотым Шершням возле Фонтана в лесах Морозной Гряды, ни когда обвинял безумного духа города Тысячи Этажей.

Я понимал — то, что со мной происходит — ненормально, но дарс меня побери, мне нравилось то, что со мной сейчас происходило, мне нравилось то, что я сейчас творил, кровь в жилах кипела от одной мысли о том, что я вот-вот нанесу свой удар и либо выиграю, либо проиграю.

Если бы я мог, я бы хохотал, но мир вокруг словно застыл, стал медленным, даже дома уже не проносились мимо, сливаясь в безликую череду разноцветных бликов, а медленно тянулись, удаляясь за спину и вспухая там фонтанами лопнувших стекол.

Хохот... Пожалуй, хохот сейчас был бы таким же — медленным, больше похожим на хрип.

Что бы со мной ни происходило, какое бы безумие ни клокотало в груди и мыслях, это не мешало мне делать то, что должно — наполнять меридианы силой. Один за другим, одно созвездие за другим, торопясь завершить то, что должно меня спасти.

Поворот.

Я мчался так быстро, что едва вписался в него, выворачивая летающий меч. Рукоять даже скрежетнула по стене дома, оставляя позади меня шрам на кладке, но я сделал это.

Сути Стихии тоже повернули и лучше меня, даже не задев стену.

В груди жарко полыхнули ярость и удовольствие.

ДА. ДА!

В полусотне шагов впереди мастер Указов Ян и двойка его телохранителей.

В моём теле мерцали десять пересекающихся потоков силы и стихии, стоило мне встретиться взглядом с мастером Указов, как я завершил последний, одиннадцатый поток.

Двадцать шагов.

Вокруг меня вспух Барьер Прибоя.

Десять.

Собираетесь бежать? Ни за что.

Я толкнул в сторону врагов всю ненависть и ярость, которые кипели во мне, всё то, что,

вроде как, притушил Седой своими словами.

Выплеснул давление силы, вложив и то, чему научился в мире огня кристалла Повелителя Стихии — духовный удар.

Я задержал, ошеломил, сбил врагов всего на миг, но мне большего и не было нужно. Этого мига им и не хватило, чтобы обратиться с моего пути.

Мой летающий меч стремительно клюнул к мостовой, чуть повернул, а затем его огромное лезвие вонзилось точно в живот левого телохранителя.

Его пробило насквозь, снесло с ног, оторвало от брусчатки, нанизало до самого Барьера Прибоя, который окутывал меня, я ещё успел увидеть его глаза, а затем меня догнали Сути Стихии.

Глава 8

В себя я пришёл от боли. Болело всё, но сильнее всего лицо, руки и задница.

Мгновение я пытался сообразить, что со мной и как так вышло, а затем вдруг вспышкой пришли воспоминания и осознание того, что сейчас совсем не время разлёживаться.

Я раскрыл глаза, рывком сел, тут же охнув от новой боли — едва раскрытые глаза обожгло, словно мне в них брызнуло ядом какого-нибудь не самого слабого Зверя.

Судорожно втянул в себя воздух, делая первый вдох и тут же закашлялся от новой порции боли, с трудом пропихивая воздух сквозь саднящее горло.

Тело и разум действовали сами, толкнув из средоточий духовную силу и стихию в Духовную Защиту. Сразу же боль в груди, глазах и горле стала меньше, а я хоть начал дышать и хоть что-то начал видеть.

Пока, правда, лишь пыль и какую-то муть.

Через вдох, насладившись пусть и пыльным, но всё же воздухом, несколько раз моргнув, я сообразил — это не муть, а мельтешение, подобное тому, что я вижу каждый раз, используя Круговорот. Вокруг меня всё до предела наполнено силой и стихией.

Неудивительно, учитывая, что именно меня догнало. Несколько техник Сути Стихии от Властелинов Духа. Хорошо, Седой не ударил. Боюсь, его ледяной птицы или что бы он там ко мне ни отправил, я бы точно не пережил.

Барьера Прибоя, сильнейшей моей защитной техники, которую, вообще-то, должно удерживать одиннадцать человек, как не бывало. Но я жив, а значит, главное он выполнил — спас меня.

Меча не видно и его очень жаль, но убрать его в кольцо я просто не успевал, уж слишком

быстро летел, да и слишком много взвалил на себя в конце, осилить ещё и это я бы не сумел всё равно.

Но всё это мелочи, всё это неважно.

Важно сейчас совсем другое.

Враги. Где они?

Того, кого я нанизал на летающий меч, можно забыть. Даже Предводители Воинов не выживают, когда их разрубает надвое.

Где остальные двое?

Я моргнул, обращаясь к своему таланту Указов и первое, что увидел — это летящую ко мне жирную, горящую злым алым печать.

Успел толкнуть навстречу ей свою в последний момент, остановив буквально в шаге от себя. Если прошлый раз, оглядываясь на смертельную опасность, между мной и Сутями Стихий было расстояние Пронзателя, вытянутого в руке, то здесь я почти мог дотянуться голой рукой до чужого Указа. Ещё немного и я правда смогу его коснуться пальцами, если, конечно, поддамся такому глупому желанию умереть.

Я потрянул головой, словно пытаюсь вытрясти из этой гудящей и пустой тыквы те глупости, что она сама считала за мысли.

Прийти в себя мне помогла и злая, свистящая мыслеречь, ворвавшаяся в мою голову:

— Кто ты такой? Откуда ты, сектантский выкормыщ, выполз?

Сердце пропустило удар, прежде чем до меня дошло, что это не более чем оскорбление. Никто и тем более не этот мерзавец из Ян не знает о моём прошлом в секте старшего Тизиора и моём с ним сотрудничестве.

— Сдохни! Сдохни! Чем тебя опоили эти суки Сёстры, что ты никак не сдохнешь!

Чужая печать стала ярче и приблизилась на пару пальцев, заставляя меня шевелиться.

Как бы Седой ни нахваливал меня, рассказывая о важности таланта, в одном он точно прав — сила есть сила, Возвышение есть Возвышение, в этом мне с этим мерзавцем не тягаться.

Я до сих пор не вижу его сквозь эту пыль стихий и муть духовной силы, значит, над ним нет печатей. Ну да я и не рассчитывал на такое глупое везение.

Стиснув зубы, взгромоздился на ноги, преодолевая тяжесть на плечах и боль. Это лишь кажется, что хребет трещит, это не настоящая тяжесть, это лишь давление чужого Указа. Вот боль это уже хуже.

Встать удалось, значит, не так уж я и ранен, а кости целы. Времени осматривать себя, лечить и прочее не было. Крови под ногами не по щиколотку? Значит, раны не смертельны, время ещё есть.

Боль? Что такое боль для того, кто тренировался у Столба Боли и раз за разом нарушал свои собственные Указы?

Рука коснулась пояса привычным жестом. Пусто, пусто, пусто, осколки стекла, снова осколки.

Я вспомнил о восприятии Предводителя одновременно с тем, как нащупал целый фиал. То, что нужно. Опрокинул в себя лечебное зелье. Хорошее, из запасов погибшего Браута. Оно потекло в желудок огненной, но приятной волной, сразу проясняя зрение, пусть и добавляя немного боли.

— Тебе мало? Ты решил сдохнуть от алхимии? Так, может, ещё и жизнь свою сожжёшь? Давай, сдохни, мне на радость, подстилка Сестёр.

Давно меня так не полоскали, только мне на эти оскорбления плевать. Считает, что я мастер Указов из союза Трёх Сестёр, пусть и дальше считает.

Отрешённо заметил, как плавающие вокруг меня нити моей стихии в Духовной защите за это время стали чуть толще. Но первым делом наполнил стихией Форму Единения. На всю мощь, заставляя синие узоры гореть не только под разорванной одеждой и бронёй, но и на ладонях, шее и лице.

Через миг разочарованно скривился.

Не особо помогла дополнительная сила против давящей на плечи плиты Указа Властелина.

Это другое. Здесь не справиться Единением.

Ладно.

Следующим делом вывесил перед собой набор обращений. Пусть я со Школы Ордена Морозной Гряды умею поддерживать их во сне, но когда я потерял сознание, пусть и на миг, они все исчезли.

Третьим делом я поднял руку, замер на миг, впервые обратив внимание на изорванную ладонь и свисающие с пальцев кровавые лохмотья кожи. Стиснул зубы и всё равно достал из кольца копьё.

— Сдо-хни!

Четвёртым, я выпустил из тела не пустые нити своей стихии, а змеев воды.

Страх от того, что печать чужого Указа за это время стала ещё ближе ко мне — не было. Да,

смерть близка. Да, сила врага давит на плечи так, словно это я пытаюсь совершить невозможное — наложить Указ на Властелина.

Даже не собирался. Мой план заключался в другом.

— Умри!

Наверное, чем-то подобным меня приложило полгода назад в Павильоне Пяти Удовольствий. Вот только я уже не тот слабый, едва начавший осваивать свои силы Предводитель Воинов. После тренировок в мире огня ранить меня подобным ударом?

Смешно.

Меня лишь качнуло от прилетевшего с воплем удара духа, заставило скривить в злой усмешке остатки губ, да чуть продавило мою сферу восприятия Предводителя.

Смешно.

Этот глупец сам указал мне направление своей печатью.

Развернуться лицом к нему, чуть пригнуться, напрягая ноги и разворачивая копьё в нужную позицию.

Леград, запомни, тяжесть на плечах — это то, что важно для мастеров Указов, оно не может помешать двигаться и сражаться обычному идущему, предпочитающему сталь. Она не может сделать тебя слабей или замедлить. Действуй.

Рывок.

Выпад копья приходится в пустоту, но лишь потому, что будущий мертвец успел отпрянуть.

Его печать следует за мной будто пришитая, да и может ли быть иначе? Если бы от Указов можно было так просто сбежать, имело ли это, вообще, смысл?

Вперёд рвутся змеи стихии и Звёздный Клинок.

Первые обволакивают фигуру будущего мертвеца, помогая мне там, где в тумане духовной силы и стихий вновь подводит зрение, второй же не дотягивается до его горла.

Глядя, как мастер Указов Ян голой рукой остановил мою технику, я не удивляюсь и не охаю. Властелин Духа есть Властелин Духа, как бы слаб он ни был, как бы ни был далёк от сражений. Разницу в этап куда не деть и, тем более не преодолеть её одним ударом техники, которую я получил ещё в Первом поясе.

Но это ничего не меняет. Передо мной как стоял будущий мертвец, так и стоит, пытаюсь продавить свой Указ.

Мне просто понадобится не один, а много ударов.

Копьё исчезает, убранное в кольцо, перед правой рукой загорается двухцветное обращение, заставляя вырасти из кулака горящий синим Коготь Роака.

Через миг я уже кружусь в Поступи Роака вокруг ещё стоящего на ногах мертвеца, осыпая его ударами.

Я хочу увидеть, сколько ударов выдержит твой Покров, дутый Властелин.

Мои змеи, уже успевшие подрасти на наполняющей воздух взвеси стихий, тоже наваливаются на будущего мертвеца, спеша урвать себе кусок. Им на это не нужно даже приказа, хватает лишь моего желания убить его.

Раз, два...

Он пытается сопротивляться, даже достаёт какой-то меч, которым всё равно не умеет пользоваться. Я вижу его движения словно раскрытую книгу, он не только не может задеть меня, но не может даже отогнать от себя, лишь бессильно рассекая воздух там, где меня уже нет.

Пять, шесть, семь, восемь...

Миг невероятной лёгкости, облегчения, радости свободного движения, но вместо очередного удара я прыгаю в сторону, спасаясь от смерти.

Это было... Это было близко.

Мгновение я гляжу на зависший буквально в ладони от лица чужой Указ. Дарсов ублюдок не желает умирать, ищет лазейки, пытается сопротивляться, пытается наложить новые Указы, когда я оказываюсь вплотную.

В ответ я вывешиваю над собой печать в полшага шириной, вливаю в него весь запас духа, который только оставался, создавая себе защиту и снова шагаю вперёд.

Моих змеев, раскрывших пасть на кусок, который им не по зубам, корёжит и рвёт выплеснутая всё никак не желающим умирать мертвецом духовная защита, но они с каждым разом пробиваются всё глубже, но я уже рядом, я уже вплотную к нему, я вновь начинаю отсчёт числа ударов, которые отсчитывают время его смерти.

Раз, два...

Обращение слева? Ты пытаешься создать технику?

Давай, удиви меня. Я ощущаю лишь жар, но жар вполне терпимый.

Панцирь Роака на левую руку.

Четыре, пять...

Обращение вспыхивает и гаснет, а я остаюсь жив, хоть и получаю ещё пару ран. Это не то, что может остановить меня.

Семь, восемь...

Миг невероятной лёгкости.

Будущий мертвец снова развеивает печать и создаёт новую, пытаясь навесить на меня Указ с той стороны, где я его не вижу.

Бесполезно. В этот раз она пробилась ещё ближе, но пока ещё бесполезно. Ты думаешь, что будущий мертвец — это я?

Девять, десять...

Коготь пробивает только что казавшуюся несокрушимой кожу почти мертвеца, проваливается внутрь, но я поспешно рву его обратно — неудачное место, убить ударом в плечо невозможно — изгибаюсь, вбиваю Коготь в средоточие, рву его вверх, к сердцу. В рану ныряет один, второй, третий змей воды, и на меня вдруг снова накатывает лёгкость, которая в этот раз не спешит исчезать.

Чужой печати Указа больше нет и больше не появится — будущий мертвец стал, наконец, просто мертвецом.

Я делаю шаг назад, выдёргивая Коготь и позволяя телу упасть.

Гаснет Коготь, гаснет узор на коже, из тела мертвеца выползает первый мой змей, мгновение смотрит на меня чёрными горошинами глаз, затем неспешно плывёт ко мне по воздуху, ныряет в моё тело, принося с собой волну прохлады и моей стихии, за ним следует второй и третий.

Спешу заглянуть в себя. Таких жирных, раскормленных змеев ко мне ещё не возвращалось, тело забито стихией под завязку, змеи рассыпались нитями и пылью, наполнив меня ими. Всё это медленно струится вверх, ко второму, стихийному средоточию, неспешно его наполняя.

Тут и там в голубом сиянии тела зияют тёмные туманные области. Раны.

Я, наконец, получил время хотя бы оценить их.

Оцениваю и невольно поджимаю губы. Какие знакомые следы. Плевать на дыры в ногах и рёбра, что с лицом?

Я вынырываю из глубин тела, недовольно поджимаю губы и в настоящем мире. Восприятие позволяет мне увидеть себя со стороны и хорошего в том, что я вижу мало. Отправляю

духовное зрение в кольцо. Где оно? Недавно же, буквально сегодня пользовался.

Через вдох гляжу на своё отражение безо всякого Восприятия.

Первое — маске конец.

Она не перенесла моего плана. Она больше не меняет моё лицо, лишь прикрывает его собой, показывая любому желающему сталь, дерево, камни и дыры своей поверхности.

Я осторожно, кривя губы от боли, отнял маску от лица.

Второе — маска мне и не требуется.

То, что я видел на ладонях и пальцах — слезающая лохмотьями кожа — творится и здесь.

Теперь у меня есть время понять, что произошло и муть вокруг, муть силы и стихии, которую с таким удовольствием поглощали мои змеи, лучшая подсказка.

Пока я был оглушён, то не удерживал ни Духовной Защиты, ни Покрова. Сам же продолжал оставаться в центре удара Сути Стихий Властелинов.

Их стихии пытались меня сожрать. Не вышло, но понадкусывали меня знатно. Что-то иссекло, словно сотнями крошечных лезвий, что-то словно содрало шершавым камнем, что-то вздулось волдырями. Огонь? Разве среди ударов Властелинов был огонь?

Повезло, что всё, что пыталось проникнуть вглубь меня, встретилось с моей стихией и лишь накормило её собой.

Как бы то ни было, снаружи, вне пределов защиты змеев, всё по-другому и в этом безволосом, почти безносом месиве никто не узнает ни Леграда, ни Орзуфа, ни кого-бы то ни было другого.

Ясно теперь, почему я так плохо вижу и стоит поблагодарить Небо, что я вижу хоть что-то.

Пока я размышлял, рассматривал себя снаружи и изнутри, стихии, почищенные вокруг меня змеями, вновь сгустились, заполняя пространство и заново потянули ко мне свой туман.

Ну уж нет.

Я слепил из нитей десятков змеев и вытолкнул их наружу, коротко и зло приказал:

Жрите!

Сам же занялся собой. Самонадеянно рассчитывать, что я исправлю всё разом, за пару техник. Глупо надеяться, что я это сумею, да и без маски-то, к чему, вообще, это исправлять?

Тем не менее, силы и стихии я в себя влил щедро, раз за разом используя на себе не то чтобы

лучшую из своих лечебных техник, скорее, самую привычную и ту, которая могла дать лучший результат за самое короткое время.

В конце концов, недоВластелин я или нет?

Воды Итреи омывали моё тело потоками сияния. Удобно, когда ты можешь использовать технику без обращений, одним мысленным усилием наполняя созвездие от начала и до конца, не заботясь о завихрениях силы и прохождении её через узлы и пересечения меридианов.

Концентрация, внимание и сила со стихией уходят в технику, словно в измученную засухой землю.

Не открывая глаз, я потянул к себе одного, затем другого змея, заставляя их вернуться в тело, и рассыпаться, разлиться во мне, восполняя запас стихии.

С духовной силой было хуже. Её змеи не приносили в своих телах, а потратился я сегодня изрядно. Один Покров, который принял на себя удар Сутей Стихий Властелинов, после того как разрушился купол Прибоя, сколько потребовал этой силы перед тем, как откатился в средоточие?

Но... Раз я сегодня уже нарушил одно из правил города и взлетел на мече, то, что мне мешает нарушить ещё одно?

И всё же, сначала я подготовился к тому, что может последовать.

Открыл глаза, ещё раз огляделся.

Скривил губы в презрительной усмешке.

Спасатель, защитник, борец за справедливость, уничтожитель мастеров Указов...

Где те весы, на которых взвесить число спасённых и уничтоженных жизней?

Удар, который я навёл на Властелина, добавил этому городу ещё одну площадь, почти круглую.

Окрестные дома исчезли, сложились, разлетелись в стороны, нагромоздив круговой завал. Сколько жителей пряталось в них, переживая безумие сильнейших идущих города?

Сколько я спас, не позволив Сутям Стихии срезать повороты?

Сколько убил, напав на Властелина?

Что там говорил Седой? Правда мира сожжёт тебя дотла?

Ну уж нет, этого не случится. Сколько бы десятков людей ни погибло, спас я гораздо больше.

Больше мастер Указов Ян не навяжет никому свою волю, не отправит на смерть. Остальное здесь и сейчас неважно.

Очень хотелось потереть бровь, но... Не с таким лицом. Как бы у меня после сегодняшнего не появилась привычка тереть всё лицо.

Шагнул к мертвецу, впервые взглядевшись в черты искажённого смертью лица. Обычный мужчина средних лет. Стянул с него необычное, притягивающее взгляд тёмное, матовое кольцо с сине-фиолетовой полосой посередине. Отметил, что не сектант, опасаться ловушки не стоит. Амулета... Амулета защиты не нашлось. Зря он им пренебрёг, глядишь, прожил бы дольше. На пять, может быть, шесть ударов.

Следом принялся озираться, пытаюсь отыскать в этой оседающей пыли и обломках свой летающий меч.

Только когда добавил к глазам восприятие Предводителя, вышло это сделать.

Меч нашёлся в сорока шагах от меня, почти полностью засыпанный битым кирпичом, извёсткой и щепками, но хотя выглядел он лучше маски, я не был уверен, что он не нуждается в починке и сумеет взлететь.

Как по мне, из всех артефактов, что были на мне, он...

Вспомнив о ещё одном артефакте, залез за ворот, но вместо артефакта защиты Фимрама, который честно служил мне в трёх Поясах, нашёл лишь ожог на груди и пыль.

Значит, и верно, из всех артефактов, что были на мне, меч перенёс удар стихий Властелинов лучше всего. Возможно, из-за своего качества и рук, которые его создали.

Меч и трофеи скрылись в кольце...

Снова запнувшись и снова не добравшись до Круговорота, я оглядел кольцо. На изорванной плоти пальца оно, пусть и окровавленное, выглядело совершенно целым. А вот кисета на поясе не обнаружилось. Впрочем, в нём не было ничего, о потере чего я бы жалел. Даже если он не выдержал и взорвался, то убить меня не сумел, как и проломить броню. Попробовать отыскать его в этих завалах?

Слева донёсся гулкий хлопок, качнувший всё ещё висящую пыль. Властелины всё ещё сражаются, а я всё никак не могу сдвинуться с места.

Отбросив пустые размышления и мелочи прочь, я раскинул руки и осторожно дал первый толчок Круговороту.

Мои змеи, всё ещё сновавшие вокруг меня, оживились, метнулись навстречу потянувшимся ко мне сверкающим пылинкам других стихий.

Я вращал Круговорот всё быстрее и быстрее, торопливо наполняя средоточие и внимательно

прислушиваясь к Прозрению.

У меня было несколько догадок. Одна из них была о Предводителях, которых Властелины били Сутью Стихии только когда они поднимались над домами на мечях. Другая была о мастере Указов, которого я только что прикончил. Уж ударить по такой цели, уничтожая подобного врага, в одиночку бродящего по улицам, разве это не то, что напрашивается? Что мешало сделать подобное тому же Седому?

Только то, что ни один из Властелинов не мог его увидеть. Поэтому Илимия и направила меня куда-то в ту сторону, а не указала точное место. Потому-то третья Сестра, Плавит, ощущала тут чьи-то смерти и колебания силы, а никак не бродящего по улицам Властелина.

Властелины могут скрывать свою силу, становясь для остальных идущих неотличимыми от Закалок. Именно поэтому мастер Указов был невидим для Властелинов тройственного союза, именно поэтому он прозевал то, что я подлетел к нему со спины, и моя скорость здесь лишь половина успеха. Но я ведь и сам рассчитывал на это, когда понял, что это мы отыскивали их, а не они нас.

Я и сам своего рода Властелин, со своими оплётками меридианов множество раз обманывал других людей насчёт своей силы.

Но что будет, если в пределах досягаемости Властелинов кто-то использует во время сражения Круговорот?

Спину ужалило холодной, но незримой сталью.

Вот и ответ.

Я ухмыльнулся, крутнулся на месте, разворачиваясь в сторону схватки Властелинов, отсчитал до пяти и даже сквозь пыль заметил в той стороне Суть Стихии. Огненную змею, скользившую в небе над крышами в мою сторону и с каждым вдохом опускавшуюся всё ниже и ниже.

Рано, рано, всё равно рано, а вот теперь пора! Я оборвал Круговорот и тут же влил силу в Рывок, буквально проталкивая себя через ставший тугим воздух и унося ноги.

Спустя вдох за спиной жажнуло, сдувая, наконец, всю каменную пыль и обдавая меня жаром.

Мимо, Ян, мимо. Но спасибо за ответы на все мои вопросы. Забавно работает ваше восприятие.

— С-старший? Старший, гость, эт-то вы?

Моё восприятие, впрочем, работает не менее забавно. Почему этот испуганный и чуть заикающийся голос стал для меня неожиданностью? Разве не должен был я ощутить этих троих ещё даже до того, как использовал Круговорот? Или же, сквозь безумие выплеснутой силы и стихии не должен был?

Разлепил губы, впервые пробуя произнести что-то вслух:

— Я.

Даже не больно. Это я о горле. С губами, щеками и, вообще, движением мышц лица другое дело.

— Вы... — запнулся невысокий Кулак. — Вы выжили?

— Ты часто видел мёртвых, которые могут ходить и разговаривать?

— Н-нет, но слышал...

Говорливого ткнул под рёбра их бородач, который был за старшего, добавил ещё и мыслеречью пару тёплых и ласковых слов. Вслух же уважительно обратился ко мне:

— Старший, простите, мы просто поражены тем, что вы провернули и поражены тем, что вы сумели выжить в центре удара стольких Властелинов. Да и раны ваши, — спохватившись, бородач спросил. — Старший, вы уже приняли зелье?

Я кивнул, прислушался к себе. Тёплая и приятная волна давно исчезла без следа, но боль всё ещё была терпимой, даже не просто терпимой, а такой, словно её и не усилило никакое зелье.

Странно, конечно. Впрочем, я использовал зелье этапа Властелина. Я, разумеется, работал в алхимической лавке Пиатрия, но лишь на самой убогой должности, пусть и получая за свой труд очень немалые деньги, знаний об алхимии, тем более дорогой и редкой алхимии это мне не добавило. Во всяком случае, в книгах города Ян я не встречал намёков на то, что лечебная алхимия этапа Властелина избавляется от одного из основополагающих эффектов усиления боли ран при их лечении, но мало ли чего я не встречал в книгах?

— Старший?

Я снова кивнул, давая понять, что слышу и махнул рукой:

— Предлагаю вновь вернуться к нашим основным силам и доложить Морту и Илимии...

— Старшему Морту, — поправил меня невысокий.

Бородатый дотянуться до него локтем в этот раз не мог, но мыслеречью гаркнул так, что даже я едва не вздрогнул:

— Рот закрой!

Ему угрюмо заметил третий:

— Толку-то?

Я сделал вид, что ничего не слышал, ни вслух, ни мыслеречью, повёл рукой:

— Не ощущаю в себе сил сражаться сейчас и полагаюсь на вашу защиту.

Бородатый поспешно кивнул:

— Разумеется, старший. Думаю, в вашем состоянии лучше двигаться без техник ускорения, — он ещё раз глянул на меня и буркнул себе под нос, уже отвернувшись. — Да и, вообще, не спешить.

Как бы ни забавляло меня происходящее, как бы ни болело тело, но уже буквально через пару улиц я отметил — двигаемся мы верно, к сражающимся в воздухе Властелинам, но, похоже, пока я сам сражался, лечился и восстанавливал силы, вызывая на себя удар, многое изменилось — Ян отступали теперь в другом направлении.

Если раньше они двигались в сторону главных зданий, где было хранилище техник и где я однажды побывал, то теперь это всё оставалось по левую руку. Я бы сказал, что они решили сбежать порталом, но, похоже, это мнение тоже было неверным.

Впрочем, пусть над этим думают другие. Седой, Илимия и прочие. Я, вроде как, свою часть помощи против Ян выполнил и, может быть, даже с запасом.

Не самым умным способом, кстати, но все мы сильны задним умом. С моими Указами я мог бы выдать себя за никчёмного Закалку, устроить засаду в одном из домов, попробовать разделить мастера Указов и телохранителей, попытаться украсть их Указы, но...

Это всё пустое.

Поморщившись, я положил руку на живот, чуть ниже первого средоточия. Бесследно было исчезнувшее лечебное зелье вдруг напомнило о себе резью. Это ещё что за новость?

Однако некоторые выводы из своих ошибок и своей горячности я всё же сделал, поэтому старался не забывать про восприятие, и ткнул пальцем в нужную сторону:

— Оттуда приближается не меньше десятка идущих. Мастера, — едва на губах невысокого появилась презрительная ухмылка, я тут же стёр её, добавив, — и Предводители.

— Спасибо, старший, — поблагодарил бородатый и негромко спросил у товарищей. — Может, наши раненые отступают в спокойное место?

— Мастера? — усомнился третий из Кулаков, но больше ничего себе не позволил.

Хотя я был с ним согласен. Не припомню Мастеров среди тех, кто пришёл с нами штурмовать кварталы Ян.

На миг мне показалось, что сейчас бородатый прикажет вломиться в дом и спрятаться там, но нет, жестом он остановил нас прямо посреди улицы, немного не доходя до перекрёстка,

так как и шли — я за их спинами, они треугольником впереди. Бородач задрал подбородок, чуть шевельнул опущенным вдоль бедра мечом.

Я даже восхитился его наглостью и спокойствием. Неудивительно, что я и Кулаки не поладили с первого дня.

Через миг, судя по тому, как застыли вдруг Кулаки, они тоже дотянулись восприятием до наших гостей. Вопрос, обнаружили ли нас эти самые гости?

Они выскочили на перекрёсток и застыли, без слов дав мне ответ на этот вопрос. Нет, мы стали для них сюрпризом, и они явно были из Ян — троих сразу выдали одеяния стражи Ян.

Но и заговорили они первые. Один из Ян затараторил:

— Стойте, стойте, стойте!

— Для чего? — сквозь зубы осведомился бородач.

— Мы уходим, это больше не наша схватка. Если вы не знали, то ваши главы убили мастера Указов семьи Ян и мы теперь вольны выбирать, что делать. Мы выбираем — уйти прочь.

— Странный выбор. Если победят ваши бывшие хозяева, то за бегство вас...

Говоривший за всех беглецов идущий шагнул вперёд, хмыкнул:

— Если. А если нет? Они отлично ударили вам в спину, а вот в драке лоб в лоб оказались жидкими на расправу. Защитная формация потеряна, мастер Указов потерян, Павильоны и вовсе бросили, не веря, что истинно верных слуг отыщется хоть горсть. Сейчас, конечно, они засядут в доме основателя, запрутся там под очередной формацией, но на сколько им хватит духовных камней?

— Ты же служил им, ты и подскажи насколько.

— Вряд ли дольше, чем на неделю, да и то, если ваши главы будут давить не в полную силу. Зря они оскорбили Золиса, отказав ему в родстве.

Бородатый хмыкнул:

— Спасибо за подсказку.

— Не надо мне спасибо, давай просто разойдёмся, — снова предложил бывший слуга Ян. — Вы ведёте своего раненого дальше, мы дальше сбегает.

— Откуда мне знать, что вы не ударите нам в спину?

— Ниоткуда, но и сражаться с нами не лучший выбор. Разойтись — лучшее решение. Если мы уйдём, то ослабим Ян, а если вы нападёте на нас, то мы будем защищаться и о каком

ослаблении может идти речь?

— Как ты гладко льёшь слово к слову. Кем ты был у Ян? Что-то я не помню твоего лица.

— Я служил во внутренних покоях и улицы не патрулировал, если ты намекаешь на них.

Бородач, не оборачиваясь толкнул ко мне мысль:

— Старший?

Я поднял брови, тут же застыл, кляня себя за эту глупость. Нет бровей, осталась одна сплошная рана.

Спросил в ответ:

— Чего ты хочешь от меня? Решения?

— Так или иначе, вы старший и вас отметили и Илимия и наш глава.

В придачу к этому он верно надеется, что я даже раненный, помогу в схватке. Но я лишь скользнул по замершей напротив нас небольшой толпе. Куча старых печатей, немного свежих, но ничего достойного того, чтобы красть это и раскрывать условия я не вижу. Обычные контракты, как мне кажется. Не вижу я среди них и никого, кто ходил бы без печатей вообще, а значит, вряд ли перед нами пытающийся бежать настоящий Ян.

И вообще, раньше, когда мы столкнулись с теневиками, он и решал сам, и не так стремился к драке. Переживает, что не особо много заслуг у него выходит? Снова резанула боль в животе.

Раздражённый, толкнул к нему мысль:

— Расходимся.

Бородач кивнул и повторил мои слова уже вслух:

— Расходимся.

Тот, смелый из беглецов неглубоко склонился в приветствии:

— Благодарю, собрат.

Пока остальные проскальзывали мимо нас, косясь и оборачиваясь, он так и стоял на месте, не спуская глаз с бородача. И лишь оставшись последним, развернулся и не оборачиваясь, ушёл с перекрёстка.

— Фух!

Кажется, это был мысленный выдох левого, невысокого.

Бородач изумился:

— Что фух? Я думал, ты расстроишься, что не смахнёмся.

— Не смешно. Этот говорливый был прям очень силён. И чего ты в них вцепился?

— Чего?

— Того. Не хочу нарваться, когда уже вроде в нашу пользу сложилось, ясно?

Я несколько раз медленно моргнул. Надо же, печати поглядел, а глубину и прозрачность силы оценить забыл. Но резь, сначала в животе, а затем и в сердце напомнила мне, что есть проблема и посильней.

Шагнув следом за Кулаками, я скользнул частью сознания в себя, собираясь разобраться с этой болью. Но не сумел. Раны как таковой там не было, вернее, раны там вообще не было. Зато нашёлся растекающийся из желудка по телу этакий туман, который, видимо, и вызывал болезненные ощущения. Только почему теперь в сердце?

Лечебные техники, ни одна, не помогали. Дошло до того, что я просто вернулся в обычный мир полностью, остановился и приложил руку к груди, словно пытаюсь прижать сердце сквозь пластину брони, и согнулся, часто дыша и пережидая приступ боли.

— Старший? Вам бы к лекарю. Давайте мы подхватим вас на руки?

Предложение звучало интересно, но...

Я выпрямился и сухо буркнул:

— Двигаемся.

— Старший. Эй, старший. Давайте мы всё же вас остороженько подхватим. Кивните, старший. Ну или рывкните, если не нужно.

Если бы не предыдущий опыт с попыткой поднять брови, то сейчас я бы снова попробовал это сделать. И что им неймётся? Так хотят притащить меня к своему главе на руках? Вроде как, у них заслуг сегодня на самом деле немало — не сбежали, стояли до конца, неспешно, точь-в-точь как просил, тащили за собой мастера Указов. И вообще, они договорились по очереди меня уговаривать? Сначала бородач, теперь этот, третий...

Совесть на миг кольнула. Нужно узнать их имена, всё же...

— Понял? Не слышит он.

Сожаление тут же отрезало.

— В прошлый раз совпало случайно, что он на бабу ту глянул.

— Я...

Бородач замолчал, а я вдруг испытал странное чувство — мне показалось, что слева и выше моего роста, в воздухе повисло что-то почти прозрачное, что-то, похожее на...

Меня снова резануло болью, расходящейся лучами от живота к сердцу. Я согнулся, пережидая её.

— А может, ты и прав. Может, он и не Властелин.

— Конечно, я прав!

Бородач упрямо закончил:

— Но доложить главе всё равно нужно.

Только то, что я подозревал на кого, куда и зачем глядеть, позволило мне заметить, как побелели пальцы бородача. Это с какой же силой нужно сжимать меч? И насколько хорошо нужно себя контролировать, что я не ощущаю ни малейшего намёка от Прозрения? Или же он собирается только защищаться или, вообще, сразу же бежать?

— Фух! — бородач оглянулся через плечо, заставляя меня поднять на него глаза. Улыбнулся мне, а мыслеречью с облегчением добавил. — Точно, не слышит.

Это становилось даже забавно. Сколько ещё раз они это повторяют? Тупицы, нужно было проверять меня во время встречи со слугами Ян. Обменялись бы мыслями, что можно меня бросить слугам и сбежать, вот это была бы проверка, так проверка.

На миг злое веселье плеснуло в жилах, захотелось толкнуть к ним мысль: «Да не слышу, не слышу, шагайте давайте быстрее!», но я справился с собой, задавил его. Нашёл время.

Не знаю, то ли это усталость от схватки, то ли так действует зелье и такое число ран, но я совершенно не переживал о том, поверят ли Властелины, что я, Предводитель, могу слышать чужую, не предназначенную мне мыслеречь. Меня сейчас почему-то беспокоила совсем другая вещь.

Меня беспокоило — что скажет Седой, когда меня увидит?

— Орзуф! Твою...

Если недавно, я думал, что мастер Указов Ян полощет меня ругательствами, то, судя по тем отголоскам чувств, что вложил Седой в это своё короткое «твою», дай ему волю, он бы заткнул того мастера Указов за пояс. И кстати, а что это он всё чаще и чаще называет меня по имени? Это смущает меня. Я как-то привык к нашей вечной грызне в Седого-Мальца. Правда, сейчас веселья у нас мало.

Если я считал, что моя ловушка с чужой силой подарила этим улицам новую площадь, то

полноценная схватка Властелинов эти самые улицы просто стёрла с лица земли. Десятки, если не сотни домов исчезли с лица города — мы пробирались в это место по сплошным завалам, да и сейчас стояли на них.

Думать о том, сколько жителей осталось под руинами, даже не хотелось. Единственное, что меня обнадеживало — это то, что я не видел под завалами ни единой печати. Правда, это могло означать не только то, что обитатели домов спаслись, а то, что даже отголосков и осколков ударов Властелинов хватало, чтобы мгновенно убивать всех обитателей.

Сама схватка к этому моменту уже закончилась. Мы по пути сюда получили подсказку, так что я понимал, что произошло. Ян добрались до того самого дома основателя и накрылись защитной формацией. Здесь это была не чуть мутноватая пелена, а золотистая плёнка, полусферой накрывшая небольшое поместье.

Судя по тому, что Властелины нашего тройственного союза даже не пытались бить по формации, вскрыть его силой не получится, что бы ни считали бежавшие слуги Ян.

Да и много ли сил у наших Властелинов осталось после такого сражения? Второго подряд, между прочим.

— Фух, ладно, — Властелины за этот десяток вдохов стали ближе, а Седой, похоже, немного успокоился. — Ничего не поправимого не произошло, выглядишь ты ужасно, но раз ты овладел Истинной Сутью Стихии, то беспокоиться о том, что стихии оставят после себя шрамы, не стоит.

— Неужели для девушек из Павильонов моя внешность будет значить больше, чем мои деньги?

— Всё шутишь? Дурака кусок. Я про шрамы на меридианах и твоё будущее Возвышение. Отыщи я в тот миг хоть два вдоха свободного времени, я бы тебе объяснил, какая глупость просить бить по себе сразу стольких Властелинов.

Я невольно перевёл взгляд в сторону, на висящего рядом с Седым Морта. Думаю, я знаю, кто с такой радостью ответил на мою просьбу, да и ещё пару человек добавил к себе и Илимии.

— Так что с меридианами? Повреждения есть? — раньше, чем я успел в очередной раз поддеть Седого о заботе, он сам ужалил меня. — И нет, не беспокойся, я не брошу тебя, а вот лекаря начну искать. С этим в таком деле нельзя запаздывать, а вы, молодые, вечно думаете, что обойдётся.

Я лишь буркнул в ответ:

— Я и сам немного лекарь.

— Да не смейся меня, украшатель женских личиков, говорю же, отнес...

Наконец, и остальные наши на меня время, и мне сразу стало сложно слушать и Седого и

их. Хоть отгораживайся, только от кого именно? От Седого или от остальных? И как Седой умудрялся вести одновременно три разговора?

— Признаюсь, гость, я впечатлена. И способом, которым вы решили справиться со своей це... — Илимия запнулась и тут же поправилась, — со своим врагом, и тем, что вы остались живы после подобного удара. Чтобы между нами не было недопонимания, я напому брату-гостю, что он сам просил ударить сильнее и сразу в несколько рук.

Я чуть наклонил голову и ответил:

— Разумеется, я помню свою просьбу, старшая Илимия. И этого удара всё равно не хватило, чтобы уничтожить мастера Указов.

Морт фыркнул:

— Как и тебя. Но если с ним я не удивлён, то с тобой... Я не просто удивлён, я поражён.

Я ответил и ему:

— У меня был хороший амулет.

— И всё же, — Морт покачал головой. — Я был уверен, что ты не выжил после своего безумства, поэтому и ударил, едва ощутил в том направлении Круговорот. Прошу меня простить за это.

Я позволил себе усмешку:

— Извинения ни к чему. Старший промахнулся.

— И очень рад этому.

Илимия тут же поддела Морта:

— Уж тебе всегда нравились подобные безумцы.

— Женщина, ты ничего не понимаешь. Ты равна мне Возвышением, но мы всё равно бесконечно далеки друг от друга. Схватки, жар опасности, ощущение того, что жить тебе или умереть решается в это самое мгновение и зависит от твоих умений и воли.

— Разумеется, мне этого не понять, — фыркнула Илимия в ответ. — Мы с тобой можем быть равны Возвышением, но мы всё равно бесконечно далеки друг от друга. Хотя бы потому, что какое бы у тебя ни было Возвышение, жизнь подарить могу только я. Только женщина может родить ребёнка и получить ощущение того...

— П-ф-ф! Чтобы появился тот, кого нужно рожать, нужны всё равно двое.

— Довольно, ты понял о чём я. Не стоит...

Морт вздохнул, снова перебивая Илимия:

— Да, да. Понял, не стоит и всё такое. Тем более, ты очень и очень права. Брат Арек погиб. И что осталось после него? Наш союз? Так уже завтра он исчезнет, Кулаки, которым брат отдал столько лет станут частью общей семьи и что дальше? Если бы у него был сын или хотя бы дочь, то...

— Мы начали свою месть, Морт, и не сегодня, так завтра окончательно вкусим её сладкие плоды, вскрыв эту скорлупу, — Илимия отвернулась от меня, ткнула пальцем в полусферы формации над поместьем. — Так ведь, старший брат Аранви?

Ого! Я невольно восхитился и не удержался, толкнул мысль к Седому:

— Эдак, уже к вечеру они предложат тебе место в своей новой семье.

— Они не настолько дураки, чтобы предлагать подобное выходцу из Ордена Небесного Меча. Мы не один год работали над своей репутацией, Орден уважают, запомни это, — через мгновение Седой уже отвечал Илимии. — Если вы так уверены, что начать нужно действительно отсюда, то да, но... как только договоримся о дальнейших действиях и восстановим силы.

— Разумеется, старший брат, разумеется.

Илимия вновь повернулась в мою сторону. Ну как повернулась, ну как в мою? Учитывая расстояние, что всё ещё было между нами — считай шагов сто, она чуть крутнулась на месте и этого хватило — смотрит теперь на разруху, оставшуюся после них и нас четверых, стоящих в отдалении на крупном обломке крыши, неясно как сохранившемся почти целым.

— Брат-гость, тебе не нужен лекарь? У меня есть очень хороший лекарь, который...

Я чуть согнулся и немного приподнял перед собой руки, выполнять полное приветствие идущих, впечатывая кулак в ладонь, что-то не очень хотелось:

— Спасибо, старшая, но этого не требуется. Я вижу, что Ян загнаны в нору?

В этот миг меня снова накрыло резко усилившейся болью. Настолько сильно, что я согнулся, ухватившись саднящей ладонью за грудь.

— Что с тобой!

Два возгласа слились в один, но если Илимия просто охнула, то Седой рванул ко мне, уже через два вдоха хватая за плечо и пытаюсь заглянуть в глаза.

— Ох, — я с трудом, но разогнулся, прислушиваясь к себе, признался в очевидном. — Что-то не так с зельем.

Злое шипение Седого буквально впилося в голову:

— Какое ещё зелье, сопляк? Что, ты то жизнь сжигаешь, то зелья глотаешь? — он тряхнул меня. — Какое, ну!

Его грубость задела. Это совсем не то, что безобидное малец. Я дёрнулся, рванул с себя его руку, сам шипя в ответ:

— Тебе какая разница? Переживаешь, что Орден...

— За тебя переживаю! — оборвал меня Седой. — Ну! Что за зелье ты принял, дурак?

— За меня, — скривил я губы. — За меня не стоит. Обычное лечебное зелье.

— Обычное лечебное зелье, от которого тебя так крючит? — изумился Седой, а затем вдруг выпучил глаза и медленно опустил взгляд вниз. — Ты что... Глотнул лечилку Властелина?

Я тоже покосился вниз, на пояс, в кармашке которого ещё оставался последний целый фиал, точно такой, как выпитый и признал очевидное:

— Ну, да. Она же лучшее, что...

— Придурок. Что за придурок тебя учил, что не вбил в голову простейших вещей о соответствии рангов средств? Ладно, тебе даже будет полезно. Через боль оно лучше запоминается.

Отпустив моё плечо, Седой вновь поднялся в воздух и неспешно полетел обратно, на ходу обращаясь к остальным Властелинам:

— Всё в порядке с нашим безымянным союзником. В горячке боя принял лечилку Властелина, но, учитывая обширность его ран, оно и неплохо, зелье найдёт на что потратиться, а усиленную боль при приступах наш безымянный собрат переживёт.

Не знаю как Седой, а вот я услышал короткий обмен мыслями между Илимией и Мортом:

— Подозрительно. Он так рванул.

— Возможно, они знакомы.

— А возможно, и не только знакомы.

— Орден и Глаза?

В этот миг я услышал ещё один голос, мне, кажется, совершенно незнакомый:

— Раз вы закончили с этим соратником, возможно, стоит вернуться к другим? Как бы более важным.

— Брат Золис, эта желчь вам не к лицу. Сегодняшняя победа не стала бы возможной...

— Победа? До победы ещё очень далеко. Мои люди сломали внешнюю защиту, но поместье основателя и центральная резиденция — это места, куда даже я не мог попасть с лёгкостью, а значит, с ними придётся разбираться по-другому. И я пока ещё не услышал, как вы и я будем решать эту проблему. И нет, биться в неё лбом неделю меня не устраивает. Кому, как не тебе, Илимия, понимать, что в городе нужно навести порядок как можно быстрее.

Илимия плавно повела рукой:

— Я всё же закончу, брат Золис. Сегодняшний успех не был бы возможен, если бы не наша совместная работа. Сестёр, Кулаков, Пепельных...

Почти заглушая мыслеречь Илимии, раздался ещё один голос:

— Хорошо, что хоть сейчас о нас вспомнили.

— ... и гостей города, которые выступили на нашей стороне. Так должно продолжаться и дальше. Безымянный гость навёл наш совместный удар на мастера Указов Ян, разом уполовинив их силы...

— ... слабаков...

— ... это потом...

Я зажмурился раз, другой, разрываясь между желанием услышать вообще всё, что говорят между собой Властелины и пониманием того, что ещё немного и эти разговоры сольются в единый гул, в котором я совершенно ничего не разберу. Только сейчас сообразил, что больше не вижу большой группы Властелинов тройственного союза и отдельной троицы перешедших на нашу сторону из числа Ян.

Все висели в воздухе единой группой, но Властелинов явно стало меньше, чем в начале схватки, похоже, что она не обошлась без жертв.

Попытался вспомнить точное число. Троицу перешедших считаем как прибавление, тогда...

— ... слабаки не слабаки, но сколько жизней...

— ... разрушая планы Ян отсидеться...

— ... и всё равно верные остались и теперь...

— Поэтому начать нужно с подсчёта духовных камней, которые мы можем истратить. Брат Золис, в этом мы полагаемся на тебя и твоих людей.

— ... опять болтают, да сколько можно?

— Для начала неплохо было бы, чтобы на моих людей перестали нападать.

— Подобные недор...

Невзирая на гул чужих мыслей я всё же сумел завершить подсчёты. Выходило, что мы потеряли четверых Властелинов. А сколько потеряли Ян? Я убил одного, а скольких Ян убили здесь? Тел не видно, но тут и там среди развалин мельтешат люди. То ли отыскивают попавших под завалы, то ли разыскивают тела мёртвых Властелинов и их артефакты Путника.

— ... второй же гость после этого поможет нам с окончательным наказанием Ян.

— Погоди, погоди, погоди!

Ну, хотя бы голос Морта я точно узнаю. Как узнаю и голос Илимии:

— Что? Я как бы немного занята и успокаиваю брата Золиса.

— Да я всё думаю об этой парочке наших гостей. Орден и Глаза? Орден уже давно изгнан, возможно, они решили, что пришло время меняться.

Илимия хмыкнула:

— Мне всё больше и больше интересно, что же такого варил Пиатрий.

— Боюсь, Илимия, этого мы не то что не узнаем, а этого нам и не нужно визнавать.

— Морт, я тебя не узнаю. Ты ли это или тебя подменили?

— Подменили. Теперь я должен помнить, что брат Арек погиб и не имею права жить, как мне хочется и разрушить то, что он хотел создать. Давай, занимайся Золисом, а я закончу с безымянным гостем.

— Морт, не пугай меня.

— Награда, я всего лишь говорю о награде. Успокойся, я правда держу себя в руках и теперь стараюсь думать, а затем уже действовать.

Со вздохом я всё же решил, что закрываться не буду. Иначе не услышу, о чём говорит Илимия с Золисом, который явно глава теневиков.

Придётся учиться одновременно слышать несколько разговоров.

— Безымянный собрат.

И конечно же, ещё и вести свой.

— Да, старший брат Морт.

— Ты слишком вежлив для того, кто померился со мной силами, устоял перед моим давлением, а затем и избежал моего удара.

— Видимо, боль всё же немного исправила меня.

— Ха! Возможно. А безымянный брат, оказывается, умеет шутить.

Я не стал отвечать, разбираясь с остальным, что слышал.

— Брат Аранви, что всё это время служил нам клинком, хорош не только в этом.

— Орден Небесного Меча, — задумчиво произнёс Золис и тут же уточнил. — Он сможет вскрыть формацию моего небрата?

— Смогу, — а это у нас Седой. — Как только восстановлю силы и изучу саму формацию их защиты. Уже ясно, что защита поместья очень и очень неплоха, но даже если я не смогу сломать её, то укажу точки, удары в которые разрушат её намного быстрее, чем удары в лоб, о которых говорили ранее.

— Я понял. Признаюсь, сидеть несколько дней в ожидании мести — не лучшее занятие.

— Брат, мы тоже понимаем, что всё нужно решить за один день — иначе внимания к городу не избежать.

— Поэтому спрошу прямо — какую награду ты хочешь получить?

Я не сразу даже сообразил, что этот вопрос звучит от Морта и что он задал его именно мне и от меня же ждёт ответа.

— Награда, — повторил я, пытаюсь выиграть время и кляня себя за все эти подслушивания. Нашёл время. Едва не ляпнул глупость, но вовремя вспомнил, с чего, вообще, начал образ того, кем сейчас выгляжу. — Моя главная цель — это месть за благодетеля, наказание виновных и забота о его семье и деле.

— Ха! Безымянный гость, ты думаешь, я всё это время бил по Ян впустую?

А это Седой. И что-то незаметно, что ему доставляет неудобство слушать сразу несколько разговоров. Привычка, уверен.

И раз я слышу вежливое обращение без имени, то эту мысль Седой толкнул не только ко мне, но и к Морту.

— Меня и твоего Пиатрия похитил один человек, вернее, похитили по приказу одного человека. Нулара, сопляка из Ян. Он умер. Как и люди, которые его окружали в тот миг, когда я проломил защиту Ян. Так что считай — твоя месть свершилась.

Я сглотнул. Что?

Я даже не сразу сообразил, что слышу. Нулар мёртв? Как? Зачем? Вот так просто? Я не взглянул ему в глаза, не спросил, зачем он это сделал и на что рассчитывал, когда приказал встретить меня на выходе из лабиринта поместья Древних. Не узнал, почему он решил, что проще забрать кристаллы у меня силой. Не выяснил, к чему он собрал Лаю, Седого и Пиатрия и с чего решил, что я стану о них беспокоиться. В конце концов — я не убил Нулара сам.

Седой же продолжал самодовольно вещать, отыгрывая свою роль старшего, а может, и издеваясь надо мной:

— Подозреваю, что это были как раз его верные подчинённые, которых и можно считать теми самыми виновными во всех бедах алхимика Пиатрия. Так что безмянному собрату остаётся побеспокоиться лишь о семье алхимика. Всё остальное я уже решил, пока мстил за себя.

— Погоди...те, — ухватил я убегающую мысль. — А те люди, что бросили Пиатрия одного? Бросили големам? Кажется, вы, старший, рассказывали о троице. Женщина и два подчинённых.

— С этим я тоже должен тебе помогать? — изумился Седой.

Морт тяжело вздохнул:

— Ох, брат Арек, как мне тебя не хватает. Вокруг столько придурков, которых хочется укоротить на голову, — следом он сказал то, что я уже явно должен слышать. — Безмянный собрат, мы сейчас делим... Кхм. Распределяем обязанности. То, кто и за что отвечает. Уверяю, что уже к утру либо мои люди, либо люди брата Золиса отыщут эту троицу и доставят к тебе, чтобы ты решил их судьбу и закрыл уже все свои долги к алхимику.

К разговору присоединилась и Илимия:

— Пока же, брат гость...

Даже мне уже резало это обращение, Морт, в своей грубости, был мне как-то ближе. И с чужим именем плохо, и без имени плохо, но выбирать приходится только из этих двух вещей.

— ... предлагаю тебе посетить хранилище техник Ян. Пусть этот день и вечер полны событий, но я отлично помню твоё желание посетить это место в поисках редкостей.

Седой буркнул:

— Ну, хотя бы не спешат называть своим то, что ещё не упало им в руки.

— Разумеется, брат, ты не должен считать это наградой за услугу, которую нам оказал,

разумеется, мы сумеем достойно вознаградить твой вклад в наше дело.

Теперь я слышал брюзжание Морта:

— Много чести. Не просил награды, так нечего и давать. Он и так сейчас загребёт себе всё, что там осталось и с каменной, — покосившись на меня Морт хмыкнул, — с обезображенной рожой заявит, что мы сами ему это разрешили.

— Брат, угомонись, уверена, этот убийца за свою долгую жизнь научился тонко чувствовать грань и не будет жаден сверх меры.

— Грань, чувствовать, — фыркнул Морт. — А я думаю, что у этого старика к его годам вообще исчезло чувство меры. Вместе со страхом. Проверим?

Мне как-то надоело стоять и ждать в тишине, которая, вроде как, должна возникать, пока они судачат между собой, поэтому я, пользуясь тем, что на той корке, которая начала стягивать лицо, ничего и не разобрать, ухмыльнулся и сказал:

— Спасибо, старшая Илимия. Всегда было интересно, что находится в библиотеках семей, подобных Ян...

— Интересно ему, готов биться об заклад, что это не первая такая библиотека, которую он почистит.

— Но мне интересно, а что вы собираетесь делать с укрывшимися Ян? Когда вы проломите их защиту? Я успею провести в хранилище хотя бы... — тут я сбился, едва не использовав вдохи. Будто наяву увидел перед собой Фатию, презрительно фыркающую: «Из какой глуши ты выбрался, далёкий имперец?». — торопливо пересчитал в уме и выразился правильно, а не как собиратель камней из Нулевого, — пока горит малая палочка?

Следом ещё и выругался. Про себя. Да, проще всего сменить лицо, а вот привычки изменить сложнее всего. Представляться всем другим человеком, а использовать всё те же любимые словечки, можно ли придумать более глупый способ выдать себя? Как много за эти месяцы я встретил в городе людей, что меряли время вдохами, как я сам?

— Безымянный гость, — Седой впери́л в меня тяжёлый взгляд. — Только то, как ты ранен, только то, что я лучше, чем любой другой человек здесь, осознаю, как тебе сейчас приходится, удерживает меня от того, чтобы не вбить в тебя немного ума. Я всего лишь Властелин средней руки, позади меня защитная формация, созданная талантливым и более сильным, чем я, Властелином. Она подпёрта тысячами духовных камней. Ты, правда, думаешь, что я сейчас передохну, а затем щелчком пальцев расколю её? Или ты думаешь, я набиваю себе цену, делая вид, что это дело сложнее, чем есть на самом деле? Может быть, ты в этом хорош, безымянный гость?

Морт хохотнул:

— И это ты называешь, знакомы?

— Это были твои слова.

— Беру их обратно. Будет даже забавно увидеть, как орденец сделает то, что не дали сделать мне ты и брат Арек.

— Забавно ему. Забавно будет, когда мы подчиним себе портал и в город придёт старший этого убийцы. Брат гость, — а вот этот торопливый шёпот явно предназначен мне и только мне. — Мы все здесь стали сегодня братьями по жестокой битве, давай прощать друг другу небольшие недостатки...

— Да что ты с ним возишься, Илимия? Он даже не Властелин, что бы там ни подозревали мои люди. Пусть орденец поставит его на место. Ну, надавит немного, с него не убудет. Даже если прийдёт, только порадуюсь. И нет, не верю в то, что за ним придёт кто-то ещё, тем более придёт кто-то, кто будет настолько сильнее меня, чтобы заставить меня бояться.

Илимия, не обращая внимания на Морта, закончила:

— Извинись перед Аранви, и отправляйся в хранилище Ян, поищи себе что-нибудь по вкусу, — следом же прошипела явно не мне. — Уверен он. В чём? В том, что посланник Глаза выйдет на площадь и попросит сойтись с ним кулак к кулаку? Морт! Да ты просто не проснёшься одним утром. Они никогда не брали своё только силой, ты сам сегодня видел наглядный пример!

Меня сейчас больше тревожил не Седой, разыгрывающий перед ними представление, не ругань между собой Илимией и Морта, а то, что меня та троица, с которой я искал мастера Указов, похоже, сдала своему главе Морту.

Ожидаемо, совершенно не опасно, я ведь и правда не Властелин. Меня больше тревожило, что я не слышал, как и когда они это сделали. И вот этот спор между собой, настоящий ли он? Не вызван ли он тем, что меня проверяют? Та троица ведь подозревала, что я их подслушиваю, а значит...

Я взмок. У меня и кожи-то не осталось, кроме как под бронёй, но я ощутил, как буквально обливаюсь потом.

Предлагал же Седой — давай научу. Стою теперь, талантливый, но необразованный собиратель камней и снова гадаю — какую из фраз Морта и Илимии я мог слышать, как обычный Предводитель, а какую нет? Должен ли я был слышать требование Илимии извиниться или нет?

Седой, обрывая мои мысли, недовольно буркнул:

— Слышь, малец, не наглай. Мне что, правда, чуток вразумить тебя? Тебе дали хороший совет — извинись, как младший, и мы все сохраним лицо.

Я облегчённо выдохнул и в третий или уже четвёртый раз за сегодня склонился в подобии

поклона, хотя уже совершенно потерял нить разговора и даже не понимал, за что я должен извиняться и с чего Седой возмутился моему вопросу о времени:

— Прошу старшего брата простить меня. Зелья туманят мой разум. Я покину вас, старшие.

С удивлением уставился на свои руки, которые держал перед собой, изображая кулак, коснувшийся ладони. Что правая, что левая кисть едва заметно тряслись. Но не от страха же, верно? Может, меня и в пот бросило не только из-за ощущения ошибки, а это и правда зелье продолжает меня корёжить? Нужно бы заглянуть в себя и поглядеть, где сейчас тот странный туман.

— Ну всё, всё, выпрямляйся, безымянный гость. Или ты решил уподобиться тем просителям, что днями смиренно стоят в поклоне, выпрашивая позволения предстать перед императором?

Я выпрямился, улыбнулся:

— Старший брат шутит? — тут же без промедления добавил. — Не буду и дальше отвлекать старших от дел и покину вас.

Попятился, пользуясь восприятием Предводителя для того, чтобы не споткнуться на обломках. Два шага, три, достаточно. Развернулся.

Но разговоры за спиной слышать не перестал.

Илимия звала кого-то, назначая мне в сопровождающие. Теневики возмущались, что они тратят время на какую-то ерунду. Морт в ответ изумлялся, что не видит вокруг обещанных груд духовных камней, а значит, делать ему пока совершенно нечего, и он может позволить себе заниматься любой ерундой, какой только пожелает.

Седой же всё же ответил на мой вопрос. Признаваться в том, что на самом деле я до этого уже подслушал часть его разговора с остальными Властелинами и задавал его зря, я не стал.

— По сути я уже высказался, малец, но если подробней, то один я не осилю. В бою, пока мастер формаций не успел скрыть уязвимые места, не успел прикрыть их слоем дополнительной защиты, я могу разрушить многое, но здесь в одиночку не осилю. Сейчас мы разрушим духовные камни, восстановим силы, затем эту часть города прочешут в поисках скрывшихся людей Ян, оцепят резиденцию, где укрылись верные слуги Ян, и только после этого приведут сюда талантливых мастеров формаций от всех союзов, не боясь потерять их в случайной стычке. Они тоже осмотрят защиту Ян, создадут несколько усиливающих формаций для фокусировки удара, туда насыпят духовных камней из запасов самих Ян, и только тогда я начну пробивать защиту этого поместья. Так что времени у тебя полно, выбирай техники не спеша. Я ведь обещал тебе, что мы возьмём с Ян техниками? Вот это оно и есть, пользуйся. Аха-ха-ха!

Я, не сдерживаясь и не остерегаясь, покачал головой, продолжая шагать по завалам под

хохот Седого.

Услышал ещё и злой голос Илимии, продолжающей отчитывать Морта:

— Не верит он. В то, что из-за смерти алхимика они пришлют кого-нибудь разбираться, ты тоже не веришь, как и Ян? Между прочим, это не мы, не наши люди убили мастера Указов Ян, а он. Благодаря ему Ян потеряли всякое пре...

— Ради Неба, Илимия, хватит выедать мне мозг, мы с тобой даже не встречались ни дня, а ты ведёшь себя, как сварливая супруга на тридцатом году совместной жизни.

— Если нужно, то я для всех вас буду сварливой супругой и нет, не пучь глаза Морт, не в этом смысле, даже не надейся. Раз мы создаём новую семью для управления городом, то я буду пытаться вложить вам в голову хоть немного разума, которого там не было и, похоже, не будет.

— Брат Золис, что ты молчишь?

— А что я должен сказать? Вы уже, похоже, почти супруги, влезать в ваш разговор всё равно, что просить кинуть в себя камень.

— Что!

От чужих разговоров пришлось отвлечься. И далеко уже стало, и мне навстречу двигались люди.

Уже в двадцати шагах от меня они дружно склонились в поклоне идущих:

— Старший, глава Илимия поручила вас нашим заботам. Первое, что я бы хотел уточнить — следует ли мне проводить вас к лекарю нашего союза?

«Глава», «наш союз», а ведь передо мной восемь мужчин. Впрочем, я уже не раз напоминал себе, что в союзе Трёх Сестёр много и мужчин, а союз называется так по главам, как те же Два Флага и Три Брата.

Лекарь? Чтобы он осознал мой возраст и подлечил лицо, которое я больше не могу прикрыть маской?

Толкнул Седому мысль:

— С городом не стоит затягивать, моя маска повреждена, а затягивать лечение лица вечно я не сумею. Кому там ещё осталось отомстить? Женщине из Павильона?

Ответ Седого сочился удовольствием:

— Так я уже, малец. Со всеми успел расчитаться. И с Нуларом, и с этой парочкой. Это ведь я был мечом в сражении, забыл? Разумеется, я и выбирал, куда и по кому наносить удар, тем

более все требовали первым делом выбить слабых Ян, чтобы ослабить их защиту. Удачно вышло совместить все интересы. Но я тебя услышал. К утру управлюсь и сразу уходим.

Седому я коротко сообщил:

— Понял, — ожидающему же ответа стражнику Сестёр сказал другое, впрочем, скорее повторив свой ответ на такой же вопрос. — Откажусь. Я и сам немного лекарь, к тому же... Неважно. Нет.

— Тогда, старший, позвольте проводить вас в Павильон Техник семьи Ян.

Я коротко повёл рукой, предлагая начать.

Должен заметить, что сопровождающие оказались не лишними. Мало того что эта часть города разительно переменялась после сражения идущих такой мощи, так ещё и улицы оживали — тут и там сновали люди из союзов, врываются в дома или уже выбирались из домов, иногда выволакивая за собой мужчин и женщин.

На нас тоже то и дело косились, но здесь всё решалось гораздо проще, чем с теневиками, тряпка на плече была не нужна, ведь знак союза Сестёр был заметней, да и без этого хоть кто-то, но узнавал друг друга в лицо.

Повязок я, кстати, вообще не видел, только знаки наших союзов. Или теневики надели одеяния, как на всех, или занимались делами вне кварталов Ян. Или же вообще ничем не занимались, а спрятались, пока их глава решал вопрос новой семьи с союзами.

Наконец, мы оказались перед оградой, окружавшей Павильон Техник. Раньше здесь была стража Ян, а сейчас стояли шесть Кулаков и три Пепельника.

Мои сопровождающие обменялись несколькими фразами с этой охраной. Если вторых послали лишь взять под охрану, внутрь они не входили, то первые сообщили, что у них приказ войти внутрь и проследить, чтобы никто из местных ничего не спрятал и не задумал сжечь.

Как по мне, то нужно было сразу начинать с первого. Они меня, что ли, ждали? Не всегда же исчезновение Указов на слугах заставляет их в тот же миг предать господина. В Ордене даже умирают в битвах по своему выбору.

Но кто я такой, чтобы давать советы? Посторонний, безымянный гость, которого за время этой короткой прогулки уже трижды скручивало от боли, которого трясёт всё сильнее и сильнее от этого странного тумана зелья. И которого впустили туда, где в прошлый раз он так и не сумел ничего получить.

На страже осталось четверо, ещё один пристроился за моим плечом, остальные же ринулись внутрь, не став пользоваться воротами, а просто перепрыгнув невысокую изгородь.

— Именем тройственного союза! Повиновение!

Крушить они ничего не стали, ни в саду, который они преодолели за пару вдохов, ни внутри. Хотя я слышал несколько раз грохот, но, скорее всего, это выбивали запертые двери.

Я бы мог подсказать, куда нужно идти, да что там подсказать, я бы мог просто молча идти в нужном направлении, вынуждая моего сопровождающего следовать за мной, но я ведь здесь первый раз?

Поэтому в просторной зале, что нашлась первой после входа, я и остановился. Разве что растянул восприятие Предводителя, заполняя им или же собой ближайшие коридоры, переходы и комнаты. Здесь оказался целый лабиринт. Неудивительно, что дед Нулара в прошлый раз сумел меня осмотреть так, что я даже его не заметил. Сейчас ему это вряд ли бы удалось. Слишком много с того дня произошло. Я набрал звёзд, прошёл тренировки в кристалле огня с воспоминаниями Повелителя Стихии, пережил битву за город и не особо скрывал сейчас эту часть своей силы.

Сопровождающий мягко указал:

— Сюда, господин.

Ну, сюда так сюда. Направление не то, что нам нужно на самом деле, но, как понимаю, он просто ощутил, где собрались его товарищи и где они собрали обитателей Павильона.

Появились мы в том зале как раз вовремя, чтобы я сообразил, что сейчас будут проблемы. Почему? Да потому что один из Кулаков, с амулетом Истины в руках, переходил от одного слуги к другому. И всё бы ничего, но если в основном слуги оказались очень и очень слабы, самое большее Мастера, то человек, к которому Кулак постепенно приближается, явно Предводитель.

— Имя?

...

— Должность?

...

— Обязанности как служителя?

...

— Верен ли Ян?

Губы слуги дрожат, он с трудом выдавливает из себя:

— Я слуга, что прикаж...

— Верен ли Ян■

Слуга обречённо выдыхает:

— Был верен, сейчас нет. Сейчас свободный я.

Кулак кивает, видимо, удовлетворённый ответом. Тут же задаёт следующий вопрос:

— Укрываешь ли кого-то из Ян?

— Нет.

— Знаешь ли о скрывающихся поблизости Ян?

— Нет.

— Будешь полезен тройственному союзу?

— Д-да. Да!

Кулак вырывает у него из ладони амулет Истины и делает шаг вправо.

Все слуги стоят на коленях, все одеты в одинаковые халаты, все затравленно опустили глаза в пол. Но это всё внешнее, наносное. Я вижу глубину силы и опасность. В окружении мелких и прозрачных луж замерло приличных размеров озеро, дно которого нет-нет, но затягивает тёмная пелена течения.

— Имя!

— Армет.

— Должность?

— Служитель Павильона.

— Обязанности как служителя?

— Да разное, куда пошлют, то и делаю.

И не соврал, судя по тому, что амулет Истины остался спокоен.

— Возвышение?

А вот это вопрос, которого я не слышал для предыдущего слуги. Неудивительно, ведь не всегда идущие полагаются лишь на внешнее, определяя силу другого идущего.

Через миг слуга Ян вскакивает, уже сжимая в руке узкий меч, выхваченный неизвестно откуда. К ноге, что ли, привязал кисет?

В короткую схватку я и не думаю вмешиваться. Я старый, раненый гость в городе. Я и так

уже достаточно причинил здесь добра, убив мастера Указов Ян. Дальше без меня. Тем более, ничего опасного в этом человеке не было. Не против десятка равных или лишь чуть более слабых идущих.

Всё, что он сумел сделать — ранить двоих, прежде чем его самого ранили, скрутили и заковали в кандалы.

Безрукий какой-то. Знать, что вот-вот тебя могут вывести на чистую воду, быть готовым к схватке и не суметь даже проломить стену и сбежать?

Кулак плюнул на пойманного, хрипло спросил у остальных слуг, испуганно втягивавших голову в плечи:

— Это кто?

— С-слуга Павильона. Подметал, полы мыл.

— Видимо, не только, — Кулак довольно оскалился и приказал. — Продолжаем.

В итоге проверки странного служителя уволокли, а из всех слуг выбрали того, что утверждал, будто помогал внутри самого зала техник.

Сейчас он угодливо бежал впереди, распахивая перед нами двери и суетливо повторял:

— Сюда, сюда, старшие.

Мои сопровождающие не забывали проверять боковые ответвления и комнаты, но вели себя осторожно — двери старались без лишней необходимости не выбивать, внутри ничего не крушить. Понимали, что вокруг теперь всё принадлежит тройственному союзу или же их общей, будущей семье, и можно очень легко получить наказание за порчу Павильона Техник, над которым вот-вот сменят табличку с именем семьи.

Ещё одна знакомая дверь и передо мной, наконец, открывается зал техник — стеллажи, свитки на них, множество светильников, которые и до нашего прихода светили, разгоняя тьму зала, запах. Удивительно, но как бы плохо ни выглядел сейчас мой нос, запахи он чувствовал неплохо. Запах дерева, воска, масла, шёлка и бумаги.

Слуга облизал губы, косясь на меня, нервно уточнил у старшего Кулака:

— Господин, куда вас вести?

Кулак же развернулся ко мне:

— Старший?

Я не задумался ни на миг:

— Я хочу осмотреть всё.

— В-всё?

Я кивнул:

— Всё.

Это в прошлый раз я рассчитывал, что заполучу одну, ну две техники для своей стихии. Земных, а ещё лучше духовных. Здесь и сейчас я могу получить гораздо больше. Тем более что с защитой дома основателя справятся нескоро. К утру? Вот и я неспешно провожусь тут до утра.

Наглядное напоминание о том, как меняет людей Возвышение.

На этапе Закалки, только начав двигаться к Небу, я один мог сделать работу шестерых слабосильных мужчин, полдня бегать по пустошам, вернуться домой и как ни в чём не бывало, не ощущая особой усталости, заниматься делами по дому.

На этапе Воина я, делая вылазки в лес, мог полдня сражаться, таскать огромные охапки Багрянки, вечером тренироваться с Гуниром, да ещё и перед сном размышлять о сути техник. Тогда меняхватило на долгий побег от комтура Пратия через лес Небесных Исполинов до самого болота и сражение на нём.

Сейчас я Предводитель или же чуть больше, чем Предводитель. Я пережил схватку с засадой от Кулаков, теневиков и Ян. Пережил бегство от големов, а затем сражение с ними же. Схватку с напавшей Текущей Водой и удар в спину от Ян. Битву с мастером Указов и... И собираюсь всю ночь разбирать свитки с техниками.

Одно дело стихия и сила Неба, которые я сумел восполнить, другое дело разум и тело. Если первое мне восполнили змеи воды и Круговорот, пусть и недолгий, то второе...

Если не считать ран, боли и того, что меня время от времени скрючивает, то я даже не особо устал.

Можно сравнить меня со стариком Газилом, который, как бы ни был дряхл и скрючен, мог весь день заниматься с кожей, прерываясь только на то, чтобы охая, размять поясницу. Так и я. Не стану же я сейчас ложиться спать из-за того, что весь день на ногах и ранен? Я и не усну с этой болью, а свитки, свитки — это другое. Это не новая схватка с мастером Указов. Покосился на руку с кольцом. Там где-то ведь трофеи с него, а мне, как всегда, не хватает времени со всем разобраться.

Хмыкнул себе под нос и сделал первый шаг. Налево, к первому стеллажу. Начну с того, что не продлится долго. Мне здесь нужно разобраться до утра.

Слуга покосился на Кулака и тут же суетливо подскочил ко мне, угодливо забормотал:

— Бесстихийные техники от человеческого до земного ранга, господин.

Старший Кулак ухмыльнулся, ткнул пальцем, не особо разбирая, его это подчинённые или люди Сестёр, которые пришли со мной:

— Ты и ты — занять пост у дверей. Ты — со мной, остальные продолжать осматривать поместье.

Мне даже не было нужды оглядываться — восприятие Предводителя подсказывало, что двое послушно встали за дверью, прикрыв её с той стороны, двое замерли с этой стороны, глаза на меня.

Я, не обращая внимания на их любопытные взгляды, взял с полки первый свиток.

Как бы я ни нахваливал свою выносливость и прочее, нужно признать очевидное — я не могу выучить здесь вообще всё — столько в меня просто-напросто не влезет. Как не могу и забрать всё — Властелины не поймут, что я так щедро запустил руку в уже их Павильон Техник.

Нужно выбрать лучшее и то, что мне может пригодиться на пути создания своих техник. Пожалуй, на это уйдёт два круга по этому Павильону. Или даже три.

И что попало мне первым? Лучшее или полезное?

Ветер Зла

Дистанционная техника

Ранг: человеческий, качество: высокое, Созвездие: полное, Стихия: бесстихийная.

Условия:...

Я скользнул взглядом по списку узлов, необходимых для использования техники, и отпустил нижнюю часть свитка, позволяя ему скататься. Мусор, годный только для Воинов. Зачем его вообще положили здесь на полку?

Небрежно метнул свиток обратно, потянулся за следующим и вдруг заметил, как пучит глаза слуга на предыдущий, брошенный мной свиток.

Невольно и сам глянул на него, тут же отыскав причину такого взгляда — свиток оказался испорчен. Теперь узорчатый шелк и тёмное полированное дерево его основы покрывала какая-то слизь.

Перевёл взгляд на ладонь — плёнка, покрывшая сплошную рану, полопалась на всех сгибах и сочилась сукровицей.

М-да.

Проверил, что там с лицом. С ним лучше, проблемы только возле губ, век и на шее. С телом? С ним в основном всё прячется под халатом и не тревожит своим видом ни меня, ни окружающих.

И да, у меня вышла отличная замена маски, пусть и отталкивающая.

Но руки я всё же ещё раз подлечил, добившись того, что трещины на ладонях закрылись, а плёнку можно стало считать тонкой, нежной, но уже молодой кожей. Только после этого взял следующий свиток.

Небесное Спокойствие.

Очень вычурное название, обещавшее много, а на деле оказавшееся лишь бесстихийной техникой для создания защиты от ветра при полёте на мече.

Техника, несомненно, для Предводителя Воинов, но мне совершенно ненужная, потому что у меня...

Здесь я в очередной раз сбился. Что у меня? У меня сейчас ни маски, ни летающего меча — вот цена той силы, что я занял у Властелинов Духа для убийства телохранителей мастера Указов. И так ли уж эта цена мала?

Мой прекрасный меч, который был так быстр, что не дал Сути Стихий догнать меня, защищал от ветра и прочее — повреждён и неизвестно, смогу ли я его починить.

Позволив свитку скататься, взвесил его на ладони. Ближайшее время мне предстоит летать на другом мече, возможно, не обладающим такой защитой, так почему бы...

Разве это не очень интересная техника, способная стать как полезной, так и нужной в моих попытках создания новых техник? К чему откладывать её изучение на второй круг?

Решившись, я снова раскатал свиток, потянулся к нему, позволяя вложенной в него памяти, ворваться в меня, наполнить меня чужими воспоминаниями.

Десять вдохов и всё закончилось, а свиток потерял одно прочтение. Интересно даже, сколько их в нём вообще. Я мельком оценил основу — в этот раз снова почти чёрное лакированное дерево и вернул свиток на место.

Быстро накидал схему созвездия в записях жетона, добавил пару слов о том, как протекал поток духовной силы по меридианам. На всякий случай. Этот свиток и это быстрое изучение явно не последние сегодня ночью, так недолго и запутаться в куче слившихся воедино чужих воспоминаний. Обладая же схемой созвездия, я смогу даже без воспоминаний рано или поздно освоить технику.

Записав всё, что посчитал необходимым и немного сверху, взял следующий, растянул, открывая название, ранг и прочее.

Так и двигался вдоль стены, обходя зал по кругу и перебирая все свитки, добрался уже до раздела огня, когда ощутил странное изменение в окружающем мире. Замер, прислушиваясь к себе и силе Неба, а заодно услышал негромкий разговор моих сопровождающих, которые так и стояли возле дверей:

— О! Это оно?

— А что это ещё может быть? Оно. Главы наполнили формации духовными камнями и теперь те начали испускать их силу наружу.

— Здесь же нельзя?

— Конечно, нельзя, что за тупой вопрос? Здесь наверняка полно того, что можно разрушить такой грубостью. Уверен, даже в пределах ближайших улиц не стоит рисковать, чтобы не обратить на себя гнев глав.

Я всё так же продолжал стоять, невидяще пялясь на раскрытый свиток. Это они о чём?

— Тогда задам ещё один тупой вопрос. Кто первый, я или ты?

— Иди ты. Моя боевая медитация лучше твоей.

— Ну спасибо, что напомнил.

— Вали давай и среди остальных наведи порядок, определи для всех очередь, пока старший брат занят.

— Ха! Так бы сразу и сказал, что хочешь свалить на меня свою работу, как его заместитель, а то — иди первым, тебе это нужней. Эх ты.

— Давай-давай. Иди, отработывай свой хлеб, младший.

— Слушаюсь, ста-а-арший.

Только когда через пару десятков вдохов мир дрогнул, сообщая, что кто-то не так далеко отсюда использует Круговорот, я догадался, о чём шла речь в этом разговоре. Очень хотелось глянуть, что же творится сейчас снаружи, точнее там, где находятся эти формации с духовными камнями.

Я почему-то думал, что духовные камни разрушат сами Властелины и своими Круговоротами, как это пару раз проворачивал и я сам. Они же воспользовались для этого особыми формациями. Что-то подобное было и в Академии, как и во всех подобных ей местах, где идущим создавали особые условия, чтобы облегчить путь к Небу.

— Господин? Что-то не так со свитком?

Я отпустил пальцы, давая свитку возможность скататься, молча вернул его на место. Полная

ерунда. Следующий.

Печать Алого Пекла

Ранг: духовный.

А вот это возможно интересно. Да, не моя стихия, зато очень впечатляющее описание.

Вливая силу и стихию идущий создаёт вокруг врага столь сильный жар, что плавит его доспехи, а само тело врага обращает в дым.

На мгновение очень захотелось познать свиток, впустить в себя чужую память, чтобы увидеть детали техники, но я удержался. Я отлично представляю себе пределы силы Предводителей и то, сколько силы они могут вложить в удар. Превращать в дым они могут разве что Закалок, всех остальных они могут убить, не более.

Я ещё не обошёл весь Павильон, не добрался до техник стихии Воды и Льда, который мне тоже довольно близок, не отыскал составные техники, так к чему проверять пределы моего разума? Лучше я выучу что-то более интересное и полезное. Печать полезной вряд ли будет. Отложу её на второй, а то и третий круг осмотра Павильона.

Вал Девяти Ударов

Ранг: духовный, Качество: высокое, Созвездие: полное, Стихия: Вода.

Условие...

Соединяя воедино духовную силу и своё понимание стихии идущий может отправить во врага до девяти сокрушающих ударов, сметая перед собой всё и вся.

Привычно ухмыльнулся. Снова одни пустые обещания. У любой техники есть предел. Но в этот раз это раздел воды, а сама техника, судя по всему, это то, чего мне не хватает — удар по площади, позволяющий смести дом одним махом и так зацепить юркую цель. Не то чтобы мне так уж понравился вид разрушенных домов, но я осознал сегодня скудность своего запаса техник и, наконец-то, должен его расширить.

К тому же, в отличие от недавней Печати, сама техника гораздо более интересна — ряд ударов, возможно нарастающих по силе. До этого я видел схожую технику только в Академии, у кузнеца. Да ещё здесь, на полках должен лежать где-то Удар Семи Волн, который я видел в прошлое посещение. Сумею ли я отыскать в этих техниках что-то схожее, что смогу использовать уже в других? Да и приписка насчёт понимания стихии обещает очень многое. Для меня обещает.

Влил в свиток силу, вызывая к жизни чужую память и впуская её в себя. Привычно, пока она ещё была свежа, сделал записи, даже на пробу прогнал по меридианам силу и стихию. Удачно, что техника мне вполне по силам и узлам для первых созвездий. Печально, что я пока что не нашёл в этом Павильоне ни одной техники для сильных Предводителей

последних звёзд или и вовсе пиковых. Впору подумать, что Павильон всё же успели подчистить.

Не знай я, что Ян твёрдо верили в свою победу и имели на это все основания, да и времени у них на то, чтобы вынести самое ценное не было, то я бы...

Я замер, так и не взяв следующий свиток.

Или это время было? Пусть и не у них?

К чему, вообще, мастер Указов вышел в город? Почему не сидел в той главной резиденции, где сейчас заперлись верные слуги Ян? Захотелось показать свою силу? Верил в свою неуязвимость?

Нет. Не просто так он убивал всех, кто пытался обойти битву Властелинов по тем улицам. Не просто так.

Ладно дед Нулара, он изначально находился среди Властелинов, встречал нас и ушёл отсюда до падения формации защиты. Но разве мог он обходиться без помощника, на которого можно свалить всякую ерунду? И разве мог его помощник быть тем слабаком, жалкую попытку сопротивления которого я недавно видел?

Глянул на слугу, сразу сжавшегося под моим взглядом и заблеявшего:

— Г-господин чем-то недоволен?

— Скажи-ка, а у Павильона же был старший?

— Д-да, старейшина...

Я перебил его:

— Меня не интересует старейшина. Кто был главным над вами, слугами, кто следил за всем в отсутствие старейшины? Не тот же дурак, что сопротивлялся Кулакам?

— Н-нет, не он. Старший у нас Урвет.

— И он сегодня был здесь, — я растянул губы в улыбке, ощущая, как они лопаются, но не беспокоясь об этом. Недавно я чуть стеллаж с техниками земли не своротил, когда меня снова накрыло приступом боли от зелья, что мне эта незначительная боль от губ? — А когда защита Ян пала, то он... — видя, что слуга не торопится отвечать, а как замороженный пялится на меня, чуть нажал духовной силой. — Он...

Слуга охнул, осел под моим давлением и затараторил:

— Он прибежал сюда, пнул старого Патия, который попался ему на пути, орал на нас, забрал деньги из своей каморки, а затем убежал в резиденцию. Ну, туда, где собрались те, что

решили сдохнуть за Ян.

Я довольно кивнул. Вот и ответ. Деньги из каморки? Ищите дурака. Лучших техник здесь на самом деле не осталось. Возможно даже, что Морт и Илимия это прекрасно осознавали. Раз после исчезновения Указов остались верные Ян люди, то разве не справедливо предположить, что самые верные и служили в самых важных местах? Можно и не опасаться, что безмянный гость нахапает себе бесценных техник. Даже если они здесь когда-то и лежали. В тот мой первый приход, ведь всё равно их здесь не было, правда же?

— Г-гда-ах-х!

Слуга охнул, окончательно припал к полу, с дрогнувшего потолка посыпалась пыль.

Я застыл, выплеснул из себя восприятие Предводителя, оно упёрлось в стены Павильона техник, не сумело выбраться за пределы этого зала, чем-то ограниченное. Я крутанулся на месте, разворачиваясь к дверям и готовясь рвануть туда, но даже не успел толкнуть силу в Рывок.

Дверь в зал открылась, впуская ушедшего Кулака. Тот со смешком то ли спросил, то ли сообщил:

— Вот это жажнули.

— И не говори, — согласился оставшийся Кулак. — Страшно представить, сколько силы вложили.

— И всё равно ведь не пробили. Мощно закрылись уроды.

— Пробьют, подожди немного.

— Да что я? — хохотнул тот, что пришёл. — Вот, вернулся, тут и буду ждать.

— Ну тогда я пошёл, — тут же последовала мыслеречь. — А ты приглядывай, запоминай, где старший остановился, что глядел, что взял, какой полкой особо интересовался. Нам ещё отчитываться перед главой Мортом.

— Тебе отчитываться, я и так часть твоих дел переделал, так что буду тут стоять, просто закрыв глаза.

— Ты чего-то сегодня в ударе со своими тупыми шутками.

— Ох... Ну, а как ещё выкручиваться? Ормат погиб, Пенкла надвое разорвало, то, что осталось от Беарта можно в горшок сгрести и так хоронить. Выпить бы. Не самый лёгкий день сегодня был. Только и остаётся, что с натугой скалить зубы.

— Всем непросто. Выпьем. Вот главы дожмут Ян и выпьем.

Я покачал головой. Что за привычка топить неприятности и горе в вине? Не думаю, правда, что они уподобятся в этом Ориколу...

Боль снова скрутила, заставила меня опять покрыться потом и ухватиться за стеллаж.

Слуга опять дёрнулся, но учёл свои прошлые ошибки и не стал ни предлагать помощь, ни звать её, ни хвататься за меня, пытаюсь удержать.

В этот раз приступ оказался короче, а посторонний, чуть светящийся туман зелья в теле — более бледным, в сравнении с тем, что было раньше. Выдыхается. Ну или рассеивается по телу, теряя концентрацию, тут всё зависит от точки зрения и то, насколько оно хорошо лечит меня.

— Г-гда-ах-х!

Стеллажи воды закончились, оставив после себя ещё три интересные техники, кроме Удара Семи Волн, но и только.

Зато я, наконец, нашёл доказательство того, что я ничего не напридумывал себе с верным Ян слугой.

Я нашёл раздел составных техник, и он оказался пуст. С полоч явно сметали всё, что там лежало, торопясь и действуя на бегу — свидетельство тому оборванная табличка, опрокинутый Светоч и сломанный стул. Если на остальных стеллажах трудно было сказать, пустое место между свитков было всегда или здесь ещё вчера что-то лежало, то здесь всё было очевидно. Пустота, пустота и ничего, кроме пустоты.

Слуга попятился под моим взглядом, я же сделал шаг, наклонился, поднимая с пола свиток, закатившийся под тот самый сломанный стул. Похоже, это единственное, что я сумею получить от Ян из составных техник. Хоть Седого проси о заступничестве перед главами новой семьи. Недобрал, мол, редкостей безымянный гость, помочь бы ему.

Оковы Синих Пут.

Ранг: Земная, качество: среднее, стихия: вода. Составная.

Это случайно не то, чем меня сумели сковать на площади союза Текущей Воды?

Три части техники. Тогда неудивительно, что я долго не мог выбить держащих её. Слишком мало частей, сложно было угадать в той схватке, кого нужно бить. Но...

Я снова почувствовал, как лопаются только поджившие губы. Всего три части означают, что я удержу её легче, чем Барьер Прибоя, не так ли?

Пробовать нужно. Осадил я себя и позволил чужой памяти влиться в меня.

Первая моя составная техника, которую я учу со свитка. В секте старшего Тизиора я получал

от Фатии только схемы, вынужденный сам познавать сложности наполнения меридианов и прочее. Но по-другому мне техники там могли и не дать. Я ведь их просто собирал для числа, правда?

Неправда, конечно.

Какая интересная основа у свитка, трёхцветная — дерево отличается оттенком и, кажется, даже породой. Похоже, вливание в разные места даёт разные части для изучения. Но я принял их в себя все.

Я отчётливо ощущал три разных воспоминания, от трёх разных людей. Всё же я не зря немного лекарь. Пусть меридианы и узлы идущих почти одинаковы, но именно что почти, а моих знаний хватало, чтобы подметить в воспоминаниях эти незначительные отличия и быть уверенным в том, что технику на свиток записывал не один человек. Как и положено составной технике, я думаю.

И да, это точно была та техника, в которую я попался.

Одно за другим я пережил все три воспоминания, трижды пролетел вместе с неизвестными мне идущими по меридианам, наполнил узлы, замер, удерживая перед собой обращение, а внутри себя технику, пережил миг странного ощущения, когда они трое словно искали друг друга, стыкуя свои части техник в единое действие, а затем открыл глаза, торопясь перенестись в жетон и записать всё, что только что ощутил.

Сверху привычно оглушило:

— Гда-ах-х!

Но теперь даже пыль уже не падала с потолка, так что я и бровью не повёл. Которых у меня всё равно не было сейчас.

Зато, не успел я толком закончить заметки, как меня отвлек вполне обычный и негромкий шум за стенами зала. И не только одного меня. Два моих то ли сопровождающих, то ли приглядывающих, напряглись, один даже достал меч и приказал:

— Проверь, что там.

Впрочем, через мгновение это стало не очень нужно — раздался рёв:

— Эй! Здесь старший, который ищет троицу Бессердечной Суки?

Я окончательно вынырнул из мира жетона, опустил свиток, который всё это время зачем-то удерживал на уровне груди и сообщил, скорее своим сопровождающим, чем тому, кто орал снаружи:

— Здесь.

Сообщил и вновь ощутил, как лопаются в ухмылке едва поджившие губы. Это ведь то, о чём я думаю?

Глава 10

Предчувствия меня не обманули.

Несколько десятков вдохов и в хранилище, оттерев от дверей замешкавшегося стражника, вломился незнакомый мне идущий с гербом союза Железного кулака на халате. Плечистый, мрачный и небритый. Он вперил в меня взгляд карих, глубоко посаженных глаз, чуть дёрнул уголком рта, а через миг склонился в приветствии:

— Старший!

Следом за ним в хранилище стремительно ворвались и его подчинённые, да не одни, а волоча под руки всю троицу: Лаю, Мирака и Агиша.

Мрачный Кулак разогнулся, быстрым жестом обвёл всю закованную в кандалы троицу:

— Старший, я выполнил приказ своего главы. Это те, кого вы просили найти: Бессердечная Сука и два её подчинённых. Вверяю их в ваши руки и вашу волю, старший.

Не успело это громкое и внушительное заявление стихнуть, как мрачный и его люди исчезли. Так же шустро, как и появились.

Я вспомнил, что всё ещё сжимаю в руке свиток, разжал пальцы, смявшие шёлк, смотал его на основу, отвернулся от троицы и неспешно вернул свиток на полку, уместив его пусть и совершенно не туда, откуда взял, но точно в том же положении.

За эти мгновения напомнил себе: сейчас я ощущаюсь не так, как раньше, выгляжу не так, одет не так и даже голос у меня сейчас не тот, что был у Орзуфа. Просто потому, что я вдыхал воздух, насыщенный стихиями и силой и горло испытало на себе их дикую и необузданную моими змеями мощь.

Развернулся и так же неспешно и пристально оглядел всю троицу. Чуть оборванные и помятые. У Мирака пара ран. Похоже, он сильнее всех упрямился, когда их отыскивали Кулаки. Каждый из них сейчас боялся, но умело скрывал свой страх, не позволяя ему вырваться и...

Лая, похоже, решила, что молчание не лучший способ выкрутиться из оков, она первой нарушила тишину, повисшую в хранилище техник. Начала с того же, с чего начали бы беседу девять из десяти идущих — согнула спину, подняла перед собой руки, звякнув цепями, и приложила кулак к ладони, одновременно опуская взгляд.

Голос её был ровен и ничуть не дрожал, не смотря на её положение:

— Старший. Я прошу прощения за дерзость, но не могли бы вы назвать причину, по которой

искали нас? Боюсь, что мы впервые встречаемся с этим старшим. Если мы случайно обидели этого старшего, то готовы принести извинения и искупить свою вину перед этим старшим.

Так она и застыла, глядя в пол и ожидая моего ответа. Ни единой мысли я не слышал. Да и вряд ли кандалы на руках этой троицы лишь для вида.

Помедлив, я негромко произнёс:

— Раз уж те, кто привёл вас ко мне, не позаботились о том, чтобы сообщить вам причину, то сделаю это сам. Мне несложно.

Снаружи снова грохнуло, заставив Мирака дёрнуться, но вот Лая, Лая осталась недвижима, словно статуя.

Поглядим, сумеет ли она остаться такой же невозмутимой после моих слов.

— Я гость в этом городе, — начал я неспешно и негромко. — Я был знаком с местным алхимиком Пиатрием, — теперь шевельнул уголком рта Агищ, и я тут же перевёл взгляд на него и с расстановкой продолжил, — и считал его своим благодетелем. Нефрит души моего благодетеля треснул, и я появился в этом городе, чтобы выяснить его судьбу.

У Мирака появились бисеринки пота над верхней губой. Я, не скрываясь, пристально уставился на него, растянул горящие от боли губы в подобие улыбки и принялся рассказывать дальше:

— Выяснилось, что мой благодетель оказался за стенами города в одиночку из-за козней одного из Ян — так называемого Нулара. Нулар получил своё наказание и мёртв.

Мирак, успевший за то время, что я не видел, осунуться и обрести неприятного вида щетиной, не выдержал и затараторил, захлёбываясь в словах:

— Рад, что месть старшего так быстро свершилась, мы и сами были пойманы людьми Нулара и оказались в той же заднице, что и Пиатрий...

Лая стремительно разогнулась, ожгла Мирака злым взглядом, от которого он подавился словами, с трудом выдавил из себя:

— С-спасибо, старший, за... за...

Лая развернулась и, наконец, открыла рот, закончив фразу за Мирака и словно невзначай сдвинувшись при этом так, что закрыла его от меня. Как будто это мешало моему восприятию Предводителя видеть, как он начал потеть ещё сильнее.

— Спасибо за восстановление справедливости, старший.

Зря она так. Использованное ею слово ужалило точно в сердце. Теперь меня скрутила не боль от лечилки Властелина Духа, а злость и ярость.

И видимо, не только скрутили, но и выплеснули наружу, потому как Лая-то осталась на месте, а вот оба её подчинённых сделали пусть и крохотный, но шаг назад.

— Справедливость... — прошипел я, оглядывая всех троих.

Справился с собой, задавил злобу, отнял руку от груди, с удивлением оглядел её. Может, это всё же была боль от лечилки? С каких пор злость заставляет меня хвататься за сердце? Неважно.

— Я знаю, что вас изначально было пятеро. Пятый, Властелин Духа Аранви и рассказал мне всё, что произошло с вами после похищения. Но его рассказ оканчивается на том моменте, где он, Властелин Браут и Предводитель Воинов Орзуф остались сражаться с големами, чтобы дать время уйти остальным идущим.

Я замолчал. Лая продолжала стоять, не изменившись в лице ни единой чёрточкой. Мирак тоже держал себя в руках, пусть по-прежнему потел, а вот у Агиша начал дёргаться глаз.

— Вы трое стоите передо мной, почти целыми, а главное, живыми, а вот тело моего благодетеля Пиатрия Властелин Аранви отыскал на половине пути из зоны запрета техник. И мне бы хотелось знать, как так вышло, что вы живы, а он нет.

Лая шевельнулась, привлекая к себе моё внимание:

— Старший, позвольте ответить мне. Старший, мы все были в тяжёлом положении — над головой нависал шар Бедствия, сзади догоняли сотни големов, а вокруг простиралась зона запрета техник. Мы все бежали, стараясь выбраться из этой ловушки, наши ряды смешались, и мы потеряли алхимика Пиатрия. Старший, мы сочувствуем вашей потере, но, похоже, алхимик просто выбился из сил. Зона запрета оказалась очень велика, старший, а его выносливость, вероятно, не соответствовала его рангу. Большого я не знаю, старший, возможно, другие идущие, что тоже были там, могли бы сообщить вам больше.

— Ты предлагаешь мне расспросить ещё и остальных беглецов? Сестёр и Пепельных?

Лая уверенно кивнула:

— Это нужно, чтобы составить полную картину случившегося, старший.

На несколько вдохов я задумался, на миг я даже усомнился, не зря ли не стал задавать свой вопрос о Пиатрии после лечения Таны. Но только на миг, потому что Агиш скривил губы за спиной Лаи и добавил и своё мнение:

— Если уж наказывать за случайность, то всех, а не только нас, вольных. Там были люди двух союзов и люди Ян. Это Поле Битвы, такое...

Интересно, Лая правда думает, что жест пальцами, который она сделала, не поднимая ладони от бедра, я не замечу?

Если уж заметил Агиш и закрыл рот, то у меня что, нет глаз, ушей и восприятия Предводителя?

Я процедил:

— После того как я озвучил свои условия помощи старшим Морту и Илимии, они сразу же начали действовать. Первое, что мне сообщили их люди, это твоё прозвище, Лая. Бессердечная Сука. А ещё мне сообщили, за что именно ты его получила.

Лая стиснула зубы, губы её превратились в тонкие, бледные нити, но уже через вдох она разжала их и уверенно произнесла:

— Поле Битвы действительно жестокая вещь, старший. Уверена, вы знаете это. Да, иногда те, кто выходил со мной на Поле Битвы, на нём и оставались. Потому что оказались в итоге слабы, трусливы и никчёмны.

— Как алхимик Пиатрий?

Глаз у Агиша снова дёрнулся, и в этот миг снаружи жахнуло особенно сильно, вновь заставляя сыпаться с пололка пыль, которая, как я думал, закончилась там уже давно.

Это дало Лае время подумать над ответом, но она всё равно сказала прямо и ничего не скрывая:

— Да, алхимик Пиатрий был из тех, кто не подходил для Поля Битвы.

— Но имеет ли это хоть какое-то значение в этом случае? — спросил я в ответ, — Вы стали с ним товарищами по несчастью, нужно ли было его бросать на середине дороги, тем более там, где вам хватало сил его вытащить, как бы никчёмен он ни оказался? Ведь вытащил же Гравен Тану, которая даже идти не могла?

Лая отрезала:

— Алхимика никто не бросал, старший. Мы перемешались, потеряли друг друга, а...

Я закончил за неё:

— А когда заметили пропажу, то даже не подумали возвращаться.

— Не рискнули возвращаться, старший, — поправила меня Лая, — потому что не знали, справились ли старшие, задержали ли големов или те...

— Или те бегут в ста шагах от вас и видны любому, даже Закалке?

— Старший, может...

Я вскинул руку:

— Помолчи! — честно признался. — Я ранен, меня терзает боль от лечебного зелья и нет никакого желания перебрасываться доводами, — чуть дольше пауза мне потребовалась на то, чтобы отыскать в кольце нужные вещи. Когда они звякнули в моей руке, сообщил. — Когда-то это были оковы, схожие с теми, что надеты на вас. Но сейчас это ещё и артефакты Истины, которые, наконец-то, позволят мне получить ответы, а не выслушивать, как вы искажаете правду, выкручивая её в своё оправдание.

Швырнул три пары наручников из красноватого металла левому из Кулаков стражников, всё это время с интересом наблюдавшего за происходящим от дверей в зал. Приказал:

— Надень на них.

Разумеется, никакими артефактами Истины оковы не являлись. Они, предназначенные для Мастеров, даже забрать силы у Предводителя Лаи и её подчинённых не смогли бы. Но ведь здесь был ещё и я.

Первое, что я спросил, когда Кулак закончил:

— Почему вы не сбежали из города сразу после возвращения, Бессердечная Сука?

Теперь уже у неё дёрнулся уголок рта, но соврать она даже не попыталась:

— Мы много лет вкладывали духовные камни в пару дел. Пока забирали свою долю, в городе началась грызня и Ян закрыли портал.

Я кивнул, принимая то, что показать действие своих Указов Истины не получилось и перешёл к делу:

— Пиатрий отстал?

Лая твёрдо, глядя мне в глаза, ответила:

— Да.

Я сам отвёл взгляд и перевёл его на Мирака, повторил вопрос:

— Пиатрий отстал?

— Да.

Я повторил вопрос и в третий раз, и в третий раз получив тот же ответ:

— Да.

Я вернулся взглядом к Лаяе и задал новый вопрос:

— Это произошло случайно?

И получил три ответа:

— Да. Да. Да.

— Ты видела, как он отстаёт?

— Нет, — тут же раздался твёрдый ответ Лаи.

— Нет, — без промедления ответил Агиш.

— Нет, — сказал Мирак и тут же захрипел и согнулся от боли.

У Лаи расширились глаза, она обернулась, вперив в него взгляд.

Я же, ощущая, как губы растягиваются не в улыбке, а в оскале, прошипел:

— Советую ответить правду, прежде чем Истина заставит тебя сдохнуть от боли.

— Видел, видел! — провыл Мирак и тут же растёкся по полу, хрипло, с надрывом втягивая в себя воздух.

Два цвета не слишком ли? Я задумался об этом лишь на миг, и тут же ответил сам себе. Нет, не слишком. Не в Пятом поясе, не с много чего повидавшими Предводителями. Разумеется, я пойму всё и так, как бы вынослив на боль ни оказался мой собеседник, просто по сиянию знака Истины над его головой. Но с болью и наказанием, которые ясно видны всем вокруг — выходит лучше, ярче, весомей.

Мирак отдышался, оторвал от пола затылок, впился в меня взглядом, ярко горевший ненавистью на сером от боли лице:

— Да! Видел! Всё, ты нашёл виновного в смерти своего приятеля. Давай! Убей меня, да и дело с концом!

Я покачал головой:

— Ты думаешь так легко отделаться? Принести себя в жертву? — раньше, чем он успел ответить, приказал. — Молчи.

Через миг уже глядел в глаза Лае. Той самой Лае, которая так много мне как-то высказала про понимание намёков и опыт, про то, что не пристало вести себя как юнец и прочее.

Снаружи снова жажнуло. Что-то они начали частить. Нащупали слабое место? Может, и рассвет близок? Всё же я успел немало техник выучить за это время.

Не торопясь, ощущая себя, как Мад, который каждым шагом отрезает жертве путь к бегству, спросил:

— Понимала ли ты, Лая, что Пиатрий отстанет?

Она и не подумала отпираться:

— Понимала.

— Сделала ли ты что-то, чтобы оторваться от Пиатрия?

— Сделала, — снова честно ответила Лая, да ещё и глядя мне глаза в глаза, добавила. — Прибавила ходу, вырываясь в первую треть той толпы, и приказала сделать это и этим двоим.

Мирак испуганно прошипел:

— Лая. Что ты творишь...

К нему тут же шагнул ближайший из Кулаков, пнул по рёбрам:

— Тебе приказали молчать!

Лая не стала оборачиваться, вместо этого криво мне улыбнулась и развела руками:

— Ну что, старший, ты всё выяснил, дорылся до правды. Да, это я решила, что твой благодетель никчёмный слабак, и бросила его на Поле Битвы. Да, я обменяла его жизнь на свою. Не заслужил он, чтобы я тащила его на руках, тратила на него свои силы. Давай, убей меня.

Я изумлённо покачал головой:

— Что же вы всё просите убить себя? — впрочем, ответ на этот вопрос мне не требовался, всё было ясно и так. — Удивительно, насколько вы трое верны друг другу. Жаль только, что даже крохи этой верности не способны дать другим.

— Давай без нравоучений, кусок ободранного мяса.

Рядом с Лаей тут же оказался один из Кулаков, пнул её под колено, заставляя со стоном рухнуть на пол, рывкнул над ухом:

— Не смей оскорблять гостя главы Морта!

Лая и не подумала послушаться, продолжила выпрашивать:

— Жаль, что мастер Указов тебя не прикончил.

Я хмыкнул:

— Спасибо за подсказку, — вперил взгляд в слугу, что до этого водил меня по Павильону

Техник, а теперь, прижимаясь к стеллажу со свитками, жадно глядел оттуда на происходящее:

— Ты!

— Д-да, господин, — подскочил тот от испуга.

— Есть в этом поместье свитки контракта? Для Предводителей.

Слуга сглотнул, захлопал глазами, но всё же сумел ответить:

— Не знаю, господин. Может, найдутся в хранилище старейшины Павильона.

Теперь я развернулся к ближайшему из Кулаков.

— Ты, отправляйся с ним и принеси мне три таких свитка. Лучших, что там найдутся.

Кулак замялся, но его старший тут же рявкнул:

— Живо! Только туда не суйся, там наверняка формация от воров есть. Возьми Шустрика и живо метнись с ним к Дому Найма, тому, что у рынка-трёшки. Пнёшь дверь, пригрозишь, купишь, слышал, купишь у них три, нет, четыре свитка для контракта с Предводителями и бегом обратно. Хорошие свитки купи, не дешеви, придурок.

— Понял, бегу.

Сам же главный из Кулаков тут же шагнул ко мне:

— Сейчас всё устроим, старший, — ткнул в плечо уже шагнувшего было к выходу слугу. — Ты там не нужен. Вернулся на место.

Слуга пару мгновений повертел головой, переводя взгляд с меня на Кулака, но, видя, что я молчу, тихонько вернулся к своей полке и постарался с ней срастись.

Времени, конечно, это всё заняло изрядно: Лая успела ещё пару раз попробовать разозлить меня, я успел проглядеть с десятков техник из тех, что отложил на второй круг, успел даже снять свои кандалы с этой троицы и прочее.

Лая успокоилась только тогда, когда я спросил, не думает ли она, что от злости убью, вообще, всех троих?

Больше всего я волновался, что этот Дом Найма окажется пуст, разграблен или что-то в этом роде и свитков так и не найдут.

Но нет, приволокли. Четыре штуки, как и требовал Кулак, даже не знаю зачем. Правда, не очень высокого качества, явно хуже, чем тот контракт, что я заключал в камерке Хурта, но главное — видимость — будет соблюдена.

Я в который раз оглядел Лаю и её двойку подчинённых, которых Кулаки усадили на колени передо мной. Перед каждым положили свиток и кисть с чернилами.

Довольный, я кивнул и сообщил:

— Моего благодетеля предали многие в этом городе. Главный виновник уже мёртв. К сожалению, я даже не успел задать ему ни одного вопроса, его настигло возмездие Властелина Аранви, которого он тоже успел задеть. Но я не такой добрый человек, как старший Аранви...

В этот миг я порадовался, что Седого нет рядом и что он слишком занят, чтобы подслушать вот это — то, как я в очередной раз называю его старшим, да ещё и по имени.

— Я хочу от вас совсем другого. У моего благодетеля осталась семья и дело. Управляющий алхимической лавкой уже заключил со мной контракт, где поклялся верно служить семье Пиатрия, развивать его дело, поклялся, что не присвоит даже единого духовного камня. Но долго ли протянет это дело без участия Предводителей? Даже не буду проверять. Вы трое причастны к смерти моего благодетеля и будете искупать свою вину. Берите кисти и пишите. Я, имя, клянусь...

Мирак даже не подумал взять кисть, вместо этого спросил:

— А что, если я не буду писать?

Я улыбнулся, глядя на него, и сообщил:

— Тогда тебя заставят.

— Это не так просто сделать и сохранить почерк разборчивым.

— Ты удивишься, но твой почерк вообще не нужен на этом свитке. Я могу написать на нём всё что угодно, а затем под страхом смерти заставить тебя влить в него духовную силу.

— Для этого нужно будет снять с меня хотя бы половину кандалов и тогда...

Я устал, поэтому выпустил из тела духовную силу, окутал ею всю троицу, вминая в пол, заставляя их хрипеть в попытке втянуть в грудь хоть каплю воздуха, и поставил их перед простым выбором:

— У вас два пути. Первый — я выжигая вам средоточия и отпускаю. Второй — вы остаётесь целыми, но становитесь долговыми слугами семьи Пиатрия. Решайте.

Они упрямылись. Хрипели, задыхались передо мной, неспособные, по сути, такие же как я, Предводители, даже подняться на четвереньки, не то что утвердиться в полный рост. А ведь разница между нами не так уж и велика. Три, четыре звезды? Слабаки.

Но слабаки гордые.

Я вздохнул. Да ещё и царапнуло воспоминание о нравоучении, которое когда-то мне дали. Много ли толку в верности тех, кто тебя ненавидит? Можно ли доверять спине, ребёнку и дело тому, кто на самом деле только и жаждет отыскать в своём Указе слабинку, отыскать всего на миг, а затем вбить тебе в спину меч?

Разве не поэтому я в итоге пришёл к тому, что мне служат по своему желанию? Разве не по своему желанию умирали за меня мои люди в походе к Ордену Небесного Меча и в городе Тысячи Этажей?

Вдвое ослабил давление духовной силы, втянул лишнее в себя и негромко заговорил:

— Кем вы были? Что о вас мне рассказывали? Троица слабаков, которые перебиваются от добычи до добычи, водят новичков, бегают на побегушках у Ян, даже не смеют углубиться на Поле Битвы, отлично осознавая пределы своей никчёмной силы.

Видя, что Мирак уже открывает рот, чтобы что-то прохрипеть, не желая проверять, что он может ляпнуть, вернул давление на него, заставляя его вновь забыть обо всём, кроме борьбы за глоток воздуха.

— И что я предлагаю вам? Присоединиться к уважаемой, пусть и небольшой семье, стать её частью, получить под руку целый отряд опытных идущих, которые не один год выплачивали за всех людей мастерской Пиатрия налог для Ян. Я предлагаю вам не просто искупить свою вину, а стать если не вторыми, то третьими людьми в этой семье. Доступ к алхимии и техникам, на которые вы могли раньше только заглядываться, возвышение если не к Небу, то к людям, которые много чего решают в городе.

Теперь дёрнулась Лая. Вот ей я не стал мешать высказаться, не стал давить сильнее, чем до этого.

— Вас послушать, так вы пришли нас осчастливить!

— Я пришёл восстановить справедливость. Вы можете воспринимать это, как наказание и потерю десяти лет жизни, я же предлагаю увидеть в этом шанс.

Агиш тут же заметил мою оговорку:

— Десять лет? О чём ты?

Я изумился:

— Ты? Вы все здесь считаете, что у моего терпения нет границ? Вы хотите получить шанс после смерти моего благодетеля или хотите сдохнуть, раз за разом оскорбляя меня?

Лая дёрнула губами, глотая ругательство, и Агиш тут же извинился:

— Прошу прощения, старший. Десять лет, вы сказали?

— Я считаю, что отслужить десять лет в семье погибшего Пиатрия будет справедливо, — недовольный своей мягкостью, недовольный тем, что раз за разом иду на уступки этой троице, со злостью спросил. — Или проще убить вас, да и закончить с этим? Нулар мёртв, люди, выполнявшие его волю — мертвы, осталось сделать мёртвыми вас, верно?

Лая дёрнулась, снова попыталась встать, но не преуспела и хрипло, торопясь, произнесла:

— Старший, мы принимаем ваше наказание. Десять лет службы семье алхимика Пиатрия.

Я втянул в себя ещё часть силы, уравнивая давление на всех троих, позволяя Мираку дышать, даже позволяя всем троим встать, но продолжая немного давить, словно держа руки у них на плечах:

— Пишите, клянись в верной службе, в том, что будете беречь жизнь наследника Пиатрия и его жены как свои, что не будете замышлять против них и их дела и прочее. Мне ли вас учить, что писать, при составлении контракта, чтобы наниматель остался доволен и не боялся насчёт предательства?

Переведя взгляд на мрачно ухмыляющегося Кулака, который вспомнил о ближайшем Доме Найма, спросил:

— У тебя есть опыт контрактов? Телохранителем или наёмником?

— Э-э-э, да, старший, — удивился тот вопросу, но не замедлил с ответом.

Я, довольный, приказал:

— Проследи, подскажи, что им писать, пни их, если попытаются ловчить.

Вряд ли ему понравилось то, что я дал ему задание, но внешне его лицо так и осталось невозмутимой маской:

— Слушаюсь, старший.

И он тут же шагнул к переглядывающейся троице, со всё той же ухмылкой спросил:

— Вы не слышали пожелание старшего? Руки прочь от свитков! Сначала составим текст контракта на простой бумаге, я не собираюсь ради вас терять время в поисках новых свитков. Ты, слуга, живо бумагу нам!

Сотня вдохов, три правки от вьедливого Кулака и контракты оказались заполнены. Места в них едва хватило, но хватило на весь текст клятвы, со всеми условиями и дополнениями.

Я чуть усилил давление на троицу и растянул губы в улыбке:

— Ну что, капаем кровью, вливаем духовную силу?

Снова лопнула губа, пуская струйку горячей крови по подбородку и дальше. Лая медленно кивнула и вытянула вперёд руки, намекая, что пора снимать кандалы.

Кулаки разошлись пошире, только один шагнул вперёд, сжимая в руке какой-то артефакт. Не заметил, кстати, когда он получил его от Мрачного. Меня на миг кольнул стыд. Что я там думал про себя о слабости этой троицы? Легко давить на тех, кто скован и лишён сил, став, по сути, Закалкой, тут бы любой справился, а не только Предводитель.

Но стыд тут же исчез, а я просто добавил силы в давление, едва с Агиша упал первый браслет. Ну-ка, насколько вы близки по силе к Морту, главе Кулаков?

Ни насколько. Я не надавил ещё и в половину силы, я не добавил даже духовного удара, а Лая уже охнула и посерела.

Я хмыкнул, удержал давление ещё вдох, а затем ослабил его. Спокойно напомнил:

— Заключайте контракт.

Сам же проверил запасы духа. Сегодня я только и делаю, что трачу его. Чтобы украсть печати Морта и Илимии, чтобы спасти горожан, подчинённых мастером Указов, чтобы выжить в схватке с самим мастером Указов в ранге Властелина Духа. А вот времени на то, чтобы помедитировать, чтобы восстановить запас — увы, так и не нашёл.

К счастью, боевая медитация, которую ещё в Школе Морозной Гряды нас обучили удерживать непрерывно, восстанавливает не только духовную силу и стихию, но и дух тоже, чем бы он ни был и где бы он ни хранился у меня.

Да и нужно мне здесь не так много, к тому же есть возможность схитрить.

Для начала я подчинил себе все печати, что у них нашлись, а затем рассеял, рассёк их, сделав свободными от всех старых обязательств. Затем я подчинил себе контракт, который соткался над ними за это время. Но здесь я стирать ничего не стал, напротив, наполнил до предела, а затем потратил оставшиеся силы для того, чтобы добавить второй цвет.

Добавил бы и третий, мне не жалко, но трёхцветный Указ над слугами какой-то безвестной семьи из города, что когда-то принадлежал Ян? К чему вызывать у чужих мастеров Указов лишние вопросы? Два цвета и моего Возвышения хватит за глаза и для Лай, и для этих двух.

Медленно кивнул:

— Поздравляю с началом служения семье погибшего алхимика Пиатрия. Первым же заданием в вашем служении станут похороны Пиатрия. Прими его тело, Бессердечная Сука.

— Рот закрыли, — прошипела Лая, мне же спокойно ответила. — Слушаюсь, старший.

Шагнула вперёд, принимая у меня из рук кисет.

Я тут же добавил:

— Я бы советовал вам разделиться. Кому-то остаться в городе, а кому-то отправиться в Иррулан, там сейчас находится жена и сын Пиатрия. Он учится в Академии клана Араун.

— Спасибо за совет, старший, — поклонилась Лая.

Я помолчал, пытаюсь понять, верно ли поступил, всё ли сделал так, как нужно было. Так и не понял. Прощедил:

— Свободны.

Старший из Кулаков мгновение смотрел на меня, а затем жестом приказал напарнику у дверей шагнуть в сторону, и в этот миг снаружи опять жажнуло, а следом ещё и ещё раз.

Кулаки и Пепельные с той стороны дверей весело загомонили между собой:

— О! Похоже, вот-вот Ян выковыряют из скорлупы. Шустро они. Наконец-то, отомстим за главу Арека.

Лая и её двое косясь то на меня и свитки, которые я убирал в кольцо, то на Кулаков, двинулись к открытому для них выходу из зала, и в этот миг до всех донёсся хриплый голос, в котором я с трудом узнал голос Морта:

— Всем прочь от битвы, не смейте приближаться, если вам дорога жизнь.

Кулаки даже не успели переглянуться, как к нам, едва не сбив с ног Лаю, ворвался один из тех, что обыскивали поместье, ринулся к левому из Кулаков:

— Старший, беда! На глав напали!

— Что?

— Кто?

— Кто-то перешёл через портал и первым же ударом убил старшего Пепельного союза! А сейчас давит на остальных!

— Кто-то? Он что, один?

— Да, старший! Один!

Я не успел ни шагнуть к дверям, ни задать свой вопрос, как у меня в голове рявкнул Седой:

— Орзуф! Сюда, живо!

Не размышляя ни мгновения, я влил в Поступь силу и стихию, рванув прочь из Павильона

Техник Ян. В спину догнала запоздалая мыслеречь Кулака:

— Старший, куда вы? А нам что делать?

Я толкнул обратно короткое:

— Спрашивай у своих старших.

Я в это время уже стоял снаружи, в саду, что окружал здания поместья и впился взглядом в ночное небо, расцвеченное всполохами битвы.

Вытянул вперёд руку, собираясь достать меч и подняться выше, но тут же опустил её и выругался себе под нос. Нет больше моего меча, не время сейчас проверять, может летать он или нет. Как не время и подниматься над крышами. Тут или одни, или другие ударят по тому, кто осмелился подняться в воздух. И не стоит надеяться, что ни у кого не найдётся на это ни времени, ни сил.

Пять вдохов бега, короткий Рывок и я уже на крыше трёхэтажного дома, откуда отлично видна сама схватка.

И нет. Там нет схватки все наши против одного врага, я вижу толпу Властелинов с нашей стороны, и толпу Властелинов напротив. И кучу техник, которыми они садят друг по другу.

Только это ничего не значит, потому что я не вижу одной детали — защитной формации над поместьем основателя Ян.

Ян дождались подмоги и сами вылезли из-под неё.

— Орзуф! Хватит глазеть. Развернись левой. Ещё левой. Видишь?

Видел. В глубине квартала Ян, правой Павильона Техник сияла в темноте полусфера защитной формации, чуть другого цвета, но безошибочно угадываемая.

— У нас проблемы. Похоже, Ян успели отправить просьбу о помощи, а самое плохое, что сумели эту помощь найти.

Я не удержался:

— Он и правда один? И так силён?

— Да, правда. Пиковый Властелин достаточно силён для тебя?

— Так что, нам его не победить?

— Ты там поглупел, пока выбирал техники, малец? Разумеется, нет!

— Нужно бежать?

— Нам? Не выйдет. Он пришёл сюда не столько для помощи Ян, сколько, чтобы убить меня. Только двинусь с места, отвернётся от Ян и рванёт за нами, а без помощи я тем более с ним не справлюсь.

Я понял, к чему он ведёт и помотал головой, словно Седой мог меня видеть:

— Не получится. Я только что потратил всю силу духа. Не смогу украсть печати даже у Закалки.

— С ним это и не поможет, — зло оборвал меня Седой. — Я для чего тебе сказал развернуться? Дуй к этой формации. Живо.

Я вдохнул, выдохнул и сорвался с места в длинном Рывке, стремительной тенью проносясь над домами и морщась от рвущих только зажившую плоть ножей ветра.

Впору использовать ту защитную технику, что выучил для полёта на чужом мече.

Только не время.

Впечатавшись ногами в черепицу, застыл на месте, оглядывая руки. Выглядит так, словно воздух стал шершавым камнем и ободрал меня.

Прыгнул вниз, вливая силу в созвездие Поступи. Так будет лучше, иначе я снова обдеру себя до мяса, прежде чем доберусь до места. Седой, чуть помолчав, начал, наконец, объяснять:

— Учитывая мощь, которую он может провести через Врата Силы, наш проигрыш лишь дело времени. Единственный выход выкрутиться из этой жопы, это воззвать к силе, которая перевесит его. Нужно, чтобы Илимия вызвала Стража.

Я не удержался и перебил его:

— Разве это не уловка, чтобы отыскать предателей?

— Нет. У неё действительно есть амулет связи, но ему мешает формация запрета. Ты должен её снять.

— Я? Я как бы не очень хорош в формациях, если не сказать грубее. Почему не ты?

— Потому что Зал Запретов находится под защитной формацией там, куда ты бежишь. Там, где укрылись верные Ян слуги. Отправить любого другого — это рисковать, что он не справится. Только ты можешь заставить даже верного слугу выполнить твой приказ.

— Я всё истратил, — напомнил я, невольно замедляя бег. — Я совершенно пуст, до самого...

— Отыщи, — отрезал Седой. — Что хочешь делай, но ты должен не убивать там слуг, а отыскать того, кто отведёт тебя в Зал Запретов и снимет запрет на Нефриты Голоса.

— Да почему...

— Потому, что это сможешь сделать только ты. Мы все сдохнем, если ты не справишься, понял?

— А если я просто сбегу?

— Можешь и бежать, — спокойно ответил Седой и тут же спросил. — Так что, я рассказываю план или не мешаю тебе бежать прочь?

Я скрипнул зубами.

— Рассказывай.

Седой фыркнул и тут же охнул, а небо сзади осветила яркая вспышка. Я тут же оборвал Поступь, обернулся и застыл, глядя на гаснущее зарево в той стороне.

Через миг Седой снова заговорил со мной, и в его голосе явственно ощущалась натуга:

— Действуем быстро. Надеюсь, ты уже рядом с резиденцией...

Я, помянув дарса, отвернулся от зарева схватки и рванул вдоль по улице.

— ... наш шанс, пока ещё целы хотя бы восемь вспомогательных формаций в том, что я сожму их силу, добавлю свою и постараюсь на долю мига проломить защиту резиденции. Ты за это время должен через пробой оказаться на той стороне.

— Как ты себе это представляешь?

— Ты на месте?

— Нет ещё.

— Торопись и меньше болтай.

Я опять выругался и поднажал, терпя боль. Халат растёр плечи. О ногах и говорить нечего, ткань штанов промокла от крови, а в сапогах ощутимо хлюпало при каждом новом шаге Поступи Роака.

Как не вовремя Седому понадобилась моя помощь, как мастера Указов. Не мог раньше, до контрактов Лаи припереться этот помощник Ян? Не мог Седой раньше, до того как я рванул на его зов из Павильона Техник, объяснить свою задумку и моё в нём место? Я бы хоть забрал свою силу из их контрактов. Меня бы после этого точно хватило на трёх Предводителей. Вернее, хватило бы, чтобы украсть у них печати.

А теперь?

Я могу оценить средоточия и остатки духовной силы и стихии. Но до сих пор не могу оценивать запас духа для печатей Указов. Что, если мне не хватит самой малости, и я не смогу заставить слуг Ян...

Какой бредовый план. Кто его, вообще, придумал?

Сам себе и ответил. Седой. Только он и знает о моём таланте.

Толкнул злую, недовольную мысль, щедро вливая в неё силу:

— На месте.

Покрутил головой, оценивая купол защиты, накрывший довольно высокое поместье с неизменным садом вокруг. Пелена формации начиналась в ладони от невысокого каменного забора, который окружал поместье. Ну, в ладони на углах, а здесь, напротив входа, добрых полсотни шагов между ними. Всё же поместье — квадрат, а формация — круг.

Не дождавшись ответа от Седого, вложил ещё больше силы в мыслеречь, холодея от страха:

— На месте!

Что, если для Указов и мыслеречи используется одна сила, сила духа? Что если у меня сил уже так мало, что...

— Отлично. Ищи вход. Над ним чёрное шёлковое полотнище с надписью «Сотни лет процветания».

Я снова мазнул взглядом по арке ворот и полотнищу. Цвет, надпись совпадают.

— Нашёл.

— Вот и стой ровно посреди улицы, ровно напротив входа в десяти бу от пелены.

Я моргнул, вызывая в памяти уроки Фатии. Десять бу это сколько шагов? Пятнадцать? Да, где-то так.

Сообщил:

— Отмерил, стою.

— Сейчас я начну обратный счёт до удара. Ударов будет несколько, чтобы расшатать структуру формации, но главный из них я нанесу точно напротив тебя и пелена защиты должна будет на миг истончиться.

Я кивнул, прикидывая, что лучше, использовать Коготь в Рывке или накачать силой Штормовое Копьё, чтобы пробить остаток защиты, но Седой ещё не закончил говорить:

— Не позже чем через полвдоха после моего удара ты должен пролететь сквозь истончившееся место. Причём пролететь Закалкой. Оно пропустит только Закалку. Ты меня понял? За миг до столкновения ты должен стать Закалкой, а через миг после него вернуть свои силы и быть готовым сражаться за свою жизнь, но не убивать.

Я покрутил шеей. Да уж. Тут точно никто другой или никто другой без моей помощи не справится. Как Седой вообще объяснял свой план остальным? Или остальные об этом плане и не знают? Или знают только то, что решил сообщить им Седой?

Спину вдруг кольнуло. Едва-едва ощутимо, но всё же.

Я слизнул кровь с губ и медленно повёл головой, прислушиваясь к себе.

Это приближается время удара Седого, который, может быть, так же опасен для меня, как и Сути Стихий за спиной или же из сада резиденции Ян на меня сейчас глядят глаза его защитников, выбирая, куда вбить меч?

— Ты меня понял?

— Понял.

— Ты готов?

— Седой, что я тебе на это отвечу? Кого мне, вообще, искать под формацией?

— Знал бы, сказал. Десять.

— Дарсов тупой план.

Что-то я слишком много ругаюсь сегодня. Слишком много ругаюсь сейчас.

— Девять.

Пролететь? Испытывать повреждения летающего меча сейчас совсем не время. Как и привязывать к себе чужой.

Значит — Рывок.

— Восемь.

К Рывку нужна ещё печать Указа.

С опаской я очертил над головой пустую печать, но мне хватило сил на неё, не возникло и малейшего ощущения тяжести на плечах.

— Семь.

Я чуть повеселел. Уже проще. Уже одного точно, а может быть и двух Предводителей, я сумею подчинить себе.

— Шесть.

Прикинул расстояние, которое мне нужно будет пролететь в Рывке. Подумал и сделал три шага вперёд, потому что пятнадцать шагов для полёта на мече это немного, а вот для Рывка, да ещё и... Мысли сбились, потому что ощущение жала между лопатками сразу стало сильнее и ярче — холодная, колкая сталь.

Интересно.

— Пять.

Подготовил в печати символ времени. Вдох. Этого мне хватит, чтобы Закалкой проломить формацию.

— Четыре.

Неспешно повёл духовную силу по меридианам, медленно наполняя небольшое созвездие Рывка, которое со мной уже многие годы и сейчас должно в очередной раз выручить меня и ещё огромную толпу идущих из союзов.

— Три.

— Два.

Небо позади налилось светом, словно в мою сторону нёсся огромный клубок холодного огня.

— Один.

С неба на формацию защиты поместья один за другим обрушились десятки голубых лучей, а самый толстый вонзился в неё точно передо мной, в двенадцати шагах, заставляя землю под ногами дрогнуть и опалая лицо сухим жаром.

Рывок пнул меня вперёд, раздирая кожу воздухом, а к символу времени добавилось ограничение.

Закалка. Один вдох.

И я впечатался в формацию, буквально влетел в ещё не успевший погаснуть голубой и жаркий луч.

Глава 11

Сказать, что это было больно — ничего не сказать.

На вдох я потерялся, растворился в боли, забыл кто я, что делаю и зачем, вообще, получил эту раздирающую меня на части боль.

Когда же боль схлынула, первое, что я подумал, было — поспешил. Я оказался, дарс меня побери, чуть быстрее, чем было нужно, я зря сделал те лишние три шага вперёд.

Второе, что я понял — вот этот приятный, тёплый ветерок, который обдувает руки и лицо, забирая часть боли, это, дарс её побери, смертельная опасность и на самом деле от такого жара «должна бы уже пузыриться кожа».

Разум ещё что-то там пытался сообразить, а тело уже действовало, уже вскинуло руки, отбивая наручем первый огонёк, уже рвалось в прыжке, уходя от летящих в мою сторону сотен других алых огней. Уже изгибалось, принимая на артефактный нагрудник неизбежные удары, выскивая в огненной метели ту единственную тропу, которая позволит мне выжить.

Вряд ли мне бы удалось это, потому как сверху уже падало голубое смертельное сияние без просветов, без спасения, но вслед за телом очнулся и разум.

Сначала по телу зазмеились первые линии Единения, мгновенно делая меня хоть чуть, но быстрее, затем наполнились меридианы Поступи, вырывая меня из-под смертельного удара, пусть и прямо сквозь алую метель.

Синева упала за спиной, корёжа сад и перемалывая деревья и каменные дорожки, а по наручу звякнула уже сталь, высекая искры.

Здесь, куда я вырвался, тоже было не безопасно — защитники резиденции всё так же били дистанционными техниками, а трое смельчаков даже сошлись со мной накоротке.

Но я уже пришёл в себя, уже восстановил обращения и техники, уже сжимал в руке копьё.

Верные защитники, решившие остаться с семьёй Ян до конца?

Я крутнул копьё, отгоняя жалом главного из смельчаков и грозя подтоком тому, что заходил сзади.

Как бы не так.

Я отчётливо вижу над противниками печати. И если я лично прикончил мастера Указов семьи Ян, объяснение этому лишь одно.

Контракты.

Передо мной слуги, которые заключали обычные контракты с Ян.

Жаль, что Седой убил Нулара, но не убил Олака.

Выпад в бедро левому противнику, принять на Панцирь Роака гудящее алое веретено слева,

отшвырнуть духовной защитой поток серой мути, что накатила справа, крутнуть копьё, удлинняя лезвие Звёздным Клинком и цепляя не ожидавшего правого противника.

Сейчас я вас...

Копьё на мгновение сбивается с выверенного пути, когда до меня доходит, что я занимаюсь глупостями и зря теряю время и силы.

Какие к дарсу поединки стали?

Какое к дарсу пожирание стихией?

Какое тянуть время на взлом печатей?

Не обращая внимания на жар опасности, я перекидываю копьё в правую руку. Новая рана? Пустяк.

Левая рука выброшена в сторону, энергия в кольцо отправлена.

Миг, и я обхватываю ладонью древко Флага Сотни Убийств.

Ещё миг, и я вбиваю его в перепаханную землю, толкая злую и довольную мысль своему то ли слуге, то ли вещи, то ли товарищу по пути к Небу, который сгущается рядом со мной из чёрной мглы Флага.

— Не убивай. Оглушай. Они нужны мне живыми.

Всех троих моих противников, что сошлись со мной накоротке, пытаюсь удержать под ударами техник, отшвыривает от меня, я вижу лишь размытую тень, в которую превратился Призрак.

Флаг исчезает, становится бесплотным, его и было видно лишь долю мига.

Рядом больше никого нет, и остальные защитники резиденции лупят, больше не осторожничая.

Я закрываюсь Панцирем. Он не выдерживает, покрывается трещинами, а затем и вовсе лопается, пропуская ко мне пусть и ослабленную, но огненную смерть.

Я выдерживаю и это.

Сейчас меня больше беспокоит не то, сколько новых ран я только что заполучил, а то, дотянулся ли до Флага огонь.

Не дотянулся — серая тень Призрака уже закончила вокруг меня и рвётся дальше, к тем, кто только что считал себя в безопасности.

Я кривлю губы в улыбке, уже привычно ощущая, как по подбородку течёт кровь.

Снова толкаю в кольцо силу, спустя вдох поисков веером посылаю вперёд Летающих Убийц.

Туда, к ним, жальте!

Управляя их полётом, нацеливая жала костяных кинжалов в руки и ноги противников, тяну с пояса фиал, успеваю остановиться лишь в последний миг, уже когда упираю большой палец в пробку.

Это же ещё одна лечилка Властелина. Боюсь, я сейчас не в том положении, чтобы позволить себе снова проверять прочность своего тела и пределы своей выносливости.

Снова жар опасности, но теперь, более-менее уверенный, что Флаг не нуждается в моей защите, я просто ухожу в сторону. Это быстрее, это проще, это выгодней, чем стоять под ударом, снова испытывая себя на прочность.

Пятачок, где я стоял, опять накрывает волна огня. Такого жаркого, что мне даже в десяти шагах от него стягивает лицо коркой. Я отворачиваюсь, прикрывая его локтем. Фиал исчезает в кольце, сменяясь другим, более простым и подходящим мне по рангу.

Боль от него не бодрит, а корёжит так, что я снова на миг забываю о том, где я и что происходит, теряя даже концентрацию на летающих кинжалах. Зато приходит понимание, что ран я за эту короткую схватку получил очень немало, потому как подо мной буквально лужа крови. Моей. Дарсов дурак, время же позволяло, почему не использовал Воды Итреи, а схватился за Летающих Убийц?

Пока я хриплю и пытаюсь разогнуться, Призрак закончил, соткался передо мной.

Вижу перед собой лишь его ноги. Торчащие из оборванных штанин босые ступни, втягивающие в себя мою кровь с камней.

Удивление так сильно, что перебивает даже боль.

Я выпрямляюсь и таращусь на Призрака, окидывая взглядом его целиком.

Впервые вижу его после того, как он выпил Властелина Духа.

Сказать, что это его изменило — не сказать ничего. Это словно два разных Призрака.

Изначальный Призрак, тот, кого я получил трофеем после убийства своего первого сектанта — был лишь бледным подобием человека.

Позже, когда мы с ним начали становиться сильнее — черты его лица стали чётче, из тумана его тела соткалась часть доспеха, который он, наверное, когда-то носил.

Таким он и оставался все эти годы, разве что становясь, вроде как, плотней и чётче,

понемногу добавляя доспеха.

Но не сейчас.

Поневоле вспомнишь слова Седого о том, что идущих можно разделить на две части — тех, кто до Властелина Духа и тех, кто уже Властелин Духа.

Не думал, что всего одна смерть не самого сильного Властелина так изменит Призрака.

Теперь он почти полностью похож на обычного человека, разве что сероватого, словно припорошённого пылью и потерявшего краски под её слоем. Босой идущий, чьи штаны и рубаха немного оборвались в сражениях, сапоги и вовсе где-то потерялись, зато доспех у него остался в полном порядке.

Призрак теперь щеголяет серым кожаным доспехом с тёмно-серыми металлическими наплечниками, соединёнными какой-то цепочкой, широким ремнём с пустыми ячейками под фиалы и перевязью с метательными ножами на груди. Спокойные черты лица, распущенные когда-то волосы стянуты в мелкие косички.

Если бы я не знал, что это именно Призрак, мой Призрак, если бы не видел его раньше, то действительно бы принял за покрытого грязью или необычной защитной техникой идущего.

Призрак шевельнул головой. Я угадал в этом жесте вопрос: «Что?». Качнул сам головой в ответе: «Ничего», — и перевёл взгляд на ближайшее тело, собираясь заняться делом. Где здесь главный?

Вгляделся и изумился. Идущий был жив, мерно мерцающие печати над головой не давали в этом ошибиться, но где глубина его силы, которую я видел во время сражения? Почему я вижу перед собой дно?

Перевёл взгляд на другого и увидел то же самое.

Только сейчас сообразил, что не вижу ран, кроме той единственной, что сумел нанести Летящими Убийцами. Так как же тогда Призрак сумел их победить и не убить? Оглушил ударом по голове? Всех?

Разумеется, нет.

Есть только одно объяснение тому, что я вижу перед собой беспомощные тела и вижу дно их силы.

Призрак почти выпил их.

Раньше он делал это, только когда убивал. Забирал силы вместе с жизнью.

Теперь, похоже, научился делать это по отдельности.

Я вспомнил, как он только что поглощал мою кровь, просто стоя в ней и меня пробрало холодком запоздалого страха. Ведь и верно, когда я последний раз подпитывал его своей кровью? Может, в ней причина его силы и...

Обернулся, найдя только его и ни следа моей крови. Нигде вокруг, ни там, где меня достали техниками, ни там, где сталью. Снова взгляделся в Призрака, в его глаза.

Насколько же сильнее стал теперь Призрак? Я вот не уверен, что мне хватило бы сил так быстро оглушить лишь чуть более слабых противников, тем более, столько противников.

Убить? С таким я бы, полный сил, справился, но оставить в живых, победив за несколько вдохов?

Не грозит ли мне сейчас то, о чём предупреждали Клатир, учителя в Академии Ордена Небесного Меча, Фатия и Седой? Не готов ли Призрак послушаться, перестать повиноваться моим приказам? Мне только схватки с ним, ставшим, похоже, Властелином, не хватало.

Я стиснул зубы. Глупости. Бред. Кто просил оглушить врагов? Я. Кто выполнил приказ? Призрак.

Разжав зубы, отдал новый приказ:

— Следи за окрестностями. По-прежнему не убивай, собери мои летающие кинжалы и кисеты этих людей.

Шагнул не влево, а вправо. Вон тот, с длинным мечом, кажется, был сильнее левого. Во всяком случае, он сумел прорваться мимо моего копья и оставил мне две раны, а не одну, как тот, левый, с обычным цзянем и пустым, без кисета, поясом, но с синим кольцом на пальце. Поэтому начну с него, сильного, а не богатого.

Остановился в шаге от слуги, передо мной мелькнул Призрак, ловко, за мгновение избавив тело и от кисета, и от лежащего рядом меча, про который я, кстати, даже не заикался.

Едва Призрак исчез, перемещаясь к другому слуге, потянулся к печати выбранного мной и хмыкнул. Шипастый шар в незримых ладонях. Кто бы сомневался.

Вряд ли мне в столь плотной схватке удалось бы сломать его, но сейчас ведь схватка позади, верно?

Я просто наклонился, дёрнул халат, обнажая шею беспомощного противника, и снял все три амулета, что отыскиались у него на шее, разомкнув замочки цепочек.

Вот так будет лучше.

Пять вдохов у меня заняла кража чужой печати. Символы послушно развернулись в слова клятвы, которую я проглядел мельком.

Урвет...

Так, это имя, его запомнить, оно мне понадобится.

Клянусь верно служить Жакию из семьи Ян...

А вот это интересно. Выходит, даже смерть Олака, который вроде как считался гарантом всех контрактов Ян, ничего бы не изменила с верностью этого слуги? Хитро.

...и его потомкам...

Ещё хитрей. Вечная долговая служба, из которой нет выхода? Впрочем, это был выбор самого слуги.

Я стёр всю клятву, смыл её из печати и с души этого человека и нанёс первый свой символ.

Верность.

Вернее, попытался нанести, но сумел начертать лишь половину символа Древних.

Нахмурился. Что за?

Попытался продолжить линию и, наконец, осознал, что всё — дух закончился. Полностью. До дна. Нет даже привычной тяжести на плечах, а только необычная сосущая пустота где-то внутри.

Всё, что мне оставалось — это выругаться себе под нос.

— Прекрасно, просто прекрасно. Как вовремя.

Но я хотя бы ощущаю вот эту пустоту. Впервые за всё время. Это и правда хорошо, только всё равно невовремя.

Там, по ту сторону защитной формации продолжало полыхать и гроыхать в ночном небе. Там Седой и прочие бьются против Ян и пикового Властелина Духа, который заявился сюда через портал. И только от меня зависит, сумеют ли они выжить, а я тут стою беспомощный. Как и предупреждал Седого.

Нужно что-то делать. Можно было бы приказать Призраку привести в чувство этого идущего и уговорить его выступить на моей стороне, помочь с залом запретов и прочее. Ведь я всегда неплохо умел убеждать, и всегда есть шанс, что раз был контракт, то настоящей верности в душе этого идущего нет, и он будет лишь счастлив избавлению от вечного служения.

Но полагаться на такой зыбкий план сейчас?

Ну уж нет.

Нужно восстановить дух. Совсем чуть-чуть. Если уж не хватит на Пелену Доверия, то чтобы хватило хотя бы дописать символ Верность и добавить моё имя.

Нужна короткая медитация под музыку.

Но есть проблема.

Я поднял к глазам руки. Поджившая за половину ночи кожа исчезла. Она, мягкая, нежная, оказалась не способна вынести той силы, с которой мне пришлось сжимать древко копья, чтобы на равных принимать удары от Предводителей Воинов. И Единение, которое добавило мне мощи, лишь ухудшило положение.

Это не руки, а куски кровоточащего мяса, кое-где подпалённого огнём. Играть такими на цине? Я не уверен, что сумею ощутить момент касания струн.

Повернул голову к Призраку. Тот ощутил мой взгляд, разогнулся от очередного тела, обернулся, и я, глядя ему в глаза, приказал:

— Музыкантшу. Пусть играет.

К концу моих слов на моих руках появился цинь.

Пару вдохов мы с Призраком глядели глаза в глаза, а затем меня вдруг пронзила догадка и я нарушил молчание, с подозрением спросив:

— Ты же выполнил мою просьбу, ты ведь не тронул душу музыкантши, не сожрал её?

Призрак изогнул уголок рта в странно знакомой усмешке, а затем вдруг черты его лица поплыли, а следом поплыло и всё тело. Вдох и передо мной стоит не припорошённый пылью крепкий мужчина, а словно выцветшая невысокая женщина в неясно очерченной одежде. Чуть помедлив, она, тоже босая, подошла ко мне, протянула руку, протягивая на ладони несколько кисетов, бусины Летающих Убийц и то самое синее кольцо, которое я даже не просил снимать.

Я помедлил, но не стал задавать вопросов, на которые не мог получить ответов, просто кивнул, принимая всё и меняя на цинь, а затем попросил:

— Небыстрое, мелодичное, подходящее для медитации.

Опустился, скрещивая ноги и опуская руки на бёдра истерзанными ладонями вверх, прямо возле того слуги, на котором не дописал символ Древних. Музыкантша расположилась по другую сторону его тела. Похожая на мою позу, только на коленях лежит цинь, а руки поверх него и ладонями вниз, едва касаясь струн пальцами, и готовясь опустить их на них, извлекая первые звуки мелодии.

Невольно я представил, как мы выглядим со стороны, например, для тех слуг, что оказались слишком слабы или слишком трусливы для того, чтобы напасть на меня после

проникновения и сейчас в ужасе прячутся на происходящее из окон резиденции.

В городе кипит битва, раскрашивающая небо разноцветным сиянием, на перепаханной земле сада валяются едва дышащие тела защитников резиденции, а над ними расположился окровавленный, изуродованный, обожжённый человек и слушает музыку, которую играет ему Призрак сектантов.

Что они подумают? Что пока прятались под формации защиты, в город открыли Пробой сектанты?

Всё может быть. Но есть ли мне разница, пока они не нападают, не бегут прочь и не пытаются уничтожить саму резиденцию?

Последняя мысль заставила меня торопиться. Как бы действительно со страха не натворили чего-нибудь необратимого.

Я закрыл глаза и постарался отрешиться от боли в истерзанном теле, от горящих огнём ладоней и жжения в ранах, где действовало поспешно выпитое зелье. Отрешиться от того, что лёгкий поход за кольцом Седого и мстью Нулару превратился вот во всё это.

Отрешиться от грохота битвы, что кипела за спиной в городе и, кажется, только усиливалась.

Отрешиться от того, что на меня здесь и сейчас слишком много взвалено.

Отрешиться от всего.

Есть только медитация, Небо и льющая из-под пальцев музыкантки мелодия. Нежная, ритмичная, с какой-то невероятной лёгкостью вплетающая в себя даже грохот битвы, делающая его частью себя и оттеняющая себя им.

Великолепно. Изумительно. Невероятно.

Я сумел это сделать, я сумел отрешиться от тела, битвы, ночи, сумел провалиться в музыку, в медитацию и, тем более был голос Седого, разрушивший всё очарование мелодии.

— Быстро ты. Я знал, что если кто и сумеет справиться, то только ты, Орзуф. Возвращайся, не тяни. Когда появится Страж, то нам с тобой нужно будет быстро уносить ноги, чтобы сохранить голову.

Злой, я распахнул глаза. Какого...

Оборвал себя, прикусив язык.

Чему злиться? Сам недавно размышлял, до какой глупости додумаются испуганные слуги. Вот ответ. Хорошо, что этой глупостью стало снятие запрета на использование Нефритов Голоса. Плохо то, что Нефритами воспользовалась не только Илимия. Для чего потратили эту возможность слуги? Чтобы попросить помощи у хозяев? Это малая беда — Ян сейчас

точно не до них. Сообщить кому-нибудь в соседнюю семью или город, что у них в городе тысячи сектантов? Это уже гораздо хуже.

Не знаю уж, зачем Седой собирается бежать при виде Стража, которого Илимия позвала на помощь, но мне бежать точно придётся. Тут всё один к одному — и попадаться Стражам на глаза мне очень не советовали, и доказывать, что я не сектант — очень не хочется.

Есть только одна проблема. Я ничего быстро сделать не сумел. Я, можно сказать, только начал решать проблему с запретами и точно не могу вот прямо сейчас выбраться отсюда.

Тяжело вздохнув, потянулся к недописанному символу. К радости, сумел не только завершить его, но и добавить своё имя.

Отлично, просто отлично.

Осторожно поднялся и махнул рукой:

— Довольно. Спасибо. Теперь вернись в прежний облик и верни вот этого в сознание.

Призрак сменил образ в движении. Поднималась на ноги женщина, цинь над телом идущего мне протянул уже мужчина. Вновь плотный, настоящий, с десятками мелких деталей брони и халата под ним, которые можно было легко рассмотреть.

Стоило мне принять цинь, как Призрак присел и впечатал ладонь в грудь лежащего у моих ног идущего.

Того выгнуло, заставило подняться на пятках и затылке, отрываясь от земли.

Через миг мужчина обмяк, задышал часто, слепо моргая и шаря руками вокруг себя.

Призрак отнял руку, выпрямившись, шагнул назад, лежащий идущий застонал, зажмурился, всё так же продолжая загребать землю и каменные обломки под собой. Я же изумлённо наблюдал, как наполняется озеро его силы, как прибавляет оно в глубине, как становится темней, как пытается скрыть от моих глаз своё дно.

Выходит, Призрак не только вернул ему сознание, но и отобранную силу?

Едва взгляд лежащего стал осмысленным, я сообщил ему:

— Ян больше не твой хозяева, Урвет. Теперь ты мой слуга.

— Ч-что?

Я качнул пальцем:

— Наказание.

Вместо жетона на миг махнул перед Урветом свитком Лаи, который достал взамен. Пусть его догадки получают немного зримого подтверждения.

Урвет проводил свиток жадным взглядом и неуверенно проговорил:

— Господин, — облизав губы, повторил ещё раз, то ли пробуя на вкус, то ли уговаривая себя, то ли льстя мне. — Господин. В резиденции много тех, кто... кто испугался сражения. Они непричастны к происходящему и ничем...

Я устало перебил его:

— Всё в твоих руках. Устроишь всё так, чтобы я выбрался отсюда без жертв, значит, ты молодец. Выведешь меня на тех, кто решит повторить твою храбрую битву, и я уже не буду с ними милостив.

— Да, господин, — кивнул Урвет. — Я понял. — Урвет похлопал себя по груди, — Жаль, господин, нельзя просто связаться с... — запнулся. — Что! — оттянув ворот халат, заглянул себе за пазуху, через миг схватился за пояс, где больше не было кисета.

Я хмыкнул и вновь достал те три амулета, что сорвал с шеи Урвета. Вот этот точно защита от Указов, один в один, как в торговом доме Ян, вот этот, характерной формы — амулет защиты. Значит, этот. Оставив только его, качнул его в руке и намекнул:

— Тебе повезло, запрет использования Нефритов Голоса сняли. Торопись, пока не вернули.

— Сняли? Зачем? — Урвет нахмурился, облизал губы, жадно глядя на амулет в моей руке.

Я швырнул его Урвету и осознал, что глядел он вовсе не на него, а на моё кольцо. И всё так же продолжает щупать одной рукой свой пустой пояс.

Усмехнулся и напомнил:

— Мне всё ещё нужен проход.

— А? Д-да, господин. — Урвет одним движением накинул амулет на шею, ловко застегнул цепочку. — Брат, ты на месте, в зале? — мгновение молчания и новая мысль. — А кто ещё?

И вновь пауза, которая окончательно убедила меня в том, что при всём моём таланте и странности, мысль брата Урвета, которую приносит сюда второй амулет, я услышать не могу. Придётся смириться.

Урвет покосился на Призрака, затем на меня, тяжело сглотнул и хрипло, вымученно рассмеялся:

— Ха-ха-ха. Слушай их больше, они расскажут... Да, рад, иначе пришлось бы идти к тебе через всю резиденцию, а это совсем не то, чего я сейчас хочу.

Кстати, вопрос, почему бы пришлось. Либо этот зал запретов запрещает и мыслеречь, кроме амулетов, либо собеседник Урвета не Предводитель и мыслеречью не обладает и невозможно было бы полноценно общаться и уговаривать.

— Это, конечно, странно, но теперь этот... ммм... гость, желает выйти обратно... Да, вот такой он странный... Нет, я не знаю его имени, поэтому и называю так... Как мне его назвать?... Слушай, Уквак, ты хочешь и дальше выполнять волю главы Халаба или хочешь, чтобы этот гость наведлся к тебе и всё... Какие угрозы, чем ты слушаешь, брат?.. Не смешно. Он победил меня, причём с лёгкостью, как и всех остальных, кто ещё его сможет здесь сдержать? Ты?.. Да, хочет обратно, в этом всё и дело... Не знаю, говорю же. Страшно ему тут, с нами... Какой вопрос, такой и ответ... нет здесь никого. Не видно. Открой на два вдоха, думаю, этого будет достаточно с его Возвышением... Нет, не сейчас, дай нам хоть подойти к границе... Да, нам, я же должен показать ему, где будет твой проход... Делай, Уквак, говорю тебе.

Не убирая руки с груди и амулета Урвет откашлялся:

— Кхм, господин, идёмте к границе формации. Сейчас всё будет.

Я кивнул, но сам шагнул в сторону, а не к границе. Я шагнул к невидимому Флагу.

Стоило мне его коснуться, как древко и полотнище протаяли, стали видны любому желающему.

Не знаю, что там делали слуги в окнах, лень было следить, а вот Урвет сглотнул и побледнел при виде реющего на невидимом ветру дымного полотнища с надписью Флаг Ста Убийств, заполошно оглянулся и, чуть запинаясь, спросил:

— Г-господин, я надеюсь, вы сохраните жизнь моим товарищам?

— Тем, кто пытался меня убить?

— Г-господин...

Пусть выговаривал обращение ко мне Урвет нетвёрдо, запинаясь каждый раз, но неспешно налившийся свечением символ Верности явно подсказал, что он готов если не сражаться за жизни своих товарищей, то сопротивляться моим приказам и неизвестно что крикнуть по Нефриту Голоса.

А мне это нужно? Нет, мне нужно только выбраться отсюда. Поэтому я устало сообщил чистую правду:

— Успокойся. Не нужны мне их жизни.

Коротким жестом приказал Призраку быть ближе. Не думаю что и ему нужны их жизни, не с той силой, что он сейчас обладает. Неужто одна жизнь одного слабого Властелина Духа могла сделать его таким сильным? Или дело в том, что он получил то, чего ему так давно не

хватало? Мою кровь?

Урвет, пытаясь от меня таиться, оглядел окрестные дома, кося глазами так, словно был квартиком. Но я точно не планировал вызвать сюда подмогу, пока будет открыт проход, а если снаружи и были люди от тройственного союза, то они лишь наблюдали и не торопились показываться на глаза.

Урвет снова ухватился за Нефрит Голоса, хрипло сообщил:

— На месте. Пусто, проверил, — мыслью приказал. — Открывай, — мне же сказал вслух. — Господин, приготовьтесь, проход откроют на вдох.

Я кивнул. Не два, а один в итоге, но какая мне разница, если мне хватит?

Недолгое ожидание и пелена формации протаяла круглой дырой. Рывок, короткая боль, рванувшая кожу и я снаружи. Как и Призрак.

Миг, и он втягивается в дым полотнища, а сам Флаг исчезает в кольце.

Я же оборачиваюсь к Урвету, который стоит теперь по ту сторону формации защиты и толкаю к нему мысль:

— И что ты собираешься делать дальше, мой слуга?

Урвет бледнеет, а расстояние позволяет мне увидеть, как судорожно начинает мерцать Верность над ним.

— Я... Господин...

Я усмехаюсь:

— Оставь это. Я признаю твою службу выполненной, а тебя свободным от обязательств, — успеваю вовремя, отмеренное мной время жизни его Указу истекает и символы в нём исчезают, оставляя его действительно свободным. — Надеюсь, ты не пожалеешь о выбранной стороне, осознаешь, как накажут твой поступок Ян и решишь начать новую, может быть даже вольную жизнь.

Отвернувшись, срываюсь с места Поступью, стараясь вливать в неё совсем немного сил.

По-хорошему, я поступил глупо — и самое разумное было бы убить этого Урвета, чтобы скрыть обстоятельства его странного предательства и исчезновение верности Ян.

Но...

Я не хочу его убивать. Надеюсь, я заронил в нём достаточное зерно сомнения, чтобы он сейчас открыл проход ещё раз, уже для себя.

Свернув дважды, не ощущая ни опасности, ни угрозы, останавливаюсь и какое-то время снова занимаюсь своими ранами.

Битва всё так же гремит, но гремит на всё том же месте, уже даже как-то привычно давя на уши и раскрашивая небо всполохами.

Пять ударов с той стороны, один-два удара с этой.

Хотелось бы верить в лучшее, но пять раз бьют по тем, с кем я считаю себя на одной стороне, а те огрызаются лишь иногда, и меньше сил вкладывают в свои удары.

— Гдах!

Правда, не всегда. Вот этот «гдах» гораздо сильнее прочих, и повторяется один раз на семь-десять других.

Если бы здесь, в моём тёмном проулке делали ставки, то я бы поставил, что это удары Седого.

Последним делом я снова сменил халат. Этот опять с дырками, лохмотьями вместо рукавов и залит кровью. Если удары, которые оставили дыры я помню, да и только что лечил раны от них, то что произошло с рукавами, совершенно не понимал. Да, дважды или трижды принимал удары на наручи Клатира, но не больше, а гляди ж ты — в клочья.

Неспешно двинулся к битве. Всё, что от меня просил Седой — я сделал. Влезать в сражение с пиковым Властелином Духа? Ну уж нет, я и так уже на ногах еле держусь.

Пусть улицы словно вымерли — в окнах ни огонька, лишь кое-где светят только для меня печати в темноте домов, то вокруг поля битвы кипела жизнь.

Тут и там на крышах домов, но не ближайших, а третьего и четвёртого ряда из уцелевших, стояли и сидели идущие.

Кулаки, Сёстры, Пепельные и идущие с тряпками на рукавах. Причём настолько много, что принимать их всех за теневиков я бы и не подумал. Вольные, которые приняли сторону тройственного союза?

Пепельные, на крышу к которым я забрался, при виде меня подобрались:

— Ты кто такой?

Но раньше, чем я успел ответить, подозрительного осадил сосед:

— Стой. Свой это. Это тот старший, что помог брату Гравену с его бабой.

— Тот же — старик! А ты видел, как этот запрыгнул сюда? В три ловких движения, отталкиваясь от стены. Это не он.

Один из Пепельных шагнул вперёд, приветствовал меня:

— Старший, располагайтесь. Как думаете, мы сумеем победить или придётся бежать из города?

Мыслеречью же говорили совсем другое:

— Ты где всё это время был? Не слышал ни рассказа братьев Кулаков о том, как он убил мастера Указов Ян, ни всех остальных слухов?

Я ответил:

— Мне и отсюда отлично видно. О победителе же я могу лишь гадать вместе с вами.

— Слухи?

— Он наёмный убийца. Из тех. Ян разрушили какое-то дело его Глаза, и тот прислал его наказать виновных. И да, конечно же, он не старик, просто поменял лицо для дела.

Я хмыкнул про себя и взгляделся в схватку Властелинов, продолжая слушать сплетни о самом себе.

И послушать, и поглядеть было на что.

Седой вроде говорил, что использует для создания пробоя в защитной формации резиденции всё, что накоплено и ещё цело во вспомогательных формациях.

Но либо использовал не всё, либо я, мало в этом соображающий, его не так понял, потому как сейчас все Властелины тройственного союза висели ровно над пятью этими самыми формациями, в центрах которых я даже различал искрящиеся духовные камни и явно использовали их силу для создания защиты вокруг себя.

Она у них была двойная. Купол, едва заметный даже в ночи, защищающий их и солидный кусок развалин под ними со всех сторон, и здоровенный, яркий плоский кругляш, который висел в воздухе перед нашими Властелинами, прикрывая их от Ян.

Схожий кругляш защиты, ещё большее размером, наверное, в три сотни шагов от края до края висел и перед Ян.

Два щита, которыми они прикрывались друг от друга.

Каждый удар, который стороны обрушивали друг на друга, упирался в защиту противника.

Второе, что я заметил — это то, что Властелины в этот раз висели в воздухе не просто абы как или отдельными группами, а явно выстроили из своих тел что-то очень и очень похожее на созвездие или символ Древних.

Очень и очень интересно.

Вот созвездие наших дрогнуло, перестроилось, Илимия опустилась ниже и сместилась вперёд, оказываясь словно на его краю, крайней перед кругляшом нашей защиты, подняла ладонь, и через вдох воздух дрогнул от разорвавшей его голубой стрелы, которая за долю мига пролетела от Илимии до Ян, не заметив нашей защиты, пройдя её насквозь, зато со вспышкой и «гдахом» впечаталась в их защиту.

Я даже не понял, «гдах» родился от появления техники или от её разрушения, настолько быстро всё произошло.

Кто-то рывкнул от души, донося мысль-приказ до всех:

— Время! Чётные, пошли, пошли, пошли!

С крыш то тут, то там спрыгнули отдельные идущие, рванули, петляя, в сторону схватки. Не просто в сторону схватки, а к нашим Властелинам.

Вдох, второй, третий ничего не происходило, полтора десятка фигур так и продолжали полукругом бежать к схватке, но на четвёртый вдох тут и там в руинах вспыхнуло алое пламя и волны огня рванули вперёд, жадно облизывая обломки на своём пути.

Пепельный, что замер в пяти шагах от меня, забормотал себе под нос:

— Жмите, жмите, жмите.

И бегущие поднажали, едва ли не одновременно уйдя в техники перемещения и врываясь под купол защиты наших Властелинов.

Пламя с гудением накатило на него, обхватило со всех сторон и опало исчезая.

— Ублюдки. Опять ловушки. Сколько этих невидимок пролезло и когда теневики их уже всех удавят?

— Не знаю, но в следующий раз нужно будет отдельно нести.

Я даже не успел удивиться услышанному, как понял, о чём они говорили. Предводители тройственного союза бежали не к Властелинам, своим главам, а к формациям под ними. И сейчас высыпали в них духовные камни.

Если это происходит не первый раз, то я бы на месте Ян беспокоился о подобном сильнее. Похоже, только благодаря формациям тройственный союз до сих пор и держится.

— Ох ты ж!

Крайний Пепельный присел, и тут же воздух дрогнул от удара Ян, который в этот раз они нанесли не по Властелинам тройственного союза, а по нам.

— Гдах!

Два здания по соседству исчезли. Похоже, Ян на самом деле сильно беспокоятся о подпитке формаций духовными камнями.

Пепельный, так с корточек и заорал:

— Что там? Как там?

Из облака пыли ему со смехом ответили:

— Мазилы! В этот раз даже не зацепили никого, все вовремя драпанули.

Я качнул головой.

Вот это у них здесь забавы — призови на себя удар Властелина и успеи сбежать из-под него. И что там про меня говорил Морт?

В голову вдруг ввинтился злой окрик:

— Прекратить! Немедленно!

Вдали, где-то справа и позади Ян в воздухе загорелась алая звезда, сорвалась с места, прочертила ночное небо и полыхнула уже между Ян и тройственным союзом. Полыхнула одновременно с до боли знакомым звуком порванной струны.

Щиты снесло все и сразу. Что плоские круги, что купол у наших Властелинов. Идущих, высыпавших в это время духовные камни в формации сбило с ног, даже зависших в воздухе Властелинов качнуло, разрушая им построения.

Пепельных, что стояли со мной на крыше — тоже сбило с ног, снося вместе с черепицей. Того, что присел у края и переживал за попавших под удар — и вовсе сбросило вниз.

Удар, отдавшийся для всех звуком лопнувшей струны, не миновал и меня — качнул так, что чудом, скользя Опорой вместе с куском крыши, устоял на ногах. А, может быть, устоял потому, что знал, что он несёт с собой, и оказался готов.

Я устоял и впился взглядом в того идущего, что прилетел в огненной вспышке.

Какое знакомое одеяние, пусть и не белоснежное.

Мужчина. Зрелый, в расцвете сил, халат бугрится от мышц. Недлинные волосы небрежно зачёсаны назад, следы небольшой небритости, лицо искажено в гневе.

— Что я вижу? Разрушения, беспорядки, битва между Властелинами. Вы совсем страх потеряли в своей глуши?

Халаб, висая в воздухе, тем не менее отчётливо склонился в поклоне:

— Господин! Всё совсем не...

— Страж!

Со звуком лопнувшей струны Халаба отшвырнуло на три шага назад и вниз на столько же, он схватился за грудь, закашлялся, щедро орошая каменные обломки внизу своей кровью.

— Вы мне не слуги, а я — не ваш господин. Имейте гордость, именующие себя идущими и хозяевами города, и имейте уважение, я вам тоже не слуга. На кого ты повышаешь голос, безымянный глава города?

Халаб выпрямился, продолжая держаться за грудь, и явно что-то ответил. Вот только на этот раз я не услышал, что именно.

Расстояние. Дарсово расстояние мешает мне слышать слабые послы мыслеречи, а теперь там явно никто не орёт во всю глотку.

Я прикусил губу, пытаюсь решить — вот сейчас подобраться к ним, чтобы подслушать это разумно или безумно? На каком расстоянии Страж этапа Повелителя Стихии может меня почуять, заметить мои тайны и увидеть мой выгоревший герб предателя? Сколько шагов отыграет мне спрятанный в кольцо жетон?

Рядом, отвлекая меня от мыслей, кто-то забарахтался, с руганью и оханьем заворочался на крыше.

Я недовольный шумом, обратил туда часть восприятия Предводителя.

Что значит кто-то? Один из Пепельных. То ли сгребает с себя засыпавшую его черепицу, то ли выбирается с чердака, куда провалился.

Вот он тряхнул головой, пытаюсь освободиться от слоя покрывающей его пыли, принялся озираться, мазнул по мне взглядом, застыл, уставившись на Властелинов и руины впереди и забыв даже о ругани.

Ненадолго.

— Страж, мать его, всамделишный Страж. Ну, гарховы ублюдки, мы ещё поглядим, кто кого. Мы теперь поглядим, кто к утру будет владеть городом.

Тут же до меня донеслась мыслеречь:

— Нечётные! Нечётные! Вперёд, вперёд, отдельно, пока появился шанс.

Мой Пепельный снова заворочался, закрутил головой и охнул:

— Шетал, упал. Упал же. Шетал! — рывкнул уже мыслью. — Шетал! Ответь!

Тишина в ответ. Пепельный захрипел, дёрнулся и застонал. Я чуть напрягся, пытаюсь углядеть, что с ним, и восприятие Предводителя послушно скользнуло вперёд, просочилось ниже, показало и лопнувшую балку крыши и острые словно ножи, крепкие, словно сталь щепки, что пронзили бедро Пепельного. Неужто он в момент удара от Повелителя Стихии не удержал Покрова?

В это время редкие фигурки снова ринулись с крыш и из-под домов на площадь руин, и я криво улыбнулся, глядя на Пепельного, что всё пытался высвободиться и сняться с копыя дома. Он застыл под моим взглядом, с опаской спросил:

— Старший, вы чего?

Я молча отвернулся и шагнул к краю крыши, перепрыгивая первый из проломов.

Пепельные, Кулаки и вольные города, надевшие повязки, вон, невзирая на возможный гнев целого Повелителя Стихии бросились доставлять новую партию духовных камней, а я чего опасаюсь?

Того, что Страж заметит мой сгоревший герб? Это никак не относится к возможностям идущего, иначе мой герб Страж на арене Ордена Небесного Меча увидел бы намного раньше, чем вышло в действительности. Это какое-то свойство самого жетона и у этого свойства совсем небольшое расстояние. Гораздо меньше, чем дальность мыслеречи Властелина Духа. Обычной мыслеречи, когда они не орут на весь город.

Мне достаточно оказаться там — под Властелинами тройственного союза, вернее даже чуть позади их и я уже буду всё слышать, а Страж меня если и заметит, если и обратит внимание, то герба не увидит. Да и шаги, ну должен же я был отыграть шаги тем, что спрятал жетон в кольцо. С Нефритом же Души работает, почему не может работать с жетоном ополченца:

Я облизнул губы, окончательно решаясь и шагнул с крыши.

Земля ударила в ступни, а через миг я уже стоял рядом с живым, но лежащим без сознания Пепельным. Верно, тем самым Шеталом.

Сдёрнул с его пояса кисет.

Короткий вдох сопротивления, и привязка ломается под моим напором, духовное зрение жадно обшаривает содержимое.

Не то, не то, не то. Какой... хламовник у него в этом кисете! Разве можно здесь что-то быстро найти?

Вот!

Я моргаю и через миг отнимаю левую руку от кисета — духовные камни уже в моём кольце.

Роняю кисет на грудь Шетала, мне чужого не нужно, и срываюсь с места, щедро вливая силу в Поступь и торопясь добраться туда, куда уже добрались все остальные.

Влево, вправо, рывок наискось, уходя от цели.

Вновь раздаётся неслышимый звук струны.

Я сжимаюсь на бегу, готовый к удару, но нет, в этот раз он не задевает ни меня, ни кого либо из...

Нет, задевает. Один из Ян в небе, крепкий, мрачный мужчина в алом, как кровь одеянии держится за грудь, кашляет и со злобой пялится на Стража.

Я кошусь на небо, понимая, что все мои петляния были зря.

Никто из Ян и не подумал ударить по мне, пока я бежал. Не тогда, когда Страж наводил порядок.

Возле круга формации меня встретили удивлёнными взглядами, но я лишь молча выкинул вперёд руку, заставляя духовные камни потоком упасть из кольца на грудь своих близнецов.

Остальные, исключая очумело и странно выглядящих пятерых идущих в возрасте, уже бежали прочь, а вот я отступил лишь на три шага.

Пятёрка с опаской покосилась на меня, но как стояла, удерживая перед собой руки на весу, так и стояли.

Видимо, это и есть мастера формаций из союзов.

Но я оглядел их лишь мельком, скорее мазнул по ним восприятием, всё внимание сосредоточив на том, к чему так стремился рискуя. На разговоре, что происходил надо мной и впереди.

— Это не оправдание.

— Я и не оправдываюсь, Страж, а лишь сообщаю факты.

— Я буквально только что наказал тебя за дерзость, глава города Халаб, но это ничему тебя не научило?

— Страж...

— Довольно. Не удивлюсь, если вы в своей глуши и праздности окончательно позабыли о своих обязанностях и правах. Да, вы должны следить за порядком в городе, но вправе ли вы сами разрушать его, вовлекая в свою битву более слабых подданных Императора? Отвечайте.

— Это произошло не по нашей вине.

— Ложь, — зазвенел голос Илимии. — Я пройду любую проверку уважаемого Стража, приведу немало свидетелей того, что именно действия Ян привели к первым жертвам среди простых жителей города.

Халаб вскинул руки, тряся кулаками:

— Свидетелей из своих союзов?

— Свидетелей из вольных идущих города! — не осталась в долгу Илимия. — Уважаемый Страж, я обвиняю семью Ян в том, что они, подобно презренным и ненавидимым сектантам, обратили часть лучших и сильнейших из горожан в своих безвольных марионеток, подчинив их с помощью своего мастера Указов.

— Обвинить просто, но можешь ли ты это доказать? Да и от кого я слышу такие обвинения? Вы сами, сами-то! На вас сегодня словно безумие сошло, мне впору обвинять...

— Молчать!

Эта короткая мысль снова принесла с собой звон струны и заставило пятёрку мастеров формаций рядом со мной захрипеть. Но рук они не опустили, сложная фигура формации, очерченная почти двумя десятками флагов неярко светилась, куча камней продолжала уменьшаться, и я невольно проследил восприятием серые жгуты силы, которые поднимались, окутывая облаком висящих наверху Властелинов тройственного союза. Ну и Седого, разумеется.

— Если уж вы решили обвинять друг друга, то будете делать это по очереди. Итак, обвинение от... Как тебя зовут?

— Илимия, уважаемый Страж.

Я невольно ухмыльнулся про себя. Неплохо, неплохо. Остались ли шпионы или чуткие уши у Ян? Знают ли они, что это Илимия вызвала сюда этого Стража?

— Обвинение Илимии. Незаконное и массовое клеймение душ горожан. Где мастер Указов семьи Ян?

С отчётливо слышимой злобой Халаб процедил:

— Убит мятежниками. Я же клянусь Стражу в том, что не отдавал приказа о клеймении горожан ни мастеру Указов семьи, ни его ученику, ни кому-либо из своей семьи.

Я бы на месте Стража повторил этот вопрос для всех остальных Ян, но он не стал. Неясная мне оплошность, но, видимо, причины этому были.

Халаб не медля и явно зная, что Страж сейчас будет молчать, сам перешёл в нападение:

— В свою же очередь я обвиняю подчинённые семье Ян союзы города Семь Ветров в том,

что они, минуя закон, решили сместить законную власть моей семьи, став на путь мятежников.

Илимия тут же ответила:

— Отвергаю обвинение. Сегодня утром на территорию моего союза обрушилось Бедствие големов, уничтожив огромное число моих подчинённых, а Ян, удивительным образом, одновременно обвинили мой союз Сестёр в нарушении правил использования Поля Битвы, союз Кулаков и теневиков в похищении людей и похищении добычи Ян и требовали от нас выплат за преступления и нарушения, которых не существовало.

Халаб твёрдо ответил ей:

— И были в своём праве. Что за глупость, вмешивать Стража в подобные внутренние дрязги?

— Халаб, ты говоришь так уверенно, неужели пытаешься сделать вид, будто не помнишь, что в город вернулся один из похищенных? Неужели хочешь сделать вид, будто слов свидетеля о том, что за похищением стояли сами Ян, словно нет и не было?

— Кто этот свидетель?

— Аранви из Ордена Небесного...

Страж перебил Илимию:

— Этот Орден распущен Императором.

Она тут же согнулась наверху, стоя в воздухе, в поклоне, вбивая кулак в ладонь:

— Прошу простить меня, уважаемый Страж, но так именует себя...

— Совершенно неважно, как он сам себя именует. Он Аранви, вольный идущий, что служит клану Кунг. Не более.

— Но этот Аранви, как и прочие, похожие на него служители клана Кунг, известен своей честностью и...

— Ха-ха-ха! — заглушил хохотом слова Илимии Халаб. — Страж, я подскажу вам, почему она так напирает на его прошлое и его так называемую честность. Потому что тот, кого решил обвинить в своём похищении этот Аранви, тоже мёртв. И тоже, вот совпадение, убит этими мятежниками. Более того, этот юноша был всего лишь несильным Предводителем, а этот Аранви Властелин Духа не меньше, чем шестой звезды. И он действительно заявляет, что его похитил младший. Я просто восхищён тем, как умело и без стеснения лгут выходцы из давно исчезнувшего Ордена. Неудивительно, что с таким лживым языком они привели Императора и Поднебесную Империю к такой трагедии.

По-змеиному улыбаясь, Халаб замолчал. Страж немедля спросил:

— И конечно же, ты скажешь, что не приказывал этому погибшему юноше из твоей семьи устроить похищение?

Халаб тут же твёрдо ответил:

— Не приказывал подобного ни ему, ни его отцу, ни кому-либо другому из своей семьи или её подчинённых.

Мне, слушая всё это, очень хотелось, чтобы Седой обернулся и ответил на мой незаданный, но буквально горящий на губах вопрос. Вот и нужно было убивать Нулара так рано? Вообще, нужно ли было его убивать? Куда ты так спешил со своей мстью, Седой? Умник дарсов.

Илимия тоже сочилась ядом в небо:

— Как всё у тебя удачно выходит. Этому не приказывал, этому тоже. Всё сами, всё сами, словно у них и главы семьи нет, словно у них полная вседозволенность. Так, может, ты и пикового Властелина не вызвал себе на помощь? Может быть, ты даже не знаешь, кто мог это сделать?

Халаб буквально сквозь зубы процедил ответ:

— Нет, не вызывал. Но знаю. И так ли уж велико это преступление в сравнении с тем, где вы отыскиали себе помощь?

— И где же? Неужто у клана Кунг?

— Не нужно делать удивлённое лицо, Илимия. Тебе не к лицу притворяться душой. Сектант.

— Что! — Илимия развела руками. — Уважаемый Страж, теперь мой черёд говорить, что ни я, ни кто-либо другой из моих союзников не стал бы искать такой помощи. Скажу больше, узнай старший Аранви, что мы хотя бы подумали о таком, он бы первым оторвал нам головы и уж точно не стоял бы с нами плечом к плечу. Халаб от отчаянья несёт какую-то чушь.

— Резиденция. Разве не вы напали на нашу резиденцию? Разве не вы пробили сектанту проход в неё?

— Глупо отрицать очевидное, хотя ты, Халаб, то и дело пытаешься это делать. Мы пробили проход, но там был обычный идущий и уж...

— Обычный! Да я...

— Довольно.

Тихо загудевшая струна заткнула всех. И Халаба и Илимию.

— Сейчас я проверю это обвинение сам. Что за чушь здесь мне несут?

Страж медленно вытянул вперёд руку, которая тут же окуталась огромным обращением.

Я, всё так же жадно косясь в небо, сжался, задервенел, кляня своё любопытство и безголовость. Впрочем, вряд ли что-то бы изменилось, если бы я оставался на крыше. Если уж Страж...

— Какая безответственность!

На этот раз струна порвалась, так порвалась — мастеров формаций смело с их мест, унося прочь, меня впечатало в грудь, покачнув, и только здравый смысл подсказал мне не упрямиться и упасть, чтобы не выделяться, Властелины союзов дрогнули, проседая в воздухе, а...

Сидя на заднице и делая вид, что мне плохо, я прищурился в радостном неверии — Властелинам Ян досталось сильнее! Один из них остановил своё падение лишь в паре ростов от земли, трое снова держались за грудь, включая самого Халаба.

— Сколько лет не действовали формации проверки ворот? Сколько лет, как опустошены сигнальные формации стен и улиц?

— Страж, но Пятый...

— Молчать!

Ещё один удар струны, который снова не задевает никого, кроме одного из Ян, вероятно, того самого, что решил прервать Стража. Придурок.

— Какая разница, какой Пояс? Безответственность, граничащая с безумием. Преступление, за которое я просто обязан вас наказать. Но перед этим скажу, что последнее обвинение ложно — ни одного сектанта нет в пределах этого города. К вашему счастью, иначе я бы на месте, лично уничтожил всю семью Ян. Всё, что я сумел обнаружить, это следы использования Призрака. Но это в последние лет пятьдесят не считается преступлением и доступно не только сектантам. Ян, слушайте моё решение. Слишком много проступков я вижу своими глазами, слишком долго вы пренебрегали своими прямыми обязанностями, как владеющая ключом Поля Битвы фракция. Сегодня вы докажете своё право на то, чтобы и дальше им владеть. Идущие города стали мятежниками? Так было до того, как я пришёл на панический призыв спасти от сектантов. Сегодня, ещё до наступления восхода в Схватках Силы будет решено, кто достоин владеть ключом Поля Битвы, и кто приведёт в порядок город Семь Ветров.

Властелины зашевелились, медленно начали смещаться в воздухе, явно пытаясь занять места в построениях, которые были разрушены появлением Стража. А вот мастера формаций вокруг меня шевелились уже давно и давно заняли места в формации, возобновив подпитку силой Властелинов своих союзов.

— Старший, — я легко опознал мыслеречь Седого. — В этих схватках нельзя использовать

сторонние силы и помощь...

— Я не хуже тебя знаю, младший, что и как можно использовать.

Сейчас я бы легко поставил на то, что этот разговор не слышит никто. Никто, кроме этих двоих и меня, дарс меня заberi.

— Старший, когда-то вы наблюдали с трибун, как я стал чемпионом Академии, но... это не турнир, здесь не случится схваток одного поколения, я не смогу оказать достойного сопротивление Иглату.

— К сути.

— Старший, ради того прошлого и тех надежд, что связывали мой Орден и Орден Стражей, я прошу об одолжении.

— К сути, Аранви. Иначе я подумаю, что ты хочешь убить кого-то моими руками.

— Старший, задержите Иглата на время горения четырёх средних палочек. О большем я не прошу. Я прошу лишь дать мне и ученику шанс сбежать из этой неравной схватки.

— А рассказывают, что ордены Небесного Меча всегда готовы вступить за честь Ордена, которого больше нет.

— Старший, когда-нибудь...

— Две средних палочки.

— Спасибо, старший. Я не забуду этот долг, — через миг Седой рявкнул. — Малец, живо на меч! Нам пора убегать.

Я моргнул и сообщил ему:

— Нет у меня меча. Сломался. Могу привязать к себе меч Браута, но не уверен даже, что сумею поднять его в воздух. У меня с этим есть некоторая проблема, помнишь?

— Гархово отродье, — выругался в небе Седой.

Крутанулся на месте, рухнул вниз и наискось, ко мне.

На лету, мчась над самыми обломками домов, проскочив между флагами, огораживавшими формации, вцепился в меня, то ли прижал к себе, то ли подхватил подмышку и рванул прочь, стремительно набирая высоту.

Я только и успел, что услышать позади довольный возглас Морта:

— Я же говорил! Говорил! Спелись!

Седой зло рявкнул:

— Да что ты барахтаешься? Мешаешь, утихни!

Я не менее зло огрызнулся:

— Мешаю, не мешаю, но болтаться, словно дохлый квыргал под мышкой удачливого охотника я совершенно не желаю. Ясно■

— Как кто? — не понял меня Седой, заставив прикусить язык. — Ладно, гордый упрямец, будь по-твоему.

Меня дёрнуло, провернуло, извернуло, и уже меньше чем через вдох я буквально стоял бок о бок с Седым. Так, словно... словно сам летел, словно сам был Властелином.

— Доволен? — спросил Седой и буркнул. — Эта твоя прихоть обойдётся нам дополнительным снижением скорости. Пусть и на крохотную долю, но опасность того, что Иглат догонит нас, увеличится.

Я дёрнул плечом и предложил:

— Ну так брось меня.

Сам же, пялясь на серые жгуты силы вокруг себя, на пробу топнул ногой, проверяя, есть ли под ней опора. Не нашёл — нога провалилась — Седой просто стиснул, обхватил меня духовной силой, используя её на уровне, о котором я и не подозревал. Это не к земле придавливать тех, кто в кандалах и стал Закалкой.

— Не дождёшься,— ухмыльнулся Седой.

Я буркнул:

— Да будет ли он догонять? Ему ещё помогать Ян в схватке, в то время...

— Кто даст ему помогать? — изумился Седой. — О чём ты? Ладно, Страж мог бы прикрыть глаза на одного наёмника, но не такой силы, да и не этот Страж. Повезло. Ты же пялился на всё это едва ли не из-под наших ног, разве не заметил, как Страж раз за разом выступал на стороне Илимии? Что когда только появился и наказал, вроде как, за дерзость Халаба, что потом, когда вlepил Иглату, тем самым... тем самым помог мне. Попробовал, во всяком случае. Ну да, пикового Властелина не так уж легко пронять подобным духовным ударом, особенно если придерживаться рамок приличий.

Я отметил в памяти, что, видно, верно угадал, как называют такую вещь. Угадал или же где-то, в какой-то книге за эти месяцы встречал упоминание? Неважно. Важно то, что рассказывает Седой.

— Не будь этого его удара, я бы не осмелился или скорее, не рискнул напомнить Стражу о нашем мимолётном знакомстве и попросить его о помощи — придержать Иглата. Иначе, боюсь, тебе бы пришлось бежать одному, а я ещё пока не уверен, что ты бежал бы в Орден. Не могу я мастера боевых Указов упустить, ясно, малец, — Седой повеселел, хохотнул, обернулся и удовлетворённо заметил. — Никого. Значит, Страж действительно удержал его.

— Две средних палочки, — припомнил я и с подозрением уточнил. — Этого хватит при вашей разнице в силе и обузе в виде меня?

А то, может, и впрямь, лучше поболтаться дохлой тушкой, зато чуть увеличить скорость?

Седой глянул на меня и ухмыльнулся:

— В обычное время и в обычном месте нет. Но здесь не привычные Иглату земли Третьего или Четвёртого пояса. Поле Битвы — это моя стихия и этот трус не решится последовать за мной туда, где всё его преимущество в силе и снаряжении не станет иметь значения. Это Бедствие Ян сейчас как никогда к месту нам. Пусть я слабей, пусть я истратился в битвах и тащу тебя, но я успею, успею добраться до зон запрета техник, — Седой помрачнел и добавил вслух, правда, тихо-тихо, считай себе под нос. — Лишь бы Бедствие не откатилось за это время, лишь бы откатилось несильно.

Подумав, я напомнил:

— Место, где меня ждали Ян и вы в цепях — оно недалеко от прохода на земли запрета. И полёта, и техник.

— То, куда тебя отправил Нулар? — уточнил Седой и отмахнулся. — Опасно. Я так понял, оно из тех, что со сменой выхода. Зашёл с одной стороны, выходишь с другой. Раз ты его вскрыл и зачистил, сменив выход, оно может стать ловушкой, мешком без выхода для нас. В одиночку Иглат, конечно, не осмелится зайти за мной туда, где я его прикончу, но он может вернуться в город и нанять там людей. И поверь, совершенно неважно будет, что Ян проиграют в схватках, а хозяева города сменятся. Морт в своей прямоте ещё может отказать, но Илимия объяснит ему, как опасно оскорблять идущего такой мощи и из такой фракции. Поверь, Орзуф, она даст ему людей. А против трёх или даже пяти десятков опытных Предводителей и мы с тобой можем оказаться бессильны. Задавят числом.

Теперь настала моя очередь изумляться:

— Опасно оскорблять? А то, что буквально вот только что они были по разные стороны схватки и лупили друг друга, пытаясь убить, это ничего не значит?

— Ничего. Что было, то прошло. Ситуация была другая. Как только появился Страж и развёл их, мы все сразу стали сами по себе. Ян и мятежные союзы сами по себе, со своими взаимными обидами, я и Иглат сами по себе. Он и оказался с той стороны схватки лишь потому, что какой-то умник из тех Ян, что был вне города, сумел с ним связаться и сообщить о том, где меня можно найти. Хотелось бы видеть рожу этих Ян, если бы случилось так, что

он пришёл разбираться с союзами, а я в город вообще не возвращался, — Седой засмеялся, а меня начало чуть трясти в воздухе, словно со смехом Седой терял контроль над моей поддержкой. — Он поубивал бы для Ян кучу слабых идущих, а меня и близко нет. Ян бы пожалели о миге, когда решились потревожить клан такой силы и заставили его тушить за них пламя.

Я вытянул руку, чтобы схватиться за плечо Седого, но опустил её. Земля дарс его знает где внизу. Мне лететь десяток или даже два десятка вдохов. За это время можно не только выкрутиться, подготовившись встречать землю, но и привязать к себе чужой летающий меч и проверить, будет он меня держать или нет. Да и вообще — уронит меня Седой, пусть сам и ловит так нужного ему истинного мастера Указов.

Вместо этого злорадно ужалил:

— Только ты пришёл в город. Видно, даже за краткое время твоего пребывания в городе Ян тебя хорошо узнали.

Седой ничуть не обиделся, напротив, кивнул:

— Что есть, то есть. Я мстительный, — смерил меня взглядом. — Да и ты тоже, пусть и называешь это справедливостью. Ты как? Все долги справедливости успел раздать? Нет? Кто там у тебя остался? Лая, похороны Пиатрия и помощь его семье? Верно?

Я оскалился:

— Не всё же мне терять время даром? И Лаю нашли для меня, и с телом, и с его семьёй всё решил.

Седой хмыкнул:

— Что я слышу? Неужто ты поступил по уму, не стал никого убивать, а воспользовался своим талантом? Повесил на них долг служения?

Я прикусил язык и всё, что с него хотелось сорваться.

— Можно сказать и так.

Седой опять хохотнул:

— Ну, как хочешь, скрытный ты мой мастер Указов. Но, вообще, молодец, — ещё раз оглянулся, на этот раз полностью, летя спиной вперёд и дольше обшаривая взглядом небо позади нас. — Ещё бы ты поменьше влезал в разные самоубийственные неприятности, цены бы тебе точно не было.

Я тоже немного поглазел в темноту ночного неба, но увидел там лишь звёзды, да смутные очертания облаков, горизонта, и всё. Даже огней города Ян уже не было видно. И, раз уж Седой сам затронул это, сказал:

— На самом деле я хотел с тобой поговорить об этом.

— Думаешь, самое время?

Седой развернулся и, кажется, немного поднажал.

Я хмыкнул:

— До этого болтовня мыслеречью не мешала тебе. Что, тоже отнимает долю сил и из-за этого мы летим медленней?

— Отнимает, но ты прав, пытаться сберечь такую кроху это уже слишком, вряд ли нам не хватит всего сотни шагов для спасения. Давай, говори.

— Я... — хотя я и сам поднял этот вопрос, но замялся на миг в нерешительности. Справился с собой и сказал прямо. — Я люблю тренировки, люблю схватки, люблю ощущение того, что стал чуточку лучше, что оказался сильнее и победил. Но иногда, сегодня был как раз такой случай, иногда меня просто поглощает жажда предстоящей схватки. Я понимал, как опасно то, что я задумал, понимал, что это, скорее даже безумно, но совершенно не хотел остановиться, не хотел прекратить свой полёт. Разве это нормально?

— А кто тебе сказал, что ненормально?

Я смутился.

— Ну, я всё же уже не мальчишка, мне уже скоро двадцать, я уже на середине этапа Предводителей Воинов, я...

— погоди, — перебил меня Седой. — Я понял о чём ты. И вот как раз упоминание твоей силы как нельзя кстати. Ты видел в жизни только своего старого учителя и видно считаешь, что с возрастом и силой все становятся только мудрей?

— Я, выходит, мудрей не становлюсь? Ну спасибо.

— Да погоди ты обижаться, малец, — укорил меня Седой. — Я говорю вообще обо всех идущих, а не о тебе. Есть такое мнение, особенно у юных идущих, кто только встал на путь Возвышения или у простых людей, что несильно продвинулись по нему и живут обычной жизнью, будто идущий, который научился летать, пусть и на мече, прожил сотню лет — будет мудрым, спокойным или даже, вот уж глупость, добрым. Начну с последнего. Мы люди и это первое. А люди разные. Добрые, злые, глупые, храбрые, умные, трусливые и каждый идёт к Небу так, как может.

Я постарался не пучить глаза. Вот уж не ожидал в устах Седого, орденца в каком-то явно немалом чине слышать едва ли не слово в слово объяснения сектантки Фатии о путях к Небу.

— Любой идущий, вернее, любой сильный идущий может прожить долго, но это совсем не значит, что если ему сотня лет, он будет вести себя, словно все эти сто лет только и делал,

что размышлял об истинах мира. Просто потому, что у некоторых половина этой сотни лет, пятьдесят лет ушли на медитации, нудный сбор силы или стихии, поиск эссенции и прочее, без чего невозможно получить силу.

Я хмыкнул:

— Напекаешь, что от этих занятий характер только портится?

— Не без этого, — согласился Седой, — но дело не только в этом. Гораздо важнее вот это.

С этими словами Седой ткнул левой рукой в небо. Я поднял шею, поглазнул на звёзды и ничего не понял.

— Что это?

— Небо, малец, Небо. Похоже, твой учитель не рассказывал тебе этого, чтобы не... Кхм, из меня учитель, конечно, никудышный, возможно, я неправ, но я не привык скрывать подобное и вообще несдержан на язык, мне можно. Побуду вместо твоего учителя тем, кто разрушит твои идеалы о Небе.

Я пару раз моргнул. Чего?

— Истинные мастера Указов очень редки, но есть ещё более редкие люди. Говорящие с Небом. Слышал о них?

Теперь я с трудом удержался от того, чтобы не растянуть губы в улыбке. Слышал ли я о них? О да, Седой, слышал, да и не только слышал, представляешь?

Но вслух сказал кратко и спокойно:

— Слышал.

— Говорящие тоже, как и твой талант, ведут свою историю от старой Империи, когда и зародилась религия Неба.

Я нахмурился. Что-то я об этом слышал, только очень и очень давно. Но что и от кого? Седой, не подозревая о моих копаниях в памяти, не дал мне на них времени, продолжая свой рассказ.

— Не буду углубляться в подробности и отличия старого от нового, речь не совсем о Говорящих, речь о том, что их часто просили поговорить с Небом, задать ему вопросы, желали услышать его ответы. Но людей, которые получили эти ответы ещё меньше, чем Говорящих.

Я не удержался, прервал Седого, хотя его речь была жутко интересной:

— Выходит, ты не считаешь самих Говорящих? По-твоему, они не получают ответов? Или не

задают вопросов?

— Не считаю, неважно, речь не об этом. Важно то, что они говорят о самом Небе. А говорят они — ему интересно.

Я похолодел. Потому что вдруг перед глазами, как живая возникла Лейла в саду Павильона Здоровья, затем в гостинице Ясеня. Потому что словно наяву услышал тот наш разговор.

— Лейла, как думаешь, я всё правильно сделал, когда решил идти к Небу сам, без помощи Ордена?

— Конечно. Что за глупый вопрос? Иначе бы мы не попали в Миражный!

— М-м-м... А идти на ту сторону нам стоит сразу или пожить здесь несколько месяцев?

— Мне без разницы! И тут и там интересно!

— Ну, это тебе, а... Небу?

Затаив дыхание, я вглядывался в Лейлу. Вот бровки взметнулись вверх, Лейла моргнула раз, другой, зелёные глаза словно осветились изнутри, став ещё ярче и сестра улыбнулась ещё шире:

— А ему тоже интересно везде-везде!

Седой же, не подозревая, что у меня сейчас перехватило дыхание, рассуждал:

— Да и не стоит этому удивляться. Само явление сущности Неба выше нашего понимания, за всю историю двух Империй и Альянса неизвестен ни один человек, который бы сумел сделать последний шаг, стать наравне с Небом, а затем сообщить нам об этом. Я тебе даже так скажу — вероятно, это и вовсе невозможно по той простой причине, что Небу это не нужно, — Седой нагнулся вперёд, повернул ко мне голову, глядя мне прямо в глаза. — Ты как, не собираешься орать в возмущении или грозить затолкать мои безумные слова обратно мне в глотку?

Я, справившись с видением Лейлы и её сияющих восторгом глаз, выдавил мысль:

— Н-нет.

— Радует, — кивнул Седой. — Но вижу, тебя всё равно проняло. Да, о таком учителя не спешат говорить своим ученикам, а иногда и вовсе никогда не говорят, даже когда считают своё наставничество оконченным. По мне — зря. Любой идущий должен понимать, где находится конечная цель его пути, что там находится и почему дальше шагнуть нельзя.

— Почему нельзя?

— Потому что Небу второе Небо неинтересно, — Седой снова ткнул пальцем вверх, — Там

места для второго Неба нет. Любой, кто шагнёт за предел, растворится в Небе, став его малой частью, став его подобием и ему это совсем не нужно, ему это совсем неинтересно. Ему интересно другое. Ему интересны мы — хитрые, добрые, безумные, яростные, восторженные...

Я зацепился за слово:

— Яростные? Ты говоришь, что это Небо делает меня таким?

— Да нет же! Это ты и только ты сам. Это та черта характера, которая привлекает к тебе Небо. Ты же слышал поговорку — Небо всё видит?

— Слышал.

— Ну вот. Видит всё, но на всё ли ему интересно глядеть? Что толку сто лет наблюдать за жизнью тысячи крестьян, у которых с утра до вечера одно и то же? Ну первую сотню лет, может, это и интересно. Ну пятую, шестую ещё туда-сюда, но ведь на сороковую сотню лет сойти с ума можно от этого, даже если ты — Небо.

Я сглотнул. Как я там в тот вечер думал?

Чем я недоволен? Тем, что мне никто не указывает, что и как делать? Не говорит, когда нужно поднять задницу и куда идти? Всё только в моих руках.

Седой понял это по-своему:

— Не бойсь. Небо видит всё, но наказывает ли оно кого-нибудь лично? Нет. Небесное Испытание ещё нужно заслужить. И много ли скучных, невзрачных идущих, чья жизнь была неяркой, серой прошли эти Испытания? Вот тот Страж, что пришёл сегодня нам на помощь, разве он был беспристрастен? Был ли он мудр и невозмутим? Нет. Он сразу выбрал сторону и хотя придерживался буквы закона, сумел помочь тем, кого посчитал правым, он...

Я снова перебил Седого:

— Тебя послушать, так выходит, что чем безумней себя ведёшь, тем ты больше приглянешься Небу. Так можно договориться до того, что сектанты Альянса должны обладать большей силой и не бояться Небесного Испытания, а на самом деле...

— А на самом деле, — теперь Седой перебил меня, — всё совсем наоборот. И нет сектантов, что прошли Небесное Испытание честно.

В этот раз я не стал прятать усмешки. Нет таких сектантов? Я в этом не был уверен. Я помнил слова Фатии, я помнил гения Райгвара, его силу, его поведение, его слова и сейчас даже не очень уверен в словах Седого о том, что Небу действительно неинтересны те, кто невозмутим. Райгвар был не по годам мудр, невероятно спокоен и рассудителен, да и его учитель в своих наставлениях явно...

— Я же говорю совсем не о том, что нужно вести себя безумно. В первую очередь нужно быть самим собой. Небу интересно многое и поэтому можешь быть уверен, что, даже став Небесным Воином, лично ты не избавишься от своей жажды схваток. Это твоя суть, то, с чем ты идёшь по пути к Небу с самого начала и лучшее, что ты можешь сделать — поставить это знание себе на службу, научиться сдерживать до поры до времени, научиться извлекать из этого своего недостатка выгоду, а не пытаться полностью подавить эту свою часть. Подавив, ты станешь неполным, покалеченным и будешь ли ты таким интересен Небу?

— А если не буду? То что?

— Что, что?

— Это я и спрашиваю — что? — со злостью переспросил я. Надавил. — Я больше не смогу вобрать ни крохи силы Неба? Умру, быть может, на месте?

— Ага, прям здесь словишь Небесное Испытание, — фыркнул Седой. — Да ничего не «что». Просто не случится в твоей жизни чудесной случайности, не выпадет удачный шанс, не произойдёт счастливой встречи. Но пока, малец, тебе беспокоиться не о чем. Ни ты, ни я не затворники, ни ты, ни я не отказываемся от доброй драки и справедливости.

— Ну да, — ядовито вставил я, — а ещё от вина и женщин.

— И техник, — ничуть не смутился Седой. — Правда, с вином и женщинам нужно с тобой ещё поработать.

— Конечно, — яд из моих слов можно было использовать для убийства Зверей даже этапа Повелителя Стихии, — это ведь так интересно Небу — глядеть, как в задницу пьяный старый орденец ломится в Павильон Цветков.

Однако Седой ничуть не пострадал от моего яда, спокойно ответил:

— Может, ему это и неинтересно, хотя до сих пор никто не может ответить на вопрос Небо это он, она или оно, а о своих удовольствиях и своих интересах забывать не стоит. К тому же, меньше желчи, малец, не завидуй, у тебя всё впереди, и женщины, и вино, и старость.

Я не стал отвечать. Не то чтобы мне нечего было ответить, скорее, мне нужно было уложить в голове всё то, что я услышал. Это... Это всё подозрительно сильно перекликалось с тем, что когда-то один Закалка, собиратель камней из Нулевого услышал в стенах Школы от той, кто когда-то родилась в Третьем поясе, от Виликор. И не только о том, что будет, если ты станешь Небу неинтересен, но и о том, что происходит, когда ты ему напротив, очень и очень интересен.

Как там она говорила?

Испытания и препятствия даёт нам Небо, оно же даёт нам и награды за них. Вычтенные баллы, десяток плетей? Смешно. Разве можно с их помощью вырастить того, кто проторит себе путь к Небу? Другое дело...

Другое дело что? Виликор говорила о предательстве. Я бы добавил к ним смертельного врага, потерю родных, Бедствие и всё прочее, что ставит тебя на грань и меняет тебя.

Когда-то так изменила меня смерть отца и издевательства шайки Виргла. Затем было то самое предательство, нападение теневиков, ранение Лейлы, сражение против комтуров и старейшин Ордена, ярмо долгового служения в Ясене, исчезновение семьи, схватка с Тёмным и всё прочее...

Удивительно, но сейчас, оглядываясь назад, я не особо страдаю из-за всего этого. Помоги? Я давно забыл, как они пахнут, когда льются на голову и не опускаю глаза в песок. Смерть отца? Он давно отомщён, и я уже долгие годы не сжимал в руке свой клятвенный камень.

Есть только один вопрос...

Если бы я был неинтересен Небу, то умер бы мой отец?

Впрочем, нет. Есть ещё один вопрос и даже более интересный и важный.

Был ли Небу интересен мой отец?

Случайно ли встретился тот Зверь на пути отца?

Не был ли тот случай тем самым счастливым, что должен был изменить отца и помочь ему на пути Неба?

Отец ведь справился с этим испытанием, и только злая воля людей его погубила. Не выпей он поддельного лекарства, выпей настоящее, и он остался бы жив. Идущий, что сумел стать Воином сам, своими усилиями в Нулевом. Гений из гениев.

Кажется, я сам и ответил на свой вопрос. Конечно же, отец был интересен Небу. Конечно же, это был случай из тех, что меняют людей, как изменила меня самого схватка с Монстром. Мне она дала возможность стать десятой звездой, отцу, возможно, дала бы возможность научиться создавать Покров. Ту единственную технику, что может создать любой идущий, может создать сам, придумав самостоятельно. Это ведь несложно — толкнуть из средоточия, из первого и самого важного узла Воина силу к поверхности тела, к коже.

Будь проклят тот старикашка-торговец, продавший подделку, будь проклят Кардо, давно разлетевшийся пеплом по пустошам Нулевого, будь прокляты старейшины Ордена Морозной Гряды, из-за своих козней сославшие Орикола в Нулевой и закрывшие ему Указами возможность передать хоть что-то из наследства Ордена возможным ученикам. Знания Воинов — это ведь не то, что должно принадлежать Нулевому, верно?

— Малец?

Я осознал, что скриплю зубами так сильно, что это слышит даже Седой, заставил себя

разомкнуть сжатые челюсти, но ничего не ответил ему, снова провалился в тяжёлые размышления.

Отец не сумел увидеть Первый пояс, я исполнил за него эту мечту.

Я вывез из песков Нулевого свою семью, семьи дяди Ди и дяди Варо. Забрал даже стариков — родителей отца.

Когда-то именно они, семья, толкали меня вперёд. Желание изменить к лучшему жизнь мамы и Лейлы. Чтобы сестра всегда была сыта, одета в шёлк, а не дерюгу, не страдала от палящего солнца.

Можно даже предположить, что все мои счастливые и несчастные встречи в Нулевом и Морозной Гряде случились только для одного — чтобы я привёл Лейлу в Павильон Здравья клана Кавиот и чтобы она получила лечение от духа Каори.

Только для того, чтобы родилась Говорящая с Небом.

Нужен ли я был после этого? Ну, если только моя жизнь была интересна Небу. Впрочем, вспоминая всё то, что со мной случилось, нельзя не признаться даже самому себе, что за этим точно было интересно следить. Не знаю уж, что там с учёбой в Академии Небесного Меча, но противостояние фракциям на Поле Битвы в землях Саул, Бедствие и схватка с сектантами под стенами Приюта, поход в город Тысячи Этажей, приключения в землях сектантов.

О да! За этим можно было наблюдать. Даже Небу, пресытившемуся за сотни лет подобных приключений.

Невольно я исподлобья глянул вверх, в начавшее светлеть небо. Но нет, оно не спешило обрушиться на меня свой гнев. Действительно, я слишком много о себе думаю. А должен бы... Должен что? Думать меньше, думать не о себе?

Не так давно я уже задавался вопросом, стоит ли мне идти на земли клана Мадов. Нужна ли мне жизнь там в качестве брата их Говорящей с Небом? Мне этого не хотелось. Гордость, наверное. Забавное и странное желание для того, кто не раз и не два в разговорах с другими называл себя собирателем камней и даже собирателем дерьма из Нулевого.

Не всё ли равно, для того, кто сумел вырваться из Нулевого, для того, чьи предки пали туда, как последние, ни на что не годные отбросы, за которых не нашлось желающих заплатить налог, чьим братом жить в Третьем поясе?

И снова сам ответил на свой вопрос.

Не всё равно.

Да, я не гений, подобный Яриму или Райгвару. Да, как уже сам понимаю, часть моих успехов была...

Была что? Не заслужена?

Это не я рвал жилы, пытаясь выжить в битве с Монстром в пещерах Чёрной Горы?

Это не я бился в кровь в коридорах Школы Морозной Гряды?

Это не я через боль и раны прокладывал путь к Миражному, чтобы спасти Лейлу?

Это не я проходил малое испытание Стражей и заслужил ранг «вне категорий» за дух бойца?

Это не я учился противостоять своим же Указам и действовать, несмотря ни на какие запреты?

Это не я, всего лишь Мастером, сумел украсть контракт у старейшины сектантов, который был в ранге Властелина Духа?

Это не я насмерть бился в Ущельях Стихий, защищая Орден Небесного Меча?

Это не я поднимался по городу Тысячи Этажей?

Это не я отказался идти на поводу у духа этого города?

Я. Везде это был я. Везде и всегда я справлялся своими и только своими силами. А если бы не справился, если бы не сумел, то просто сдох бы.

Вздыхнув, я признал: «Нет, не всё так однозначно».

Один раз Клатир спас меня под снегами Братьев. Другой раз успел до того, как я сжёл всю свою жизнь дотла.

Но!

Никакая помощь не может длиться вечно и не может всегда успевать прийти вовремя. Хотя да, тут уже по-другому на всё это глядишь, а в ушах так и гремит голос Седого: «Счастливые встречи, малец, счастливые встречи».

Но что дальше? Говорящая с Небом появилась. Говорящая с Небом оказалась едва ли не в самом безопасном месте Империи — в сердце силы одного из сильнейших кланов Империи — в клане Небесного Мада.

С тех пор я, можно считать, никогда не делал то, что хотел. С того самого дня, как узнал, где моя семья, я, нужно себе признать, выполнял только то, что хотели...

Нет. Снова неправда.

Да, в Орден Небесного Меча я пришёл по приказу Клатира и Виостия. Но учился, сражался и страдал за Орден я по своему выбору. Как бы то ни было, но это было отличное время.

Да и жизнь в Пятом поясе мне была по душе. Неспешное изучение книг в библиотеке города, дни лечебной практики, выходы на Поле Битвы. Я и рос в силе очень и очень неплохо — половина этапа Предводителя Воинов за половину года. Скажи я той же Лае, что хотел бы большего — думаю, она бы нашла, что тёплого и ласкового мне ответить на мою жадность.

Но... Достойно ли это брата Говорящей с Небом?

Нет, не так. Забудем про Лейлу.

Разве не хочу я, лично я — Леград, большего?

Я не говорю, что хочу большего за раз. Разве не хочу я большего в будущем?

Властелина Духа? Неплохо, но мало.

Повелитель Стихии? Отлично, этап, полный для меня тайн и загадок, манящий меня к себе.

Но... Мало.

Небесный Воин?

Тот, кто невероятно интересен Небу?

Звучит заманчиво. Почти точно так же, как звучали истории из сказок про Рама Вилора.

Но... Точно ли это предел? Точно ли это конец пути к Небу? Действительно ли там заканчивается Возвышение? Прав ли Седой в своих размышлениях?

Что, если нет?

Но не наивно ли думать, что там, где у сотен тысяч идущих ничего не получилось, получится у меня?

Может быть, и наивно.

Но тысячи Закалок бьются над мерными гирями в Нулевом. Сколькие из них становятся чемпионами и поднимаются в Первый?

А сколько Закалок бьются над созданием средоточия? Сколькие возвышалоки глотают за год идущие в Первом поясе и сколькие из них становятся Мастерами и поднимаются во Второй?

Сколькие тысяч выходцев из Нулевого могут похвастаться тем, что оказываются в Пятом поясе ещё до того, как им стукнет двадцать?

Правда, стоит честно признать, что этот путь не был лёгок. Он был опасен, опасен смертельно. На нём я оставлял позади товарищей, терял друзей, страдал от ран и потерь. Та цель, которую я хочу поставить перед собой потребует в сотню раз больше лишений и

потерь.

Но... Моя семья в безопасности и ни в чём не нуждается. А я... Это моя жизнь и я могу прожить её так, как хочу, так, как интересно мне.

Даже если в конце меня ждёт смерть.

Правда есть одно но.

Вычтенные баллы? Десяток плетей? Козни Нулара? Смешно. Это не те испытания, после которых может появиться Небесный Воин и уж точно не те, после которых появится тот, что шагнёт за предел Небесного Воина.

Что я тогда сказал Виликор? Посоветовал ей, всего лишь слабому Воину пойти и бросить вызов Магистру Ордена? Мастеру явно не первой звезды?

Тогда я считал это полной глупостью. Разрыв в целый этап казался мне непреодолимым. Но... С тех пор я узнал, что сила идущего многогранна, познал свой талант. Буквально половины дня не прошло, как я убил того, кто превосходил меня на этап. Я — не самый сильный Предводитель Воинов убил Властелина Духа с двумя телохранителями.

Так что не такой уж это и вызов. Не такое уж это и испытание.

Так что же сделать мне испытанием, чтобы начать путь к Небесному Воину? Попросить Седого оставить меня, встать на летающий меч, дождаться преследующего нас пикового Властелина Духа и убить его?

Ну да, ну да.

Тут мой путь к Небу и закончится. А если у Неба есть глаза и руки, то оно со стыда прикроет ладонью глаза, чтобы не видеть этой глупости.

Нельзя шагнуть к Небу за один шаг. Даже гении двигаются к нему постепенно, шаг за шагом, месяц за месяцем.

Значит, мне нужен такой путь. Ступень за ступенью. Пусть не в месяцы длинной, я всё же не гений, а лишь Леград, собиратель камней из Нулевого, пусть путь длиной в годы. Главное — понять, какие испытания я могу поставить перед собой. Какие из них будут мне...

Нет, не так. Нужны испытания, которые будут мне не под силу, но которые я смогу преодолеть, рвя жилы.

Вот только какие? Если жажда схваток — это моя сильная сторона, то не стоит ли мне отправиться в земли Мадов и за... скажем, три месяца схваток там стать таким сильным, что они не сумеют спустить меня с лестницы?

А затем, стоя над стонущими, поверженными Властелинами Духа, признаться, что я брат

Говорящей с Небом и придумать следующий шаг? Помочь клану Мадов стать сильнейшим? Помочь им сместить Рама Вилора?

За обдумыванием этих безумных идей я не заметил, как заснул. Прямо в полёте.

Проснулся, уже мелко подскакивая на плече Седого. Да уж, это точно не плавность полёта.

Открыв глаза, всё, что увидел — ну, скажем, спину Седого и песок внизу, под собой.

Вполне привычный песок Поля Битвы. Не родной белый песок Нулевого, как мне на миг вдруг показалось.

Восприятие, которое я выпустил из себя, подсказало, что мы уже в зоне запрета и полёта, и техник, а Седой, пользуясь усилениями тела, стремительно несётся куда-то вправо от горного хребта.

Я шевельнулся и потребовал:

— Опустит, — когда Седой послушался, буркнул. — Мог бы и сразу разбудить, едва началась зона запрета полёта.

— Не уверен, что это стало бы быстрее, зато уверен, малец, что этой ночью тебе досталось и отдых был тебе просто необходим.

Я промолчал, оценил запас сил и тут же наполнил ими Воды Итреи, омывая техникой тело. Зелье зельем, время временем, прошлое лечение прошлым лечением, но я всё ещё очень и очень далёк от здорового идущего. Даже хорошо, что это зона запрета техник, значит, нельзя использовать Рывок и кожа, наконец-то, заживёт спокойно. Сдирать её в третий раз совершенно не хотелось.

Седой крикнул:

— Малец, вот же тебе таланта отмерено, не устаю удивляться. Как Властелин, в зоне запрета, технику. Лихо.

Нас не пытались убить, мы не прятались и даже тени Властелина Иглата не было на горизонте, поэтому я задал, наконец, ещё один из вопросов своего очень длинного списка.

— Это, вообще, нормально, что я не могу обнаружить даже тени эссенции духа в себе, но легко использую её для техник?

— Ха! Не ты ли, малец, буквально вчера заявлял мне, что для этапа Властелина составлены сотни наставлений и ты напишешь ещё одно, своё?

Я не стал говорить Седому, что он исковеркал мои слова. Я промолчал. Но, видно, сумел вложить во взгляд достаточно, чтобы он всё понял. Понял, ухмыльнулся и всё же ответил мне:

— Нормально. Я уже говорил, что этап Властелина, когда он приходит в равновесие с миром — определяющий, разделяющий, важнейший на пути Возвышения. Эссенция — это смесь духовной силы и стихии, это тот самый баланс, который тело идущего понимает иногда интуитивно. Но это понимание ничего для него не значит, пока он не ощутит его сам, лично. А так, да, опытный, талантливый идущий даже на этапе Предводителя может пользоваться преимуществом умного тела.

Я отложил эти слова в памяти. Тело. У меня с ним особый разговор. У меня ведь тело идущее вслед за душой. Не идёт ли оно особо длинными шагами к этому балансу? Поэтому так много эссенции, что я могу использовать для техник. С усмешкой повторил:

— Опытный и талантливый. Да, я такой.

— И это хорошо, — кивнул Седой. — Чужая эссенция никак не поможет идущему в развитии, что бы ты там ни пытался провернуть с ней, тяня её к узлу Ра-Отус-Ан, но вот то, что твоей родной эссенции в теле много — очень часто ускоряет путь к становлению Властелином, ведь то, чего много и проще искать. Впрочем, думаю, ты на особом счету. Ты истинный мастер Указов, твоя душа очень и очень сильна, а значит, велики и твои таланты в том же познании. Взять те же техники. Ты ведь лечишься не человеческим рангом?

— Земной.

— Вот. Тебе нет даже двадцати, но ты уже сумел выучить технику земного ранга. Мне, чтобы иметь такую возможность, пришлось отдать больше года жизни.

Я не стал напоминать Седому, что, вообще-то, я работал в городе Ян лекарем и Воды Итреи не сильнейшая из известных мне техник, и не единственная. Правда, вот он не преминул меня поддеть:

— Хотя ты, похоже, сделал это за счёт боевых техник. Заметил, что их запас у тебя невелик, да ещё и очень... специфичен. Ты знаешь, что Морт и Илимия приняли тебя за наёмника из клана убийц?

Я закончил прогонять по телу волну лечения, на первое время хватит, тело всё равно имеет предел восстановления, и большего из него пока не выжать одной техникой. Кивнул:

— Знаю. Я закончил и предлагаю бежать дальше.

— Да, — Седой оглянулся, скользнул взглядом по линии, где сошёлся жёлтый песок и голубое небо. — Нужно создать запас времени, на случай, если этот умник сразу нанял в городе людей и мчится сюда вместе с ними.

— Я ничего не ощущаю Прозрением.

— Я тоже, малец, но не всегда это работает. Иначе как бы тогда существовали эти самые наёмные убийцы? Приходится иногда, знаешь ли, учиться прятать своё намерение убивать.

Я хмыкнул себе под нос. Знаю ли я? Ну, может быть, затворник, который вырос со стариком-наставником на задворках одного из великих кланов и не знает, а вот я знаю. Седой, ты, вообще, помнишь, что я неплохо так сражаюсь и даже убил мастера Указов Ян, причём так, что Прозрение не успело намекнуть ему о летящей к нему смерти? Или тут помню, тут не помню?

С усмешкой о своём ткнул пальцем влево, к хребтам.

— Туда. Я уже говорил тебе про лабиринт поместья...

— Выход...

— Там есть ещё один выход, — Седой замолчал, прикрыл рот, давая мне всё же возможность закончить. — В поместье я нашёл тело идущего, который явно пришёл туда не с земель Ян, а когда выбирался, то нашёл поворот к горам. Не рискнул идти туда, потому что первые же големы оказались слишком сильны для меня.

— Ты бежал от них?

— Нет. Первую волну я перемолол, но это было нелегко.

— Звучит заманчиво, — задумчиво протянул Седой, огладил бородку и кивнул. — Да. Вдвоём мы должны справиться. Либо, если всё пойдёт по-плохому, в таком месте будет легко направить големов на преследователей.

Я не считал, что это будет прям лёгкая задача, но, как по мне, мой путь выглядел разумней, чем пробиваться через полчища големов, что заволокли земли Сестёр и от которых мы, вроде как, бежали, а затем с трудом победили, но возразить не успел.

Седой сорвался с места, уверенно забирая даже левей, чем я указывал. Я не стал его останавливать или поправлять. Кто знает, как давно мы бежим и где находимся. Ему должно быть видней, где место схватки с Ян. Рванул следом, на бегу напомним:

— Не пора ли отдавать долги?

— Долги? — изумился Седой. — У меня? До сих пор?

— Да. Рассказ о клане за спор.

— Кхм. Вот сейчас?

— Если ты уже стар и тебе не хватает дыхания, Седой, то всегда можешь перейти на мыслеречь.

— Малец, пока ты безвольной тушкой этого своего квыргала подпрыгивал у меня на плече и храпел, то ты мне больше нравился.

Я неспешно, делая паузы между словами, заключил:

— Значит, выполнять обещанное ты...

Седой скривился впереди, мне было отлично видно это с помощью восприятия и буркнул:

— О каком клане тебе рассказать?

— Мады.

— Ты о клане Небесного Мада?

— А что, великих кланов Мадов несколько?

— Вот же ты... — вздохнул Седой. — Ясно. Клан Небесного Мада, в просторечье именуемый во множественном числе. Сильнейший из так называемых звериных кланов, состоящих из Зверей, обрётших человеческий облик.

— Полностью состоящий?

— Нет, разумеется, как ты себе это представляешь? Любой клан — это земли, ресурсы, налоги, ремесленники. Мады, как и все остальные, имеют в своих рядах и обычных людей. Правда, почти все люди на их землях — это Закалки, Воины, Мастера и прочие, что обеспечивают основу жизни. Звери ведь обретают облик только с этапа Предводителя, а Предводитель не будет пахать землю или тягать сетями рыбу. Мады это лишь высшая прослойка идущих, своей силой доказавших право на земли и служение Императору, само ядро клана.

— Мне кажется, твоё — Император и моё — император звучит по-разному.

— Не кажется. Я тоже замечаю, что в твоём именовании маловато почтения.

Я лишь пожал плечами, заставив Седого фыркнуть на бегу. Тоже приглядывает за мной восприятием. Я прищурился, пытаюсь уловить, куда мне глядеть, чтобы заметить это, но ничего не вышло. Седой же честно продолжал рассказывать и удивлять:

— Основателем был известнейший из Зверей Империи — телохранитель Рама Вилора, Алгол. Он, кстати, как раз из тех, кто попытался шагнуть за пределы Небесного Воина и исчез бесследно, правда сами Мады считают, что он вознёсся к Небу, потому и назвали себя кланом Небесного Мада.

Я устал удивляться, поэтому заметил:

— Мне помнится, что телохранитель Рама Вилора был Тигром.

— Ха! — фыркнул Седой. — Кто бы сомневался, что у тебя была хорошая библиотека со старыми изданиями. На это можно было заметить, что и основателями первых кланов старой

империи были не Дракон и не Феникс, но я не буду этого говорить.

Я отметил, что ни про Роака, ни тем более Василиска и Амока Седой не сказал.

— Не буду, потому что ты прав, а лучший способ вывести Мада из себя, это ляпнуть что-то подобное про Тигра при нём. Запомни это, раз уж вышел в большой мир.

Я кивнул и впрямь постарался запомнить, но если Седой думал, что я сделал это для того, чтобы не ляпнуть этого, на самом деле всё было наоборот. Лучший способ заставить Мада драться со мной, это вывести его из себя. Тут лишь нужно определить, после упоминания того Тигра он будет просто драться или будет стараться меня убить?

— Изначально клан был больше и слабей. После исчезновения Алгола в Диких Землях клан разделился. Тигры так и остались кланом средней руки, а вот Мады набрали силу. Первые считают, что они украли у них предка, но стараются держать пасти закрытыми, потому что силы давно уже неравны. Сила, малец, главное в этом мире под Небом это — сила. И у Мадов силы достаточно. Пусть у них и не появилось ещё одного Небесного Воина. Но у них полно талантов. И я сейчас не о стариках, которые давно потеряли надежду проломить преграду десятого Небесного Испытания. Я о молодых. Например, Иргон. Молод, но уже прошёл семь Небесных Испытаний. Или Урлик. Когда-то в молодости я хотел сойтись с ней в схватке, испытать себя, но с тех пор она давно оставила меня позади.

Я усмехнулся:

— Что, Небу она более интересна, чем ты и твои похождения в Павильонах Цветов? Похоже, Небо всё же ближе к женщинам?

— Будешь теперь мне каждый раз этим колоть? — хмыкнул Седой и отмахнулся. — Прежде чем использовать столь тяжёлый довод, попробовал бы полегче: у неё и талант выше, и ресурсов у второго клана в Империи больше, чем у...

Седой замолчал, обернулся и угрюмо заметил:

— Давай сделаем вид, что я этого не говорил, хорошо, малец? Мады, может, и сильнейший из кланов, но высокое положение у них может занять только тот, в ком сильна кровь Мадов. Человеку у них не на что рассчитывать, да и они сосредоточены совсем не на Полях Битвы, а значит, ты им и не нужен. В отличие от Ордена Небесного Меча, для которого ты — шанс вернуть своё имя.

Я покачал головой, думая о Лейле, себе, её брате, кольце дракона и напомнил:

— Ты рассказывай-рассказывай, долг ещё не выплачен.

Седой продолжил перечислять имена талантов Мадов, затем их старейшин и прочее. Но мне это было уже не так интересно. Среди талантов не прозвучало имя Ярима, а значит, он ещё не стал Повелителем Стихии. Или же Мады скрывают его, тут уже не узнать, только проверить самому. Может даже при личной встрече.

«Эй, Мады, говорят, ваш основатель был Тигр. Хвосты у вас от него?»

Я улыбнулся и поднажал, чтобы не отставать от Седого.

Глава 13

— Неплохо, неплохо, — покивал Седой. При этом довольная улыбка не сходила с его лица.
— За что люблю такие лабиринты, так это за то, что в них так удобно заблудиться. Сразу ощущаешь, насколько тяжело потерять все эти годы Возвышения, вот только что были возможности, а вот их и не стало. И ничего ведь не помогает, вот в чём красота.

Это он болтал о нашем бегстве. Седой легко привёл меня к месту схватки с людьми Ян. Звучит неприятно, но Звери даже не успели полностью покончить с телами. Оттуда уже легко привёл нас к проходу в лабиринт поместья, по памяти повёл через его извивы в сторону гор.

Уточнил, чтобы быть уверенным, что я понимаю Седого:

— Ничего не помогает это ты о...

Тот охотно продолжил:

— Об артефактах. Сначала он будет преследовать нас, полагаясь на возможности Властелина, затем, когда начнётся зона запрета полёта и часть умений начнёт сдавать, воспользуется артефактом поиска следов, но когда упрётся в зону запрета техник и артефактов, то всё, что ему останется — полагаться на умения следопыта. Скажи-ка мне, малец, когда он в последний раз читал следы?

Я пожал плечами:

— Это ты следишь за жизнью этого Иглата, так что тебе и отвечать на свой вопрос. Мне он безразличен, только замечу, что искать следы будет не он, а наёмники, которых он притащит от Илимии.

— Не смог удержаться и поддел меня, да?

Я сменил тему, вернее, вернул разговор немного назад:

— Артефакты. Мои сильно пострадали и нуждаются в ремонте. Там, куда мы идём, есть артефактор?

Седой на бегу повернул голову в сторону хребта, который сейчас лежал слева от нас и кивнул:

— Если здесь есть проход на ту сторону, в земли Кимлот, то артефактора мы, конечно, найдём, что за город без артефакторов, тем более торговый город? Нужно только решить

вопрос с оплатой.

Я уточнил:

— Оплатой?

— Любая работа требует оплаты, ты не знал, малец? — нравоучительно заметил Седой, ещё и, обернувшись, пальцем покачал на бегу. — Услуги, вещи, за всё нужно платить. То, что тебе и твоему учителю приносили всё вроде бы бесплатно, не означает, что...

Я не выдержал:

— Что за чушь ты несёшь? Ты меня что, на улице подобрал? Я, по-твоему, все эти месяцы в городе Ян жил как? Воровал всё, что ли? Из харчевен сбегал не заплатив?

Седой откровенно заржал, другого слова и не подберёшь, довольный, что сумел меня зацепить. Правда, тут же оборвал смех и стал серьёзней, ну, мне на пару вдохов так показалось.

— Чушь не чушь, а лично я остался буквально с голой задницей. Всё чужое, ничего своего. Меч твой, халат твой, — я выпучил глаза, даже замедлил бег невольно, а Седой душераздирающе вздохнул и развёл руками. — Не успел я вернуть свой кисет, малец, и платы за помощь не успел получить с Илимии.

Я покачал головой и с кривой усмешкой спросил:

— Так ради чего всё это было?

Седой через плечо покосился на меня:

— Мне казалось, что мы под утро уже обсудили эту тему. Это просто жизнь, малец.

— Просто жизнь? Влезть в чужую ссору, помочь одним убивать других и даже не получить ничего взамен?

— Вот только не нужно укорять меня на пустом месте, малец. Они и без меня, и без тебя справились бы и с убийствами, и со сражениями. Ты давай ещё начни снова переживать о том, сколько простых жителей погибло за эту ночь. Жалеть нужно лишь о том, что мы не сумели сделать всё, что хотели. Вернее, ты как раз успел. С Нуларом я помог, с женщиной той тебе помог Морт, а вот я остался без своего кисета. Это, между прочим, очень большая потеря. Я прожил немало лет и собрал немало вещей, которые теперь потеряны для меня. Духовные камни, алхимия, причём довольно редкая и нужная мне, старому, больному человеку, оружие, артефакты, письма, бумаги про дела Ордена, пара контрактов и прочее и прочее. Нам сейчас денег на портал не хватит, не то что на твоего артефактора. Так что придётся и мне вспомнить молодость.

С этими словами Седой сменил бег на быстрый шаг, а затем и вовсе остановился. Покрутил

сначала головой, затем недовольно покачал и дальше двинулся неспешным шагом, то и дело наклоняясь к песку. Я сначала не понял, что это всё значит, но когда через пару сотен шагов Седой издал довольный возглас и ткнул пальцем левой, в ничем не выделяющееся пятно песка, начал осознавать, о чём он.

Седой тем временем... не знаю... решил дать мне урок?

— Серая Атами. Искать всегда нужно с восточной стороны камней, скал или дюн. Она любит нежиться в ласковых лучах восходящего солнца, а уже к обеду зарывается под песок, точно так же как делает это, стоит человеку или Зверю оказаться рядом.

Следом он довольно помахал выкопанной травой и шагнул прочь.

Я немного поборолся с собой, но быстро сдался и спросил в спину:

— И всё?

Седой обернулся через плечо:

— Что всё?

Я, где стоял, там и присел, вбивая пальцы в песок. Миг, и вытянул их обратно, крепко сжатыми ещё на одной небесной траве, больше похожей на округлый камень, только необычного, алого цвета.

— Вот это, к примеру, — швырнул луковицу Седому, быстро сделал десяток шагов в сторону и принялся копать. Швырнул ему ещё одну траву, фиолетово-зелёный мясистый цветок Каменной Розы Салира, который осторожно отделил от корня, чтобы не повредить его и дать ему возможность через год-другой зацвести снова.

Седой поджал губы:

— И как ты их нашёл?

Ответил я с нескрываемым удовольствием:

— В смысле как? Первая небесная трава всегда растёт в ложбине, где находит укрытие от ветра, а мы как раз в ней. Роза же не только так же прячется от ветра, но и с особым удовольствием растёт на дерьме ящериц. Я сразу учуял его аромат, решил проверить и, как видишь, не ошибся. Да ты сам понюхай её, разве не чуешь?

Седой поднёс Розу к носу, принюхался, а затем до него дошло:

— Издеваешься, да? Ладно. Я хоть и седой уже, но память у меня хорошая.

Я, посмеиваясь, двинулся следом за обидевшимся Седым. Развлекался тем, что время от времени останавливал его и выкапывал из песка очередную, пропущенную им траву. Правда,

такого удачного места, как первый раз, мне больше не попадалось, словно Небо в тот миг дало мне возможность посмеяться над Седым.

При мысли о Небе я снова помрачнел и даже забава с травами тут же стала не так интересна. Не знаю уж, что там с Седым, и правда ли кисет на его поясе настолько пуст, что он взялся собирать не самые дорогие небесные травы, но мне глупо нагибаться за такой дешёвкой. Я не делал этого и в прошлый раз, когда шёл этой дорогой, тем более глупо делать это сейчас — у меня кисет Браута, немного добычи из города, кольцо мастера Указов Ян, кольца и кисеты защитников резиденции Ян.

Чего у меня нет, так это желания разобраться с их содержимым. Не то что лень, а буквально сил нет копаться в завалах, что там меня ожидают. Здесь бы мне не помешала помощь Рейки или хотя бы Фатии. Вот уж кто с удовольствием выгреб бы всё, что лежит в этих артефактах Путника, разложил по кучам и восторженно бы всплёскивал руками, подсчитывая, сколько всё это стоит.

С тяжёлым вздохом пообещал себе, что займусь, обязательно займусь подсчётом того, что имею. Выгрести содержимое наружу не выйдет, не здесь, в зоне запрета, иначе можно потерять все артефакты, а может, и рук лишиться, но работу духовным взглядом внутри артефактов Путника никто не запрещал.

И вообще, вот здесь разве уже не должен был быть проход налево и разворот в обратную сторону? Что-то мы слишком долго идём вдоль хребта в направлении земель Сестёр.

Я прищурился, вглядываясь вдаль и заставляя песок впереди оказаться близким. Скользнул взглядом до самого горизонта, но так и не заметил впереди изменений в невысоких барханах. Песок как лежал наваленным на невидимый барьер, так и лежал.

Странно.

Я остановился, через два шага остановился и Седой, обернулся через плечо, видно, ожидая, что я снова нагнусь за травой, но я послал силу в кольцо. Есть у меня один артефакт, который, как и артефакты Путника, способен здесь, в зонах запретов, работать. Пусть я даже не знаю, что лежит на большей части полок моего нового кольца, но Пронзатель и Флаг Сотни Убийств разместились там на самом видном месте, ровно по центру.

Через миг уже сжимал Флаг в руке, через вдох его полотнище дрогнуло, словно пытаюсь расправиться на невидимом ветре, но не сумело, и всё равно, в шаге от меня соткался Призрак.

Я махнул рукой:

— Проверяй лабиринт, ищи проходы, всё как в прошлый раз.

Призрак кивнул и сорвался на бег, который не потревожил ни единой песчинки под его ногами.

Седой проводил его тяжёлым, внимательным взглядом, а как только тот превратился в небольшую фигурку, мчащуюся по песку в трёх сотнях шагов от нас, негромко уточнил:

— Он же стал сильнее, я прав?

Я, неспешно продолжив путь, не стал отрицать:

— Да.

— Как это возможно за столь малый срок?

Вот тут я лишь развёл руками. Сам гадал, как это возможно. Предположения, впрочем, имелись. Когда-то Призрак поглотил обломки Флага Миллиона Убийств. Одно это могло оставить ему задел для роста, который он теперь, получив жизнь Браута и мою кровь, использует в полную силу.

— Орзуф, я бы хотел с тобой серьёзно поговорить.

Теперь уже я смерил Седого тяжёлым взглядом. Не так часто он называет меня по имени.

— Любые заигрывания с подобными вещами плохо заканчиваются. Да, Призраки Флагов в одно мгновение усиливают идущего...

— Как и любой артефакт, — вставил я, просто чтобы не молчать в разговоре, суть которого и то, к чему идёт дело, прекрасно понимал.

— Да, — согласился Седой. — Как и любой артефакт, голем, усиливающая алхимия, начертания на тело и оружие и всё прочее, что придумали за века Возвышения. Но из всех способов нарастить силу этот наихудший. Даже пара долговых слуг, которые ненавидят тебя всей душой и то лучше. Уничтожь я вчера всех Ян, оставь в живых одного их главу, заставь его подписать долговой контракт и служить мне, это и то было бы безопасней. Да, он бы мечтал всадить мне сталь в средоточие, вырвать сердце и вцепиться в глотку, но для подобного ему бы пришлось очень и очень постараться, вывернуться буквально наизнанку. С Призраками всё не так. Все узы подчинения, что наложены на них создателями, работают только с сектантами. И даже с ними случаются несчастные случаи, когда Призраки выходят из повиновения.

— Так я же сектант, нет? — удивился я и напомнил былое. — Сектант из далёкой-далёкой секты.

— Орзуф, — поморщился Седой. — Я же просил тебя о серьёзном разговоре. Ёрничанье здесь неуместно. То, что сходило тебе с рук сотню раз до этого, вот-вот не сойдёт, а откусит тебе руку по плечо. И хорошо, если руку, потому что я переживаю, как бы Призрак не оторвал тебе голову. Раньше ты был сильнее его, сейчас я бы сказал, что ваши силы сравнялись, а это уже опасно. Едва он станет сильнее тебя, как тут же попытается убить, а здесь не то место, чтобы тебе сходить с ним в битве. Я как бы лишён большей части своих возможностей и могу просто не успеть спасти тебя. Осознай угрозу, Орзуф, не нужно

закрывать на неё глаза, кивая на прошлое и думая, что эта тварь не попробует оторвать тебе голову.

У меня было немного своё представление о силе Призрака, другое дело, что делиться им с Седым я не очень хотел, не тогда, когда...

— Давай я сейчас просто и незамысловато уничтожу Флаг и...

Я замер, даже невольно отдернул руку с Флагом от идущего бок о бок с собой Седого. Не хватало ещё, чтобы он вырвал его у меня. Предупредил:

— Даже не смей. Я тебе этого не прощу.

— Трудно простить, когда у тебя оторвана башка или пробито сердце. Их любимый удар. Видел его раньше?

— Сед... Аранви, давай договоримся, не проверяй, прощу ли я тебе уничтожение моего Призрака.

— Моего... — Седой явно хотел выругаться, но сдержался, обойдясь лишь гримасой. — Тогда у нас проблема, потому что я не хочу проверять, успею ли защитить тебя, когда Призрак выйдет из повиновения. Заметь, не если, а когда, потому как я понимаю в этом побольше тебя.

Я покачал головой. Возможно. Но тот же Клатир явно понимал в этом не меньше, если не больше, а уж он переживал о моей жизни ещё больше. Ему тоже нужен был истинный мастер Указов. Он тоже строил на меня планы, он даже что-то говорил о помощи, которая ему будет нужна от меня в будущем. И при всём этом он не сломал Флаг, чтобы обезопасить мою жизнь. Правда, он вообще не трясся надо мной, а вполне спокойно наблюдал, как я схожусь в смертельной схватке с комтуром Пратием, со старейшинами Ордена Морозной Гряды, а затем и вовсе позволил мне вляпаться в долговое служение. Ладно, с последним я горячусь, то была случайность и мой просчёт.

Твёрдо сказал Седому:

— Нет. И, если уж ты так хочешь серьёзного разговора, Аранви, есть не так много надёжных способов сделать себя моим врагом. Это: обидеть мою семью, моих друзей и тронуть моего Призрака.

— О, Небо, — вскинул руки вверх Седой. — Ты это видишь? Он поставил в один ряд семью и Призрака? — опустил взгляд на меня. — Да он что тебе родной брат?

— Нет. Родных братьев у меня нет, — сказал и запнулся.

Сколько лет я уже не видел маму? Могу ли я быть уверенным в том, что за эти годы она не нашла... она не вышла... что она не нашла себе человека... или Мада... который бы стал ей поддержкой, пока меня нет рядом? А в том, что у меня не появилось сестры или же брата?

С усилием, но исправился:

— Не было раньше.

Глядя, как меняется лицо Седого, осознал, что сделал это зря.

Седой же медленно протянул:

— Погляжу, дела в твоей семье очень и очень запутаны, Орзуф.

Я, конечно, сглупил, но уступать Седому в этой подначке? Ухмыляясь, я сказал чистую правду, чтобы Седой понял это и осознал:

— Ты оказался бы в полном изумлении, если бы я рассказал тебе о своей семье.

Проняло. Седой прищурился, я же, довольный, припечатал:

— Пока же скажу о другом. Призрак со мной уже долгие годы и я не предаю его.

— Предаю! — Седой выпучил глаза. — Кого ты собираешься не предавать! Артефакт! Ты хоть знаешь, как создают Флаги!

— Проверяешь?

Я снова искривил губы в усмешке, на этот раз злой и предвкушающей, и принялся рассказывать:

— Основу этого Флага выкрал ученик ранга Воин секты Змеи. Этот ученик десять лет пробивался во внешний круг учеников и не останавливался ни перед чем, считая, что обделён вниманием и положением. Этот ученик считал, что он ничуть не хуже всех тех, кто выслужился перед старейшинами, считал себя столь же безупречным, как любой из личных учеников бессмертных. Этот ученик выкрал не только заготовку Флага, но и жертв для него. Стащил из загона под носом старших. Не знаю точно, сколько было убито ради заготовки самого Флага, но сильнейшей душой для завершения Флага стал обессиленный, почти умерший Мастер из Империи, — я ткнул Флагом вправо, указывая на чёрную точку возле горизонта. — Вот тот, кого ты сейчас видишь там.

Мы уже давно не шли никуда, стояли посреди песков, под голубым небом, что нависало над нами и этой иссохшей за три столетия землёй. Стояли, глядели глаза в глаза друг другу, а не на далёкую точку Призрака.

Наконец, Седой разжал губы:

— Мне трудно в этом признаваться, но ты меня пугаешь, Орзуф. Откуда ты знаешь такие подробности об этом Флаге, об этом Призраке и о том ученике секты Змеи? Почему ты говоришь «из Империи», почему ты используешь иносказание «этот», Орзуф?

Это было безумие, но в жилах у меня снова кипела кровь, толкала вперёд, и я не мог, не хотел этому сопротивляться.

— Потому что этот ученик — это я?

Спину кольнуло. Да что там кольнуло, между лопаток словно упёрся десяток ледяных мечей.

Я улыбнулся ещё шире, медленно шевельнул плечами, жалея только о том, что сжимаю Флаг в левой руке, а значит, в одно движение достать Пронзатель не получится. Значит, первым движением будет защита, наручи Клатира всегда со мной, а Седому тоже ещё меч доставать, вторым движением я раскручу Единение на третье созвездие, третьим движ...

Сталь между лопаток исчезла, Аранви поднял правую руку и с силой растёр лицо, глухо бурча из-под неё:

— Орзуф, иногда мне кажется, что твой талант действительно достался тебе вместе с безумием, — отнял руку от лица, снова уставился на меня. Вздохнул. — Зачем ты сейчас это ляпнул?

— Не веришь?

— Я чувствую ложь, тупой придурок!

— А я умею обманывать даже Истину и врать под Указами.

Седой застыл, даже не моргая, через вдох мотнул головой, отвернулся:

— Всё, закончили этот разговор, пока я тоже не рехнулся.

— Тоже? Это как?

Он бросил на меня косой взгляд:

— Но ты ведь явно безумен, Орзуф, согласишься.

— Мне откуда знать точно? — я пожал плечами и напомнил. — Я, пока летели, спрашивал тебя, что со мной такое, ты сказал...

— Беру свои слова обратно, — оборвал меня Седой и буркнул. — Ты безумен. Без сомнения. Прими это. Лучшее, что ты можешь сделать, это осознать свою беду и держать себя в узде, — снова покосившись на меня через плечо, Седой процедил. — Хотя бы старайся держать.

Немного подождав, зашагал по следам Седого и я. Азарт, жажда несостоявшейся схватки, то самое безумие кипели у меня в жилах, не спеша исчезать, отступая медленно, нехотя. Возможно, нужно было действительно испугаться, задуматься над словами и советом Седого, но я не сделал ни того ни другого. Напротив, когда к вечеру Седой скомандовал привал у подножия здоровенной угловатой глыбы в несколько моих ростов, невесть как

оказавшейся так далеко от гор, я не стал спорить, что мне не нужен отдых или что мы останавливаемся на него слишком рано, а продолжил измываться над Седым, припоминая ему все свои испорченные обеды в харчевнях.

Воткнул Флаг в песок и, пряча улыбку, коротко приказал:

— Музыкантка.

С наслаждением увидел, как ползут вверх брови Седого при виде того, как Призрак меняет облик, как короткими шагами стелется над песком уже не чётко очерченный мужчина в кожаном доспехе, а смутно различимая женщина в туманном халате.

Я протянул ей цинь и озвучил желание:

— Негромкое, успокаивающее.

Когда над песками поплыли первые звуки циня, Седой снова потёр лицо ладонями. Пробормотал из-под пальцев:

— Кто безумен? Я или Орзуф, который приспособил для своей тренировки Призрака?

Как бы это ни было забавно, но я всё же не мог не спросить:

— Тренировки?

— А для чего ты слушаешь музыку? — глянул на меня одним глазом между пальцами Седой.

Я пожал плечами:

— Не знаю точно, — помня в этот раз, что Седой ощущает ложь, и не желая особо выкручиваться, смешал полуправду. — Тот, кого я бы мог назвать наставником, сказал, что мне не хватает музыки. А что скажешь ты? Для чего её слушать?

— Значит, безумен был твой наставник, — со злостью процедил тот, не обращая внимания на мой вопрос. — Что же за монстр он такой и зачем так учил тебя?

— Ты сам не отвечаешь, а лишь спрашиваешь, — укорил его уже я.

Седой помолчал, косясь то на меня, то на музыкантку, чьи руки плавно порхали над цинем, вплетая в шорох ветра новую мелодию. То ли успокоившись, то ли решив что-то для себя, Седой негромко, не заглушая музыку, стал отвечать:

— Музыка — это неотъемлемая часть обучения идущих, если они, конечно, хотят подняться высоко в Возвышении. Она гармонизирует разум и тело, помогает лучше усваивать техники, развивает умение держать обращения и прочее, прочее. Тебе, как Предводителю, уже не так важно, что и как она делает, большая часть проблем, с которыми помогает музыка, уже позади.

Седой снова принялся качать головой, я же поджал губы. Для начала, я всё же не уверен, что для меня, как мастера Указов, это действительно стало уже неважно. Зато в чём уверен, так это в том, что эта часть обучения в первую очередь работает, если идущий сам играет, а у меня с этим как были сложности, так и остались. И первая из них — отсутствие времени.

Вот и сейчас, играет Призрак, а я потрачу время отдыха не на то, чтобы учиться у него музыке, а на то, чтобы разобрать кисеты и кольца. Раз уж я обещал самому себе.

Или нет, не на это?

Нет.

Первым делом я вновь осмотрел себя и раны. То, что больше всего беспокоило меня — лицо, довольно быстро заживало, без единого следа от чужой стихии. Это хорошо, мне хватило одной привычки тереть бровь, не хотелось бы обзаводиться ещё одной. Но этого и стоило ожидать. Я же не Тана, в конце концов. Пусть я не знаю много о жизни в Империи и прочем, например, о том, для чего нужна идущему музыка, но здесь, в землях Ян, мне сложно найти соперника в понимании стихии.

Как там говорили на турнире Ордена? Если скажу, что в этих землях я второй из Предводителей в понимании стихии, то найдётся ли тот, кто скажет, что он первый?

Ну и что, что ударили Властелины Духа? Они же местные, выросшие в здешних, несильно богатых на таланты местах. Заменяют грубой силой то, чего так и не смогли добиться, будучи Предводителями.

Но на всякий случай, помня, что и глаза, и детали оперения и шкуры у Сутей Стихий, ударивших по мне, были, я, пользуясь старым наставлением Фимрама, вторым, которым он пытался расплатиться со мной за семью, проверил каждый узел, каждый кусочек меридианов в районе головы. Все ущелья, вершины, впадины, реки, равнины и прочее, что так красиво называли в том трактате.

Сейчас я осознал, да что там осознал, видел своими глазами, в своём теле, что раньше не понимал всей картины, смотрел только на половинчатую структуру меридианов. Но теперь, видя, как узел за узлом раскрывается во мне вторая половина меридианов, та, что предназначена для стихий, лучше понимал, о чём говорил неизвестный мне лекарь в том трактате.

Нужно бы, кстати, перечитать его. Перечитать обе версии, что мне достались, потому как они довольно сильно различаются содержанием. И я бы не сказал, что вторая содержит больше. Нет, и это тоже, но не только. Они словно описывают разными словами немного различающиеся системы меридианов. Возможно, на самом деле, это и есть два разных исследования двух разных лекарей или мудрецов?

Я покосился на кольцо и вздохнул. Да, ещё и это. Где бы мне только отыскать столько свободного времени?

Окончив сеанс лечения, я занялся непосредственно самими меридианами.

За время битвы в городе Ян я получил несколько ран, да и часть меридианов очень близки к коже и могли пострадать от удара Сути Стихий, так что я проверил и их, устранил любой намёк на туман раны, стёр несколько мелких шрамов, что отыскиались. Ну и заодно оценил количество раскрытых к этому дню узлов.

Несмотря на то что я, вроде как, «второй» и ловко научился поглощать своими змеями чужую стихию и пропустил через себя огромное количество стихии, это ни на волос не продвинуло меня по пути Возвышения за время битвы в городе.

Просто потому, что для того, чтобы раскрыть узел, нужно кропотливо влить в него стихию, заставить бесследно исчезнуть в нём. А то, что ты сто раз повторил какую-нибудь технику, пропустив по меридиану стихию мимо закрытого узла и в итоге выпустил стихию в мир, ничего в тебе не изменит. Хотя было бы забавно, если бы законы Возвышения оказались именно такими. Тогда бы и все тренировки, и медитации выглядели иначе. Медитации остались бы только для того, чтобы восстановить запас духовной силы и стихии.

Я вручную, помня, что вокруг зона запрета артефактов, пересчитал открытые узлы Предводителя.

Пятая звезда. С небольшим. Сто тридцать семь узлов. За половину года. Впрочем, я уже об этом размышлял. Для кого-то невероятная скорость Возвышения, а для того же Ярима? Да его имя не прозвучало в списке гениев клана Небесного Мада, но и что? Он точно не замер на месте и не остался всего лишь Мастером, каким я его видел в последний раз.

Когда-то я взял с него обещание, что когда приду к нему, он выполнит мою просьбу.

По сути, я уже могу хоть завтра...

Оборвав мысль, я чуть приоткрыл глаза и глянул на то, что окружало меня. Пустынный Геккон, который роется в песке, сам песок, далёкие скалы и ещё более далёкие горы.

Поправил себя.

Уже хоть через месяц, как только перейдём через горы и доберёмся до города с порталом, отправиться на земли Мадов, как и задумал.

Сражаться, становиться сильнее, преодолевая испытания, что выбрал себе сам. Добраться через какое-то время до Ярима и потребовать возврата долга.

Я ещё не был уверен, что путь схваток с Мадами это именно тот путь, что быстро сделает меня сильным, да и вообще, плохо представлял, что я попрошу у Ярима.

Тогда в лесу это выглядело отличной идеей. Это и до сих пор отличная идея, но появилось несколько «но». Это Возвышение Ярима, это его положение в клане Мадов, это моя сила на тот момент и это сама просьба.

Попросить сообщить обо мне сестре?

Там, у задней двери, прячась в тени хурмы вас ждёт брат, Говорящая с Небом...

Это очень не то, чего я хочу.

Да и если я начну череду сражений на землях Мадов, то Лейла и мама и так обо мне услышат...

Я снова споткнулся в своих рассуждениях.

О ком они услышат? О Леграде? Так я не посмею использовать это имя. Римило был бы хорош и узнаваем, но это имя тоже опасно.

Даже Орзуф и тот должен остаться мёртвым.

Я вздохнул, не стал ничего объяснять вскинувшему брови Седому, провёл кончиками пальцев по лицу.

Маски нет. Это лицо Леграда.

Седой хмыкнул:

— Да в порядке всё у тебя с лицом, шрамов не будет. Ты же всё же немного лекарь, — передразнил он меня, и тут же поддел. — Или сомневаешься в своих силах?

Я снова вздохнул и повторил свои мысли уже для него:

— Маски нет. Мне нужен артефактор, чтобы починить мои вещи, починить маску в первую очередь. Или же купить новую. Что быстрее и проще?

— Быстрее поискать в торговом доме. Но, скорее всего, это не будет проще. Маски такого рода, тем более, на несколько обликов, быстро выкупают кланы и семьи.

Я кивнул. Что-то подобное, помнится, слышал в ложе комтуров на Арене города Меча.

Но это выходит, что мне в людное место придётся идти без маски? Затягивать лечение тоже нет никакого смысла. Я всё же не Закалка, который с отбитой головой может две недели проваляться в кровати, изображая слабость. Я Предводитель середины этапа, тут, скорее, придётся изо всех сил останавливать восстановление кожи и плоти.

Оно мне надо?

Не надо. Значит, выход только один — капюшон и повязка на нижнюю часть лица.

Снова кивнул:

— Поищем, да.

Седой хмыкнул, как-то странно покачал головой и попытался утешить:

— Если я верно помню, довольно скоро в городе Яшмовые Скалы, это город семьи Кимлот, куда мы идём, — объяснил Седой, а я не стал говорить, что смотрел карты этой части Пятого пояса и знал это и так, — пройдёт аукцион, где можно попробовать выкупить такую маску. Есть только две проблемы: он будет крупным, а значит, там будет высокая конкуренция за лоты, и на это нужны будут деньги.

Я благодарно кивнул:

— Понял.

Прикрыл глаза и снова вернулся духовным зрением в своё тело. Иначе я так и до темноты не доберусь до трофейных колец и кисетов. А нужно. Седой прав, нужны деньги. Конечно, у меня есть кристаллы из поместья Древних, но это не только деньги, но и пристальное внимание, так что лучше выставить на аукцион что-то попроще, или просто сдать кучу барахла скупщику, как я это уже делал во Втором поясе.

Последний меридиан оказался проверен, и я замер перед следующим местом в моём теле, которое требовало внимания и времени.

Сила Виостия. Наконец-то, руки дошли и до неё. Не то что я не мог бы заняться ей на бегу, точно так же как делал это в городе Ян. Мог. Но не видел смысла. Моё предположение оказалось верным — стоило мне натянуть кучу нитей, вытянув их из сгустка силы Виостия, как я нащупал какой-то предел, после которого вся оставшаяся сила сдвинулась с места.

По мне, это случилось тогда, когда я превратил в нити больше половины силы. Они, натянувшись, сдвинули с места оставшуюся часть и всё это время, пока мы бежали или шли по пескам, следуя извилами лабиринта Поля Битвы, неторопливо перемещали сгусток силы в сторону нужного мне узла.

Но сейчас, к ночи, это движение слишком уж замедлилось, и пришло время вмешаться.

Я отцеплял нити силы поочерёдно и кропотливо перемещал их в новое место, вытягивал как можно ближе к узлу Ра-Отус-Ан. Одну за одной, одну за одной, и не остановился даже тогда, когда вытянутый, превратившийся из аккуратной сферы в растрёпанный и вытянутый комок, то ли непереваренную погадку, то ли разбитое гнездо ткача, снова набрал скорость. Чем больше нитей будет его тянуть, тем быстрее перетащу силу Виостия туда, где должно быть третье средоточие.

Не сказать, что я не боялся. Хотя, наверное, всё же не боялся. Опасался, так будет вернее.

В одном моём будущем средоточии уже была чужая стихия. Была, пыталась меня сожрать и оставила мне один-единственный шанс на попытку стать Предводителем.

Повторить такое я не хотел. Разумеется.

Но... Мне казалось, что это другое, да и будь это опасно, Седой бы обязательно меня остановил, а не махнул рукой на моё желание создать ещё одно наставление по становлению Властелином Духа.

И всё же я дал себе зарок для начала поместить силу Виостия рядом с узлом Ра-Отус-Ан, а не в него, и снова всё обдумать. Возможно, если к тому времени мы доберёмся до обещанного торгового дома, купить не только маску, но и несколько наставлений по становлению Властелином Духа. Просто, чтобы уточнить этот момент, воспользовавшись опытом других людей.

И раз уж я закончил с нитями, пора считать, сколько духовных камней у меня есть или может появиться.

Снова приоткрыв глаза, посоветовал:

— Ты бы лёг спать.

— Спать, пока в шаге от меня он? — изумился Седой.

— Она, — не удержался я и поправил.

Он пожевал губами и буркнул:

— Спасибо, нет. К тому же я не просто таращу глаза, а слежу. Это место чуть выше других, мы на вершине дюны, и отсюда мы видим четыре изгиба лабиринта, которые миновали перед полуднем. Если за нами следует Иглат с наёмниками, то мы получим предупреждение. Да и должен же кто-то остановить удар, которым тебе попытаются вырвать сердце?

Я пожал плечами, напомнил:

— Не проверяй только, смогу ли я простить тебя, Аранви.

И опять закрыл глаза, под звуки кажущейся бесконечной мелодии циня, не дожидаясь ответа.

Мгновение, и я внутри кольца Путника.

Круглое пространство, словно небольшая, миниатюрная площадь, по краям ограниченная не стенами, а шкафами. Сейчас пустоту и аккуратность этого места изрядно портили разбросанные тут и там под ногами кисеты, кольца, фиалы лечения, Пронзатель, последнее добытое кольцо, рассыпанные бусины Летающей Смерти и прочее.

Со вздохом покачал головой. Да уж, Рейки тут очень не хватает.

Перешагнув через беспорядок под ногами, первым делом направился к шкафам. Прошлый

раз я оглядел их мельком, настало время заняться ими серьёзно. Что там лежит, нужно ли оно мне, не стоит ли убрать это, приводя всё к тому порядку, к какому привык я. Ну, или не к порядку, это слишком громко будет сказано, а к привычному расположению.

Начал с того, с чего и в прошлый раз. С алхимии.

На своей шкуре я уже убедился, что она для меня ещё... жестковата. Да, хорошее слово. Жестковата.

Поэтому я принялся сгребать её и переставлять повыше, поплотней, освобождая место на средних, самых удобных полках этого шкафа для своей алхимии.

Справившись, оглянулся. Основной мой кисет, в котором всё раньше хранилось, кисет Тёмного — исчез в битве с мастером Указов, но вот те кисеты, в которых я перекидывал всё из него сюда — вон, валяются.

Вытянув руку, я напрягся, а через миг нужный мне кисет словно сам прыгнул в ладонь.

Отлично. Всё работает, как и должно, как и было описано в книгах. В этом месте свои законы и свои возможности.

Так я и двигался от полки к полке. Здесь добыча из трав. Здесь будут лежать добытые мной ядра. Запас бывшего хозяина кольца снова переложил повыше и отдельно, мои же ядра пониже и поближе, по центру ядро того Зверя Зелёных Нитей, с которым пришлось повозиться. Ещё нужно будет решить, стоит его продавать или оставить на память?

Памятных вещей у меня не так уж и много. Своё место в кольце, пока нет дома и стены, заняли сломанные Верный и первый из Пронзателей. Ради такого я даже сдвинул шкафы, обнаружив на опыте, что они не являются неизменяемой частью кольца, а словно принесены сюда позже, для удобства.

За шкафами обнаружилась странная поверхность, то ли камень, то ли застывший туман, ставший осязаемым. Что бы это ни было, крючки для оружия в нём закрепились легко, погрузившись неглубоко, но надёжно, не спеша выпадать и выдерживая немалый вес. Рядом с оружием своё место занял портрет Файвары и Толы.

Слева от него я повесил повреждённую маску. К полке, рядом со всем этим прислонился и летающий меч старшего Тизиора.

Отступив, я оглядел получившийся уголок и недовольно поджал губы.

Что-то большая часть моих памятных вещей — это обломки.

Очень надеюсь, что артефакторы сумеют починить если не маску, то хотя бы меч.

Подумав, я положил туда же и кольца пантеры и дракона, треснувший нефрит Пиатрия, но всё это в отдельном кисете, на отдельный крючок.

Неожиданно подумалось, что уж если я назначил это памятными вещами, то самой первой вещью здесь должен быть жетон ополченца, мой клятвенный камень, с которого всё началось многие годы назад в песках безымянной деревушки. Невольно я даже снова оглянулся на центр пространства кольца, где и лежал снятый из-за Стража жетон.

Ещё в уголок памяти следовало бы поместить моё первое наставление по Возвышению — руководство по Закалке, изданное вольным городом Морозная Гряда. Затем сломанный рондель, который не выдержал схватки с Ужасным Вороном, сундучок отца с его инструментами.

Но ни того, ни другого, ни третьего у меня не осталось. Одно украли, с другим я тогда ещё не знал, что буду вспоминать Нулевой и захочу что-то оставить на память о нём, а потому и не подумал хранить хотя бы обломок ронделя.

Что же, впредь буду умней. Или, скорее, мудрей, и начну сохранять такие вещи на память.

Так неспешно я сделал полный круг, разобрал полки по-своему.

Подставку под оружие я приволок в центр. Здесь я появляюсь каждый раз, когда вливаю силу в кольцо, поэтому и главное — оружие тоже должно быть здесь. И не просто валяться под ногами, а стоять удобно и аккуратно.

Пока что своё место заняли в подставке только четыре вещи — Пронзатель, подаренный Виликор, копьё с Сосудом Духа, последнее из купленных у Ян, и кинжал с Сосудом, который со мной уже давненько, браслет из бусин Летающей Смерти. Неплохо бы здесь добавить ещё небольшую стойку для запасного, второго набора зелий, повесить здесь пояс ватажника и ещё цепочку-запретов, которой пока рано на стену памятных вещей.

Но такой стойки у меня пока нет, придётся отложить это на будущее.

Я огляделся. Под ногами уже осталось валяться не так уж и много. Только кисеты и кольца из числа трофейных, те, чьё содержимое сейчас нужно поделить на кучи: духовные камни, мусор, за который не дадут камней, ерунда, которую можно придержать себе и то, что обязательно нужно продать, чтобы не таскать лишний хлам.

Первый кисет принёс в результате кучу хлама и буквально две сотни обычных, дешёвых духовных камней.

Даже не помню, с кого я получил этот кисет. Скорее всего, потому, что он из числа тех, что я собрал после схватки за освобождение Седого и остальных. Кисет какого-нибудь рядового Кулака или теневика. Слабак и бедняк из числа тех, что решили бежать в другие земли, надеясь отыскать там лучшую долю.

Потянулся за следующим, нырнул в него духовным зрением.

Этот кисет получше, побольше духовных камней.

В этом неплохой набор трав, который потянет на две-три тысячи камней, здесь снова полный хлам, который проще будет выкинуть. На кой безвестный идущий таскал с собой полсотни сломанных мечей? Кузнец? Собирался их перековать? Скорее, теневик, который не мог пристроить доставшийся ему случайно хлам.

Я пожал плечами, свалил обломки в кучу такого же бесполезного хлама, отбросил пустой кисет на горку подобных ему, притянул в ладонь следующий. Привычно влил в него немного духовной силы, проваливаясь внутрь духовным зрением, и замер ошеломлённый.

Свитки.

Десятки таких знакомых свитков: лакированная основа тёмного дерева, узорчатый, желтоватый или даже золотой шёлк намотки.

Свитки техник из Павильона Ян.

Пару раз хлопнув глазами, я вытянул верхний свиток в пространство кольца, уронил кисет под ноги на камень пола и, ухватив шёлк, раскатал свиток, открывая название и описание техники.

Шквал Ветра Тысячи Лезвий

Ранг: Земная, качество: среднее, стихия: ветер. Составная.

Условие:...

Обращение...

Обрушивает на врага удар, состоящий из тысяч воздушных лезвий, сметающих на своём пути всё, разрубающих сталь, превращающих камень в песок.

Созвездие...

Да ладно?

Раскатал свиток полностью, обнажая основу полностью. Скользнул по ней взглядом, считая оттенки древесины. Пять. Пятисоставная техника.

Разжал пальцы, роняя свиток на камень пола, вместо него в ладонь взлетел кисет.

Второй свиток.

Копьё Ледяной Стужи

Ранг: духовная, качество среднее, стихия лёд. Составная.

Условие:...

Обращение...

Вливаемая в технику энергия и стихия обращается огромным ледяным копьём, которое при ударе во врага или его защиту выплёскивает из себя всю вложенную стихию, пытаюсь обратить препятствие в лёд.

Неплохо, хотя и не моя стихия. И всего в три части.

Я раскатал третий свиток и прикусил губу.

Гнев Алых Небес

Ранг: Земная, качество: среднее, стихия: огонь. Составная.

Условие:...

Алые раскалённые небеса падают на врага, поглощая его во всепожирающем пламени, которое плавит песок в стекло.

Созвездие...

Десять частей.

Свиток упал туда же, под ноги.

Лабиринт Зелёного Безумия

Ранг: Земная, качество: среднее, стихия: дерево. Составная.

Попавший под удар враг теряет ориентиры, впадает в безумие, видя вокруг лишь иллюзию леса, который пытается его пленить и убить.

Иллюзия? До этого я встречал подобную технику только в Миражном, когда оказался с семьёй в ловушке странного Зверя.

Основа этого свитка была больше похожа на спил годовых колец — пятнадцать оттенков древесины, пятнадцать частей.

Я отбрасывал свитки один за другим, не в силах поверить в очевидное — один из тех защитников резиденции Ян, которого оглушил Призрак и обобрал, был тем самым слугой, который спас от нападения тройственного союза главную часть Павильона Техник.

Он носил их с собой, он вышел мне навстречу, пытаюсь убить, он проиграл, и он потерял всё, что пытался спасти. Я даже понял, кто этот бедолага. Тот самый Урвет, которого я выбрал для того, чтобы выбраться наружу из резиденции Ян. Тот самый Урвет, что так паялился на моё кольцо, обнаружив пропажу своего кيسета и тот самый Урвет, который замещал старейшину Павильона Техник.

Вот уж усмешка судьбы.

Кара Небес

Ранг: Земная, качество: среднее, стихия: бесстихийная. Составная.

Обрушивает на врага соединённую мощь Возвышения идущих, уничтожая даже прах тел врага.

Семнадцать частей.

Этот свиток я не стал бросать под ноги, сжав его в руке, я сглотнул и совершенно другим взглядом оценил оставшиеся три кисета и два кольца. Что я найду в кольце мастера Указов? А главное, что ещё я найду в кольце другого защитника резиденции Ян, если в обычном кисете нашлось это?

Глава 14

Сказать, что я вернулся из кольца ошеломлённым это... Верно выразить моё состояние. Стоило мне только, разбирая хлам в следующем кисете, немного отойти от свалившейся мне в руки кучи техник, как следующим попался кисет с артефактами, травами и ядрами, а стоило мне свыкнуться с этим новым богатством, как в следующем кольце обнаружилась целая гора духовных камней всевозможных размеров, я подозреваю, что казна семьи Ян.

Не знаю уж, насколько «умным» нужно было быть для того, чтобы таская на руке эту казну, лезть сражаться с нарушителем защитной формации, со мной, то есть. Дарсовым тупицей?

Добило меня кольцо мастера Указов.

Нет, не сокровищами, впрочем, несколько сотен халатов всех возможных цветов и расцветок, тысячи сборников стихов и десятки очень специфичных эликсиров, которые вовсе не лечили, а, скорее, наоборот, тоже для кого-то настоящее сокровище. Например, для того самого мастера Указов.

Зато в кольце не нашлось ни единого артефакта или Флага, ни единого небесного растения, ни единого ядра Зверя или хотя бы его жёлчного пузыря, ни единого запасного оружия, ни единой лечилки. Вот уж обитатель золотой клетки.

Я так и представил, как мастер Указов, погруженный в чтение стихов, страдальчески морщится, когда от него требуют наложить Указ. Встаёт, меняет халат, выбирая оттенок, подходящий для сегодняшнего неба и с тяжёлым, мученическим вздохом выходит из дома. Работать.

Бред, но другого объяснения количеству одежды у меня не находилось. Если это не продавать, то мне халатов хватит лет на пять, не меньше. Не каждый день новый, но каждые два дня — легко. Хотя, может, он их всю жизнь собирал?

Моргнув, чтобы глаза привыкли с яркому свету, уставился на сидящего ко мне вполоборота Седого. Мог ли он представить себе, посылая меня под защиту резиденции Ян, что я... Ограблю её.

И можно ли это считать ограблением? Вроде нет, но такое количество добычи я тоже первый раз держу в руках. Я даже после петли по лесам-болотам между Вольным Приютом и Шестью Ручьями, когда распродался в торговом доме Чёрной Луны, не имел таких богатств. Даже близко не имел, если уж быть честным.

Седой, похоже, ощутил, что я вернулся в обычный мир и довольно сообщил:

— Две хороших новости. Первая — нас никто не преследует. В худшем случае это означает, что у нас есть сутки форы, в лучшем — Иглат не собрал команду и не сунулся за нами, либо собрал, но плетётся еле-еле, потя от страха из-за возможной засады. Вторая — поднимающееся солнце высветило нам будущий путь и я вижу, что меня ждёт богатая добыча. Дойдём до развалин, покажешь, как ты справляешься с ловушками в таких местах, подскажу, на что обратить внимание.

Я прищурился, вглядываясь в горы, к которым лежал наш путь и думая, не дать ли Седому ту карту, что я нашёл у мертвеца. Седой, вероятно, говорит о том озере и тёмной, неправильной формы горе, где из дыры течёт река. Но как ни вглядывался, пришлось признать, что зрение Властелина острее зрения Предводителя. Я и с места сражения с големами не мог разглядеть подробности, а уж отсюда даже озера толком не вижу.

Пожав плечами, признался:

— Или боевая медитация, или хитрю. Когда стало туго, подчинил себе Зверей разного уровня Возвышения и заставлял их идти перед собой.

Седой развернулся, впился в меня взглядом:

— Заставлял? Хочешь сказать, приказывал?

— Нет, — я сразу отмёл это предположение и признался. — Это у меня не получается. Пугал, усыплял, ослаблял, заставляя двигаться в нужную сторону. Это как, говорит о моей силе или слабости?

— Скорее, о твоей обычности, — хмыкнул Седой и тут же добавил. — Как мастера Указов. Звери до обретения полноценного разума и человеческого облика и после — два разных состояния Зверя. Первые подчиняются только грубой силе и дрессировке Укротителей, вторые уже могут заключать контракты и полностью оказываются в твоей власти, я про твой талант мастера Указов, если что.

Теперь хмыкнул я. Как будто мне нужна эта власть. Но разговор свернул в интересную и важную сторону, поэтому я спросил:

— А как, кстати, все эти Звериные кланы уживаются с Укротителями и, вообще, с тем, что

кто-то охотится на Зверей?

— Сложный вопрос, — Седой попытался то ли расчесать бороду, то ли вытряхнуть из неё песок, который швырнул в нас ветер. — Всё по-разному у разных кланов. Одни за попытку охотиться на их землях могут оторвать голову, другие даже поощряют охоту.

Я не поверил своим ушам:

— Что!

Седой замолчал, уставившись на меня. Я прикусил язык. Разумеется, я уже не раз и не два поддакнул Седому, который считал, что я рос где-то с отшельником и плохо знаю о большом мире, но всё же есть предел моей лжи, правда? И, похоже, я его нашёл.

Впрочем, пока я клял себя и своё любопытство, Седой отмер, моргнул и ответил:

— Я же говорю — сложный вопрос. С одной стороны вся современная артефакторика и алхимия покоится на небесных травах и ингредиентах, получаемых из Зверей. Обрати внимание, что я говорю вся, а значит, и алхимия чистокровных людей, и алхимия чистокровных Зверей, и алхимия всех, кто непойми кто.

Я понятливо кивнул. То самое, на чём зарабатывал когда-то Фимрам. Зелье лечения для человека не вылечит Зверя.

— Здесь людям даже легче, потому что у них худо-бедно, но есть алхимия Древних, которая до сих пор считается непревзойдённым идеалом. Сама основа лучших из зелий Древних подстраивается под того, кто принял его, поэтому влияет на него без единого побочного эффекта.

И это я тоже когда-то слышал. Правда, не так подробно и не в таких деталях. Но свой поход в город Тысячи Этажей и то, что обычные возвышалки могут закрыть путь к Небу для твоих детей, прекрасно помнил. Хотя тому же мастеру Указов Ян заботы о детях не мешали глотать зелья. Лежала отдельно от поэзии любопытная книжечка, где были до дня отмечены приёмы возвышалок, эссенций и прочего, что тащило его со звезды до звезды ради семьи Ян. Да и были ли они у него, эти заботы? Выбрать цвет халата на сегодня и стихи для ужина?

Пока я размышлял о мертвеце, Седой продолжал делиться важными знаниями о большом мире:

— Звери же лишены такой щедрости, зелья Древних не могут идеально под них подстроиться, по той простой причине, что во времена Древних не существовало пути Зверей. Поэтому сейчас Мады если и бьются на аукционах за зелья Древних, то только для тех людей, что влились в их клан.

Это я отложил в памяти. Бьются ли Мады за зелья для семьи Говорящей с Небом? Или же маме это всё так же неинтересно и не нужно? Особенно если есть кому подставить плечо в

жизни.

Дёрнул щекой, обрывая неприятную мысль.

— Получается, что кланам Зверей, как никому из человеческих кланов важны ингредиенты, которые, вот что забавно, и добывают с них самих, правда, ещё неразумных. С другой стороны — для того, чтобы Зверь стал человеком он должен...

Седой вдруг замолчал и поднял брови. Нужен ответ? Это что проверка? Глупая какая-то. Я вроде даже за время жизни в городе Ян слышал пару раз разговор об этом. Поэтому без промедления ответил:

— Убить человека.

Но Седой довольно кивнул:

— Да. Причём, не один раз. По сути, это своего рода Преграда пути Зверей. Великая Преграда, которой нет ни у одного человека. Кому-то достаточно один раз убить и обрести возможность смены облика, а какой-то Зверь убьёт тысячу людей, но так и останется Зверем, даже на этапе Повелителя Стихии. Но главное в том, что если какой-то клан Зверей запрещает охоту на своих землях, то он закрывает и Зверям возможность стать человеком. Это работает в обе стороны, понимаешь?

Я кивнул. Не дурак ведь.

— Поэтому те же Мады на своих землях придерживаются лишь одного запрета — едва Зверь обретёт разум и смену облика, то он неприкосновенен. Пусть даже он стоит на разорванном трупе твоего друга, пусть даже он пытается сожрать самого тебя — горе тому охотнику, который продолжит свою охоту.

Я лишь усмехнулся:

— Если об этом узнают.

— Так оно везде, малец, так оно везде.

Обращение резануло меня. Кажется, за всё утро это первый раз, когда Седой так меня назвал. Но я промолчал. Что мне сказать? Орзуф умер, Леград должен продолжать прятаться, маска сломана. Кто я, вообще? Какое имя использовать Седому? Мне бы для начала самому определиться с этим. Вот с каким именем мне отправиться на земли тех же Мадов, чтобы любой слух обо мне дал подсказку семье? Римило Арадеш уже использовано. Впустую, без особого толка.

Дирман Стон? Смешно. Эдак ко мне будут сбегаться, вообще, все, кто вышел из Нулевого. А те, что были чемпионами Алмы, так и вовсе будут пытаться набить мне лицо. Причём набить это меньшее, что они попытаются сделать. Как всё утро говорил Седой, с одной стороны это неплохо, потому как лишнее испытание, с другой стороны...

— Вставай давай и отошли, наконец, своего Призрака. Я уже устал коситься в его сторону.

Я лишь усмехнулся:

— Что на него коситься? — но всё же встал и жестом прервал музыку, добавив приказ. — Отправляйся вперёд. Всё как обычно.

Седой, глядя чуть исподлобья, проследил, как Призрак сменил облик, передал мне цинь и умчался вперёд и влево. Процедил:

— Какой всё же невероятно высокий уровень понимания между вами. Половину того, что он сделал, ты не приказывал, — покосившись в мою сторону, Седой ужалил. — Или же это такой высокий уровень неподчинения и он вот-вот сорвётся?

Подумав, через сотню шагов я чуть приоткрылся:

— Среди его обликов есть один, что как-то пытался выйти из подчинения, набрав силы, но это было давно, надеюсь, тот облик уже уничтожен.

— Поглощён, — поправил меня Седой.

Я согласился, жалея, что поддался мигу слабости и болтливости, сменил тему:

— Насчёт поучить в развалинах я согласен. Но что за разговоры насчёт добычи? Стоит ли терять на это время?

— Кольцо, — сварливо напомнил мне Седой. — Я не успел вернуть своё кольцо и свои вещи.

Пожав плечами, я чуть свернул, оказавшись в полушаге от Седого, и протянул ему ладонь, на которой лежало кольцо мастера Указов — синее, с красной вставкой — и полное как халатами, так и поэзией.

Седой ожёг меня взглядом:

— Ты уже решил, что присоединяешься к Ордену, младший?

Я фыркнул:

— Всё ещё думаю, ты пока меня слабо уговариваешь.

— Ну вот поэтому нет, я сам наберу добычи на одежду, меч и прочее.

Я не особо уловил логику вывода, но меня не удивить подобным со времён Диры, которая умела выворачивать всё так, как ей хотелось. Поэтому я просто сжал ладонь в кулак, одновременно пряча кольцо, и продолжил бег. Глядишь, через тысячу-другую вдохов доберёмся до места, где я бился с големами с жёлтыми глазами.

Седой издал довольный возглас и забрал сильно влево, тут же закопавшись в песок в поисках очередной травы.

Я вздохнул. Или не доберёмся. Колебания силы Неба подсказывали мне, что эта небесная трава здесь не одна, но я не стал и в этот раз что-то доказывать и выкапывать её.

После того как я обнаружил завалы этих трав в кисете, это лишь трата времени. Тем более что я здесь уже проходил и лучшие травы по большей части собрал. Вот дальше, ближе к горам, куда я не дошёл, там ещё можно будет выбирать — собирать траву или нет. Но говорить Седому ещё раз, что он лишь зря теряет наше время, я не буду. Тем более и нет никакой потери — неделей раньше мы выберемся к новому городу, месяцем позже — какая мне разница? Может, Седой и вовсе тянет время, надеясь, что этот самый Иглат догонит нас?

Это дело Седого, у меня и своих дел полно.

Пока тот копался в песке, я нырнул в себя, оценил, насколько сдвинулся сгусток силы Виостия, и щедро зачерпнул стихии из второго средоточия, наполняя меридиан — продолжим открывать узлы.

В целом, не так уж и много времени мы теряли на подобные остановки — к месту памятной схватки с големами мы добрались не через две тысячи, как я предполагал, а через две с половиной тысячи вдохов. Несущественная разница.

И пока я настороженно вглядывался в песок, выискивая шевеления големов и гадая, куда делся Призрак, Седой восторженно заявил:

— Ох, какие здесь нетронутые места. Бедолаги Ян послали тебя в поместье за пустыми кристаллами, не подозревая, что буквально в нескольких шагах лежат настоящие сокровища. Только шагнуть нужно в нужную сторону.

Я не стал поправлять, что, вообще-то, не за пустыми, а несколько шагов это самое малое три дня пути, вместо этого спросил:

— Какие ещё сокровища?

Седой на миг нахмурился, а затем протянул:

— Ну да, ну да. Твоё Возвышение пониже, малец, для тебя далековато. Ближе подойдём, сам увидишь, так оно лучше будет.

Опять малец. Я вздохнул. Имя, мне нужно имя. Взять имя деда?

Прислушался к себе, попробовал на язык имя.

Марвит.

Марвит.

Скривился.

Да, я помирился с дедом за время наших злоключений в долговых слугах, принял его поведение в прошлом, но носить его имя? Не знаю, не знаю.

Догнал Седого, предупредил:

— Скоро начнутся големы.

Тот кивнул:

— Понял.

И буквально через тысячу вдохов, стоило нам нырнуть по сужающейся дороге в какую-то щель между скал, как впереди выскочил Призрак.

Я тут же, всё же видел это уже не раз, остановился, крикнул Седому в спину:

— Стоим! Сейчас попрут големы. Он собрал волну из них.

Седой обернулся:

— Неплохо, неплохо. Запомни, малец, сейчас за нашими спинами никого нет. И если я крикну — беги, ты тут же, не задумываясь, не переспрашивая и не споря, разворачиваешься и мчишься отсюда прочь, остановишься лишь тогда, когда големы развернутся обратно. Понял меня?

Я чуть приподнял начавшие отрастать брови, наслаждаясь, что ощущаю лицо, а не корку ожогов:

— Не поздно ли заботиться обо мне?

— Если бы я уже не был седым, то поседел бы за время твоих выбрыков в городе. В этот раз, тебе что, сложно меня послушать?

Я хмыкнул:

— Это говорит мне тот, что Закалкой послал меня под удары защитников резиденции?

— Ты должен был стать им лишь на полмига, чтобы проскочить границу формации, не более. Опасности считай не было.

— Вообще-то, во мне там несколько дырок проделали, а если бы у меня не было Призрака и... — я запнулся, сообразив, что нагнетать, несмотря на все свои шутки про сектанта, всё же не стоит, — ... и всё бы. Я бы там и сдох.

Теперь брови поднял Седой:

— Выжил в схватке с Властелином Духа и умер от рук слуг?

— Представь себе. У меня отец убил врага на этап выше себя, — немного приврал я, — но умер потому, что ему подменили лечебное зелье.

Седой нахмурился:

— Что-то знакомое. Ты всё же решил дать мне подсказку?

Я лишь ухмыльнулся. Забавно будет узнать, историю из чьей жизни Седой попытается привязать ко мне.

Он тем временем отвернулся от меня, выдохнул:

— Малец, всё. Если я скажу бежать, ты бежишь.

Я промолчал, оценивая големов, что накатывали на нас. Нет, не думаю, что придётся бежать.

Вытянул левую руку в сторону, сжал пальцы на появившемся Пронзателе.

Вот лучшая подсказка о том, кто я есть такой, Седой. Но сможешь ли ты её распознать? Не думаю.

Триста шагов до големов.

Я раскрутил Единение в полную мощь, заставляя вязь его линий выползти на шею, лицо и кисти рук.

Двести шагов до големов.

Добавил к Единению технику усиления и технику ловкости. Лучшие, что у меня были. Это оказалось непросто, потому как дважды пришлось обходить пересечение меридианов, но не стало и чем-то непреодолимым. Не после Барьера Прибоя.

Сто шагов до големов. Призрак начал забирать левей, явно собираясь снова стать третьим в нашей жидкой цепочке на пути волны големов. Молодец. Не стоит стоять рядом с Седым и заставлять его нервничать. А то, может, у Седого и меч дрогнет?

Десять, девять, восемь, семь, шесть...

Я крутнулся на месте, разгоняя свой Молот Монстров.

Стычка, первый удар, и я буквально скашиваю первые два ряда големов, отталкиваюсь ногой от песка, торопясь добавить силы и скорости в Пронзатель.

Ну что сказать, трое, особенно если второй это внезапно ставший Властелином Призрак, а третий это не самый слабый Властелин с огромным опытом битв в таких местах, это совсем не двое слабенских Предводителя.

То, где я прошлый раз прошёл по краю, там, где прошлый раз Призрака едва не порвали в клочья, теперь не стало для нас какой-то очень уж сложной битвой. Да, пара ран, да, пара опасных моментов, но не более.

— А ну, отойди! Это мои камни! Прочь! Кыш!

Я крутнулся, оборачиваясь на крик Седого.

На моих глазах Призрак пожал плечами и сделал шаг назад от машущего руками Седого.

Тот застыл, изумлённо выдохнул:

— Чтоб меня гархи сожрали. Да что это за Призрак у тебя?

Я повторил жест Призрака — тоже пожал плечами, отметив про себя, что когда вас трое, особенно если двое остальных не самые слабые Властелины с огромным опытом битв, то для Предводителя схватка вовсе и не сложная — только успевай уходить в сторону от сильнейших големов. Никакого риска и никаких самоубийственных использований внешних техник.

Седой, всё ещё качая головой и косясь на Призрака, нагнулся над големом, вбивая ему в глазницу остриё меча.

Да уж, это вовсе не я со своими глупостями и колебаниями. Что один, что другой мой спутник даже не задумываются о том, что иногда мучает мою голову. Может, оно и хорошо, что мы такие разные и так хорошо подходим друг к другу?

Спустя ещё две волны големов мы не только выбрались из теснины, но и взобрались повыше, туда, где снова открылся вид на развалины и теперь они оказались гораздо ближе.

Я невольно замедлил шаг, вглядываясь и не веря глазам. То, что издалека мне казалось тёмной, неверной формы вершиной со светлым провалом, им на самом деле не являлось.

Сглотнув, уточнил:

— Это что, статуя феникса?

— Она самая, — кивнул Седой. — Была. Зал Стражей.

Я и вовсе остановился, жадно рассматривая открывшиеся с этого расстояния подробности.

Ближе к нам ложбина между несколькими горными вершинами. Вся заполнена водой — не ложбина теперь, а голубое озеро, словно между гор небо уронило часть себя. Совсем

непохоже на море. Другой оттенок, отсюда гладь озера выглядит зеркальной, отражая развалины, лес на склонах, огромную двузубую вершину с фениксом и небо над всем этим.

На той, дальней от нас стороне озера склон двуглавой горы усеян десятками поместий. Зброшенных и плохо переживших три с лишним сотни лет забвения, но с до сих пор чётко угадываемыми улицами, площадями, садами и прочим. По сути — небольшой городок. Его развалины.

Выше них та самая двуглавая гора, между вершин которой из того, что мне издали казалось светлым провалом, течёт нитка реки. Обе вершины окольцованы чёрными развалинами. Больше того, когда-то на эти две вершины опирался огромный каменный феникс, раскрывший крылья.

Сейчас от этой величественной статуи осталось не так много — от крыльев лишь огрызки, сами каменные перья валяются по склонам, торча чёрными оспинами из снега, хвост тоже рассыпался. Лишь голова с хохолком цела и позволяет опознать, что это именно феникс. Я достаточно много раз видел герб Стражей, пусть и алого цвета, чтобы запомнить черты этого мифического существа.

Если я верно понимаю, то раньше обе вершины занимало огромное поместье, над которым возвышалась ещё более огромная статуя. С ледников же, что лежат за ним и выше, стекала река между этих вершин, питая озеро. Возможно, там даже был мост, связывавший две части поместья. Сейчас его обломки, как и обломки хвоста феникса, тут и там чернеют между вершинами и озером.

Седой нравоучительным тоном заметил:

— Видимо, я не устану повторять, какие Ян пустоголовые придурки. Приложить столько усилий, заполучить себе один из ключей Поля Битвы, заграбастать себе столько земель, буквально наполненных сокровищами Древних, и так бездарно использовать эти ресурсы.

Я с трудом, но оторвал взгляд от разрушенного Зала Стражей, опустил его на Седого и заметил, как жадно глядит тот на развалины Зала. Невольно поджал губы, сдерживая злые слова, Седой тем временем довольно заявил:

— Ну всё, одна моя беда решена, тут добычи хватит на полсотни человек, а не одного бедного старика.

В этот миг я с изумлением осознал, что Седой вглядывается вовсе не в развалины двуглавой горы, а шарит взглядом буквально по берегу, над самой водой. Заставил себя натянуть на маску того, что было у меня вместо лица, лёгкую улыбку, а затем уточнил:

— Ты про поместья или Зал?

— Зал? — Седой обернулся на миг, мазнув по мне изумлённым взглядом. — Начитался в детстве сказок? Впустую так рисковать? К чему? Ключа в Зале точно нет, проверено не раз,

значит, риск того не стоит. Заработать духовных камней можно гораздо легче. Поверь моему опытному глазу, здесь с момента Падения буквально не ступала нога идущего.

— Неужто ты набрал мало? У меня есть...

— Малец, я не буду больше об этом говорить, и не хочу об этом больше слушать. Будь моё положение безвыходное, я бы принял твою помощь и часть твоей добычи, но погляди — само Небо даёт мне возможность возместить утраченное.

Седой широким, щедрым жестом обвёл развалины поместий на том берегу.

Я послушно проследил за его рукой, но взгляд словно сам по себе поднялся выше, к остаткам бывшего величия Зала и его феникса.

Нет, не так.

К Залу и его Фениксу.

— Городок этот когда-то дорого дался сектантам, — вдруг заметил Седой, — и это значит, что даже сейчас, когда вокруг зона запретов, здесь полно опасностей. Я всё же чуть постарше тебя, да и не так ценен, так что пойду вперёд.

Думая совсем о другом, я всё же заметил:

— Самым разумным было бы и вовсе не идти туда.

Седой лишь усмехнулся:

— Где разумность и где мы с тобой? Пошли, уверен, тебе тоже интересно полазить по поместьям. Здесь жили гости Стражей, их слуги и возможно ученики. Добра здесь может лежать немало. Вдруг найдём действующий кристалл в одной из библиотек? Этого хватит не только мне старику и тебе мальцу, но и неплохо поддержит весь Орден.

Теперь усмехнулся я:

— Двойное признание? Не только истинного мастера Указов привёл, но и принёс сокровище Древних?

Седой и не подумал смущаться:

— Здорово, правда?

Я, так и не стирая с губ улыбки, покачал головой и шагнул вперёд, заставляя Седого догонять меня, а затем и обгонять. Это, правда, не заставило его замолчать, но я, честно говоря, почти не вслушивался в то, что он там болтает. У меня свои мысли не влезали в голову.

Без полёта, техник и прочего сократить путь через озеро не получилось, хотя и мелькнула в

моём ворохе размышлений мысль о том, что будь у меня в кольце небольшая лодка, то можно было бы переплыть озеро. Правда, следом мелькнула и другая, о том, что в Пятом поясе в глубинах озера может обитать такая тварь, что тот Зверь Зелёных Нитей покажется мне слабосильным шакалом. В лесу, стоя на земле, я хоть сбежать мог. Куда я сбегу в воде, где нельзя даже амулет дыхания использовать?

Озеро мы огибали долго, но когда оказались почти у цели, где-то в сотне шагов от крайнего поместья Седой остановился. Я, уже привычно, глянул на него. Не глазами, а восприятием, видя не спину, а лицо, искривившееся в досадливой гримасе.

Спустя вдох Седой вздохнул и развернулся ко мне:

— Ладно, придётся немного наступить на горло гордости. Малец, ты предлагал мне кольцо. Дай мне его, пожалуйста. Но только его, пустое. Твоё пусть будет твоим, я и само кольцо верну тебе чуть позже.

Я нырнул за просимым, но от вопроса всё же не удержался:

— А для чего тебе именно кольцо?

— Давно не пользовался кисетами, позабыл, насколько они проще, — скривился Седой. — Не могу в нём испортить кристаллы из големов.

— Испортить?

— Я же обещал тебе показать, как правильно находить и обезвреживать ловушки. В нашем случае проще и дешевле всего с помощью испорченных кристаллов. Они являются хранилищем силы Неба, если умело испортить их оболочку, то можно выдать их за идущего. Всё сложнее, на самом деле, но в нашем деле главное не умные рассказы, а полезное применение.

— Ну раз и кольцо вернешь, тогда и вещи из него не буду впустую перекладывать. Держи.

Седой поймал брошенное ему кольцо, совсем не пустое, как-то ловко укусил себя за палец, а через миг натянул кольцо прямо на него, прямо по крови.

Следом взгляд Седого стал словно пустым, ушёл вглубь себя, на деле же в кольцо, куда Седой перенёс всё своё внимание. Ну, не кричит, что я дал непустое кольцо, уже хорошо.

Я пожал плечами, принялся приглядывать за берегом озера, тенями в воде, которые могли обратиться в Зверя, что ринется на нас; за оградой поместья, откуда могли хлынуть големы и за зарослями густого кустарника справа, где тоже могли прятаться местные Звери.

Седому понадобилось около сотни вдохов, чтобы справиться со своей первой добычей и испортить её ради получения новой.

Седой ещё и начал учить меня тому как... Если говорить честно, то как правильно грабить

поместья. А так, конечно, тому, как должны выглядеть правильная работа ватажника или искателя.

— Первая ловушка.

Седой остановился, очертил пальцем что-то, видимое только ему.

— Первая защитная формация. Кстати, тоже одно из утерянных знаний, над возвращением которого бьются многие семьи и кланы. Если с массивами всё понятно, талант одной из Первых профессий позволяет игнорировать даже запреты и сотни лет, то вопрос формаций гораздо интересней. Потому как позволяет надеяться на то, что готовое решение будет по силам даже не очень талантливым мастерам. Ну и, конечно, принесёт несметные богатства, славу и силу тому клану, что сумеет разгадать её.

— Семье или клану, — поправил я Седого.

Но он со мной не согласился:

— Надеяться не запрещено, сам путь идущего — это путь надежд, как иногда красиво пишут в стихах, но сколько людей в самых крупных семьях и сколько их в кланах? Артефакторов в кланах в сотни раз больше.

— Талант никто не отменял, — теперь уже не согласен был я.

— Ладно, — отмахнулся Седой, — не будем спорить из-за пустяка. Ты прав и в какой-нибудь семье однажды может появиться гений, что разгадает тайну материала, на основе которого и созданы все формации Древних. Пока что любой, кто хочет защитить свои земли запретами, вынужден тратить баснословное количество духовных камней, перенося формации Древних с Полей Битвы.

Я изумился:

— Чего?

— Что чего?

— Запреты можно перенести?

— Не запреты, а формации, с помощью которых они созданы.

Седой поднял руку, на ладони у него лежал глаз голема. Вдох, и он полетел вперёд, прокатился по засыпанной листвою земле.

Голубая вспышка и вся листва оказалась иссечена, разорвана на мелкие клочки, перемешана с землёй.

— Сейчас я лишь разрядил ловушку, заставил её сработать. Пройдёт год, другой и она снова

накопит силы, станет опасна. Но за это время можно снять нанесённый слой земли, добраться до основы, флагов из небесного металла, которые хранят в себе суть формации и извлечь их, изолировать от силы Неба, переместить на другое место, а там уже заставить работать в полную силу. С формациями запретов точно так же.

— Да, но... — я замаялся, пытаюсь объяснить причину своего потрясения. — Разве они... Разве это не... Они же огромные, запреты эти! Вернее, их формации.

— И поэтому тоже это так дорого. Но когда-то, вернув полностью под свою власть одно из Полей Битвы Орден перенёс все его формации запрета на свои земли. Главная резиденция Ордена защищена не только зонами запрета техник, но и зоной запрета силы, там...

Я перебил его:

— До сих пор?

— Что до сих пор?

— До сих пор защищена?

Седой глянул на меня исподлобья, отрезал:

— Орден распущен, но земли его целы, как бы ни пытался Эрзум прибрать их к рукам. Вот, ублюдку Иглаю хотелось меня прибить, но сумел ли он это сделать? Нет, не сумел, так и клан его пусть держит свои загибающие руки при себе. Император, хоть и был разбит вестью о смерти сына, остался справедлив. Способ вернуть доброе имя нашему Ордену всё ещё есть, и с твоей помощью мы это сделаем. Только присоединись к нам.

— Эрзум?

Подметил очень знакомое название. Разве не о нём говорил безымянный Страж на арене Ордена в городе Меча? И разве не теми же самыми словами: «Долгие годы пытается наложить руки на богатства Ордена в Четвёртом поясе». Правда, Страж говорил и ещё кое-что: «Возможно, кто-то решил сделать приятное главе и стереть филиал Ордена».

Я на миг стиснул зубы. Дарсовы ублюдки. Словно со стороны услышал свой голос:

— Так Иглат из клана Эрзум?

— К-хм, я не говорил этого? Да, из него. Давно занимается тем, что подлавливает членов Ордена, которые покидают Шестой пояс по делам.

— Помнится, у Ордена Небесного Меча были земли не только в Четвёртом, но и во Втором поясе.

Седой помрачнел:

— Это, малец, не та тема, о которой мне, как и любому из моего Ордена, приятно говорить. Да. Были.

Я возразил:

— И всё ещё есть.

— Были, — отрезал Седой. — Они были у одного из десяти сильнейших кланов Империи.

— А теперь они, значит, сами по себе?

Седой впился в меня взглядом:

— Орзуф, к чему ты ведёшь? Пытаешься переплюнуть тысячи шутников Империи, которые уже шесть десятков лет оттачивают на нас свои остроты? Верные Ордену заперты в Шестом поясе, не так уж много среди нас тех, кто рискует выбраться в Пятый. Ещё меньше тех, кто рискует заглянуть на земли Эрзума и их союзников. Одним из таких был Галум, которого я считал твоим учителем.

Я оборвал его, цедя слова:

— Это здесь при чём?

Седой не опустил взгляда:

— Как при чём? Орден наказан. Для нас больше нет возможности повторить путь тех, кто основал филиал Ордена во Втором. Мы либо сражаемся с сектантами, либо умираем, тюремные Пояса закрыты для нашего искупления. Все попытки добраться же до братьев в Пятом поясе заканчиваются одинаково. У меня было три друга-соученика. И где они теперь? Их убили на землях Эрзума. Одного из них убили именно наши братья из земель Второго.

Я раскрыл было рот, но тут же его захлопнул. Что тут спрашивать? Всё и так совершенно ясно. Все, кого Орден отдаёт налогом, переходят в Пятый пояс, в земли Эрзума и получает над собой Указ. Что тут неясного?

Осознав, что до боли стиснул древко Флага, заставил себя ослабить хватку. Время ещё есть. Нескоро ещё Виликор и остальные отправятся налогом. Да и отправятся ли? Я ведь просил обратить внимание на Виликор. Из всех учеников Академии она лучше всего подходит для того, чтобы достойно управлять людьми и Орденом. Но для меня есть ли разница, кто отправится в, по сути, долговое служение, рабство? Те, кого я знаю, или неизвестные мне таланты Ордена Небесного Меча?

Седой вздохнул:

— Извини, Орзуф, я погорячился. Давай сделаем вид, что всей этой беседы не было. Я не самый мудрый в нашем Ордене, не самый лучший. Всё, что я могу в очередной раз повторить — так это то, что с твоим появлением у Ордена появился шанс смягчить наказание

Императора, пройти ещё одно Поле Битвы, покорить его и принести ключи от него Императору. Тогда можно будет рассчитывать на то, что перестанут закрывать глаза на случаи, подобные тому, от которого мы сбежали.

Я с трудом, всё ещё думая о своём, сообразил, о чём говорит Седой.

— Ты об Иглате?

— Да. Мы снова будем на равных, станем не безымянными идущими, что служат клану Кунг, а, пусть и будем лишены своих земель, но вернём имя, поднатужившись, даже сумеем основать город. Сначала беззвёздный, затем... Ну, сам понимаешь.

Я хмыкнул про себя. Да уж. Что я там размышлял про вызовы и испытания? Не с таким испытанием орденцам рассчитывать подняться к Небу или, в их случае, к Раму Вилору. Не удержавшись, ужалил:

— Беззвёздный город? Говоришь, когда-то были одной из десяти сильнейших фракций?

Седой заледенел взглядом, но ответил:

— Шаг за шагом, Орзуф, шаг за шагом, чтобы не свернуть голову на этом пути и не сделать гибель наших товарищей напрасной.

— Я понял, прости, — я даже кивнул, повёл рукой. — Первый шаг в поместье ты сделал, не пора ли делать второй?

Седой три вдоха пронзал меня взглядом, но смолчал, развернувшись, буркнул, снова возвращаясь к моему обучению:

— Проверочные артефакты всегда делаются разными по силе, всё так, как и ты проворачивал со Зверями. И проверять каждый раз нужно полностью. Что мне, у кого хоть и есть талант, но лишь в формациях и лишь небольшой, что тебе. Иногда встречаются и очень хитрые, слоёные или особые ловушки, которые не проверишь так просто.

Я понимающе кивнул. Тот мертвец, которого я нашёл в поместье. Он точно был опытным, умным, но он погиб, так и не дойдя до цели.

Вперёд, к первому, полетел ещё один глаз голема, за ним второй и третий.

— Разумеется, здесь и сейчас я ограничен лишь своими изделиями и своей силой. В остальном придётся полагаться на осторожность и боевую медитацию, но на Поле Битвы мы заходим, имея в запасе изделия лучших из наших артефакторов, созданных именно для подобных проверок и более надёжные, чем мои поделки на колене. Поверь, ловушки это меньшая из проблем зон запретов.

Я неспешно шагал следом за Седым, продолжая думать об испытаниях, пути к Небу и к силе.

Даже когда к ночи Седой уgomонился, развёл костёр и принялся подсчитывать добычу за сегодня.

Я же сел так, чтобы видеть, как опускающееся солнце подсвечивает развалины Зала Стражей.

И, наконец, понял, что я должен сделать. Закрыть эту страницу своей жизни перед тем, как двигаться дальше.

— Вот, то самое, о чём я говорил, — Седой принялся пересыпать из ладони в ладонь две горсти мелких чёрных кубиков. — По сути, дешёвка, которую нет особого смысла сдавать на продажу. Ну, не мне, пусть я остался гол. Но здесь и сейчас для меня буквально драгоценная вещь. Из каждого этого камушка я создам проверочный артефакт. Причём в отличие от глаз големов, они будут служить дольше, лучше выдерживая выплёскиваемую ловушками силу.

Я рассеянно поддержал разговор:

— И как, ты уже обработал их?

— Да, видишь же, подписал. Ломать, дело нехитрое.

Сообразив, я впился взглядом в горсть этих чёрных кубиков, осторожно выдохнул:

— Поделишься?

Седой нахмурился:

— К чему они тебе?

— Не всё же тебе показывать, попробую и сам с утра пройти поместье с их помощью.

— Да, ты прав, — хмыкнул Седой, — нужно начинать практиковаться и иметь с собой запас на всякий случай. Держи, я себе ещё сделаю.

Спустя миг он пересыпал мне сначала одну, а затем и вторую горсть кубиков.

Я тут же убрал их в кольцо, принялся слушать и иногда поддакивать Седому, а когда ночь уже полностью накрыла горы, озеро и нашу стоянку, спокойно предложил:

— Ты бы ложился спать.

Седой изумился:

— Что за странная забота?

— Ты не спал прошлую ночь, высматривал своего Иглата, собираешься и эту не спать?

— Я Властелин.

— Которому завтра целый день ползать по развалинам. И послезавтра.

— Спасибо за заботу, конечно, — ухмыльнулся Седой, — но я всё равно не засну, пока рядом этот твой почти брат.

Жест Седого был более чем красноречив, как и слова. Но я тут же заставил его ухмылку исчезнуть — я просто и незатейливо позвал Призрака:

— Вернись во Флаг.

Три вдоха и сам Флаг исчез в кольце.

— Так лучше? Ложись, Седой, сегодня моя очередь приглядывать за окрестностями.

Седой ещё помялся, но не прошло и ста вдохов, как он уместился на шкуре, которую я же и предложил.

Спустя три сотни вдохов я медленно, беззвучно поднялся. Осторожно ступая, обогнул мерцающие в темноте алые угли кострища, завернул за угол поместья и тут же впился взглядом в улицу, намечая путь. Пока здесь безопасно, эту часть развалин Седой проверил всю.

Спустя двадцать вдохов я был уже через десять помещений от потухшего костра и спящего Седого. Дальше мне нужно придерживаться правой стороны улиц, потому что на ней меньше ловушек. Восприятие... Восприятие здесь не действует в полную силу.

Ещё спустя сотню вдохов мне пришлось взяться за кубики Седого.

Двадцать шагов вперёд, подобрать кубики, тут же снова швырнуть их вперёд, по очереди, начиная от того, на котором нарисована цифра один, до тройки. От Предводителя Воинов, до Властелина Духа.

Каждый раз я буквально умолял про себя, чтобы дорога оказалась чистой. И сначала мне и правда везло, но везение не может продолжаться вечно.

Кубик Пикового Предводителя Воинов покатился по пыли, оставляя после себя чуть изогнутый след, а через миг полыхнуло так, что я чуть не ослеп. Огненная ловушка, которая даже здесь, в зоне запретов, сумела выплеснуть часть своей силы.

Вдвойне плохо. Мало того что Седой проснулся сейчас, так и место сработавшей ловушки великолепно видно в темноте.

Я выругался, но заставил себя остаться на месте и метнуть следующий почти «артефакт». И только потом, когда он, целый и невредимый остановился, бросился затапывать язычки пламени. Быстрей, быстрей, а теперь вперёд.

Спустя три сотни вдохов и ещё шесть ловушек, которые явно подсказали Седому направление, где меня искать, я добрался до крайнего поместья. Дальше лежал густой лес, который мне нужно пройти, поднимаясь в гору.

Но и он остался позади.

Я стоял на краю изорванной, истерзанной техниками площади чёрного камня. Даже спустя четыре сотни лет на ней не росло ничего, ничего не портило её красоты. Кроме дыр, рытвин, грязи, опавшей листвы и тут и там пытающихся расти кустов и деревьев. Мда, ничего.

Много лет назад я был бы поражён, как это возможно, почему нет ни следа дороги, а лишь лес стеной, который обрывается у когда-то полированного камня. Но не сейчас.

Здесь никогда и не было дороги. Кто близко, тот прилетал, кто далеко, пользовался Массивом Пути. Вот этим, который когда-то находился здесь, на краю, но который затем кто-то уничтожил. Я бы поставил на защитников Зала Стражей. Когда они поняли, что через взломанные Массивы нескончаемым потоком прут сектанты, то сами ударили по переходу. Только было уже поздно, врагов перешло слишком много.

Даже спустя четыре сотни лет тут и там среди вздыбленных камней, из разрытой Зверями земли торчали кости тех, кто рвался к Залу невзирая на удары могущественных техник.

Удивительно, но я прошёл через всю площадь до самых разбитых ворот, не наткнувшись ни на одну ловушку.

Похоже, в той битве они все были израсходованы защитниками без возможности восстановления.

Чёрная площадь, чёрные, когда-то полированные стены, чёрные ворота в четыре мои роста, давно уже выбитые могучим ударом. Над центральной балкой ворот, которая держит на себе остатки двускатной крыши-навеса, когда-то было натянуто полотнище цвета тёмной, засохшей крови с ярко-алыми буквами.

Я не вижу от него и следа, спустя битву и четыре сотни лет, но знаю, что так оно и было.

Вытянул перед собой руку, небольшое усилие и на ладони лежит чёрный жетон, который проделал со мной путь от Нулевого до этого места.

Невзирая на то, что я был здесь один и никто из давно мёртвых не мог меня услышать, всё равно произнёс вслух:

— Однажды я хотел пройти этим путём, путём Стража. Но и сами Стражи оказались не такими, как в прошлом, и путь этот оказался в итоге для меня закрыт. Седой прав, всё решает сила. Один дух решил, что я виноват во всех преступлениях Стражей и наказал меня, потому что не мог дотянуться до них. Но я и сам думаю, что он прав. Те Стражи, что носят теперь ваш герб, совсем не те, какими были вы, Стражи, которые улыбались мне в зале присяги. Вы погибли, ваша Империя тоже. Мы живём на её обломках совсем по-другому.

Прощайте. Я теперь иду другой дорогой.

Я поклонился, затем шагнул вперёд, подобрать проверочные артефакты, до которых не дошёл всего шаг.

Шагнул и замер, успев только сжать ладонь на жетоне.

Передо мной, в створе выбитых ворот разгорался герб Стражей. В зоне запретов, где не могло происходить ничего подобного.

Моргнув, я разжал ладонь, впиваясь взглядом в жетон.

Если только...

Нет. На гранях жетона играют отблески феникса, а значит, он существует не только для меня, но и для...

Отблески стали сложней, удвоились и утроились.

Я изумлённо вскинул голову.

Под гербом пылала надпись.

Добро пожаловать, шэн.

Шэн■

Теперь я повернул голову назад, заглядывая себе за спину.

Там с выгоревшего, чёрного феникса сползала, осыпалась чернота, обнажая алые, горящие перья.

Глава 15

Какого дарса?

Я ещё несколько вдохов паялился на возрождавшегося из пепла феникса за своей спиной, а затем глянул на проём ворот, на висящий там герб Стражей и больше уже не отводил глаз. Он тоже менялся.

На моих глазах горящий Феникс, почти осязаемый, почти живой, на котором можно было различить едва ли не каждое пёрышко, начал меняться. Нет, не истлевать в пепел, не тускнеть, а сменять форму и вид.

Через вдох он уже мало чем напоминал живое изображение мифического зверя, а стал рубленной, строго очерченной алой печатью — гордо задранная к небу голова с хохолком, расправленные крылья, распушённый полукругом хвост с шестью перьями.

Это изменение встряхнуло меня, заставило мысли шевелиться.

Дарсов дух. Дарсов Изард. Его дарсово задание, с которым он выпнул меня на земли Итреи.

Ищи Залы Стражей на Полях Битвы?

Так вот что он имел в виду.

Всё ещё не веря своим глазам, я зарылся в список жетона, который так и сжимал в ладони.

Список нарушений.

Пусто. Совершенно пусто.

Ни единой строки, ни единого слова о моих преступлениях, что приписал мне дух Изард, обвинив во всех грехах Стражей за четыре сотни лет.

Задания Стражей.

И здесь всё изменилось. Ни единой красной строки, ни единой алой приписки — задание провалено. Здесь, вообще, всё не так, как я видел в последний раз на расколотых, превращённых в песок плитах арены города Меча.

Первой же строчкой, словно в насмешку надо мной значится:

Выжить. Выполнено.

Следом идут ещё задания-насмешки.

Сразиться с сектантами. Выполнено.

Уничтожить множество сектантов. Выполнено.

Уничтожить равного по силе сектанта. Выполнено.

Уничтожить превосходящего в силе сектанта. Выполнено.

Отыскать Зал Стражей на Внешних Полях Битвы. Выполнено.

Сделать Орден Небесного Меча сильнее.

Дух Изард, это что? Действительно насмешка надо мной? Своей властью сделать меня в глазах других Стражей преступником, заста...

Я прикусил язык, заставив себя оборвать ругательства. Своей властью он вывел меня из-под власти Стражей, по сути, дал выбор пути. Или вольная жизнь вне глаз Стражей, или же Зал Стражей и возвращение в ряды Стражей.

Очень странный выбор, о котором я даже не подозревал. Могу ли я сейчас развернуться и как ни в чём не бывало уйти? Спуститься вниз, к озеру, успокоить Седого, которого разбудили звуки сработавших ловушек и сделать вид, что ничего не случилось?

Вряд ли.

Воспоминание о Седом, который наверняка уже обнаружил, куда я сбежал и скоро догонит, заставили меня решиться и согнуть спину в приветствии.

Прикладывая кулак со сжатым в нём жетоном к ладони, я негромко сообщил:

— Стражи прошлого, шэн приветствует вас.

Десять широких, решительных шагов, когда я даже не думаю о возможных ловушках, и я прохожу через герб Стражей.

До последнего мига ожидал, что незримая преграда остановит меня, не пропустит, но нет — Феникс погас, а я оказался по эту сторону ворот.

До меня снова дошло, что как Феникс не должен был отбрасывать здесь и сейчас отблески, так и меня ничего не могло остановить — вокруг всё ещё зона запретов, где не действуют техники и формации, кроме тех, что искажают потоки силы Неба, я ощущаю это искажение Неба буквально шкурой, чувствую неправильность этого места.

Меня, скорее, могло разорвать на куски в воротах, а не остановить. Должно было разорвать.

Но не разорвало.

Не сработала ни единая ловушка, и я теперь в Зале Стражей.

Передо мной лежит вполне привычного вида воротная площадь, место, где в любом городе тюремных Поясов проходит проверка на Указы Альянса. Квадрат шагов сто в ширину, очерченный стенами.

Четыре сотни лет назад здесь никто и никого не проверял, здесь бились насмерть.

Немного поучаствовав в сражении идущих этапа Предводителей Воинов и Властелинов Духа, я осознал, насколько они бывают разрушительны. Скорее, стоило удивляться тому, что здесь выбиты только ворота, а не лежит в руинах весь Зал.

Можно было бы считать, что здесь сражались лишь Мастера и Воины, но запрет техник намекал, что всё было совсем не так.

Да, ворота действительно вышибли техникой, площадь портала перепахали ими же, уничтожили саму суть Массива Пути, но затем защитники Зала Стражи исказили потоки Неба, сделав любую внешнюю технику смертельно опасной и свели всё к поединкам стали.

Не мне решать, верно это было или нет. Я вижу лишь то, что у сектантов был перевес в числе, но если дошло до таких мер, то был перевес и в силе.

Площадь проверки передо мной тоже вся перепахана, кости здесь лежат гораздо гуще, буквально кучами — десятки, если не сотни скелетов.

Мгновение я напряжённо размышлял, а затем надел жетон на шею, сжав вместо него в пальцах кубики Седого, которые я достал из кольца на замену тем, что остались перед воротами.

Швырнул их вперёд, заставив прокатиться по вздыбленной каменной плите, соскользнуть вниз, упасть в мусор, нанесённый сюда десятилетиями, и остановиться только ударившись в ближайšie кости.

Ничего.

Даже не подумав швырнуть следующий артефакт, я в пять шагов оказался возле костей. Подцепил из-под мусора цепочку и вытащил на свет круглый жетон.

Пришлось оттереть с него патину и наросшую грязь, чтобы увидеть выбитого на металле странного, огромного, пугающего вида червя, покрытого костяной бронёй, у которого вместо головы была, считай, сплошная пасть, полная зубов, да ещё и торчали оттуда какие-то то ли языки, то ли дополнительные пасти.

Такой герб я видел впервые, но всё было понятно и так. Сектант. Вероятно, из секты Амока, мифического зверя стихии Земли, о котором я только слышал.

Сжимая медальон, я выпрямился, осматриваясь новым взглядом. Если снаружи за эти годы кости почти целиком оказались растащены животными, то здесь на месте каждая косточка, даже с прибытком — тут и там валяются раскрошенные звериные кости — Зал Стражей не давал никому нарушить покой этого места, уравнивая в смерти и защитников, и напавших.

Артефакт Седого снова полетел вперёд. Точно туда, где когда-то вбило в каменное крошево огромную птицу.

Кубик остановился возле крючковатого клюва черепа.

Ничего.

Облизав губы, я снова не использовал, как положено, очередной артефакт, повышая уровень проверки, а просто шагнул вперёд.

Безумно, бездумно, безрассудно.

Ничего.

Ни малейшего дуновения опасности.

Я наступил на хрупнувшие под ногой кости птицы, но ничего не произошло. Ловушка, которая убила её, не попыталась уничтожить меня.

Покосился через плечо в пустоту за спиной, где недавно возродился из пепла герб Стражей и хмыкнул. Шагнул вперёд уже почти смело, хоть и прислушиваясь к боевой медитации.

Шагал я прямо через площадь, ко вторым воротам, которые вели во внутреннюю часть Зала Стражей, под его крышу, туда, куда враг так и не смог попасть.

Кости лежали всё гуще, всё плотней, тела здесь когда-то были буквально навалены друг на друга. И не только тела — кое-где валялись обломки Флагов, которые щедро использовали сектанты.

В месте, которое меня интересовало, лежало три тела, три сектанта с ясно различимыми в пыли медальонами, которые пронзили мечами пустоту.

Именно так выглядели для меня их позы, в которых их застала смерть четыре сотни лет назад.

В шаге от них я присел, вглядываясь в кости внимательно.

Я не самый лучший следопыт, эту науку, которой меня начал учить Гунир, я так и не освоил до конца, но моих навыков вполне хватает для того, чтобы даже спустя четыре сотни лет восстановить произошедшее. Особенно если кости с тех времён никто не тронул. Годы лишь припорошили их пылью времени и прахом истлевшей одежды и брони.

Сектанты сражались, сомкнув кольцо клинков вокруг врага, нападали на него со всех сторон, стараясь делать выпады одновременно. И не только они — вон обломки Флага, вон там тоже когда-то лежал Флаг, оставив после себя лишь тёмную полосу на каменных плитах.

Они победили — нанесли смертельные удары, пронзив защитника Зала Стражей и...

И погибли. В тот же миг, мгновенно. Это ясно.

Неясно только где тело самого поверженного защитника и его оружие.

Но есть у меня одна догадка.

Что остаётся после смерти духа? Ничего, как и после смерти Призрака.

Здесь, у прохода в Зал Стражей бился дух. Проиграл, но в миг своей смерти забрал с собой всех своих убийц.

Достойно.

Я ухватил одну из костей, лучевую кость руки, сжал в пальцах. То, что должно было стать хрупким за четыре сотни лет, без малейшего труда выдержало мою хватку, хватку

Предводителя Воинов под Единением второй звезды. Сразу вспомнились кости птицы Раух, которые я когда-то сбыл в своей деревне. Эти сектанты явно не являлись идущими первых этапов, а уж если им противостоял дух Зала Стражей и проиграл, то... Повелители Стихии? Трое против одного?

Неудивительно, что Древние использовали формации искажения силы Неба, накрыв свои земли зонами запретов. При таком перевесе в численности и силе оставался ли у них другой выход?

Древнее поле битвы, где павшие Стражи и их убийцы уже четыре сотни лет лежат под открытым небом, ожидая...

Я ещё раз оглядел кость, зажатую в кулаке, пустоту на месте исчезнувшего четыре сотни лет назад духа и неожиданно понял, что мне нужно сделать.

Пусть Изард и не совсем в себе, но я не так много знаю духов. Одного, чьё служение — это лечение, невзирая ни на что и второго, чья ненависть и боль не утихают спустя даже четыре сотни лет. Не стоит равнять всех по одной неудаче, тем более, не стоит судить того, кто вынес столь же тяжёлый бой, как случился здесь, и сорвал злость на случайном госте. Мои обиды — это только мои обиды.

Стаскивая кости в кучи, я обнаружил, что защитников Зала Стражей было самое меньшее шестеро. Причём пятеро из них были людьми, а не духами и их тела сохранились. Отличить их от их врагов было несложно — все сектанты носили на груди круглый медальон с червём, Стражи же носили прямоугольные жетоны меньшего размера. Они чуть отличались от моего, но я достаточно их перебрал в лавке торговца сувенирами Древних, чтобы знать, что, по сути, они не так уж и отличаются.

Тела защитников, вернее, их кости, оружие и наполовину истлевшие доспехи я сложил отдельно, вокруг места гибели духа, позже навалил сверху камни и куски плит.

Кости сектантов насыпал в кучи, которые видел в городе Тысячи Этажей. Точно так же как и там, воткнул в эти костяные пирамиды мечи, на их сгнившие рукояти повесил связки жетонов.

Оглядел получившееся.

Жутковатая картина.

Странная штука жизнь.

Однажды я стаскивал тела мертвецов в подземелье Древних, теперь устроил вот это из костей. Тогда я пожалел о сделанном, не случится ли так и в этот раз?

— Малец! Орзуф! Ты сошёл с ума? Мы же договорились, ты помогаешь Ордену вернуть былое величие. Вернись, не суйся в Зал. Не нужно тебе это, поверь. Орзуф, ты же слышишь меня, ответь, поговори со мной!

Я повернул голову на крик.

Похоже, Седой стоит на границе леса и Зала Стражей. На краю того, что я посчитал разрушенным Массивом Пути. Стоит и не пытается шагнуть вперёд. Боится ловушек? Занят проверкой перед тем, как шагнуть?

Неважно, не думаю, что он пройдёт сквозь первые ворота и сияющий до сих пор герб Стражей.

Нужно ли мне это? Я и сам не знаю, но раз уж я сумел понять, что хотел от меня дух Изард, то должен же я довести это дело до конца?

Я снова согнул спину в приветствии и снова заговорил вслух:

— Покойтесь с миром, Стражи.

Разогнувшись, шагнул ко вторым, внутренним воротам, уперевшись в левую створку руками, толкнул.

Ворота со скрипом шевельнулись, открывая небольшую щель. Достаточную.

Что я могу сказать?

Защитники Зала Стражей сражались не только на воротной площади, сектанты пробивались в Зал не только в лоб.

В нескольких местах они явно проломили стены или напали сверху: коридоры и залы были полны следов сражения.

Здесь не уцелел дух, который за четыре сотни лет восстановил бы всё разрушенное, здесь некому оказалось бороться и с безжалостным временем.

Всё, что я мог, это снова отделить защитников от напавших. Кости многих из них в этот раз буквально сами крошились под пальцами. Послушники? Вернее, шэны, подобные мне, ученики, только начавшие служение братству Стражей? Или же слуги, стражники Зала, которые не были Стражами, но были ему верны?

Теперь этого не узнать. Их жетоны безмолвны для меня и, возможно, давно пусты, они остались с ними в их могилах, но смерти всех защитников были не напрасны — в центр Зала Стражей сектанты так и не смогли пробиться.

Потеряв всякий страх, не обременяя себя проверками, я открывал двери одну за другой, оставив разрушения позади, пока на очередном шаге вдруг не ощутил, что течение силы Неба вокруг меня изменилось. Впервые за всё время в Зале.

Так и замер, не поставив ногу на пол, не дотянувшись рукой до двери, застыв посреди шага.

Зона запрета исчезла.

О таком Седой не рассказывал.

А если бы я был внимательней, то заподозрил бы неладное едва вошёл в эту анфиладу.

Вот эта дверь, к которой я только что тянул руку, да так и недотянул, она ведь выглядит на пару сотен лет лучше, чем все предыдущие двери. Да, в пыли, да, посерела от времени, но всё же отличается.

И снова передо мной выбор, как действовать — как правильный искатель, как безголовый или...

Или как Страж, который в этом Зале Стражей Границ по праву.

Я завершил шаг, опустил ногу, протянул руку вперёд и приложил ладонь к двери.

Она не шелохнулась под моим нажатием, зато через миг тихо щёлкнула и распахнулась сама.

Зал необычной, восьмиугольной формы с несколькими выходами. Когда-то здесь росли живые растения, сейчас от них остались лишь груды серого праха под ярко сияющим с потолка светом.

Налево, направо?

Так ли это важно после всех тех комнат, залов, переходов и тупиков, где я сегодня прошёл?

Но я всё же нашёл, то, что искал.

Чёрный пол, чуть припорошённый пылью, потерявший свой блеск и сияние. Стены, где из тумана торчат скалы, создавая ощущение, что стоит протянуть руку и ты сумеешь их коснуться.

Впереди же пять чёрных, вырастающих из пола древков, с ярко-алыми полотнищами на концах.

Испытание.

Не уверен, что здесь, в этом пустом Зале, сотни лет назад потерявшем всех защитников, я сумею получить награду за его прохождение, но и так ли уж мне нужна эта награда?

Я подошёл к одному из Флагов, расправил полотнище, с которого осыпалось облачко невесомой пыли, начавшей танцевать в воздухе. На алом фоне чёрным был начертан тот самый феникс-герб, который я видел в воротах — чёрные рубленные элементы, соединяющиеся в одно изображение гордого мифического существа.

Выпустив из пальцев полотнище, позволив ему снова опасть, перевёл взгляд на центр

формации. Там стояла статуя размером мне по пояс, изображавшая семиэтажный павильон: изящные обводы крыш, остроконечная вершина, алая черепица, покрытая всё той же вездесущей пылью, которая украла яркость красок.

Меня смущал только размер. Павильон испытания в Миражном можно было поставить на ладонь, этот же мне по пояс.

Но разве я хоть что-нибудь понимал в артефакторике? Так зачем забивать голову ненужными вопросами?

Здесь дух был давно мёртв, некому было дать мне совет, но словно живой в ушах звенел колокольчиками голос Каори:

— Прошу, войдите в формацию и расположитесь удобно перед храмом Неба.

Бровь, вернее, то, что успело вырасти на её месте, сама по себе поднялась вверх. Храм Неба? Надо же, нужно было пройти из Первого в Пятый пояс, чтобы заметить то, что всегда лежало под носом. Храм Неба.

В прошлый раз в храме было пять этажей, но проверок оказалось шесть. Значит ли это, что здесь проверок будет восемь?

Стоит узнать, шэн, стоит узнать.

Я шагнул вперёд, опустился перед храмом, сгибая ноги и оказываясь ниже его, прикрыл глаза.

Спустя всего миг, когда я открыл глаза, запустение и формация Проверки сменились совсем другим местом. Вокруг лежало огромное пустое пространство, убегающее за горизонт, над головой вместо светящегося потолка опрокинулось бездонное голубое небо, а чёрный и холодный камень под задницей и коленями сменился горячим песком. Горячим был и ветер, что дул в лицо.

Я поднялся на ноги, неторопливо оглядываясь и пытаюсь понять, есть ли отличия от того, что я видел в прошлый раз? Вроде, нет. Те же яркие краски, тот же сухой и горячий воздух, то же бесконечное пространство, которое даже под взглядом Предводителя Воинов...

— Добро пожаловать в Небесное Испытание Стражей Границы.

Казалось бы, я только что пристально вглядывался, пытался уловить неправильность этого места, но снова не заметил мига, когда передо мной появился мужчина.

Никаких отличий от прошлого.

Длинные, спадающие на плечи волосы стального цвета; сверкающая голубой чешуёй пластинок кольчуга, подпоясанная широким чёрным ремнём с огромной пряжкой в виде какой-то птицы. Плотные, отливающие металлическим блеском штаны и высокие кожаные

сапоги со стальными носами. И ни малейшего ощущения глубины силы, словно передо мной или Закалка, или голем, или... дух. Дух, запертый в формации испытания и не имеющий возможности действовать в самом Зале Стражи.

Тем не менее я склонил голову, прикладывая кулак к ладони.

Дух испытания бесстрастно сообщил:

— Первый этап испытания — проверка размеров средоточия. Страж без запаса сил не сможет сражаться и падёт даже в короткой битве.

Я улыбнулся, ощущая себя так, словно вернулся в прошлое, в Миражный. Словно рядом, вон там, где мне нужно лишь открыть глаза, за границей формации стоит мама, а где-то в саду бегают уже здоровая Лейла.

— Духовная сила — средний. Стихия — вне категорий. Эссенция духа — не создано.

На миг сердце замерло, пропустило удар. Только не говорите мне, что это испытание только для Властел...

— Пройдено.

Сердце застучало с удвоенной силой, а моя улыбка стала лишь шире. Вот же, дар... Кхм, вот же дух. На пустом месте заставил волноваться, словно я не шэн, бывший Страж-преступник, словно не было за спиной всех этих сражений, бегств и испытаний, словно я снова мальчишка, раскрывший рот при виде чудес Древних.

— Второй этап — проверка скорости восполнения сил. Даже самый сильный Страж должен успевать вернуть потраченное в бою за краткий миг отдыха.

На ладони духа появилась небольшая свеча для измерения времени. В этот раз я не задавал вопросов, довольствуясь тем, что услышал много лет назад.

В испытании проверяют истинные возможности тела, фундамент, на котором построено моё Возвышение.

Хотя с этим утверждением я бы поспорил, не так уж и много в моём Возвышении построено на простой медитации. Раньше Круговорот, а теперь ещё и змеи стихии, вот основа, на которой я строю своё Возвышение.

— Пока горит эта малая свеча, ты должен медитировать.

Свеча вспыхнула, а я одним мысленным усилием, не опускаясь на песок, а так и стоя во весь рост, потянул в себя все голубые нити силы Неба, что нашлись вокруг. Их, как и в прошлый раз, оказалось немного, но синих нитей стихии было и того меньше. Меня резанула досада: «Вот уж я много их восполню!». Через миг из моего тела во все стороны рванули змеи. Почему нет, раз уж я про них вспомнил?

Дух чуть склонил голову к плечу и прищурился, словно вглядываясь в невидимое. Хотя почему словно? Уверен, он сейчас отлично видит моих змеев, но раз видит и молчит, то что это значит?

Я ухмыльнулся и отправил во все стороны мысленный крик.

Собирайте, поглощайте все стихии и несите их ко мне!

На миг мне показалось, что я услышал то, чего не мог услышать — ответное шипение. Но только на миг, впившись взглядом в ближайших змеев, кружащих передо мной среди нитей силы Неба, я не заметил ни открытых пастьей, ни чего-либо другого, странного, а затем сосредоточился только на медитации.

Не знаю правда, зачем мне в этот раз лучшие результаты, ведь мне сегодня не нужно становиться шэном. Ведь, как выяснилось, я и не терял этого звания, но, если испытание существует, значит, у него есть цель, верно? Не просто так же, не только для того, чтобы сообщить мне, что я всё ещё Страж, послал меня сюда дух Изард?

Быстрее, быстрее летите ко мне.

Малое количество силы Неба и стихии раздражало.

С большим трудом удержался от того, чтобы не запустить круги циркуляции. Привычка.

А затем огонёк на ладони духа утонул в лужице расплавленного воска и погас.

— Восполнение духовной силы — низкое. Восполнение стихии...

Дух замолчал, и теперь уже я склонил голову к плечу, впервые задумавшись над тем, что своей уловкой мог просто испортить испытание и сейчас дух меня...

— Засчитано. Средний талант.

Я, стараясь сделать это бесшумно, выдохнул сквозь зубы. Не изгнал из испытания. Отлично. С медитацией лучше не стало за эти годы, невзирая на принятое зелье Древних, а со змеями, выходит, есть куда расти. Впрочем, я и не сомневался. Где я и где таланты Древних?

Дух перевернул ладонь, но лужица расплавленного воска не стекла вниз, на песок, а бесследно исчезла, не долетев.

Ха! Я скрыл усмешку. Я хоть и не дух, но тоже научился проворачивать такой трюк со своим Пронзателем, с кольцом Путника это не так уж сложно.

— Третий этап. Проверка таланта к Возвышению. Можно залить силой Неба любого, засыпать его с головой духовными камнями, но что толку, если вся эта сила проливается через его меридианы, не задерживаясь, словно вода в пустыне, выплеснутая на песок?

Дух снова повернул руку ладонью вверх, теперь на ней лежал прозрачный стеклянный шар размером с детский кулачок. Дух, повторяя все действия того, другого духа в совсем другом месте и Поясе, коротким движением кисти швырнул шар мне, а я его поймал. Гладкий, холодный, ровно такой, каким он и лежал бы в артефакте Путника, неподвластный жаре вокруг. В этом же случае он и вовсе такой, каким нужен духу. Понадобится и этот шар возникнет на ладони духа раскалённым докрасна. Мир вокруг не настоящий, а созданный лишь для испытания пришедших в зал Стражей.

Однако величие Древних настолько велико, что испытание невозможно отличить от настоящей жизни. Скоро мне предстоит вспомнить, каково это — когда тебя убивают. Впрочем, я к этому привык в жетоне Стража, когда назначенные противники сминают меня числом, так что этим меня не удивить.

Духу были неинтересны мои мысли и размышления. Надеюсь, он даже не имеет о них представления и они только мои. Сейчас он бесстрастно сообщил лишь то, что я тоже уже слышал, правда, с поправкой на мой этап Возвышения.

— Сейчас это твой узел, что ты должен открыть. Вливай в него стихию. Времени столько же — пока горит мерная свеча. Время пошло!

Вдох я потратил впустую, просто глядел на шар. А затем ухмыльнулся, и, глядя прямо в глаза духа, толкнул в шар не только туман, нити и капли воды, что наполняли моё тело, но и своих отъевшихся змеев.

И снова дух прищурился, явно используя духовное зрение, и снова промолчал. Я же только сильнее и сильнее разгонял поток стихии, что собирался со всего тела, лился от второго средоточия и устремлялся в руку, в ладонь, в шар испытания. И так до тех пор, пока не прогорела мерная свеча.

— Пройдено. Высокий.

Да ладно? Теперь усмешку я не скрывал. Трюк не только не запретили, но и зачли мне в талант? В прошлом я только и слышал в начале: «Низкий. Низкий. Низкий», а теперь, гляди ты: «Высокий, даже не средний». Разве не значит это, что подобные уловки не только разрешены, но и на самом деле являются частью Возвышения? Чего же тогда прошлый дух заливал мне про жалкие подпорки, что едва удерживают хибару от падения?

Меня охватило странное желание — вернуться в прошлое, в Миражный, в то Малое Испытание и использовать там Круговорот, как бы повёл себя тот дух? Но это невозможно, а я и в этом испытании не стал так наглеть.

— Четвёртый этап. Проверка понимания. Глупо учителю тратить годы на одного, когда за это время можно обучить пятерых.

Шар на моей ладони исчез, на ладони духа же появился... кристалл.

Я ожидал увидеть там книгу, такую же, как на прошлом испытании, предмет, в который был вложен опыт Стража прошлой империи. Пока протягивал руку, готовясь принять кристалл, осознал, что никогда не задумывался над тем, что слова прошлого духа расходились с действительностью.

Тогда дух сказал, что знания Стражей не могут вместить свитки, но я с тех пор видел и изучал свитки земных, духовных и составных техник. И ничего, влезало всё. Не значит ли это, что хотя бы в этом современные мастера превзошли Древних? Или тогда дух лишь готовил жалкого Воина, оборванца, к тому, что настоящие знания вложены вот в такие кристаллы?

Кристалл лёг в мою ладонь. Холодный, прозрачный, с ярким синим огоньком внутри. Означает ли это то, что я думаю?

— Учи. Время пошло!

Царапнуло понимание того, что и слова духа в этот раз звучали не так, как в прошлом. Но я не стал терзать память, пытаюсь добыть из неё то, что случилось многие годы назад. Не до того, лишняя потеря времени.

Вдох, и я провалился духовным зрением, сознанием в кристалл.

И да, и нет. Мои ожидания и сбылись, и нет.

Я надеялся увидеть что-то подобное миру огня, только созданное из моей стихии, но обнаружил вокруг себя совсем другое. Во все стороны простиралась бескрайняя вода, в которую опрокинули небо. Синь под ногами, синь вокруг, синь над головой. Стоял я, правда, не на воде, а на огромном листе необычного растения — тёмно-синем, с более светлыми, голубыми прожилками. Листьев этих вокруг плавало немало, тут и там из воды торчали крупные сине-фиолетовые цветки, похожие одновременно и на лотосы, и на кувшинки.

И да, я был здесь не один — напротив меня, в десяти шагах, на таком же листе стоял мужчина. Тёмно-синий халат, грива распущенных, длинных, синих волос, ярко-зелёные глаза. Произойди эта встреча в другом месте, в другом Поясе, в другое время, скажем, во Втором, лет так пять назад, я бы посчитал, что передо мной не очень сильный Мастер, который неверно понимает стихию, раз так сильно позволил ей проявиться в теле, окрасив волосы.

Но подумать такое во время Испытания Стражей, зная, что передо мной стоит образ одного из Древних? Смешно. То, что я не ощущаю его силы, то, что я нахожусь духовным восприятием в кристалле, лучшее напоминание того, что передо мной воспоминания, память самое малое Властелина Духа, скорее всего, даже Повелителя Стихии, а может быть, чем Небо не шутит, и Небесного Воина.

Разумеется, всё это время, пока я глазел по сторонам, изучал внешность Древнего напротив меня, размышлял о прошлом и настоящем, я не забывал, что снаружи дух держит на ладони

очередную мерную свечу, и моё время неумолимо истекает.

Но здесь и сейчас зависело ли от меня хоть что-то?

Будто подтверждая мои мысли, Древний неторопливо кивнул, заставив меня в очередной раз задуматься над тем, кого и что я вижу перед собой. Если это лишь память, то как понять этот кивок? Как часть того, что когда-то оставил после себя Древний и стоит перенестись духовным зрением в кристалл второй раз, как дух снова начнёт с молчания и кивнёт? Или же нет? Или же это нечто большее, как тот же дух испытания? Что такое, вообще, этот кристалл внутри испытания? Не часть ли великого обмана, который существует лишь в моей голове?

Древний так же неспешно развёл руки и из глади озера вверх взметнулся фонтан воды, тут же перелившийся в фигуру человека.

Внутри неё проросли чёрным нити меридианов, сгустились узлы, сферы средоточий. Я моргнул, на миг отрываясь от созерцания. По той простой причине, что осознал — средоточия три, а значит, передо мной схема меридианов не просто пикового Предводителя Воинов, а самое меньшее — Властелина Духа. Это какого же ранга технику мне хотят показать?

Чернота первого средоточия в фигуре из воды налилась голубым, второе средоточие стало ярко-синим, третье же налилось сталью.

Следом голубым окрасились некоторые из меридианов, сначала возле средоточия, затем всё дальше и дальше.

Я выругался про себя, досадуя на то, что когда-то не стал заучивать названия узлов и меридианов. Сейчас было бы проще запомнить. Левый верхний и правый средний, скорее даже правый средний второй... Хит-Ан? Нет, Хит-Ан — это меридиан от первого средоточия к третьему. Тяжело вспоминать то, что ты никогда и не знал толком...

Где-то, далеко и рядом, вдали и внутри меня лопнула струна, принеся с собой густой мужской голос.

— Осознай, почувствуй, сроднись.

Струна встряхнула меня, но лишь едва-едва, а голубые нити тем временем расчертили фигуру, вырвались наружу, соткавшись в двойной круг обращения и символы языка Древних. Первым начертался символ Вода, следом ещё пять, а затем из второго средоточия поползли синие нити, создавая ещё созвездие, только на этот раз в меридианах стихии.

Это созвездие добавило в обращение ещё круг и ещё пять символов, а затем я увидел, во всяком случае на примере, как используют эссенцию Властелины и как в фигуре из воды выглядят Врата Силы.

А затем, затем всё исчезло. В один миг меридианы фигуры передо мной вновь стали чёрными и пустыми, исчезло и обращение.

Два вдоха ничего не происходило. Я глядел сквозь фигуру из воды на мужчину в синем, он глядел на меня.

— Осознай, почувствуй, сроднись.

Что же, этот звук струны и голос подсказали мне, что да, здесь всё идёт по кругу, но точно не с самого начала и не с кивка.

Я впился взглядом в фигуру из воды, где снова поползли голубые нити первого из созвездий.

Но в этот раз я не пытался запомнить нужные меридианы и посчитать задействованные в этой технике узлы на каждом из них.

Подсказка более чем очевидна, вопрос лишь в том, хватит ли у меня таланта воспользоваться им?

Это мир воды, пусть и всего лишь для учеников Стражей Границ. Ну или вообще для всех тех Стражей, кто проходит их Испытание. Мир, подобный одному из тех кристаллов, что я нашёл в поместье, мир, ограниченный одной техникой. Но если в тех кристаллах технику показывал Повелитель Стихии, то здесь она для Властелинов Духа и всё ещё основана на меридианах, созвездиях и обращениях.

Это не только мир воды, но и фигура, внутри которой мне показывают технику, создана из воды. Из воды все созданные передо мной меридианы, узлы, средоточия и то, что течёт из средоточий по меридианам.

Вода. Это всё вода, моя стихия.

— Осознай, почувствуй, сроднись.

После третьего удара струны я сумел это сделать. Сумел сродниться, дотянуться, почувствовать воду в фигуре, провалиться в неё, а уже спустя миг я нёсся по меридианам, ощущая себя словно пловец в бурной горной речке.

Почувствовал каждый изгиб меридианов, каждое их сужение, все трудные места, где узлы пытались словно опрокинуть поток силы. Один меридиан, второй, третий, четвёртый... Затем меня швырнуло во второе средоточие, я только и успел увидеть, как засиял первый его исток, готовясь принять в себя стихию, а затем уже мчался вместе с ней по стихийным меридианам. Меня снова закружило, завертело, я растерялся, не в силах даже сообразить, куда меня тащит, всё ещё первый вокруг меридиан, или же меня только что крутнуло в средоточии, выплёскивая в другой?

— Осознай, почувствуй, сроднись.

Голос и звучание струны подсказали очевидное — это был не первый и даже не второй меридиан. Сколько там их было в созвездии стихии? Шесть? Вот все шесть уже и пролетели,

а Врата Силы я оказался не способен увидеть даже на миг.

Меня снова потащило из первого средоточия, но я зарычал, попытался не вырваться, не сбежать, а отстраниться, оказаться хоть чуть выше этого несущего меня потока.

Не сразу, но получилось добиться того, что я одновременно словно и следовал по меридианам, запоминая сложности течения силы и стихии в них, и одновременно словно висел чуть в стороне, наблюдая за созданием созвездий издалека.

Конечно же, не получилось как в прошлом испытании закончить всё быстро и раньше того, как сгорела свеча. Сначала я считал каждый голос, каждый раз ожидая, что он окажется последним, но затем бросил это, и тем неожиданней стал момент, когда вода вокруг исчезла.

Меня повело, качнуло, солнце ослепило, заставило зажмуриться.

— Показывай, сколько ты сумел усвоить.

Я раскрыл глаза, успев увидеть, как дух стряхивает с ладони расплавленный воск, успев и отметить, что в этот раз лужица гораздо больше, она даже стекала с его ладони сама по себе, а значит, на это испытании дух отвёл мне больше времени, чем на предыдущие.

Я медленно кивнул, сглотнул, смачивая пересохшее горло, а затем отправил силу в первый меридиан. Три узла, теперь нужно сразу во второй и третий. Четвёртый.

Обращение, забыл обращение!

Чуть придерживая текущие по меридианам потоки духовной силы, я торопливо очертил перед собой круг обращения и принялся вписывать в него символы. Нужно было сначала его подготовить, как учили в Школе, а уже затем заполнять созвездие.

Ничего, справлюсь. Не впервой.

Я и впрямь успел вычертить символы до того, как сила наполнила созвездие, вернее, успел завершить эти два дела одновременно.

Сила вырвалась из тела, заставила засиять голубым оба круга обращения, а затем я почувствовал себя так, словно меня со всех сторон облепила вода, словно она покрыла меня, став, то ли второй кожей, то ли...

Странное ощущение исчезло, сорвалось с моей кожи, шагнув вперёд моей голубой, почти прозрачной фигурой.

От неожиданности, от странного ощущения, словно меня только что стало двое, что я вижу мир двумя парами глаз, я не удержал концентрации, и техника сорвалась, болью отдавшись в меридианах.

Не то чтобы я только что не смотрел на мир одновременно со стороны и из стремительно

бегущих по меридианам потоков силы, но это всё же было чуть другое.

Ещё до того, как я даже подумал, что нужно повторить технику, и постараться на этот раз удерживать её до тех пор, пока не закончу с созвездием стихии, дух кивнул:

— Пройдено. Результат высокий.

Хотелось засмеяться. Я сам себя хвалил, радовался тому, что сумел понять, что от меня нужно, сумел стать наблюдателем в кристалле, выучить технику, дух же в этот раз не удивился, не поразился, а бесстрастно понизил мне оценку. В Малом Испытании у меня был высочайший уровень, сейчас просто высокий.

Я не особо таился, а лицо поджило, возвращая мне истинный облик, так что дух легко уловил мои эмоции и вскинул брови:

— Ты чем-то недоволен, шэн?

Я покачал головой:

— Нет-нет.

Но ухмылка на моём лице стала лишь шире. Интересно, какую бы оценку поставил мне дух, если бы я спустя три-четыре попытки сумел наполнить не только первое, но и второе созвездие?

Забавная техника, необычная, обычно разделение созвездий, в том же наборе Роака, идёт немного по-другому, там, по сути, удвоенный набор созвездий, трём созвездиям меридианов духовной силы добавляют три равновесных созвездия стихии и нужно использовать сразу оба набора, чтобы получить результат. Здесь — иначе.

Дух стёр недоверие с лица, вновь став бесстрастным. Я ещё в прошлое испытание подметил эту странность и, как и тогда, задумался, что же из себя представляет этот дух испытания? В Павильоне клана Кавиот дух Каори была одна, с духом испытания я общался только в самом испытании. Можно ли его считать таким же миражом, иллюзией, как и всё вокруг? Как тех животных и сектантов, которых я убивал в прошлом испытании и буду убивать сейчас?

— Проверка на сродство со стихией. Этой проверки достойны только прошедшие испытание.

Теперь настала моя очередь вскидывать брови, вернее, то, что успело отрасти на их месте. Сродство? А где же проверка духа бойца?

Дух тем временем протянул мне руку, на ладони его дрожал шар воды, размером с кулак.

— Возьми столько воды, сколько сможешь удержать.

Вдох я пристально всматривался в шар воды. Когда-то давно, в том самом первом

испытании, с которым невольно всё сегодня сравниваю, я сумел сначала удержать лишь несколько капель воды. К концу испытания — треть шара, и заслужил оценку низкий.

Потом я выполнял это упражнение в настоящем мире, добившись немалых успехов, но это было ещё во Втором поясе, даже, кажется, ещё до поступления в Академию Ордена Небесного Меча.

После того же, как я создал второе средоточие, победил в себе тьму, занимался ли я чем-то подобным? Проверял ли себя?

Разумеется, нет. У меня других дел было полно. Более важных, более сложных, например, научиться пожирать чужие стихии своими змеями воды. Но гляди ж ты, а в проверке на сродство всё равно нужна вода, мои змеи, которых я уже использовал дважды, словно не в счёт, словно другое.

И кто я такой, чтобы спорить с этим?

Сделав шаг вперёд, я протянул руку, подхватывая шар воды снизу в чашку своей ладони. Шар дрогнул, но не проронил вниз ни капли.

Дух кивнул:

— Пройдено. Результат — высокий.

Меня вдруг это задело. Высокий и всё? Я выпил уже два зелья Древних на сродство со стихией и это всё, что они мне дали? Да что там зелья! Я малого достиг своими силами и трудом, годами жизни, пока боролся с тьмой в голове и готовился стать Предводителем с первой попытки? Я зря нырял в штормовые волны? Я зря корпел в подвале Пиатрия, раз за разом поглощая чужую стихию? Высокий и всё? Но есть ведь и высочайший, есть и вне категорий. И разве можно удержать больше воды, чем есть? А если можно?

Процедил:

— Высокий? А если так?

Но стоило мне попытаться увеличить размер шара воды, влить в него стихию через ладонь, как уже дух процедил сквозь зубы:

— Использовать запас своей стихии в этом испытании запрещено, шэн. Вы не знаете правил?

— Нет, не знаю.

— Значит, вас плохо учили, шэн. Есть ли смысл проходить испытание, если ваши основы настолько плохи?

Стиснув зубы, я оставил вопрос духа без ответа, растянул вокруг себя восприятие

Предводителя, потянул к себе редкие синие нити. Потянул к себе чужое.

Впился взглядом в духа. Своё нельзя, а чужое?

Дух молчал, лишь наблюдал за мной, прищутив глаза.

Нити медленно, плавно потянулись ко мне, закручиваясь в жалком подобии круговорота, центр которого оказался на моей ладони. Неспешно нити касались шара воды, исчезали в нём, едва заметно заставляя колебаться его поверхность, а его самого расти. По крохам.

Мало. Не молчаливого спокойствия духа мало, а мало стихии вокруг. Но я знаю, что с этим делать, в прошлый раз же не было это запрещено?

Отдал короткий приказ.

Вперёд.

Из груди, головы, рук рванули змеи воды. Десять, сорок, сто, закружились вокруг меня.

Несите мне стихию! Сюда, в ладонь!

Змеи ускорились, рванули прочь, разлетаясь до самых границ восприятия, жадно на лету хватая пастями пустоту. Пустоту или же чужие стихии?

Вот первый из них скользнул, извиваясь, обратно, крутнулся над шаром воды в моей ладони, распахнул пасть, выплёвывая из себя крошечную ярко-голубую каплю. Второй, третий.

С каждой каплей шар воды, мелко дрожащий над моей ладонью, становился всё больше и больше, вот увеличился едва ли не в полтора раза и...

И на этом всё. Как бы я ни напрягал взгляд, вокруг меня, в пределах восприятия Предводителя, не находилось не то что частиц стихии воды, а, вообще, любой другой стихии. Змеи сновали тут и там, но тоже ничего не находили.

— Повторное прохождение засчитано. Результат — высочайший.

Я выслушал духа, кивнул, призвал к себе всех змеев, а затем медленно сжал ладонь, впитывая в себя всю стихию, как собранную, так и отданную мне духом. В этот раз согласен, пусть духу и не нужно моё согласие.

Он между тем покачал головой, вновь проявляя эмоции, свойственные живым и тем духам Павильонов и городов, которых я видел, и неспешно огласил:

— Последнее испытание — дух бойца.

В этом испытании такая очередность, да? Ну, глупо было бы думать, что то, что есть в Малом Испытании, не будет в этом, хотя по мне, могли бы и побольше испытаний в него

вместить.

На этой мысли я споткнулся. Не просто могли, а должны были, раз убрали приставку Малое. Больше того, для чего тогда в артефакте этого испытания добавлены этажи? Один этаж, одно испытание, не считая тайного, которым в прошлый раз стало испытание на дух бойца.

Загадка.

Другая загадка — это то, что дух, сказав четыре слова, замолчал, лишь смотрит на меня. Я чуть шевельнулся, показывая своё недоумение, и спустя вдох дух пожал плечами:

— В испытании кандидатов я должен был когда-то говорить про то, что неважно, сколько талантов показал испытуемый в прошлых этапах, если не готов пролить свою и чужую кровь. Шэнам же и прочим я теперь должен напоминать, как важно быть стойким, мужественным, изо дня в день доказывать, что они истинные Стражи Границ, но говорить об этом тому, на чьём счету многие сотни смертей даже как-то смешно. На Малом Испытании Стражей ты заслужил за этот этап оценку «вне категорий», позволь же мне увидеть своими глазами, что такое дух бойца вне категорий, — помолчав, дух сделал короткий жест. — Сражайся, шэн, сектанты пересекли границу!

Я только осмысливал слова духа, только сопоставлял их со своими догадками, а дух уже исчез.

Ну, сражайся так сражайся. Я пожал плечами, ожидая, когда с неба, как и в прошлый раз, упадёт оружие. Но прошёл вдох, второй, третий, а ничего так и не рухнуло в песок.

Да ладно?

Я даже вскинул голову к небу, словно ожидая там увидеть духа.

Голыми руками?

Ответом мне стала тишина.

Пожал плечами, так, значит, так.

Вначале должны идти животные. Как я теперь понимаю, древние Звери, ещё не получившие путь к Небу, а потому слабые, беспомощные даже против крепкого Воина. Их можно будет убивать и голыми руками, не прибегая к техникам. Но всё же, насколько странно меня решил испытать дух. Сражение без стали, только техниками? У нас тут что, странного вида турнир или тренировка?

— Ты глянь, как нам везёт. Только задумались о веселье, а наглый имперец уже тут как тут. И не простой, а Феникс, да? Сопляк, ты же Феникс? По приказу своего жадного императора припёрся защищать земли, которые не могут быть твоими?

Я, не ощущая угрозы, лишь удивление, обернулся. В этот раз, значит, без зверей, да?

Сектанты пересекли границы, да?

Позади обнаружилась троица мужчин в чёрных халатах, с ослепительно сверкающими на солнце медальонами на груди, со всё тем же червём, который был и на мертвецах у ворот Зала Стражей.

Стоило мне их увидеть, как ожило и восприятие, сообщив, что действительно, есть передо мной трое идущих. Мгновение я потратил на то, чтобы оценить их.

Множество сектантских печатей, туманным шлейфом поднимающихся над головами, не очень много сил, почти нет опасности. Но это точно не Закалки, Воины или Мастера. По силе того, кто пришёл на испытание и враги.

— Сопляк! — скрестив руки на груди, рявкнул средний из них. — У тебя два пути. Первый — мы проверяем, хватит ли тебе духу убить себя. Мне почему-то кажется, что нет. И тогда мы волокём тебя к себе секту и переплавим твою силу в пиллюлю, которая позволит мне подняться сразу на две звезды. Второй путь — ты становишься на колени и начинаешь умолять нас о снисхождении. Тогда я подумаю над тем, чтобы сделать тебя слугой, а не...

Я скривился. Если дух наблюдает сейчас за всем этим, а он наблюдает, то пусть ему будет стыдно. Меня что в прошлое испытание воротило от всей той чуши, что мололи марионетки духа, что в этот раз воротит. Убого.

Умрите.

Да, я помнил, что врагов лучше ранить, оглушать, но не убивать, чтобы упростить схватку и уменьшить число врагов, но смысл? Сколько сумею убить, столько и сумею. В этом испытании важно совсем не число поверженных, а то, как далеко ты готов зайти в сражении.

— Он поднял руку на секту Амока! Смерть ублюдку!

Слева обдало жаром опасности. В этот раз восприятие запоздало всего на миг, сообщив, что в двадцати шагах от меня из пустоты соткались ещё трое врагов. Снова крепкие мужчины, на этот раз сжимающие в руках оружие и...

Шаг вправо, уходя от выстрелившего из песка каменного острия. Рывок, спасаясь из рухнувшего с неба огня.

Эти два выигранных у смерти вдоха я потратил с умом. Наконец-то.

Единение теперь сияло на коже в полную силу, покрыв меня сплетением синих линий, придавая силу и скорость. Жажду битвы мне придавать и не нужно было — она сама вспыхнула в жилах, стоило мне ощутить жар опасности.

Слабаки. Всё ещё слабаки.

Беспристрастно оценил я силу врагов, уклоняясь от ударов.

Не Предводители, как я сначала было решил. Медленные, неопасные, не использующие ничего выше земных техник.

Я метался среди летящих в меня техник, уходя от сетей, огненных шаров и каменных лезвий.

Своё место заняли все нужные мне обращения, позволяя мне стать, наконец, полностью готовым к схватке.

Смерть.

Троица рухнула.

— Ублюд...

Смерть.

Третья тройка тоже упала.

Дух, давай, поднимай уровень противников. Можешь и число сразу поднять, после схваток с сотнями големов в жетоне всё это даже как-то смешно.

Смерть.

Смерть.

Смерть.

Смер-ть.

Легла, но с усилием, повисла на плечах явно уловимым грузом, а из шестёрки врагов упал только один.

— Ты будешь подыхать на алтаре три дня. Я лично суну Хмере бутылку пилюль долголетия, чтобы она не дала тебе уйти легко. Жизнь и душа твои будут по...

Всё это время я оценивал врагов, впившись в них взглядом.

Глубина силы? Не поражает. Моя печать не развеялась, как ей положено, а так и висит над их головами, а значит, что?

Значит, ниже меня Возвышением, но сильная воля, способная сопротивляться Указу?

Но это простой Указ, а если так?

С ухмылкой я пропустил дух через стихию, окрашивая печать над врагами вторым цветом.

Пятёрка рухнула, так и не договорив.

Справа.

Смерть.

Сразу в два цвета.

Из шестерых новых врагов, хрипя от натуги, на ногах осталось лишь двое. Парень, младше меня и старик, с уже когда-то видимым мной посохом, на вершине которого болтались отрубленные руки.

Ладно старик, но парень, устоявший перед Смертью в два цвета? Талант? Гений?

Талант и гений прыжком спрятался за спиной старика, который выставил перед собой свой отвратительный посох, а к тяжести на моих плечах добавилось ощущение жжения, словно в несуществующие ладони упёрлись тупые, но отравленные шипы.

Значит, не талант и не гений, а артефакт.

Дух, ты здесь за четыре сотни лет сильно отстал от жизни. Сейчас артефакты защиты от Указов выглядят не так, а носит их чуть ли не каждый первый.

Я с ухмылкой добавил третий цвет в Указ и поднажал. Посох старика затрещал и лопнул, расколовшись на две половины, снова оставляя меня одного среди этих песков.

Я повёл шеей в одну сторону, в другую.

Ну вот сейчас Возвышение противников, наконец, должно стать мне по зубам. Вернее, не по зубам, а вровень.

Из кулака правой руки вылез Коготь Роака, я чуть присел, готовый сорваться с места, едва только...

Позади!

Кто бы сомневался, дарсов дух.

Ругательство я додумывал уже в воздухе, уже рвась сквозь опаляющий жаром...

Хотел бы я назвать это воздухом, но по сути ломился Поступью я сквозь бурю из бритвенной острых песчинок, которые высекали настоящие искры из Панциря Роака.

Сумел.

Панцирь выдержал это, но раскололся на сотни осколков, когда сверху рухнуло облако сразу из двух стихий — огня и земли.

Я окутался Духовным Доспехом, выплеснул из себя змеев, которые буквально выгрызли для

меня сферу, где можно было выживать, я протолкнул в глотку ещё кусок режущего болью воздуха и ломанулся туда, где ощущал врагов. Мне не сравниться с ними в техниках ранга Предводителя, я должен любой ценой добраться на расстояние вытянутой руки.

Шаг, ещё шаг, ещё один.

Добрался!

Когтём вправо в подмышку, пригнуться, убирая голову от удара...

Я отпрянул от того, что миг назад ощущалось мечом, а на деле оказалось жутко вытянутой ало-чёрной рукой, превратившейся на моих глазах в плеть.

Ещё миг я потратил на то, чтобы осознать — врагов снова стало в два раза больше, а вместо сектанта, до которого я, вроде как, дотянулся, мой Коготь вспорол Кровавую Марионетку, которая сейчас просто-напросто нанизывается на Коготь, обволакивает мою руку и вот-вот дотянется до горла растущей из тела пастью и сожрёт меня раньше, чем её саму сожрут мои змеи.

Смерть.

Я использую Указ раньше, чем осознаю его бессмысленность.

Но Марионетка теряет форму, рушится вниз кровавой волной, впитывается в песок, оставляя в боевой медитации круг безопасности и давая мне передышку в два вдоха.

Вторая Марионетка уже равна мне Возвышением, и Указы действительно становятся бесполезны, но я сполна использую отпущенное мне время и снова Рывком, проламывая змеями чужую стихию, добираюсь до сектантов, врубаюсь в правого, а на левого натравливаю змеев.

Дух, твои создания ведут себя глупо, к чему они сбились плечом к плечу? Чтобы мне было легче их убивать?

Полшага влево, так, чтобы огненное копьё нового сектанта задело меня лишь краем, скользя по Духовной защите, Покров первого сектанта, наконец, сдаётся под ударами Когтя, через миг я оставляю за своей спиной уже мертвеца, который, правда, ещё этого не понял и пытается зажать дыру, появившуюся вместо средоточия.

Мертвец этот всё ещё опасен, но у него не оказывается духа бойца. Вместо того чтобы ударить меня в спину техникой стихии, как сделал когда-то Тёмный, он предпочёл тупо сдохнуть, воя от боли и ужаса.

Второй валится на песок без моего участия. Неприятно, когда тебя грызут изнутри, согласен, знаю. Две марионетки исчезают сами по себе. Вот как? Удобно. Для меня.

Щерюсь и впервые заговариваю с сектантами:

— А вот я убью вас быстро. И даже кости ваши не буду стаскивать в кучу, так и сгинут в этих песках, словно вас никогда не было.

Троица только появившихся сектантов пятится под моим взглядом, но жар опасности отрезвляет меня. То, что я убиваю врагов, не означает, что их будет становиться меньше.

Вперёд, уходя от удара со спины, ударить среднего из сектантов, скользнуть ему за спину, ставя его и его товарищей между собой и той двойкой, что вот-вот добавит мне дух.

Через три вдоха я, рвя жилы и теряя пластины Панциря, рвусь оттуда прочь, спасая свою жизнь.

Сектанты, ну или марионетки духа, безвольные куклы, подобные тем, с кем я тренируюсь в жетоне, не щадят своих, обрушивая на них сдвоенный удар какой-то духовной техники.

В этот раз дух не ошибается, тройку новых врагов создаёт в отдалении от меня, заставляя меня снова прорываться сквозь их техники, чтобы суметь дотянуться до них Когтём.

Я рублюсь, сделав выводы, с каждым вдохом получая всё больше и больше ран.

Спустя шесть убитых становится совсем уж тяжело.

Указы — больше не ложатся, хотя я и пытался в отчаянии.

Стоит рядом со мной остаться меньше трёх сектантов, как остальные тут же бьют всем, чем могут. Если это марионетка, так бьют, вообще, без раздумий и все.

По-прежнему радуют только змеи, стихия, которую они мне возвращают, скоро переполнит меня, я трачу меньше, чем они приносят. А вот с духовной силой все не очень. Удары по Покрову буквально высасывают средоточие.

Влево, вправо, отбить меч, пырнуть в ответ Когтём, наполнить стихией Кровавые Плетки, которые хоть на несколько мгновений, но сдерживают сектантов, а главное, их Марионеток.

Какой-то хитрый ублюдок прыгает на меч и взлетает вверх, готовясь безнаказанно садить по мне Сугями Стихии уже оттуда. Приходится использовать последний козырь. Я впиваюсь в него взглядом, сжимаю буквально в иглу то, чему научился в кристалле огня — удар духа — вкладываю в него всю свою ненависть, добавляю мысленный вопль:

— Сдохни!

Это, конечно, не Указ, но действует неплохо. Сектант валится набок и падает вниз вместе со своим мечом, бестолково махая руками. Меч долетает, сектант лишь кусками, я всаживаю в него Штормовое Копьё, разменявшись за это дырой в боку от ближней марионетки.

Скалюсь, жалея лишь о том, что не успел выучить ничего из того, что заполучил в городе Ян. Сейчас все эти техники оказались бы, как никогда, к месту. Впрочем, кто бы мне дал время

их использовать?

Волна стихии земли, наполненная бритвенно острой пылью и огромными копиями из камня, сносит меня с ног, несёт куда-то, крутя кубарем.

Но восприятие и боевая медитация не подводят, дают мне подсказку, и я ухожу Рывком прямо сквозь чужую стихию.

Это больно, но я забираю ещё одну сектантскую жизнь и выигрываю себе ещё пять вдохов, вдохов, наполненных болью.

Опасность слева.

Все, что успеваю — подставить под удар руку, наруч Клатира.

Руку... не оторвало, уже хорошо.

Влево, от этой меткой твари подальше. Ублюдки, давят числом и Марионетками. Дарсовы твари. Эх, я бы вам показал!

Я выхожу из Рывка и осознаю, что подловили, вылетел прямо на накатывающие стеной бритвенно острые шипы. Никакой наруч здесь не поможет, никакой нагрудник здесь не...

Что? Как? Поче...

Мысли исчезают, когда я осознаю, что привычно кручу перед собой Пронзатель, отбивая всё, что должно было попасть в меня.

Вот как, да?

Я кровожадно скалюсь, делаю шаг в сторону и срубая вылезшее из песка щупальце Пронзателем, который всё так же крепко сжимаю в руке.

Так, значит, в этом испытании можно использовать кольцо?

Ну, твари, держитесь.

Через миг я рвусь в одну сторону, а Летящие Убийцы в другую.

Кинжалы были слабы, но до своего разрушения сумели выиграть мне несколько спокойных вдохов.

Я же... Я же вбиваю на бегу в песок Флаг, не особо заботясь — ровно, неровно — и рывкаю.

Сражайся!

Призрак сгущается позади, позади же становится незримым Флаг, а через миг исчезает

серой тенью и сам Призрак, зато слева из-за стены огня доносится вопль ярости.

— Ублюдок! Ты смеешь использовать против нас наше же создание? Тупица!

Я оборачиваюсь на полный бешенства крик, ухмыляюсь, а через миг ухмылка застывает у меня на губах.

— Подчинись. Подчинись!

Действительно, дарсов тупица, сейчас он ещё и обернёт его против мен...

— Нет! Нет! Как это... А-а-а!..

Полный боли вопль сектанта оборвался, и я выбросил все сомнения из головы. Никто не сумеет отобрать у меня Призрака. Никто.

Я и Призрак бушевали отдельно, я только и успевал, что улавливать его скольжение в своём восприятии, да ощущал, как исчезают враги, и появляются вместо них новые.

Если бы в этом испытании можно было выиграть — мы бы выиграли, мы бы убили всех врагов, а потом, может быть, даже полюбовались бы, как их тела заносит песок.

Но разве можно выиграть там, где враги бесконечны?

Первым пал Призрак, я же бился еще двадцать вдохов и три сектантских жизни.

Не знаю, какой силы был в итоге тот, что сумел остановить меня.

По ощущениям, не меньше чем Повелитель Стихии, для него мои змеи были словно безвредная мошкара, а мои удары словно удары младенца, но думаю, я всё же слишком хорошего о себе мнения.

Сойдёмся на том, что он был просто силён и свеж, а я уже слишком вымотан битвой и ранами.

Небо было всё так же бездонно, но теперь к его бездне добавилась и бездна алой боли.

Я корчусь на песке, а голос над головой полон яда:

— Ублюдок Феникс, как иронично, что ты в итоге сдохнешь в огне, стихии своего основателя.

Я, пробитый в нескольких местах каменными остриями, которые пригвоздили меня к песку, лишь растягиваю губы в ухмылке и пытаюсь влить остатки сил в кольцо.

Нет, не сменить сломанный Пронзатель на копьё, а достать кисет. Но этого у меня не выходит. Ещё вдох я пытаюсь, стараясь не кричать в огне, что охватил меня, а затем сдаюсь:

— А-а-а!

Ору от боли, ощущая, как снова пузырится лицо, и делаю то, что делал последний раз в подземелье Тёмного — сжигаю жизнь, разменивая её на силу и, наконец, проламываю ту странную преграду, что не давала мне дотянуться до кольца. Миг, и я сжимаю в руке кисет.

Ещё вдох я вливаю эту прорву пережжённой жизни в кисет, а затем всё исчезает в ослепительной вспышке.

Глава 16

— Кха-кха-кха!

Несколько мгновений я учился заново проталкивать воздух через сожжённое горло, учился заново дышать, уговаривая тело, что больше в нём нет лишних дыр в груди, а лицо больше не пузырится, сползая с меня.

Справившись, сделав полноценный вдох чистого, прохладного, не отдающего нестерпимой вонью палёного мяса воздуха, выпрямился и наткнулся на ледяной взгляд духа. Сразу замер. Как-то и без подсказок понял, чем вызван этот обжигающий лёд. К чему я в испытании Стражей использовал Призрака? Неужто к моей жажде схваток добавлено и безумие? Где тот мальчишка, что просчитывал каждый свой шаг в безымянной деревне, строя план мести? Там за два года никто не заподозрил, что я двигаюсь по пути Возвышения, теперь же я словно самый упёртый искатель, только и ищу, как надёжней потерять свою пустую голову.

Дух медленно, делая паузы между словами, произнёс:

— Испытание... пройдено. Результат — высок... — дух снова запнулся, я отчётливо увидел, как у него дёрнулась щека, а затем он буквально выдавил из себя другое слово... — вы-со-чай-ший.

Я же вдох уговаривал себя, будто одно то, что я прошёл, что дух прикрыл глаза на Призрака и, вообще, о нём молчит, уже хорошо для меня.

Не справился.

Со всем остальным я не стал бы спорить никогда, принимая результат испытаний. Но неужто я в этой схватке выложился не на полную? Неужто я в этот раз сражался хуже, чем в прошлом испытании? Неужто я...

К дарсу. Я не сдерживал язык даже перед духом города Тысячи Этажей и не изменил там себе, неужто буду молчать здесь, в Испытании давно разрушенного Зала?

Разжал стиснутые зубы и заявил:

— А мне казалось, будто духи Испытаний бесстрастно оценивают результаты участников.

Дух невозмутимо предложил:

— Если у шэна есть сомнения в этом, то он всегда может обратиться к реолу Зала.

А вот у меня дёрнулась щека, и я презрительно хмыкнул:

— Смешно.

— Смешно? — неожиданно вспыхнул злостью дух. — Смешно приходить ко мне, шэн! — на поднятие ранга, скрывать свой талант! — а затем усмехаться мне в лицо!

Я прищурился, пытаюсь уловить суть этого крика:

— Поднятие ранга? Талант? Усмехаться?

Вдох дух прожигал меня взглядом, а затем склонил голову, пряча его:

— Прошу простить меня, шэн Наказующий, вероятно, я ошибся. Сейчас мы продолжим.

Вот только я не собирался отступать, настолько меня задело то, что меня послали к реолу Зала. Куда? В прошлое?

— Разумеется, ты ошибся, дух. И раз уж ты заговорил, как обычный человек, то ответь, ты осознаёшь, что с момента нападения сектантов миновало четыре сотни лет?

Дух вскинул голову, ожёг меня взглядом, в котором не осталось и следа былой бесстрастности:

— Разумеется, осознаю, что за странный вопрос, шэн Наказующий?

Я тоже окончательно устал держать себя в руках и, подняв руку, с ожесточением потёр бровь. Вздохнув, предложил:

— Давай по порядку. Почему Наказующий, а не Страж?

— Какие странные вопросы, шэн, разве не для повышения ранга Наказующего вы прибыли сюда из Первого пояса?

Я хмыкнул:

— Ну да, четыре сотни лет ждал, когда же выдастся удачный случай.

Глаза духа вдруг стали ярко-голубыми, нечеловеческими, такими, какими я видел их только у големов города Тысячи Этажей и его духа. Одновременно меня кольнуло в спину Прозрение, недвусмысленно намекая, что кто-то, как будто был большой выбор этих кого-то, охвачен жадой убить меня. Но я даже шевельнуться не смог, стиснутый со всех сторон ставшим твёрдым как камень воздухом, как не мог и вдохнуть, сказать слова, вскрикнуть.

Всё это не продлилось и вдоха и исчезло, а я стал свободен. Глаза духа же снова стали обычными, карими, почти человеческими, а сталь Прозрения на моей спине исчезла. Дух качнул головой и упрекнул:

— Шэн, ваши шутки очень неуместны. Ваше кольцо не содержит ничего, что было бы запрещено, даже флаг Призрака и кинжалы можно отнести лишь к трофеям Стража, записи об убитых сектантах подлинны, их тренировочные образы подлинны и сняты в момент смерти, слова духа Каори также проходят все проверки, как и метки выполненных заданий. Костный возраст чуть больше двадцати, возраст души соответствует, отличаясь незначительно, есть странные, гораздо больше нормы отличия в меридианах и строении органов, но нет ни следа воздействия запрещённых техник Возвышения, пилюль эссенции жизни или души, лишь следы обычных эликсиров Ростка, Небесных Слёз, Стихиальных. Так что нет, вы не житель Альянса и нет, вы не ждали этого удобного случая.

Я изумился:

— Ты что, посчитал, что мне четыре сотни лет!

— В долине были использованы формации искажения силы Неба, — дёрнул щекой дух. — С тех пор я глух и слеп, за исключением зала Испытания и Сердца Зала. О том, что происходит снаружи все эти четыре сотни лет, я могу лишь гадать. Шэн.

— Так и начал бы с вопросов, а не с испытания.

— В первую очередь я выполняю то, для чего был создан, шэн. Это испытание и оно для вас ещё не окончено, раз у вас есть талант Указов.

До меня дошло:

— Так Наказующие это идущие с таким талантом.

— Верно, — неспешно кивнул дух, вновь обретая потерянную бесстрастность. — Это часть клана Феникса на службе Императора, но к Стражам они имеют опосредованное отношение, поэтому мне удивительна ваша просьба, шэн, называть вас Стражем... — дух запнулся, оглядел меня и, вновь проявляя эмоции, неуверенно спросил. — Или вы не хотите становиться Наказующим, а желаете остаться Стражем? Знаете, если ваш талант не очень высок, то я смогу прикрыть на него глаза. Проверим.

— С...

Я даже не успел остановить духа, а он уже исчез. Или я оказался в другом месте, ведь на песке нет ни следа от окованных сталью сапог духа? Ага, переместился из одного Испытания в другое, оказавшись сразу в другом Поле Битвы.

Ладно, что тут за испыта...

Дух снова появился передо мной.

— Нет, я не могу пойти на такое пренебрежение служением. Вы вполне достаточно показали свой талант, я не могу подыгрывать вам, как бы ни было приятно мне снова общаться впервые за эти годы. Испытание было пройдено одновременно с духом бойца, результат — высокий, — сообщил дух, не колеблясь и мига с оценкой.

Я хмыкнул, вспомнив свои разговоры и споры с Седым. Вот и ответ, вот и цена всей моей истинности мастера Указов, я не дотянул даже до высочайшей отметки. Правда, не сильно и выкладывался в начале схватки с сектантами, не так, как в поединке с мастером Указов Жуков или Ян, так что, проведи дух настоящее испытание, глядишь, и дотянул бы до высочайшей отметки. Вот только почему-то мне кажется, будто для истинного мастера Указов всё, что ниже «вне категорий» — слабо и никчёмно.

— Поэтому простите, шэн, но отметка о том, что ваш талант соответствует рамкам требований Наказующих, будет добавлена в ваш жетон и внесена во все архивы братства. — дух снова запнулся, поджал губы и добавил. — Последнее, как только будет восстановлена связь с отделениями братства. Стражи Границ рады, что один из их братьев вырос, окреп и станет служить лично Императору. Строго следи за исполнением законов Империи Сынов Неба, Наказующий.

Всё это звучало очень знакомо, но если много лет назад на меня произвело неизгладимое впечатление подобное, то сейчас...

Сейчас я лишь устало вздохнул и сообщил:

— Империи Сынов Неба нет уже почти четыре сотни лет, дух. Она пала под ударами сектантов.

Дух промедлил с ответом лишь на вдох:

— Для меня это неважно, шэн Наказующий.

Какой интересный ответ. Думаю, Седому бы он понравился. Но я не мог не спросить:

— А что для тебя важно?

— То, что вы следуете к Небу, ведомые только своей честью, то что вы носите на груди жетон ополченца, стали Стражем и защищали границы от сектантов, не используя свой талант во вред ради прихоти или наживы.

Многое в его словах было мне очень знакомо и звучало уже в городе Тысячи Этажей. Но мне было этого мало, поэтому я потребовал:

— А то, где проходят эти границы, неважно? Неважно, почему за четыре сотни лет я первый кто пришёл к тебе? Неважно, что теперь нет отдельных Наказующих и всех, кто носит такой жетон, теперь называют просто Стражами, не обращая внимания есть у них талант мастера Указов и то, что охраняют ли они границы Нулевого? Это важно?

Дух не опустил взгляда:

— Вы не первый, кто пришёл сюда за четыре сотни лет. И даже не второй, так что это уже не делает мне больно... Но... Что такое Нулевой?

Я задавил в себе радость от того, что сумел заставить духа заинтересоваться, поспешно ответил:

— Это то, во что превратился Столичный округ после удара Альянса. Выжженная огнём другого мира земля, песок, угловатый и острый, прах рассыпавшихся зданий и людей, мёртвые земли, где почти нет силы Неба и куда ссылают тех, кто не может следовать по пути к Небу.

— Как это возможно? Пусть выгорел Столичный округ, но формации остальных Поясов должны были уцелеть. Неужели Альянс выполнил свою мечту и уничтожил и остальные Великие Формации Сбора? — дух сглотнул, вполовину тише спросил. — Неужели за границами Зала нет Империи Сынов Неба, а есть лишь Альянс?

— Нет, всё не настолько плохо, — поспешил я хоть немного успокоить духа. — Пояса целы, а Империю Сынов Неба сменила Поднебесная Империя. Но она же изменила и эти твои Великие Формации, — подумав, я признался. — Не могу знать этого точно, а лишь перескажу то, что сам узнал от других людей и из книг. Удар, нанесённый по Столичному, был так силён, что изменил там законы мира, Столичный стал словно бездонная прорва, куда бесследно исчезала сила Неба. Поэтому Рам Вилор, тот, что позже собрал воедино земли павшей Империи, изменил и Формации Сбора. Теперь больше всего силы в Третьем, ставшем столичным и благословенным, Поясе, меньше всего в Нулевом круге, как стали именовать пустыню Столичного.

— Дальше, — потребовал дух, едва я замолчал, переводя дыхание.

Ну дальше, так дальше. Мне не сложно.

Мой рассказ длился и длился. Я редко с кем общался так откровенно. Нет, не то, чтобы я пересказал духу историю своей жизни, как сделал это с Рейкой, но вот откровенно поговорить о Бедствиях, границах Поясов, запретах, налогах с тюремных Поясов, о своём разочаровании от жизни в Пятом поясе... С кем я вот так говорил? Да ни с кем.

А тут дух, который торчит на одном месте, ни с кем необщается, никому об этом разговоре не расскажет, потому что вокруг него уже четыре сотни лет лежат зоны запретов и судя по тому, что я успел узнать за эти полгода о Ян и других местных семьях, ещё сотни две лет продолжают лежать. Так что, это почти тоже самое, что излить душу своему Призраку, только лучше, потому что Призрак мой не может отвечать.

Моя история о новой Империи, Стражах и правилах новой жизни закончилась. Дух молчал, поджав губы и словно уйдя в себя. Не то чтобы я сильно об этом беспокоился, но однажды я уже сталкивался с безумным духом, который не сумел принять новой жизни и, по большому

счёту, особенно вспоминая сталь Прозрения между лопаток, причина немного опасаться у меня имелась. Что запертый в городе Тысячи Этажей, что погруженный в иллюзию испытания, я был во власти духов, которые правили этими местами. Где выход-то из испытания?

Поэтому я осторожно спросил:

— Давно интересно, а в чём отличие тебя духа от тех духов, что управляют городами и Павильонами кланов?

Дух, всё ещё не глядя на меня, безразлично ответил:

— Если не вдаваться в подробности, то я и подобные мне это первые попытки создать идеальных помощников для Сынов Неба, духи городов — это итоговый результат этой работы.

— А если чуть подробней? Ты можешь проявиться в настоящем мире?

Дух усмехнулся, всё же отвёл взгляд от горизонта, взглянул на меня:

— Помнится, первый, кто пришёл сюда после... после случившегося с Империей Сынов Неба, всё хотел утащить меня в жетоне, чтобы я стал его незримым учителем. Это невозможно, шэн. Тот артефакт, перед которым ты сейчас сидишь в настоящем мире, это и есть моё вместилище. Согласись, оно несколько больше твоего жетона Стража.

— Соглашусь, но в Малом Испытании артефакт в виде павильона был меньше.

— И проще был дух, в нём обитающий.

— С этим сложно спорить, он даже не расспрашивал меня о том, что случилось за... Впрочем, — я поправил сам себя, — ему обо всём, вероятно, поведала дух Каори.

Дух кивнул:

— Дух, созданный гранд-реолом Карзоном из семьи Кавиот. Достойный дух, из того, что я о ней слышал. Рад, что её город и она сама уцелела. Когда-то это было одно из самых известных и посещаемых мест в Империи. Так мне говорили, — добавил дух, заметив моё удивление. — Снег, он ведь так редок в Империи. Но сильнейшие духи всегда находились либо в Шестом, на страже границ, либо ближе к столице.

— М-м-м, я мог бы унести тебя...

— Всю формацию? Куда? — усмехнулся дух, — Если по твоим словам вокруг на многие сотни ли лишь руины былого, а путь в другие Пояса теперь...

Дух замолчал, застыл, обратившись в недвижимую, недышащую статую, а затем медленно шевельнул губами:

— Перстень. Перстень, который я посчитал свидетельством доверия к тому, кого готовятся сделать Наказующим. Редкий набор техник Роака, который ты использовал в сражении, флаг Призрака, дух Изард, который в глазах всех ваших современных Стражей сделал тебя преступником,, но не в глазах подобных мне духов испытаний, сотни убитых сектантов на твоём счету и сотни же убитых имперцев.

Дух исчез, появившись уже вплотную ко мне, стиснув моё плечо в стальной хватке:

— Ответь, за что ты убивал их?

Началось, чтоб этих дарсовых духов... Четыре сотни лет в одиночестве не проходят для них бесследно.

Я шевельнул плечом, пытаюсь сбросить хватку духа. Тщетно. Осторожно спросил:

— Кого их?

— Жителей Империи.

Ну, конечно, о ком бы ещё спрашивал меня дух? Твёрдо ответил:

— Они пытались убить меня, я защищался.

— Это не вся правда, — качнул головой дух. — Что же, проверим мои догадки. Прошу простить меня за недозволенное, шэн.

Теперь дух впился пальцами и в другое плечо, через миг он и вовсе упёрся лбом мне в лоб, глаза его вновь засияли, меняя цвет и я снова почувствовал, что не могу даже шевельнуться, моргнуть, вдохнуть, мир вокруг словно замер, время словно замерло, а затем в голове у меня вдруг замелькали воспоминания. Вот я подхожу к Залу Стражей; вот я сражаюсь с големами вместе с Седым; слушаю его рассуждения о природе Неба и его желаниях; мчусь на летающем мече по улицам города Ян, готовясь передать мастеру Указов Ян всю ярость несущихся за мной Сутей Стихий; вот сражаюсь на турнире, защищая Орден Небесного Меча; вот хохочу в бушующих волнах моря Итрей; вот бьюсь с Кровавой Марионеткой на площади секты Жуков и накладываю Указ на старика из этой секты; вот иду по улицам города Жуков, притворяюсь одним из них; вот на берегу моря слушаю уроки старшего Тизиора, а через миг ставлю ему условия, угрожая Фатии; вот бьюсь с сектантами на склонах Хребта Трав; вот спасаю своих товарищей, меняя Путь, заданный духом Изардом...

Моя жизнь отматывалась у меня в памяти, показывая мне сцены прошлого. И боюсь, показывая их не только мне, но и горящим голубым глазам напротив. Но сил ни сопротивляться, ни ужасаться не было. Вернее, силы-то были, но какой с них толк? В этот раз не воздух вокруг меня сгустился каменным пленом, а я сам словно обратился в камень, не способный даже моргнуть, не то что шевельнуться. Даже во мне духовная сила и стихия замерли, застыли во вневременье.

Толку выть беззвучно? Никакого. И я молча, мысленно стиснув зубы, продолжал наблюдать

СВОЮ ЖИЗНЬ.

...я рвался сквозь болотную жижу к горлу комтура Ордена Морозной Гряды Пратия; приказывал умереть сидящим вокруг Ария; слышал, как он сам прокликает меня, сектанта, сжигая своё сердце; медитировал над садом клана Кавиот; стоял над телами Тигров в лесах под Морозной Грядой; бился в кровь со снежинками в коридорах Школы; вбивал в грудь Кардо кинжал; угрожал пыткой старикашке-торговцу; учил Диру правильному Возвышению; швырял камень в спину Пауриту; срывал цветы акации для Лейлы; бездумно пересыпал песок сквозь пальцы, переживая своё унижение; рыдал, глядя, как огонь пожирает тело отца...

— Как я и думал. Что же, да будет так. Испытание.

Я с клёкотом втянул в себя первый за все эти годы глоток воздуха, а затем меня вдруг ударило в грудь и отшвырнуло в сторону, прочь от духа.

Я покатился по каменистой земле, раздирая одежду и пытаюсь остановиться.

К моему потрясению, Опора не сразу далась, но мне всё же удалось использовать её раз, другой, короткими рывками замедляясь.

Я сжался, готовый либо уйти в сторону от жаркого ветра опасности, либо схватиться за оружие. Но ничего из этого не понадобилось.

Понять бы ещё, куда меня закинул этот дарсов дух? Для начала. Впрочем, это тоже глупый вопрос. Судя по его напутствию, туда же, куда хотел отправить всех остальных. В гости к сектантам. Где бы это ни находилось. Клянусь, когда я вернусь, то засыплю вход в его город камнями, чтобы больше никто не сумел стать жертвой его безумия.

Вскочив, наконец, огляделся. Поле. Скучная, полная камней земля под ногами, серо-голубое небо над головой, ни следа гор вокруг.

Что он там болтал про то, будто мне придётся выживать среди полчищ сектантов? Пока я не вижу вокруг ни одного. И кто сказал, что я должен безропотно следовать тому пути, который определил мне этот полубезумный дух?

Сначала на шею вернулись амулеты. Защиты, Тихого Шага и невидимости, разлилось вокруг восприятие.

И только после этого, невидимый и неслышимый, я ушёл Рывком в небо, с высоты оглядевшись вокруг.

Мало что увидел нового, но в одной стороне торчит на горизонте что-то острое, угловатое, слишком правильных очертаний, чтобы быть природным.

Вопрос только в том, мне идти к этой штуке или от неё?

Думал я недолго, вдоха четыре, и отправился именно к ней.

На бегу проверил запас сил. Не то чтобы я много потратил, сопротивляясь ударам голоса духа Изарда, но трети запаса духовной силы как не бывало. Хорошо ещё, что стихии под завязку. Плохо то, что нет меча и приходится бежать, а не лететь. Поначалу обращения Поступи Роака бросали хорошо различимые отсветы на землю, но затем стало светлей, и я понял, что здесь утро, а не вечер, как я поначалу решил.

Эта штука, к которой я бежал, стала ближе, и я с удивлением опознал в ней один из каменных зубцов, похожих на копейное навершие, основу формации границы Пояса, которые когда-то очень хорошо рассмотрел, пройдя чемпионом Арройо буквально в нескольких шагах. Только здесь она явно недостроенная, не доведённая до конца, да и рядом, буквально в нескольких десятках шагов, должны выситься другие основы, составляющие границу Пояса, а их нет.

Остановился в двадцати шагах от зубца. Поверхность его оказалась чуть шершавой, словно недополированной, вокруг в землю были вбиты двумя кругами флаги формаций. Во внешнем тридцать два, во внутреннем восемнадцать. Странно всё это выглядит.

Я бы решил, что так сектанты создают Пробои в Пояса, если бы здесь была настоящая граница Пояса и этих зубцов возвышались десятки во все стороны, а так больше всего похоже на какую-то недоделку. Может, я вообще не прав и это что-то другое, схожее лишь по форме и размеру, потому что иначе не влезают все формации? Какой-то жертвенник, куда сектанты сгоняют жертв, а каменный зубец высасывает из них жизнь? Может, это и есть алтарь, которым меня уже не раз пугали что вживую, что в испытании Миражного?

Я снова ушёл в небо, с высоты двух Рывков оглядывая земли впереди, за зубцом формации.

Там кто-то жил.

Зрение Предводителя позволило мне разглядеть клочки полей, деревья, здания и прочее, но не ответило на вопрос кто там, имперцы или сектанты.

После того как земля ударила в ноги, я пожал плечами. Всё равно это нужно выяснить.

Наручи на месте, доспех на месте, пусть его польза здесь, вне зон запрета не так уж и велика, но ведь спас же...

Я запнулся, борясь с головокружением. Какого дарса? Что это со мной? Мысли путались. Доспех спас меня, это точно, но когда именно? В сражении на площади? Когда я вызволял Гилая? Ну, наверное, тогда, больше негде вроде. Но откуда у меня вообще взялся этот доспех? Что-то я не припомню его среди выданного мне Ксилимом или моих трофеев Поля Битвы...

Поле Битвы...

Я вцепился в виски пальцами, борясь с новой волной накатившей слабости, в уши вдруг

ударил звук лопнувшей струны, и меня швырнуло на колени, заставив упереться в землю руками, чтобы не распластаться окончательно.

Дарсов дух Изард, ты ведь не мог перенестись вместе со мной, верно?

Ты либо оставил во мне подарок, схожий с тьмой Тёмного, а кто знает, на что способны идущие с твоим опытом и силой, либо...

Я ухмыльнулся, выпрямляясь, становясь на одно колено, а затем и поднимаясь на ноги.

Это испытание, да? Всё вокруг ненастоящее, верно?

Ну давай, проверим, что ты здесь придумал для меня. Встав, я вдруг понял, что удар духа не прошёл бесследно — амулет невидимости перестал действовать. С кривой ухмылкой я и вовсе стянул его с груди. Так, значит так, Изард, твоё испытание, твои правила.

Первыми пошли поля. Точь-в-точь такие же, как вокруг Морозной Гряды или Вольного Приюта. Разного размера и формы клочки земли, где либо росло что-то разного оттенка и зрелости, либо голые, перепаханные и оставленные без посева. А затем слева, под тенью раскидистой яблони встретился первый человек.

Я обнаружил его первым, издалека. Он же заметил меня, только когда между нами осталось буквально десять шагов — закашлялся, захлёбываясь молоком, которое пил из высокого и узкого кувшина, выпучил на меня глаза, а через миг вскочил, униженно кланяясь едва ли не до земли.

— Старший! Старший!

Я оглядел его в третий раз. Выцветшая на солнце рубаха грубой ткани, истрёпанная, кое-где с пришитыми аккуратными мелкими стежками заплатками, такие же штаны, запылённые сапоги. Самому мужчине лет сорок, черты лица обветренные, задубевшие под солнцем. Глубина силы не более, чем у слабого Воина, ни следа опасности или печати над головой.

И с ним я должен сражаться? Изард, это даже не смешно.

Если только...

Я отвёл взгляд, двинулся дальше, по дороге мимо крестьянина, каждый миг ожидая подсказки от боевой медитации. Но нет, восприятие Предводителя подсказывало, что тот так и продолжал кланяться мне в спину, разве что молча.

Как странно.

Следующая встреча прошла ярче.

Заметили меня раньше, и почти десяток мужчин и женщин принялись дружно кланяться, хором повторяя:

— Старший! Старший!

Но стоило мне приблизиться на полтора десятка шагов, как один из мужчин с левого края выпучил глаза и заорал:

— Имперец! Бегите! Бегите!

Сам он и ещё один, по годам скорее юноша, чем мужчина, вцепились в подхваченные с земли короткие копья.

Дух Изард, конечно, постарался. Здесь и без этого вопля всё было ясно — над головами этих двух защитников висели печати сектантов.

Только постарался дух как-то глупо. Что эти два Воина могут сделать против Предводителя? Одних змеев...

Змеев? Я снова застыл, пытаясь сообразить, когда сумел так далеко продвинуться в стихии. На реке и водопаде Павильона Здоровья я вроде только разделил стихию на формы, в ледяной беседке Виликор рассказывала мне, что в понимании форм можно продвинуться...

— А-а-а!

Юноша сорвал мне все раздумья, с яростным воплем кинувшись вперёд.

Подняв брови, я наблюдал как он, не используя ни единой техники, бежит ко мне, как пляшет жало его копья.

Хотелось бы сказать, что он крутит им обманные движения, но нет, копьё просто и незамысловато тряслось в его руках, возможно, даже от страха.

— Олер!

Мужик заорал и рванул следом, оказавшись лишь чуть быстрее.

Два вдоха и я сжал пальцами эти две палки, которыми пытались ткнуть в меня.

Оба сектанта пыжились, пучили глаза от натуги, загребали землю ногами, но не могли ни продавить оружие, ни вырвать его.

Изард, это просто смешно. Если тебе уж так хотелось сравнить меня с сектантами, то нужно было сразу кидать против меня каких-нибудь безумных Предводителей, которые с ходу, прилетев на мечях, кинулись бы убивать меня, вопя что-нибудь про то, как они будут высасывать меня на алтаре и превращать меня в ступеньку на своём пути к силе.

Я чуть сжал пальцы и древки копий лопнули, оставляя эту парочку слабосилков лишь с обычными палками.

Уронил наконечники в пыль дороги и погрозил пальцем пятящимся от меня сектантам:

— Не чудите.

Сам же двинулся дальше. И нет, эти тоже не решились ударить в спину, не кинули даже камня. Слабо, Изард, слабо. Такое себе испытание...

Но эта мысль снова заставила меня сомневаться. Изард ненавидел сектантов, если бы он хотел столкнуть меня с ними, то столкнул бы и всё, не стал бы он создавать вот таких глупых, слабосильных крестьян. К чему ему это? Да и момент переноса моих товарищей и меня самого я помнил отчётливо.

Они вернулись в земли Ордена, я же отправился в какие-то земли Итреи, подозрительно схожие по именованию с названием одной из моих лечебных техник. Если дух Изард действительно отправил меня на земли сектантов, то они так и должны выглядеть — удивительно и для меня, и тем более для него. Он считал, что здесь всё заполнено кровожадными чудовищами, а на деле здесь обычная жизнь. Крестьяне выращивают зерно и травы, а то, что их старшие там проводят какие-то ритуалы обмана Неба, платя чужими жизнями за своё Небесное Испытание, это уже другое дело. Есть ли в этом вина этих самых крестьян?

Размышления размышлениями, но я не забывал пристально поглядывать в ту сторону, куда убежали местные и подозрительные точки заметил сразу.

Кто-то мчался в мою сторону, мчался, используя техники.

А вот это уже интересней.

Трое.

Не добегая до меня ста шагов, они разошлись в стороны, разрывая землю своими полными силы шагами.

Один чуть старше меня с тяжёлым, чуть изогнутым мечом дао, другой сильно старше и с копьём, третий что-то среднее между ними по возрасту и с двумя разной длины мечами.

Я замедлился, напрягся, готовый в любой миг вскинуть руку, отбивая наручем первый удар, толкнуть силу в кольцо, доставая Пронзатель, приказать умереть или уснуть, да просто прыгнуть, уходя от удара.

Но вместо этого самого удара со мной... начали разговаривать.

Тот, что старше и с копьём. Остановился в двадцати шагах от меня и упрекнул:

— Имперец, только не говори, что ты не видел границы Пояса. Это наши земли и тебе на них не место.

Я потёр бровь, которая колола палец едва отросшим ёжиком волос. Я, конечно, подозревал из оговорок Клатира, из полных гнева речей духа Изарда, что не так всё просто между Альянсом и Империей. Но, дарс меня и всех этих умников возьми, значит, в тюремные Пояса вы отправляете их охотиться на нас, устраиваете Бедствия, где всякие высохшие, уродливые старикашки наполняют душами убитых свои посохи, а в Шестом поясе, значит, слева наши земли, справа ваши земли и вот так всё просто?

Несколько вдохов я боролся с гневом, который меня буквально душил, а сектанты словно подливали масла в огонь. Только если на похоронах это позволяет сжечь мертвеца без остатка, то здесь и сейчас... Лучше бы они прикрыли свои рты.

— Считаю до десяти, имперец, а потом пинками вытолкаю тебя на ту сторону границы.

— А я бы и не считал, эти имперцы совсем охамели, — возмутился самый младший. — И года не прошло, как они заявили, что нам нужно убираться с наших земель, а теперь они уже пришли даже сюда. Прикончить его надо, в назидание остальным. Раз спустим, другой спустим...

Я опустил руку и растянул губы в подобии улыбки:

— Прикончить? А сможешь?

— Кто это разевает рот, — оскалился парень, — вместо того, чтобы признать вину и бежать, поджав хвост? По голосу слышу, что имперская шавка, но почему такая смелая?

Я уж думал вот, сейчас ещё две-три фразы и они кинутся, но старший вдруг схватился за грудь, засунув руку за пазуху, побледнел и заорал:

— Назад! Назад! На деревню напали!

Тот, что с мечом дао качнулся в мою сторону:

— Ублюдок, он отвлекал наше внимание! Я отрублю ему голову.

— Оставь этого слабосилка! Назад, живо!

Миг и все трое уже бегут прочь, оставив меня хлопать глазами в клубах пыли.

Нет, удивлялся я не тому, что эти Мастера называли меня, Предводителя, слабосилком. Оплётка меридианов не первый год обманывает моих противников о моей силе. Удивлён я другому. Что здесь, дарс меня побери, происходит? Я понимаю всё меньше и меньше, и, пожалуй, не откажусь глянуть на всё это поближе.

Я влил силу в Поступь, сорвавшись вслед за сбежавшими сектантами.

Бежать пришлось прилично, как раз до тех домишек, что я видел сверху.

Здесь уже пылало и дымило. Куда-то бежали мужчины и женщины, дети и старики. Ничем совершенно неотличимые от обычных крестьян Морозной Гряды или Вольного Приюта. Ну, разве что над некоторыми нет-нет, но висели печати Указов непривычной формы.

Ан нет.

Я замер, наблюдая за обычной телегой, набитой скарбом, вернее, за теми, кто её тянул.

Люди. Вроде как. Но покрытые пылью, в грязных штанах, с давно нечёсаными волосами, в которые были вплетены какие-то кольца. Кольца висели и в носах у каждого, грубо кованые, позеленевшие от старости. Кроме того, над каждым из этой четвёрки, что были запряжены в повозку, ярко светились сектантские Указы, где нет-нет, но вспыхивали символы.

«Сектанты», — напомнил я себе. Или ты, Леград, думал, что тут всё мирно и просто ковыряются в земле, а имперцам грозят пальчиком? Крестьяне ни в чём не виноваты, это всё их старшие, да?

Любуйся теперь, какие не такие эти крестьяне, чем они пользуются вместо ящеров и быков.

Марионетками, людьми, которых Указы заставляют повиноваться слову хозяина.

Каждый из них на уровне сильного, возможно, даже пикового Воина, каждый из них мог бы тащить за собой эту повозку, не сильно обращая внимания на её вес. Или тащить плуг, с утра до позднего вечера.

Неплохо они тут устроились, в своих сектах. Зачем поднимать своё Возвышение, если можно получить в марионетки вот таких здоровяков?

Мужичок, что сидел на повозке, заорал, складывая перед собой руки в умоляющем жесте:

— Давайте милые, быстрее, быстрее!

Марионетки и правда с каждым шагом тащили повозку всё быстрее и быстрее. Через десять вдохов я уже удивлялся не их виду, а тому, почему повозка не разваливается, подпрыгивая на ухабах, а с её задка не падают на землю пять испуганных детей.

Помедлив, отвернулся. Не время и не место для того, чтобы причинять справедливость. Пусть спасаются.

Двинул туда, куда и хотел изначально — на шум схватки.

Впрочем, нет, схваткой это назвать было сложно. Избиение.

Здесьние защитники, пусть их и было больше десятка, да при пяти вооружённых марионетках, являлись всего лишь Мастерами, к тому же не самыми умелыми.

И хотя избивали их всего двое, это ничего не меняло.

Предводители. Молодые парни, вряд ли старше двадцати пяти лет каждый.

Изначально их прилетело трое, но если двое спрыгнули с мечей, оставив их стоять, вбитыми в землю, то третий так и висел в двадцати шагах над схваткой и орал сверху:

— Дай коротышке по башке, чтобы меньше умничал! А бабу подколи, подколи в зад ещё раз, она так забавно прыгает.

Его тут же обнадёжили:

— Сейчас, сейчас, господин!

И впрямь, этот, висящий в воздухе, одет дороже всех. Даже не нужно вспоминать нравоучений Рейки о тканях и их отличии, золота на шитье своего халата он не пожалел, ещё чуть и его было бы больше, чем шёлка.

«Господин» напыжился, надул щёки и гневно заорал:

— Что ты творишь! Веселье только начато! Не смей портить мне эту поездку!

— Простите, господин, рука дрогнула.

Я опустил взгляд и невольно прищурился. Оправдывался слуга за то, что снёс голову одному из сектантов.

— Ублюдки! Имперские ублюдки! Мы слабая секта, к тому же всегда чтившая договор! Вы сказали покинуть империю, наши предки покинули её. Вы сказали, что здесь будет новый Пояс, мы молча ушли на новые земли. Но даже нашему терпению есть предел!

— Рой, ты слабо дал коротышке по башке. Он орёт, не слышишь?

В ответ «господину» хохотнули:

— Или дал слишком сильно и отбил ему всю осторожность, господин. Сейчас проверю и то и то, господин, и заткну его.

— А кто это у нас не участвует в веселье, а только подглядывает?

Щеку обдало тёплым ветром, и я сделал шаг в сторону.

Угол домика, за которым я стоял и наблюдал за происходящим восприятием Предводителя, разнесло в щепки.

«Господин», отправивший в меня технику, опустил руку и захохотал:

— Охо-хо-хо! Отлично! Замена выбывшему, и шустрая замена, отмечу. Самое то для забега. Ставлю сотню духовных камней, что этот будет в троице выживших к концу. Кто забьётся со

мною?

— Аха-ха-ха! — тут же в два голоса захихикали слуги. — Господин, трудно соревноваться с вами в остроте взгляда и умении заглянуть в суть человека, но я рискну, ставлю десять камней на то, что он сдохнет раньше, чем добежит до граничного камня.

Я потёр лицо. Каких только ублюдков не подсовывает мне на пути Небо.

Один из слуг вальяжно двинулся ко мне, на середине пути замер, сглотнул, а затем попятился и хрипло заорал:

— Господин! Господин! Проблема!

— Что ты орёшь? — стоящий на мече «господин» в вышитом халате напоказ поковырял пальцем в ухе.

— Господин, взгляните на этого человека ближе! Быстрее, господин!

«Господин» прищурился, скользнул на мече вниз и вперёд, а затем выдохнул:

— Ха! Только расправивший пёрышки Феникс. С одной стороны, неприятность, здесь ты прав, Рой, с другой, счастливая встреча, посланная мне самим Небом.

Я изумлённо вскинул брови. Феникс? Как он это...

Через миг вопрос отпал сам по себе — за спиной «господина» протаял из пустоты голубой... дракон. Два крыла, зубастая пасть, шипы и прочее. Не очень похоже на то изображение, что я видел в книгах, но ошибиться невозможно.

Раз я вижу дракона, то они все видят...

Косой взгляд себе за спину подтвердил догадку — там сиял Феникс с одним пером.

«Господин» тем временем самодовольно вещал, нестерпимо напоминая то ли Виргла, то ли Агоста Тамима.

А вещал он, тыкая в мою сторону пальцем, весьма интересное:

— Сейчас ты поучаствуешь в нашей забаве, Феникс, а затем, когда я скажу, что сектанты в очередной раз нарушили договор и попытались вернуться на потерянные земли, ты подтвердишь мои слова перед своими старшими.

Я, стараясь говорить спокойно, спросил:

— А если нет?

«Господин» пожал плечами:

— Тогда придётся рассказывать, что мы увидели признаки сражения, ринулись на помощь, но успели только отомстить за юного и слабого Стража Границ, который переоценил свои силы, сцепившись с нарушителями этой самой границы. Но для начала, я всё же попытаюсь тебя переубедить. Рой, ну-ка, вразуми этого глупца.

Рой, который совсем недавно пятился от меня, заметив моего Феникса, довольно оскалился и шагнул вперёд. Как его воодушевила поддержка «господина». Я тоже попытался вразумить их:

— Если меня убьют, то Нефрит Души...

«Господин» перебил меня, не дав даже договорить:

— Неприятно, но спасибо, что предупредил. Рой, сначала Нефрит.

— Да, господин.

Я покачал головой. Дракон — это же клан Вилор, верно? Ох и хороший же клан у того, чьими подвигами я когда-то зачитывался.

Кулак Роя я поймал в ладонь, а затем медленно стал сжимать пальцы. Удар меча сначала блокировал наручем, а через вдох перерубил чужую сталь Когтём. Едва Рой дёрнулся, вырываясь, отпустил и предложил, глядя вовсе не на него:

— Попробуем ещё раз поговорить? Я не такой уж и слабак, как...

И снова «господин» не дал мне закончить:

— Ах вот оно что. Так ты не чистокровный Феникс, а из тех отщепенцев, что не сбежали с родным кланом на архипелаг, ты ублюдок Роак, отказавшийся от крови. Тебя и вовсе нечего жалеть, ты немногим лучше ублюдков из Альянса. Слуги, убейте его!

У меня, конечно, глаза только и делали, что становились шире от каждого нового откровения «господина», но вот времени на то, чтобы уложить всё это в голову, у меня уже не оказалось — воздух вокруг уже обжигал, а между лопаток напротив, колело холодом, и я рванул в сторону, завершая Единение, толкая силу в Панцирь, выпуская змеев и доставая Пронзатель.

Ах да, ещё вопя во всё горло:

— Бегите!

Как бы не так. Эти тупые сектанты попытались помочь. Помочь в сватке против трёх Предводителей, словно позабыв, как их только что гонял ради смеха всего один.

Впрочем, тупыми здесь были не только они, но и «господин», который до последнего не верил, что я осмелюсь поднять на него руку.

Стоя над его окровавленным телом, в окружении двух выживших сектантов, я лишь покачал головой. Куда ты меня отправил, дух Изард? Рад ли ты тому, что случилось? Этого ли ты хотел?

Мир мигнул, дрогнул, сменяя руины горячей деревни на бескрайний песок и духа передо мной.

Другого, незнакомого мне духа, не Изарда.

Мгновение я удивлённо пялился на него, пытаюсь понять, почему мне так знакомо это место и почему я так уверен, что передо мной дух? Знакомые сапоги со стальными носами, кстати, как и броня...

Меня согнуло, бросило на колени, в виски впились ледяные спицы, раздирая голову болью и возвращая воспоминания.

Я выронил Пронзатель, стиснул голову ладонями, сжал её, пытаюсь не дать ей лопнуть, пытаюсь уложить в ней то, что я только что был в испытании, а не в землях Итреи, что в землях Итреи всё прошло по-другому, что именно тогда всё было по-настоящему, а сейчас нет. Что именно поэтому здесь и сейчас говорили про Фениксов и Роаков, просто потому, что дух испытания, четыре сотни лет не знавший, что происходит снаружи, не мог дать им других образов, а мог вложить лишь то, что знал в те, прежние времена.

Я справился с болью, с воспоминаниями, уговорил себя в том, что было, чего не было и поднял взгляд с песка на духа.

Или он мог вложить другое? Я ведь немало успел ему рассказать, ещё больше он сумел увидеть в моих воспоминаниях, где вместе со мной прожил всю жизнь в землях Итреи. Почему дух выбрал это место, этих сектантов, которых и сектантами трудно назвать и этих драконов, которых так и хотелось прибить? Чего он добивается?

Дух поймал мой взгляд и довольно кивнул:

— Испытание пройдено. Я мог бы воспользоваться тем, что у меня нет связи с другими архивами братства и оставить тебя Стражем Границ, но ты под властью реола Маорса и приказов, которые его именем отдал дух Изард. Я мог бы сделать вид, что связь есть, а все проблемы за пределами Зала меня не касаются и назначить тебя Наказующим, закрыв глаза уже на то, что ты попадёшь после этого под власть современных тебе Стражей, которые сейчас лишь множат свои преступления вместо исполнения долга. Я мог бы предложить тебе стать Защитником Равновесия, так как ты достойно прошёл испытание, но что в этом толку, если за тобой нет ни сил, ни возможности, а этот путь приведёт тебя либо к одиночеству, либо к быстрой смерти? Вместо этого я спрошу — хочешь стать свободным ото всех, получить право самому решать свою судьбу и судьбу братства Стражей?

...

Шагая по коридорам к выходу, я продолжал думать.

Как смешон я был со своими планами.

Отправиться на земли Мадов и там бить морды всем встречным. Выливать на них помои сплетен и обид, а затем орать: «Встреть мой кулак своим кулаком»! Мелко, по-виргловски. Хорошо бы я был, брат Говорящей с Небом, который только и сумел придумать, что задирать и оскорблять других.

А вот то, что предложил дух — вот это цель. Вот это путь. Шестой пояс, да? Свобода от власти духа Изарда-Маорса, по чьей воле мой герб то выгорает, то возрождается, свободу от старших Стражей, которые наказали Клатира и могут меня для чего-то использовать. Свободу даже от...

— О чём ты думал, когда туда пошёл? О чём? Мальчишка, начитавшийся пафосных историй о Стражах. Думаешь, что Стражи будут использовать твой талант для того, чтобы сделать Империю лучше? Наивный. Будешь бегать, как...

Я поднял голову, оглядел Седого, который красный от гнева, читал мне нравоучение перед воротами в Зал Стражей, с той стороны сияющего алым Феникса и перебил его:

— Сед... Аранви, а что ты там говорил о том, чтобы возродить Орден Небесного Меча? Это же нужно будет начать в Шестом поясе, верно?

Седой запнулся, моргнул несколько раз и недоумённо спросил:

— Что? Теперь-то какая разница?

Я широко и довольно улыбнулся:

— О нет, разница есть, и большая, поверь.

Эпилог

— Да как так-то! Как так, а?

— Ну вот так, — буркнула Илимия.

— Да я!

— Что ты? — зло переспросила Илимия у бушующего Морта. — Пустишься в погоню за двумя Властелинами, один из которых точно сильнее тебя, да и насчёт второго есть вопросы?

— Жалкий...

Илимия перебила:

— Снова жалкий, да небось и ублюдок? — желчно добавила. — Морт, ты для начала определись, кто он, жалкий ублюдок или Властелин.

— Одно другому не мешает, — отрезал Морт. — И да, в любом случае он жалкий. Скрывать свою силу, выдавать себя за Предводителя, что может быть унижительней?

Илимия со стоном прикрыла лицо ладонью. Несколько раз вдохнув, опустила руку и принялась цедить слова:

— Он убийца, чего ты от него ожидал? Он убийца, который выполнил всё, за чем пришёл сюда, да вдобавок ещё и положил в карман половину казны пусть и мелкой, без единой звезды, но полноценной фракции. Знай люди его настоящее имя, о нём бы начали шептать байки по половине таверн Пояса. Люди брата Золиса, кстати, уже это делают, им и имени не нужно.

— Он же их и ограбил!

— Ограбил он Ян, а они теневики, сами воры.

— Теперь они часть нас! — возмущился Морт, заставив Илимию скрежетнуть зубами.

— Морт, ты вроде славился своими приступами бешенства, а то, что я вижу перед собой сейчас, больше похоже на истерику какой-нибудь моей соплячки. Что с тобой... — Илимия запнулась, вздёрнула одну бровь. — Да ладно? Вот так всё и закончим? Казны мало, техник мало, город в руинах, разбегаемся? Пусть все смерти наших братьев окажутся напрасны? Пусть Арек ока...

— Закрой рот! — прорычал Морт.

Сжав кулаки, он закрыл глаза и застыл, часто дыша. Илимия медленно покачала головой, но фразу продолжать не стала. Исчезнувшие клинки Прозрения ясней ясного говорили, что Морт со своим бешенством справился.

Открыв глаза, Морт прошипел:

— Надеюсь, Иглат догонит их, выпотрошит и бросит подыхать в песках. Ты же хороших следопытов дала ему?

— Хороших, — коротко ответила Илимия.

И не стала говорить, что у неё своё мнение на счёт погони Иглата. Время, которое Страж подарил беглецам, было бесценным, а уж в возможности старого, опытного ордена и удачливого убийцы она верила больше, чем в силы своих людей и Иглата. Людей она выделила хороших, но большая часть их таланта это следопытство, а никак не битва и Возвышение. Да и Возвышение не так уж важно в тех местах. Пиковый Властелин Духа, возможно даже уже сделавший полшага к этапу Повелителя Стихии — это немислимая сила, но что останется от неё в зонах искажения Поля Битвы?

— Итак, сестра, — внешне спокойно начал рассуждать Морт, — мы получили в свои руки город. Он в руинах, три четверти запасов духовных камней Ян мы сожгли в битве, половину казны вообще стащили, и в ней видно дно, брат Виин мёртв, и у нас теперь нет того, кто должен был давать нам мудрые советы и оживлять торговлю города. Что со всем этим делаем?

Илимия лишь хмыкнула, оценив желчь в словах Морта. Пожала плечами и ответила тем же:

— Работаем. Наша мечта осуществилась, над нами больше нет тупых Ян. Теперь нужно лишь проверить, так ли уж умны окажемся мы сами.

— Да ты, — Морта перекривило, но он справился с собой, негромко поинтересовался. — Насколько прикроет нас Страж?

— Если ты думаешь, что он мне хоть слово лишнее сказал, то ты ошибаешься. Работаем так усердно, как будто никакого Стража у нас в запасе и нет. Это лучшее, что я могу тебе посоветовать, брат.

— Ну, сестричка, — Морт явно хотел добавить что-то ещё, но проглотил продолжение. Скрипнув зубами, сообщил. — Я вниз. Организовывать стражу и прочее, как мы изначально договаривались.

Илимия проводила взглядом его спину и вздохнула. Ну, конечно. Настоящий мужчина, взял себе ношу по силам и сбежал. А ей, значит, заменять всех тех, кто погиб? Где Золис, сколько можно латать раны? Где все остальные? Ей что, искать их по тавернам и бабам?

*

— Реол Брамут...

Почти тут же раздался ответ:

— Входи.

Керос Тройло толкнул двери обители своего командира.

Пройдя двадцать шагов, остановился там, где в узор пола был вплетён алый круг. Встав точно в центр круга, склонился в приветствии:

— Керос Тройло приветствует старшего.

— С чем пожаловал?

Тройло поднял голову. Реол сидел в стороне от рабочего стола, на невысоком мягком кресле и держал перед собой чашку чая, наслаждаясь ароматом напитка.

— Небольшое происшествие в землях Пятого пояса. Я дал возможность воспользоваться

поединками Силы, и там сменилась фракция.

— Ближе к делу, не трать моё время.

— Там я столкнулся с одним из распущенного ордена. Я, — Тройло запнулся, несмотря на то, что готовился к этому разговору едва ли не половину дня. — Я знал его, когда-то награждал за победу в турнире и придержал пикового Властелина из клана Эрзум, который нарушил положение о равновесии, воспользовавшись лазейкой приглашения, и хотел его убить.

— Это твоё и только твоё дело, — безразлично ответил реол, не подняв глаз от чая. — У всех из нас есть долги, свои желания и предпочтения. Мне не за что укорять тебя.

— Благодарю, старший, за понимание. Но есть вещь, о которой я не могу молчать и должен вам сообщить.

Реол закончил вдыхать аромат и сделал первый глоток, прикрыв глаза от наслаждения. На несколько вдохов повисла тишина. Когда же реол открыл глаза, то коротко приказал:

— Должен, сообщай.

— Член распущенного Ордена бежал не один, а прихватив с собой Предводителя. Сначала я не заподозрил ничего, ведь лишившись земель, своих учебных заведений и доступа к Поднебесной Академии они вернулись к древней практике учитель-ученик. Но затем, пока проходили схватки Силы, всплыли странные слухи. Местные не знали, что он ученик орде... — едва не дёрнувшись от жалящего взгляда реола, Тройло поправился, используя нужное иносказание, — ученик этого человека. Зато были уверены, что он посланник какого-то Глаза, прибывший в город, чтобы наказать фракцию Ян за срыв каких-то поставок.

Реол кивнул:

— Занятно, ты прав.

— Я прошу старшего освободить меня от служения на месяц.

— Хочешь войти на Поле Битвы и догнать их?

— Нет, старший, — покачал головой Тройло, — я догадываюсь, куда они выйдут после побега и хочу дождаться их в нужном городе.

— Лично? — вскинул брови реол. — Думаешь, твой приказ о встрече проигнорируют? Фракция из первой полусотни?

— Не совсем старший, я лишь...

— Неважно, — скривил губы реол. — Мне нет дела до одного странного ученика твоего восставшего из прошлого знакомого. В каких только выгребных ямах не находят себе

учеников эти преступники. Лучше отправься в Шестой пояс, поройся в тайнах старших из них. Если они настолько изменились за минувшие годы, что спелись с Глазами, то ты должен это выяснить. Если среди них раскол и этим занялась лишь часть комтуров, то ты тоже должен это выяснить. Не церемонься, — реол впился взглядом Тройло и тяжело, с угрозой, которая в случае Повелителя Стихии буквально сгустилась в воздухе, спросил. — Надеюсь, там ты снова не встретишь тех, кому тоже вручал награды на турнирах?

Тройло не опустил глаз, хотя далось это ему непросто. Ответил, показывая, что осознал намёк:

— Нет, не встречу, реол.

— Раз ты всё понял, то отправляйся сейчас же.

Реол снова вернулся к чаю и наслаждению его вкусом и ароматом ещё до того, как Тройло развернулся и сделал первый шаг прочь. Реол и не подозревал, что совершил сейчас одну из своих самых больших ошибок в жизни, проигнорировав выходца из Ордена и его «ученика», сбежавших в пески Поля Битвы. Но если Небо наградило идущих Прозрением, которое подсказывало, когда кто-то желал их убить, то про ошибки оно подсказок не давало. Хотя... иногда... Да, иногда случалось разное.

*

Далеко-далеко от реола, его чая, земель Пятого и изумлённого вопросом Леграда Аранви, в пышущих жизнью землях Четвёртого пояса в огромном, цветущем саду сидела в позе медитации юная девушка.

В это мгновение она открыла зелёные глаза, улыбнулась и выдохнула:

— Началось.

Стоявшая ближе всех телохранительница согнулась в поклоне:

— Да, госпожа, к вам глава с визитом.

Лейла лишь улыбнулась шире. То, как окружающие часто трактовали её слова, подгоняя их под своё видение и ощущение мира, под то, что было доступно им здесь и сейчас, было... Забавно, а иногда и интересно. Как интересен будет и этот, сегодняшний визит.

Глава клана Небесного Мада выглядел, словно мужчина лет тридцати. Широкоплечий, с мощными руками, с гордо поднятой головой, с копной непослушных длинных волос иссиня-чёрного цвета. Ему не нужно было ни разрешение Лейлы, ни что-то другое, чтобы появиться здесь. Обычный, пусть и нечастый визит вежливости к одному из могущественнейших и редчайших ресурсов клана.

В пяти шагах от Лейлы он остановился, коротко кивнул:

— Говорящая.

Лейла ответила так же коротко:

— Глава.

— Всё ли устраивает тебя?

Обычно ответ Лейлы был так же пуст, как и вопрос. Но не сегодня, нет, не сегодня.

— Не всё.

— Рад... — начавший привычный ответ глава Мадов сбился, недоверчиво переспросил. — Что?

— Помнит ли глава мою просьбу не разыскивать моего брата?

— Разумеется, помню, Говорящая.

— Тогда вы не будете удивлены новости о том, что Мауст половину малой палочки назад повздорил с молодым драконом. Это была интересная схватка, но, к сожалению, Мауст переоценил свои силы и зря настоял на схватке насмерть.

Глава Мадов стиснул сначала зубы, а затем стиснул в кулаке Нефрит Голоса.

— Хранитель нефритов, что с нефритом Мауста?

— Глава, он только что треснул. Его убил...

Глава Мадов уже не слышал ответа, выпустив Нефрит Голоса из хватки и впившись взглядом в свою Говорящую.

Сотни мыслей металась у него в голове, яря и будоража кровь того, кто оставался по своей сути Зверем.

Вот, значит, как? Ни на один его вопрос за все это время он так и не получил ответа, зато то, что интересно этой соплячке...

Поверить в то, что эта смерть — случайность? Кто в такое поверит? Полный дурак? Он же не дурак.

Кто здесь глава второго по силе клана в Империи? Он, зубами и когтями, силой и хитростью проложивший себе путь к этому месту, или эта... Говорящая, которая только что прямо при всех подчинённых наказала его, поставив его ниже себя?

Какое Небо! Какое ему дело до того, ищет кто-то этого Лиграда или нет? Эта мелкая сучка решила, что так хочет, и попросила Небо.

А хоть одну его просьбу она выполнила? Ответила хоть на один вопрос? Дала хоть одну подсказку?

Он так радовался, когда заполучил Говорящую, так радовался, что теперь на одной ступени с самим Вилором. Ещё немного, ещё чуть и достижения великого предка уже не казались такими недостижимыми, но...

Сегодня клан ослабел. Сегодня он, его глава получил щелчок по носу, словно неразумный щенок.

Впервые глава Мадов задумался о том, что не так уж и много выиграл клан, заполучив себе свою Говорящую с Небом. Заполучил ту, кто говорит ему, что можно делать, а что нельзя?

Ладно бы это были советы о том, как стать Небесным Воином или... Но это... Это...

Ему на глазах у подчинённых указали его место, так, как он сам делал не раз с провинившимися. Его...

Глава клана Небесного Мада не удержал свою звериную часть, позволил ей вырваться наружу. Не только гневным рыком, не только злобным оскалом, но и частью его мощи, мощи главы второго по силе клана Поднебесной Империи.

Мир расколол звон лопнувшей струны, выпуская гнев главы Небесных Мадов.

— Глава! Господин! Старший!

Несколько криков слились в один, когда телохранительницы Говорящей с Небом рванули вперёд. Видимые и невидимые, не ожидавшие нападения от своего главы, они сделали то единственное, что успевали — закрыли свою госпожу телами, Духовной Защитой и стихией.

От главы Мадов одновременно со звуком во все стороны рванула волна силы, коверкая мир, разрывая его своей мощью. Духовная сила, стихия, проявление сути стихии, духовный удар, давление души Повелителя Стихии десятого испытания, всё это вырвалось из его тела.

Его сила корёжила каменные плиты, делала воздух ядовитым, наполнила его тысячами бритвенно острых пылинок, что вспарывали доспехи телохранительниц словно бумагу, расчерчивая их тела кровавыми линиями.

Те успели встать в три ряда, подпирая друг друга уже своей, тоже выпущенной на свободу силой. Никто не успел исполнить ни единой техники, так быстро всё случилось.

Но они выполнили свой долг.

До Лейлы докатилась лишь сотая часть выплеснутой главой Мадов силы, если не меньше. Волна воздуха рванула её платье, накатило мгновенное головокружение, а три бритвенно острые крупинки распороли коврик, на котором она медитировала.

— Глава! Господин!

Глава Мадов через вдох сумел подавить свой гнев, втянул в себя свою силу, стиснул зубы, оглядывая раненых подчинённых, сквозь зубы прорычал:

— Р-разошли-ись.

Телохранильницы мгновение помедлили, а затем, помогая раненым, выполнили приказ, открывая сидящую за их спинами невозмутимую Говорящую с Небом, которая сейчас подняла отсечённый силой главы Мадов лоскут коврика и... с интересом его разглядывала.

Глава Мадов внезапно ощутил давно позабытое чувство — холодок в животе. Он только что ошибся. И чудо, или пригляд Неба, что ни одна из проявленных частиц его стихии не попала в Говорящую. Она всего лишь... Что бы он делал, если бы ей рассекло щеку или, что намного хуже, оторвало руку, он даже не представлял, как не представлял и каким бы было наказание Неба.

Но...

Но он хочет увидеть своими глазами, за что он только что заплатил одним из многообещающих талантов, что всё таки получил его клан и чем может быть возмещено его сегодняшнее унижение.

Глухо, с трудом узнавая свой голос в этом низком рычании, словно он наполовину обратился в зверину и постась, глава процедил:

— Через неделю в долине Алой Ар-рники будет собр-рано десять тысяч стр-ражей армии Предела клана. У старейшин давно имелись планы выкопать там озеро, чтобы оживить торговлю для простых идущих в тех краях. Думаю, создать озеро за один день с помощью десяти тысяч стражей и одной Говор-рящей будет интересней, чем скучно потратить на это десять лет и усилия многих тысяч наёмных работников. Я пр-рав?

Лейла помедлила, разжала пальцы, проследив, как кусок коврика свалился ей на колени, и только потом подняла взгляд на главу Мадов.

— Да, это будет интересно. Но всего один раз.

*

— Лир, опустишь, дело есть.

Лир хмыкнул под нос, но просьбу выполнил, заставил меч снизиться, нырнуть под кроны деревьев и замереть рядом с Самумом.

— Слушаю.

— Помнишь странную проверку, когда мы здесь только оказались?

— Возраст, талант и Возвышение? Не назвал бы её странной.

— Нет, я про вопросы о фракции, к которой мы относимся.

— Тоже не вижу ничего странного.

— Ну да, — покачал головой Самум. — Как скажешь. А помнишь тех наёмников клана Эрзум, что ударили во фланг сектантам в позапрошлой битве?

— И этих помню. Давай ближе к делу, я, вообще-то, занят.

— Дальше нужно показывать. За мной, занятой ты наш.

Самум прыгнул на свой меч и рванул по лесу, с каждым вдохом набирая ход и даже не проверяя, собирается ли Лир следовать за ним.

Сам Лир покачал головой, но всё же отправился следом за товарищем. Лететь пришлось долго, сначала вдоль озера, затем прочь от него, в левую часть долины.

Наконец, Самум замедлил ход, вильнул влево, вправо, словно сам забыл куда нужно дальше, рухнул вниз.

Через три вдоха Лир приземлился рядом с ним.

Могилы. Три могилы, сложенных из грубых камней. И всё бы ничего, если бы не три детали.

Во-первых, место захоронения всех идущих Империи находилось совсем в другом месте, за пределами долины битв. Во-вторых в изголовье каждой из могил был вбит меч. В-третьих на плоском камне у каждой могилы было выбито имя и ранг. Орденский ранг.

— Хочешь сказать, — медленно проговорил вслух Лир, — что эти наёмники из Ордена Небесного Меча?

— Я хочу сказать, что их при мне старейшины называли не только наёмниками, но и преступниками, которые отбывают наказание. А ещё хочу сказать, что здесь всегда — всегда! — сражаются только выходцы из Второго, а значит...

Лир продолжил за него:

— А значит, они просто не могут быть преступниками. У них не было возможности нарушить законы Империи, если только они не бежали с Поля Битвы. Но орденцы Небесного Меча, которые испугались сражения с сектантами?

— Глупость, да? Ну, тебе, когда-то Гарой и приглядывавшему за ними, видней.

Лир качнул головой:

— В этом нужно разобраться.

Самум жестом обвёл могилы:

— Разбирайся.

— Здесь то что я могу разобрать? — поразился Лир. — Имена мне незнакомы, ты сам должен понимать, что я не так долго пробыл в землях Ордена, а по тем наёмникам сразу можно сказать, что они не таланты этого поколения, скорее, предыдущего. Это нужно разбираться не здесь. И вообще, причём здесь я? Это ты ищешь своего названного брата.

— А ты нет?

— Нет. Он мне вообще никто.

Самум не растерялся ни на миг, широко улыбнувшись, просто сказал:

— Тогда помоги мне. С ними. Разве из всех добродетелей ты не ценишь больше всего верность?

Лир перевел взгляд на могилы и, помолчав, негромко выговорил:

— У меня нет твоего таланта располагать к себе людей, как я тебе помогу?

— Это не талант, просто улыбаться нужно людям, и меньше важничать.

— Самум, — устал спорить Лир и попытался вложить в свой взгляд всё, что думал о Самуме.

Вряд ли это его проняло, но он кивнул:

— Ладно. С тебя эти «наёмники», на мне брат, мне не привыкать. Но с тебя всё равно духовные камни.

— А как же улыбаться?

— Улыбкой, вином и духовными камнями можно добиться большего. Я проверял, пока искал его в прошлый раз.

Возможно, если бы их услышал Аранви, он бы довольно улыбнулся, узнав близкую по духу душу, которой просто не удалось вернуть что-нибудь ещё и про женщин. Но он сейчас находился очень далеко, ни вина, ни духовных камней у него не было, а улыбаться Орзуфу у него уже не оставалось сил.